

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Азия и Африка

**в период изменения мировой системы:
история и современность**

коллективная монография

МОСКВА
ИВ РАН
2021

УДК 93:32.001
ББК 63.3 + 66.0
А 35

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И РЕДАКТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ:
д. и. н. А. М. Хазанов, к. и. н. О. А. Ледовская

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
к. и. н. И. И. Иванова, к. и. н. Н. М. Горбунова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:
Д. А. Милеев

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

А35 **Азия** и Африка в период изменения мировой системы: история и современность : (коллективная монография) / Отв. ред. и ред.-сост. А. М. Хазанов, О. А. Ледовская; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 392 с.

ISBN 978-5-907384-54-5

В коллективной монографии анализируется ряд актуальных тем. Авторы рассматривают региональные политические процессы на Востоке. На страницах монографии авторы показывают соперничество региональных и внерегиональных акторов в Азии и Африке, которое обостряет нерешенные проблемы, споры и борьбу за ресурсы. В книге читатель найдет подробное описание комплекса проблем, сформировавшихся вокруг ближневосточного мирного урегулирования. Авторы описывают региональные и внерегиональные направления энергетического сотрудничества стран — членов ШОС в XXI веке, изучают опыт КНР по преодолению технологической отсталости, показывают перманентный энергетический кризис в ЮАР. Значительное место в коллективной монографии отведено анализу различных аспектов внутренней и внешней политики Японии. Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, студентов.

ISBN 978-5-907384-54-5

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

Научное издание

Подписано в печать 01.09.2021. Формат 60х88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 500 экз. Заказ №
Оригинал-макет подготовлен А.В. Воробьевым и Т.Ю. Денисовой

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12. Научно-издательский отдел. Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в типографии ООО «Пробел-2000» <http://www.probel-2000.ru/>
117587, Москва, ул. Кировоградская, д 5 кв. 343. +7 (495) 287-0619. E-mail: probel-2000@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. Ближневосточные региональные политические процессы в период мировых трансформационных изменений на рубеже XX–XXI вв. (<i>Койбаев Б.Г.</i>).....	35
ГЛАВА 2. Ливан и его роль на Ближнем Востоке (<i>Горбунова Н.М.</i>)...	58
ГЛАВА 3. Власть и исламисты в условиях кризиса в САР (К истории вопроса) (<i>Ахмедов В.М.</i>).....	73
ГЛАВА 4. Суфии и кризис в САР (<i>Ахмедов В.М.</i>).....	86
ГЛАВА 5. О влиянии СССР на развитие национального движения в Иракском Курдистане в 1940–1950-е годы (<i>Миняжетдинов И.Х.</i>)...	95
ГЛАВА 6. Советско-иракские отношения и палестинский вопрос (вторая половина 1940-х гг.) (<i>Миняжетдинов И.Х.</i>)	107
ГЛАВА 7. Израиль, Иран и «Хезболла» (<i>Хазанов А.М., Гасратян С.М.</i>)	121
ГЛАВА 8. Иран и ХАМАС versus Израиль (<i>Хазанов А.М., Гасратян С.М.</i>)	145
ГЛАВА 9. Израиль и Турция: факторы нестабильности отношений (<i>Иванова И.И.</i>).....	167
ГЛАВА 10. Некоторые аспекты социально-политического развития Судана (1950–2020 гг.) (<i>Панфиленко Э.Н.</i>).....	185
ГЛАВА 11. Ливанская диаспора в Сьерра-Леоне, Сенегале и Кот д'Ивуаре (<i>Кириченко В.П.</i>).....	196
ГЛАВА 12. Перманентный энергетический кризис в ЮАР (<i>Скубко Ю.С.</i>)	206
ГЛАВА 13. Региональные и внерегиональные направления энергетического сотрудничества стран – членов ШОС в XXI веке (<i>Печищева Л.А., Мехтиева С.И., Корнеев К.А.</i>)	215

ГЛАВА 14. Пакистан: борьба политической оппозиции против правлящей Пакистанской партии справедливости (2020–2021) (Замараева Н.А.)	233
ГЛАВА 15. Пакистанская рабочая сила в странах Персидского залива (2018–2021) (Замараева Н.А.)	248
ГЛАВА 16. Опыт Китая по преодолению технологической отсталости (Борисова Е.А.)	260
ГЛАВА 17. Особенности внешней политики Японии в 50-х гг. XX в. (Милеев Д.А.)	274
ГЛАВА 18. Новые аспекты японо-китайских отношений на современном этапе (Устинова Т.Н.)	288
ГЛАВА 19. Из истории японо-турецких отношений: Сетаро Нода и Торадзиро Ямада (Ледовская О.А.)	298
ГЛАВА 20. О некоторых проблемах объединения Кореи в контексте трансформации региональной системы международных отношений (Казарьян Р.Л.)	329
ГЛАВА 21. Роль традиций в модернизации стран Востока (Зиганьшин Р.М.)	348
АВТОРЫ	391

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный мир стоит перед лицом глобальных вызовов, протекающих как от объективных факторов, связанных с условиями существования человечества, так и являющихся последствиями деятельности государственных и негосударственных акторов, которые в соперничестве друг с другом порой переходят границу разумности и взвешенности при принятии решений. В последнее время стало трюизмом говорить о наступлении периода изменения мировой системы; события, происходящие на наших глазах, ярко и безапелляционно подтверждают сложившуюся ситуацию кризиса привычной картины мира в международных отношениях. Однако еще недавно под впечатлением краха биполярной системы МО экспертное сообщество заявляло о наступлении монополярного мира во главе с единственным полюсом силы — США. Последние десятилетия XX в. были отмечены выстраиванием союзников вокруг Вашингтона и появлением когорты стран-изгоев, которые не вписывались в американский проект будущего. Страны, не готовые подчиняться внешнеполитической линии США в рамках выстраивания «нового мирового порядка», о построении которого заявляли ведущие политические деятели, рисковали остаться на обочине истории. В начале XXI века стали накапливаться суммы признаков, указывающих на умножающиеся трудности в осуществлении глобального лидерства Соединенными Штатами. Накопление нерешенных международных проблем, начавшееся возвышение КНР, появление «новых вызовов безопасности» — все это явным образом свидетельствовало об ослаблении способности Вашингтона нести бремя ответственности за мир. В научной среде шел поиск адекватной методики описания современных международных отношений, учитывающий изменение роли региональных акторов. В отечественном востоковедении стала разрабатываться концепция многофакторного равновесия международных отношений. Синолог А.Д. Воскресенский, обращаясь к этой теме, отмечает, что «китайцы проблемы мировых трансформаций

ощущают теперь острее, чем другие, в силу неожиданного американо-китайского торгового и научно-технологического противостояния»¹. Доказательно выглядит тезис профессора А.Д. Воскресенского «понимание логики переформатирования стран и регионов — это тоже часть проблематики мировых трансформаций, это процесс, у него всегда есть какая-то цель, но результаты могут быть промежуточными, а сам процесс — состояние постоянного переформатирования»². В современном западном политологическом мейнстриме признается, что «однополярный момент» могущества США прошел. Мир находится в процессе выстраивания новой системы международных отношений с пока не предрешенным результатом. В России, заинтересованной в отстаивании своих национальных интересов с благоприятных международных позиций, предпринимаются усилия по укреплению международного положения. Этот процесс находит отражение в нормативных документах. В Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. дана такая оценка состояния современной системы международных отношений: «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств»³.

Для фаз перехода систем из одного состояния в другое характерно уплотнение и ускорение событий, изменения начинают происходить с нарастающим темпом, что приводит к более открытым позициям игроков на мировой арене. В статье министра иностранных дел С.В. Лаврова, подготовленной для журнала «Россия в глобальной политике» дана более жесткая оценка политики Запада во главе с Вашингтоном: «Наращивая санкции и прочие меры незаконного давления на суверенные правительства, Запад насаж-

дает тоталитаризм в мировых делах, занимает имперскую, неоколониальную позицию по отношению к другим странам: у себя дома внедряйте нужную мне модель демократии, а во внешних делах о демократии не беспокойтесь, мы все решаем сами, ведите себя смиренно, а то накажем»⁴. Далее министр продолжает: «Внедряя свою концепцию “миропорядка, основанного на правилах”, Запад преследует цель увести дискуссии по ключевым темам в удобные ему форматы, куда несогласных не приглашают. Высокомерное отношение к другим членам мирового сообщества оставляет Запад на “неправильной стороне истории”»⁵. О позиции России в решении международных проблем и представлении о будущей системе МО С.В. Лавров пишет так: «Естественной площадкой для выработки общеприемлемых договоренностей является, в частности, “Группа двадцати”, объединяющая старые и новые ведущие экономики, включая как “семерку”, так и БРИКС и его единомышленников. В ряду задач по демократизации международных отношений и утверждению реалий полицентричного миропорядка — реформа Совета Безопасности ООН, который необходимо укрепить за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки, прекратив аномальную перепредставленность коллективного Запада в этом главном органе Объединенных Наций.

Вне зависимости от чьих-либо амбиций и угроз наша страна будет и далее проводить суверенный, независимый внешнеполитический курс и одновременно — всегда предлагать объединительную повестку дня в международных делах на основе реалий культурно-цивилизационного многообразия современного мира»⁶. Для грамотного прогнозирования будущего мировой политики необходимо тщательно анализировать опыт прошлого.

В основу представленной коллективной монографии легли материалы научной конференции, организованной и проведенной Институтом востоковедения РАН. Коллективная монография предлагает читателю разнообразные по содержанию сюжеты, объединенные идеей многомерно показать события, происходившие в различных странах Азии и Африки в период изменения мировой системы. Описываемые события происходили на фоне формирования Ялтинско-потсдамской системы международных отношений

в годы ее расцвета, а впоследствии и краха этой системы. Основной объем монографии отведен под исследования изменений, происходящих в странах Азии и Африки на современном этапе, когда международные акторы находятся в поиске новой формы существования мирового сообщества.

В первой главе проводится анализ ближневосточных региональных политических процессов на рубеже XX–XXI вв. Автор считает, что в период мировых трансформационных процессов, произошедших после распада СССР, развития процесса глобализации несомненный практический интерес представляет анализ того, с каких позиций к началу XXI века выступил Ближний Восток, являющийся одним из ключевых регионов мира, поскольку протекающие здесь процессы в существенной степени влияют на общемировое развитие, на формирование структуры всего мироустройства. Хотя Ближний Восток стал приобщаться к глобализационным процессам, регион отличается крайней неоднородностью, которая характеризуется различными политическими режимами, религиозными взглядами, уровнем развития и другими факторами, что приводит к тому, что оценка влияния этих процессов на эту территорию представляется достаточно сложной. Основные геополитические параметры, которые определяют важность Ближнего Востока: он всегда был местом переплетения различных культур, государств и религий, логистическая значимость перекрестка между различными континентами не потеряла актуальности, добыча органических энергоносителей продолжает оставаться важным фактором мировой торговли. Естественно, высокая геополитическая ценность региона привлекала внимание сверхдержав. В главе отмечается, что США с помощью провозглашения проекта «Большого Ближнего Востока» попытались ускорить насаждение западно-демократических и «однополярных», «американоцентричных» глобализационных ценностей на всей этой обширной территории. С тем, что в большинстве государств Ближнего Востока наблюдается недостаток демократии и сопутствующих ей свобод, согласны многие. Основные споры вызывает то, как изменить подобную ситуацию. Практика показала, что прямолинейная и ускоренная модернизация политического курса в регионе,

предусмотренная в американском проекте «Большого Ближнего Востока», оказалась невозможна. Автор, выявляя острые проблемные вопросы, стоящие перед государствами Ближнего Востока, указывает на то, что до предела обостряются курдский и шиитский вопросы, которые не только влияют на систему безопасности, но и существенно сказываются на геополитических процессах в регионе. Еще одним острым комплексом вопросов, не имеющих очевидного пути решения, являются арабо-израильские противоречия. Он осложнен проблемой возможного распространения в регионе ядерного оружия. Проблемы обеспечения водными ресурсами, продовольственной безопасности, социальное неравенство, региональные интеграционные проекты — вот далеко не полный перечень вызовов, стоящих перед региональными акторами. Развивавшаяся глобализация всесторонне повлияла на ближневосточное геополитическое пространство и специфику политического процесса на фоне высокой степени конфликтности, разобщенности региональных акторов при имеющемся высоком интеграционном потенциале.

Вторая глава позволяет читателю оценить своеобразную роль Ливана на Ближнем Востоке. Это государство, несмотря на скромные географические, демографические, экономические размеры, играет заметную роль в региональных и международных делах. Ливан представляет собой яркий пример государства, где вместе живут и ощущают свое единство люди разных этносов и конфессий, при этом основное население страны составляют арабы. В очерке кратко описана политическая жизнь и самые значимые события, произошедшие в стране за последние десятилетия. Изменения в конфессиональном составе ливанцев (уменьшение доли христиан и увеличение доли мусульман, особенно шиитов) являются главным аргументом борющихся за власть и влияние в стране группировок старых и новых элит. В своем противостоянии они опираются на помощь более сильных государств как на Ближнем Востоке, так и в мире в целом. В главе отмечается, что ввиду своей политической нестабильности Ливан оказался самым слабым звеном в регионе, испытывающим на себе все тяготы противоречий и конфликтов, происходящих внутри страны и в сопредельных странах. Первоначальная и главная причина ливанского

кризиса кроется в отказе христианско-маронитской элиты поделить власть с мусульманским большинством. Зашедшая в тупик война в Ливане в начале 1989 г. заставила международную дипломатию более активно искать пути решения затянувшейся ближневосточной проблемы, палестинского вопроса и связанного с этим ливанского конфликта. Автор акцентирует внимание на важной детали: в годы гражданской войны и раскола общества по конфессиональному признаку стране удавалось сохранять видимость единства ряда государственных организаций. В перечень первоочередных проблем, стоящих перед ливанским государством, входит нерешенность базовых социально-экономических и политических проблем, которая лишь усиливает недовольство общества. Рецепт сохранения государственности в Ливане, по мнению автора, является то, что за все годы существования Ливанской республики ее граждане, независимо от принадлежности к той или иной конфессии или социальной группе, убедились в том, что демократическая система власти в стране дает возможность учитывать их интересы и традиции межконфессиональных связей, вырабатывать взаимоприемлемые решения по выходу из самых трудных политических проблем. Несмотря на то что Ливан является примером развивающегося арабского государства с устойчивыми демократическими институтами, фактор сильной этно-конфессиональной раздробленности общества способен и в дальнейшем вызывать серьезные конфликты.

Третья глава исследует вопросы взаимоотношения власти и исламистских организаций в Сирии в условиях кризиса. Автор делает краткий исторический обзор основных исламистских организаций в САР, анализирует их место и роль в сирийском обществе и государстве. Предложена авторская трактовка основных причин перерастания мирных протестных движений в конфессиональный конфликт. Рассмотрены основные социальные и политические причины обострения вражды между различными конфессиями и этносами Сирии, предпосылки возникновения так называемого суннито-шиитского противостояния. В главе продемонстрировано, что по мере того как часть отрядов вооруженной оппозиции восприняла в ходе сирийской революции исламистскую идеологиче-

скую доктрину, салафитское движение стало постепенно возрождаться и принимать активное участие во многих эпизодах сирийского гражданского противостояния. При этом сирийские салафитские группы в Сирии не отличались прочным единством. Показана роль внешних сил в разжигании религиозного конфликта в Сирии, дается анализ роли власти и исламистов в трансформации движений социального протеста в острый вооруженный конфликт с ярко выраженной религиозной компонентой. Отмечена роль сирийской периферии в сирийских событиях. Исследованы факторы, повлиявшие на изменение отношения жителей провинций к власти, причины изменения их мировоззрения, рост экстремистских настроений среди большинства провинциального населения страны в условиях кризиса. Автор анализирует идеологические воззрения и программные установки основных исламистских движений, их трансформацию в условиях кризиса в САР. Исламистские организации и сочувствующая им часть общества использовали религию как фактор временного сплочения против превосходящих правительственных сил режима, его жестокой практики подавления восстаний. Содержится авторский прогноз перспектив мирного урегулирования кризиса в САР с учетом позиций ключевых исламистских организаций страны и отношения к ним правящего режима.

В четвертой главе исследуется место и роль сирийских суфиев в условиях вооруженного конфликта в стране. Автор дает краткую историю суфизма и его представителей в САР. Рассмотрена специфика взаимоотношений суфиев с правящим в САР режимом и представителями других религиозных направлений и организаций. В главе утверждается, что общей характеристикой всех суфийских движений Сирии являлась их укорененность в сирийском гражданском обществе и крепкие позиции на его низовых уровнях. Автор достаточно подробно изучает особенности учения сирийских суфиев. До начала событий в САР в суфийском движении было отмечено появление нескольких групп, представители которых исповедовали иные идеологические воззрения, отличные от официального суфийского толка. Дается характеристика различным отрядам суфийского движения в Сирии. Представлена крат-

кая биография основных лидеров суфийского движения в САР. Автор анализирует позиции различных суфийских организаций САР в отношении кризиса и властей страны. Показаны причины трансформации позиций различных отрядов суфийского движения в условиях кризиса. Дается характеристика и оценка деятельности некоторых суфийских отрядов, которые выступили против правящего режима в САР. Предложен авторский прогноз возможной позиции суфиев в отношении проблемы сирийского урегулирования, их места и роли в процессе мирного политического транзита в Сирии. В главе показано, что, несмотря на свое ограниченное участие в вооруженной борьбе, суфийские движения сыграли большую роль на мирном этапе протестных выступлений, а также в деле оказания помощи и социальной поддержки населению. На самом деле суфии уделяли больше внимания не политическим, а социальным аспектам восстания. Автор полагает, что приоритетом для большинства суфийских обществ является так называемый умеренный ислам, установления которого они намерены добиваться после прекращения вооруженной борьбы в Сирии.

Пятая глава акцентирует внимание на роли СССР в развитии национального движения в Иракском Курдистане в середине XX века. Сложная внешнеполитическая конфигурация соперничающих сил, постоянно конкурирующих за влияние на Ближнем Востоке, становилась фактором, оказывавшим постоянное воздействие на определение границ новообразовавшихся государств. Великие державы демонстрировали разные подходы к национально-государственному строительству. В эти трудные годы, характеризующиеся столкновением идеологий и непосредственно связанные с ходом Второй мировой войны, закладывались основы политического курса СССР в отношении Иракского Королевства. По оценке автора, советская внешняя политика носила комплексный характер, отличаясь прагматизмом и последовательностью в реализации ее важнейших установок, нацеленных, главным образом, на подрыв военно-политического присутствия Великобритании в регионе. Для этих целей Советский Союз предпринимал попытки объединить представителей оппозиции, используя возникновение в иракском обществе различных групп, ориентированных на оказа-

ние политического сопротивления английской системе контроля и управления Иракским Королевством. В центре внимания данной главы — проблема влияния Советского Союза на развитие движения курдских националистов как одной из крупнейших иракских оппозиционных сил, поставленная на основе архивных документов. Политика советского правительства заключалась в использовании курдского национального движения исключительно для поддержания баланса сил, выгодного для СССР, а позиция курдских националистов фактически на протяжении десятилетий не изменится, они по-прежнему будут пытаться играть на противоречиях мировых держав и стараться использовать СССР в качестве своего защитника. В условиях, когда в годы Второй мировой войны советские войска оккупировали северную часть Ирана, СССР оказался вовлечен в судьбу стран Ближнего и Среднего Востока на правах великой державы, тем самым стал претендовать на высокую степень участия в международных делах этого региона. Советское правительство, опираясь на курдов, надеялось оказывать влияние на иранское правительство, продлить свое военное присутствие в Иране и значительно ослабить английские позиции в соседнем Ираке. Политика активной поддержки со стороны Москвы курдских сепаратистских сил, которые перешли к вооруженной борьбе, поставила СССР на грань конфликта с Великобританией, поддерживающей антикурдские меры правительств Ирака и Ирана. В заключение автором отмечается, что в течение 50-х годов курдский вопрос, не потеряв своей актуальности, по-прежнему занимал особое место в ближневосточной, и особенно иракской, политике Москвы, по-прежнему направленной на ослабление британских и американских позиций в регионе.

Шестая глава продолжает тему советской внешнеполитической деятельности на Ближнем Востоке, рассматривая уже палестинский вопрос через призму влияния на него советско-иракских отношений. Как замечает автор, политика И. Сталина в палестинском вопросе отчасти являлась продолжением антианглийской линии внешней политики СССР на Ближнем Востоке и в значительной степени была направлена на подрыв военно-политической позиции Великобритании. Эта внешнеполитическая установка

приводила к тому, что в итоге она способствовала охлаждению советско-иракских отношений, снижению популярности СССР в иракском обществе, которое негативно воспринимало идею образования в Палестине «национального очага» для евреев. Поддержка, оказанная Советским Союзом в период первой арабо-израильской войны, не ограничивалась политической, СССР одним из первых признал Израиль в качестве государства, но через Чехословакию в Израиль предоставлялась материальная помощь, направлялись советские добровольцы — офицеры-евреи, имевшие опыт прошедшей войны, что вызывало неприятие в арабском мире, и прежде всего в Багдаде. Ирак, который начиная с 30-х гг. находился в авангарде антисиионистского движения на арабском Востоке, ориентировался в палестинском вопросе на Лондон. Закономерным выглядит то, что в 1946 году по решению Лиги арабских государств в Ираке был создан специальный «Комитет по защите Палестины», на который была возложена обязанность сбора денежных средств для оказания помощи подвергшимся «сионистской агрессии» палестинцам. Иракское правительство по дипломатической линии довело до великих держав свое опасение потенциальных угроз и рисков, связанных с палестинской проблемой, которая оценивалась им, прежде всего, в плоскости обеспечения безопасности как своего государства, так и арабского мира в целом. Советский Союз в вопросе создания Израиля преследовал прагматичные цели, определявшиеся внешнеполитическими задачами ослабления и ликвидации британского влияния в регионе. На позицию Ирака оказывала влияние возможность получить поддержку со стороны Великобритании, к тому же Багдад демонстрировал решимость встать на защиту арабского народа Палестины в качестве неотъемлемой части арабского мира в рамках идеологии арабского национализма. К тому моменту, когда состоялась первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по Палестине, палестинская проблема в советско-иракских политико-дипломатических отношениях по инициативе иракских представителей вышла на первый план. После прояснения позиции СССР в ходе работы Генеральной Ассамблеи ООН иракская сторона предприняла шаги, направленные на изменение советской политики по палестинскому во-

просу. В Москву, а также в миссию СССР в Ираке потоком пошли телеграммы и письма от различных иракских видных политических и даже религиозных деятелей, просивших советское руководство одуматься и, пока не поздно, пересмотреть свою позицию по Палестине. В иракской прессе прошла кампания критики позиции Советского Союза по Палестине. В августе 1953 г. МИД Ирака обратился к советскому правительству с очередным заявлением, в котором предупреждал Москву о негативных последствиях позиции СССР в палестинском вопросе для дальнейшего развития советско-иракских отношений. В итоге занятая СССР активная произраильская позиция в палестинском вопросе, по мнению автора, явилась одним из тех главных факторов, который привел к тому, что иракское правительство уже в 1954 г. пошло на сворачивание отношений с СССР.

Седьмая глава затрагивает тему отношений между Израилем, Ираном и его ливанским союзником — исламистской радикальной организацией «Хезболла». В течение многих лет израильтяне обеспокоены военным усилением «Хезболлы», так как эта организация получает много оружия и денег из Ирана. В 1980 г. в долину Бекаа в Ливане прибыли «стражи исламской революции», которые приступили к обучению боевиков «Хезболлы» военному делу. По мнению авторов, отцом ливанской «Хезболлы» с полным на то основанием можно считать Али Акбара Мохташами, который в 80-е годы был послан Ирана в Сирии, а главным и самым важным источником финансирования «Хезболлы» является Исламская Республика Иран. «Хезболла» имеет в настоящее время мощный арсенал ракет с очень большим радиусом действия. «Хезболла» стала движением сопротивления израильской оккупации и западному вмешательству во внутренние дела Ливана, а также повысила долю участия шиитской общины в политических процессах в стране. В настоящее время «Хезболла» является ведущей политической силой Ливана. «Хезболла» поддерживает режим Башара Асада в гражданской войне в Сирии путем непосредственного участия в боевых действиях. При этом, по оценке авторов, «Хезболла» является на сегодняшний день единственной силой, которая способна предотвратить «расползание» террористической

угрозы и хаоса с территорий Ирака и Сирии на Ливан. «Хезболлу» и Иран также объединяет позиция по палестинской проблеме. В 2006 г. Израиль начал войну в Ливане против «Хезболлы» (Вторая Ливанская война). Более тысячи убитых были преимущественно гражданскими лицами, а инфраструктура страны систематически подвергалась бомбардировкам со стороны Израиля. Несмотря на поражение, «Хезболла» и сейчас остается сильным врагом Израиля.

Восьмая глава продолжает тему взаимодействия региональных игроков с негосударственными акторами на примере Ирана, Израиля и ХАМАСа. ХАМАС был официально основан 1 декабря 1987 г. Целью организации было объявлено уничтожение государства Израиль и создание на его месте Исламского государства, включающего территорию бывшей британской подмандатной Палестины. Авторы отмечают, что Иран оказывает ХАМАСу политическую, финансовую, военную и духовную поддержку. Однако ХАМАС подчеркивает, что воевать за интересы Ирана на Ближнем Востоке он не будет. Союз Ирана и ХАМАСа препятствует компромиссному решению палестинской проблемы. Вплоть до июня 2007 г. Иран угрожал Израилю главным образом через «Хезболлу». Мессидж из Тегерана был ясным: если Израиль атакует иранские ядерные объекты, он получит от северного соседа войну с непредсказуемыми последствиями. Израиль быстро осознал, что Иран теперь имеет военные базы не только на северной, но и на южной границе Израиля. Иран оказывает ХАМАСу разнообразную и многоплановую помощь — военную, финансовую, политическую и моральную. С помощью иранцев ХАМАС создал в Газе местную военную промышленность. В Израиле были обеспокоены тем, что ХАМАС активизировал свои попытки захватить «западный берег» с помощью Ирана. Существуют острые противоречия между ХАМАСом и ФАТХом, между Ираном и Саудовской Аравией. Саудовская Аравия пытается оторвать ХАМАС от Ирана. ХАМАС и ФАТХ — против создания отдельных образований в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, одинаково хотят видеть независимое палестинское государство и Организацию освобождения Палестины в качестве законных представителей его интересов.

В девятой статье рассматриваются отношения между Турцией и Израилем и те факторы, которые привносят в них нестабильность. Как отмечается, история взаимоотношений Турции и Израиля уже сделала не одну спираль, побывав, и не раз, как на гребне дружбы, так и на грани разрыва контактов. Анкара несколько раз то повышала, то понижала статус своего дипломатического представительства в зависимости от того, хотела она выразить Тель-Авиву одобрение или возмущение. В 90-е годы XX — начале XXI века интенсифицировалось сотрудничество между двумя странами в военной, стратегической, дипломатической областях, причем оно являлось объектом особого внимания правительств двух стран. Резкое обострение отношений произошло в 2010 г., когда израильский спецназ перехватил «Флотилию свободы» и убил девять пассажиров — граждан Турции. Лишь в 2016 г. в результате четырех лет непубличных переговоров и консультаций сторон было объявлено о нормализации отношений. В главе показано, что дипломатические кризисы в турецко-израильских отношениях практически не отразились на экономической составляющей этих отношений. В 2018 году случился следующий виток разногласий на фоне признания Трампом Иерусалима столицей Израиля. Новый разрыв сопровождался крайне жесткой взаимной риторикой лидеров государств. Напряженность в отношениях дополнялась ситуацией в Восточном Средиземноморье, когда появилась договоренность Израиля с Грецией и Кипром о строительстве газопровода в Европу. Интересы Турции игнорировались. Ответом турецкого руководства стала активизация действий Турции в Восточном Средиземноморье как в плане развития военно-морского потенциала, так и работ по разведке газа. Можно также констатировать, что с конца 2020 г. наметились определенные тенденции в отношениях двух стран, направленные на пересмотр отношений в сторону позитивного развития. Время покажет, как будет развиваться ситуация.

Десятая глава переносит читателя на Африканский континент, знакомя его с некоторыми аспектами социально-политического развития Судана. После получения независимости в 1956 г. Судан столкнулся с целым рядом проблем, важнейшими из которых было устранение феодальных и полуфеодальных пережитков в эконо-

мической и общественной жизни, создание самостоятельной национальной экономики, преодоление ее монокультурного характера, развитие промышленности, ликвидация неграмотности и подготовка национальных кадров. Суданское правительство, выражавшее интересы блока консервативных буржуазно-помещичьих кругов и феодально-племенной знати, разработало политику индустриализации, предусматривавшую поощрение частного предпринимательства и привлечение в экономику иностранного капитала. В истории независимого Судана было два восстания, которые давали многообещающие надежды населению на их ранней стадии, но закончились авторитарным правлением. Как показано в главе, восстание в Судане в 2019 году, вызванное годами авторитарного правления, значительным ухудшением состояния экономики, системной маргинализацией населения и чрезмерным насилием, привели к созданию переходного правительства, куда вошли гражданские и военные представители, в основном лидеры протестного движения. Однако новые власти также широко применяли насилие, объявив о решении захватить все имущество и активы всех профсоюзов. Это в свою очередь обострило противостояние Федерации профсоюзов рабочих Судана и Союза журналистов Судана. Нестабильность в развитии общества, перегруженного социально-политическими проблемами, уменьшает вероятность установления гражданского правления. Перед Суданом стоит практически неразрешимая проблема восстановления экономики после потери трех четвертей своей добычи нефти, которая была основным источником иностранной валюты, когда Южный Судан отделился в 2011 году. Существует скрытое напряжение внутри текущего политического устройства, так как баланс сил может сместиться в сторону доминирующей военной системы управления, а не перехода к прямому гражданскому правлению.

В одиннадцатой главе затрагивается проблема появления ливанской диаспоры в странах Африки. Мигранты из Ливана начали прибывать в Африку в XIX в., желая улучшить свое экономическое положение и повысить социальный статус. Первые ливанцы были заняты в мелкой торговле, позднее стали заниматься перепродажей товаров. В конце концов в 1919 г. во Фритауне вспыхнул

антиливанский бунт. В Сенегале ливанцы первоначально стали посредниками в торговле арахисом между французами в городах и сенегальскими крестьянами в сельской местности. После обретения Сенегалом независимости ливанские предприниматели были вынуждены отказаться от сбыта арахиса из-за национализации этой сферы торговли и начали инвестировать в недвижимость, транспорт, оптовую торговлю и легкую промышленность. Ливанцы играют огромную роль в экономике Кот-д'Ивуара, особенно в розничной торговле, кроме того они инвестируют в городскую недвижимость. Торговля алмазами стала самым прибыльным источником доходов ливанцев в Сьерра-Леоне. В течение 20-х гг. XX века началась новая волна миграции из Ливана на континент. Очередным событием, которое способствовало притоку ливанцев в страны Африки, явилось начало гражданской войны в Ливане (1975–1990). В 1980-х гг. ливанская религиозно-политическая организация «Хезболла» развернула обширную сеть в Западной Африке. Несмотря на то что африканские ливанцы интегрировались в жизнь Сенегала, они остаются обособленным сообществом. Представителям ливанской диаспоры, проживающим в Сьерра-Леоне, Сенегале и Кот-д'Ивуаре, удалось занять свою нишу в экономической жизни этих стран, они играют важную роль в их развитии. При этом ливанская диаспора сохраняет связи с Ливаном и стремится оказывать посильную помощь родине.

В двенадцатой главе автор обращает внимание читателя на поучительный пример изменений, произошедших с ЮАР, оказавшейся на периферии внимания мировых игроков после разрушения биполярной системы международных отношений. ЮАР вынуждена реагировать на внешние и внутренние вызовы, ориентируясь, прежде всего, на собственные силы, и, как показывает практика, правящие силы страны пока не смогли дать адекватный ответ. Незавидная участь электроэнергетики ЮАР, переживающей непрерывный и все углубляющийся кризис вот уже полтора десятилетия, является важным индикатором снижения технологического уровня южноафриканской экономики и управленческих компетенций в новейшее время. Еще в 1990-е годы контролирующая энергосистему государственная компания ЭСКОМ произво-

дила едва ли не самое дешевое электричество на планете, снабжая им другие страны континента, и считалась одной из ведущих профильных компаний мира, прочно ассоциируясь с «южноафриканским экономическим чудом». Когда в 2008 году грянул мировой экономический кризис, в ЮАР начался внутренний энергетический кризис, вызванный тем, что, как и прогнозировали эксперты, в отсутствие строительства новых электростанций, избыточных мощностей, возникших с введением в строй в 1980-е годы электростанций, хватило до 2007 г., страна столкнулась с дефицитом электричества. Ключом к намеченному расширению энергосистемы ЮАР стали два мегапроекта: мощные угольные электростанции-флагманы, Медипи и Кусиле. Хотя новые мощности строят с 2008 г., но до сих пор в строй введены только первые очереди двух крупных ТЭС. Сегодня страна больше не в состоянии производить достаточное для нужд ее жителей и промышленного развития количество энергии. К такому положению дел привели управленческий хаос, безудержная коррупция и курс руководства страны на преодоление последствий политики апартеида с помощью либеральной деэнтатизации и попыток устранить расовую дискриминацию путем замены белого расизма расовым фаворитизмом в пользу черных «любой ценой».

Тринадцатая глава продолжает тему энергетики, обобщая информацию о направлениях энергетического сотрудничества стран — членов ШОС в настоящее время. Одним из важнейших событий по усилению значимости ШОС в мировой политике явилось присоединение к организации в 2017 г. в качестве полноправного члена Индии, перешедшей из прежнего статуса страны-наблюдателя. Индия постулировала свое стремление в организации сосредоточиться на консолидированной работе по борьбе с международным терроризмом, развитию многостороннего сотрудничества и продвижению проектов в области энергетики в рамках ШОС. Во многом позиция Индии объясняется тем, что стране сложно конкурировать с Китаем в реализации большинства экономических и энергетических проектов на евразийском континенте, особенно учитывая китайскую инициативу создания «Нового Шелкового пути». Индия заинтересована в развитии сотрудничества со стра-

нами Центральной Азии, а также странами — наблюдателями ШОС, такими как Иран или Афганистан. В главе отмечается, что проводимая сегодня индийским правительством Н. Модии экономическая дипломатия в рамках ШОС сосредоточена не столько на России, Китае и Пакистане, сколько на странах Центральной Азии. Членство Индии в ШОС в этих условиях может сыграть большую роль в обеспечении более широкого энергетического сотрудничества между производителями и потребителями энергии, связав Центральную Азию и Южную Азию, в то время как Иран может сыграть важную роль в содействии «Энергетическому клубу ШОС», став крупным центром торговли энергоресурсами через открытие порта Чабахар. Еще одним треком в энергетической политике Дели является продвижение индийским правительством «зеленых технологий» по реализации проектов устойчивого развития в рамках ШОС. Осуществление энергетических проектов Индии в кооперации с ее основными партнерами в рамках ШОС повысит энергетическую безопасность страны за счет диверсификации поставок энергоресурсов. Российско-китайское сотрудничество в энергетической сфере является одним из главных и перспективных направлений в двусторонних отношениях. Китай, как крупнейший потребитель энергии, хочет гарантировать доступ к необходимому количеству энергоресурсов, тем самым обеспечить достижение энергетической безопасности, что является стратегической целью страны. Важную роль в достижении этой цели играет взаимодействие РФ и КНР, на протяжении многих лет стороны реализуют совместные энергетические проекты. В рамках нефтегазового сотрудничества отдельно необходимо отметить взаимодействие России и Китая в Арктике и Проект Ямал—СПГ. Авторы перечисляют факторы, обуславливающие взаимодействие двух стран в нефтяной отрасли, относя к ним географическую близость, возрастание роли Китая в Азии, стремительное ухудшение китайско-американских отношений, санкции со стороны западного сообщества, направленные на ущемление интересов РФ и КНР, общее видение Москвой и Пекином перспектив развития современной мировой обстановки, история прежнего сотрудничества. Успешно развивается сотрудничество России и Китая в сфере

ядерной энергетики, примером которого являются заключенные контракты на строительство энергоблоков на Сюйдабао и на Тяньване. Немалый интерес представляет энергетическая политика Японии в отношении стран — членов ШОС. Основные векторы энергетического сотрудничества между Японией и КНР направлены на поставки оборудования и материалов и обмен технологиями в различных энергетических отраслях. С начала XXI века Китай активно импортировал из Японии технологии для развития возобновляемой энергетики, такие как ветроэнергетические станции и солнечные энергетические станции, технологии для строительства атомных станций малой мощности и производства электроэнергии на основе биотоплива, эксплуатации транспорта на основе водородных топливных элементов. Как отмечается в главе, энергетическая политика Японии в отношении Китая находится в фарватере общей экономической и геостратегической системы отношений между двумя государствами. Конкурируют два подхода, Пекин активно продвигает инициативу «Один пояс — один путь», а Токио делает акцент на развитии проекта Транстихоокеанского партнерства даже без участия США. С ростом конкурентной борьбы между японскими, китайскими и корейскими компаниями за доступ к месторождениям полезных ископаемых в период после 2010-х годов Япония стала выстраивать новую линию поведения в отношении Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. По оценке авторов, Япония пыталась предложить альтернативу китайской инициативе «Один пояс — один путь», однако масштаб и характер японской политики в Центральной Азии не позволял избавиться от восприятия данного направления внешней политики как второстепенного. Определяющей частью японской политики в отношении стран Центральной Азии является так называемая «ресурсная дипломатия». Индийско-японское сотрудничество в энергетике стало развиваться в соответствии с прогнозами по темпам экономического роста, которые показывают, что к 2030 г. Индия, скорее всего, станет третьей экономикой мира и обгонит Китай по показателям ежегодного прироста ВВП. Японские компании стали наращивать свое присутствие в Индии, превратившись в значимых проектировщиков и инвесторов проекта промышленного ко-

ридора Дели — Мумбаи, цель которого — комплексное развитие транспортного сообщения, промышленных и сельскохозяйственных кластеров, строительство жилья и различных объектов сферы услуг. Индия стала первой страной из списка тех, что не подписали Договор о нераспространении ядерного оружия, с ней Япония заключила соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования ядерной энергии. Ключевым механизмом индийско-японского комплексного энергетического сотрудничества на министерском уровне является двусторонний Энергетический диалог. В завершение главы дается обзор состояния японо-российского энергетического сотрудничества. По признанию авторов, базовым элементом энергетической политики Японии в отношении России остаются вложения в добычу природных ресурсов, при этом Токио не хочет попасть в зависимость от одного экспортера, что поставит страну в уязвимое положение. Помня о том, что многие экономические и энергетические инициативы японской стороны в России следует рассматривать через призму так называемой проблемы «северных территорий» — территориальной принадлежности Курильской гряды, необходимо понимать наличие и других ограничений экономического, стратегического и геополитического характера.

В четырнадцатой главе внимание читателя переключается на перипетии политической борьбы в Пакистане. Автор анализирует стратегию и методы политической борьбы Демократического движения Пакистана (ДДП) против правящей Пакистанской партии Справедливости (ППС) в 2020–2021 гг. Альянс оппозиционных партий координировал общенациональное протестное движение. ДДП — первое объединение оппозиционных сил страны после прихода к власти в 2018 г. правительства премьер-министра Имран Хана. Отсутствие опыта государственного управления ППС, неэффективные меры по сдерживанию экономического кризиса, быстрый рост числа заболеваний COVID-19 вызывали критику оппозиции, которая одновременно критиковала военный истеблишмент страны за поддержку правительства И. Хана. Половинчатость действий местных и федеральных властей при реализации ряда реформ вызывала критику в адрес федерального правительства. Обострение кризиса общественного здравоохранения и пе-

реживаемый страной экономический спад требовали политической стабильности и достижения национального консенсуса. Одним из первых шагов властей по поиску национального консенсуса была попытка начать диалог с оппозицией. Однако ДДП бойкотировало встречи депутатов в Национальной ассамблее и Сенате. Следующим актом наступления оппозиции на правительство премьер-министра И. Хана является срыв кампании по подготовке к выборам в Сенат. Оппозиционная коалиция не только доминировала в публичном пространстве, но и имела влияние в законодательных собраниях провинций и на федеральном уровне. Оппозиции вела себя агрессивно, но одновременно столкнулась с проблемой сохранения единства рядов. К концу 2020 г. оппозиция была полна решимости отправить правительство «паковать вещи», рассматривая новые выборы как единственный способ вывести страну из кризиса. После серии публичных митингов ДДП обнародовала новую стратегию на 2021 г. Главное требование — отставка премьер-министра до 31 января 2021 г. или марш на столицу. Раскол внутри ДДП проявился уже в январе 2021 г. Внутренние разногласия в рядах ДДП стали одной из причин развала антиправительственного блока партий.

Пятнадцатая глава продолжает тему Пакистана, сосредоточив внимание на исследовании пакистанской рабочей силы в странах Персидского залива. Для пакистанского правительства денежные переводы пакистанцев, работающих за рубежом, являются одним из основных источников пополнения валютных резервов страны. Трудовые мигранты перевели на родину в 2019–2020 гг. по банковским каналам больше денег, чем раньше. Денежные переводы пакистанцев из-за рубежа в январе 2021 г. составили 2,27 млрд долларов. Заинтересованность страны в притоке иностранной валюты подтолкнула Исламабад к разработке ряда проектов по ослаблению режима оформления документов граждан страны для выезда на заработки за рубеж. Государственный банк Пакистана упростил процедуру отправки денег на родину по банковским каналам, запустил в работу цифровые счета Roshan Digital для пакистанской диаспоры, что позволило привлечь более надежные долгосрочные депозиты. Стратегия привлечения финансовых средств

от пакистанской диаспоры, включающая банковский сектор, дала успешные результаты в увеличении иностранных денежных переводов. Власти, осознавая трудовую миграцию как ценный актив, в целях оперативного предоставления услуг желающим выехать на заработки в 2019 г. запустили проект, облегчающий бюрократические процедуры регистрации эмигрантов. Проект работает в режиме «одного окна». Страны Персидского залива традиционно приглашают пакистанскую рабочую силу для работы в различных секторах экономики и социальной сфере. Дипломатические усилия Исламабада были направлены на увеличение квот стран Персидского залива для пакистанцев, работающих в этих странах. Еще в 2019 г. по указанию премьер-министра И. Хана была создана Целевая группа для расширения экспорта рабочей силы и содействия пакистанцам.

В шестнадцатой главе анализируется современный опыт КНР в преодолении технологической отсталости. Современный Китай ассоциируется с бурным экономическим ростом, который на протяжении многих лет поддерживается индустриальным развитием и расширением экономической экспансии на мировых рынках, что позволяет называть КНР «мастерской мира». Пекин демонстрирует нацеленность на развитие высокотехнологичных сфер промышленности, производство электроники, авто- и авиатехники. Однако обострение соперничества с США поставило перед КНР проблему обеспечения устойчивости национальной экономики от внешнего воздействия. Победа Д. Трампа на выборах президента США вывела вопрос конкуренции за лидирующее место в глобальной экономике и возможность определять будущие тренды мирового развития на передний план. Американская администрация приняла ряд шагов, направленных на ограничение возможностей китайского бизнеса в мире, прежде всего в секторе наукоемкого производства. Наглядным примером серьезности намерений американского государственного аппарата стал скандал, связанный с деятельностью Huawei Technologies. Эти события проявили высокую степень взаимозависимости инноваций в сфере высоких технологий. Стало очевидно патентное доминирование США, что позволяет правовым путем ограничивать конкурентоспособность китайской продукции, разработанной на основе американских патентов.

Смена хозяина Белого дома, как показали дальнейшие события, не сняла остроты соперничества между США и КНР. Как отмечает автор, проявившаяся очевидная зависимость от западных технологий подстегнула правительство и крупнейшие китайские корпорации увеличить затраты на разработку альтернативных американским продуктов и ускорить преодоление зависимости от зарубежного оборудования и комплектующих. Основа для преодоления сложившейся ситуации была заложена китайским правительством в восьмидесятые годы, когда сюда были перенесены зарубежные производства и стали создаваться государственные программы развития. Последовательное увеличение финансирования НИОКР, развитие высшего образования, создание университетских предприятий — вот основные направления усилий китайских властей в этой сфере. Вершиной государственной политики стала провозглашенная программа Си Цзиньпина «Сделано в Китае 2025», которая своей целью ставит превращение Китая в инновационного промышленного гиганта к 2049 г. в десяти ключевых отраслях. Одной из задач, поставленных китайским правительством, стало увеличение числа китайских патентов. Важным достижением, демонстрирующим качественное развитие экономики КНР, явилось то, что передовые позиции китайским корпорациям удалось занять в совершенно новых индустриях, где стартовые условия для всех были практически одинаковыми. В главе концентрируется внимание на успехах Китая в нескольких областях. Одним из рецептов КНР в достижении лидирующих позиций в мире является то, что китайские индустриальные гиганты активно инвестируют в соответствующие технологические компании других стран, получая доступ к необходимым технологиям. Это вызывает опасение американских и европейских производителей потерять свои конкурентные преимущества. Борьба за лидерство в сфере водородной энергетики — одна из тех сфер, где опасения конкурентов Китая сбываются на глазах. В главе отмечается, что китайские производители опережают Европу в производстве недорогого оборудования для производства водорода, но уступают ей в качестве, эффективности, масштабируемости и гибкости. Китай предпринимает усилия по преодолению узких мест в авиапромышленности. На дан-

ный момент у КНР еще недостаточные компетенции в авиационном двигателестроении, поэтому она готова прибегать к зарубежному опыту даже в непрозрачных, с точки зрения, закона условиях. Примером является скандальная история с приобретением контроля над украинской компанией «Мотор Сич». Еще одним инструментом для реализации стратегий по усвоению зарубежного опыта стало формирование необходимой нормативно-правовой базы, затрагивающей в том числе вопросы привлечения прямых иностранных инвестиций. Немалую роль в реализации поставленных задач по преодолению технологической отсталости китайское правительство отводит найму зарубежных специалистов. Им предлагаются высокие зарплаты, финансирование исследований и лабораторные помещения в обмен на доступ к ноу-хау, экспертным знаниям и иностранным технологиям. Важным шагом в создании наукоемкой высокотехнологичной отрасли стала запущенная в 2019 г. китайская фондовая биржа Star Market — аналог американской Nasdaq.

В семнадцатой главе анализируется японская внешняя политика в первые годы после окончания американской оккупации. Поражение японских милитаристов во Второй мировой войне создало благоприятные предпосылки для проведения демократических реформ в политической жизни Японии. Дипломатические отношения Японии находились под контролем оккупационных властей. МИД Японии значительной роли не играл, оказывал техническую поддержку штабу Макартура и готовился к подписанию мирного договора. Управленческий тандем Макартур — Есида обеспечил проведение в жизнь чрезвычайно болезненных шоковых экономических реформ, которые тем не менее принесли эффект и позволили Японии пройти через этап восстановления, продолжить тренд на развитие. Целесообразность продолжения оккупации становилась все менее очевидной, стороны начали процесс подготовки подписания мирного договора. Перспектива отправки японских сил в топку противостояния во исполнение союзнических обязательств перед США в случае обретения Японией военных сил была очевидна. Японское правительство предпочитало стимулировать развитие промышленности, зарабатывая на исполнении специальных заказов для нужд корейского фронта,

а не платить союзнический налог кровью. В этот период в Японии общественность выступала за скорейшее прекращение оккупации путем заключения мирного договора, правительство было обеспокоено возможным ростом протестных настроений в связи с подготовкой соглашения о безопасности с США, которое создавало условия для дальнейшего присутствия американских войск на японских островах. Договор завершал состояние войны с последующим признанием полного суверенитета японского народа. В тот же день Япония заключила соглашение с США в сфере безопасности, которое определило характер отношений между Токио и Вашингтоном вплоть до нашего времени. Совокупность соглашений и договоров, заключенных Японией с Соединенными Штатами, образовали новую политическую структуру, определяемую как Сан-Францисская система. В рамках системы Япония делегирует вопросы обеспечения безопасности в рамках японо-американского союза Вашингтону, Токио готов на определенное ущемление суверенитета ради сохранения поддержки со стороны США, внешняя политика подчинена общей линии, вырабатываемой американской администрацией, но при этом японское правительство сосредоточивает основные усилия и ресурсы страны на развитии экономики. Успешное развитие, долговременный рост экономических показателей — вот та сфера, где должны были воплощаться амбициозные планы японских политиков. Формирование этой системы, как показала история, предопределило вектор развития Страны восходящего солнца до первых десятилетий XXI в.; что особенно важно, влияние системы не исчерпывалось внешнеполитической и военной сферой, она оказала глубокое влияние на экономическую, внутривнутриполитическую, социально-культурную стороны жизни японского государства и общества. После нормализации отношений с ведущими мировыми силами Япония сосредоточила усилия своей дипломатии на обеспечении интересов японской внешней торговли с государствами Азии. Главным достижением японского МИДа было то, что репарационные платежи странам Азии погашались не валютой, а продукцией японской промышленности, благодаря этому Япония решала несколько задач: нормализовывала отношения со странами Юго-восточной Азии, обеспечивала оборот средств на

японском рынке, поддерживала отечественного производителя, создавала рыночную нишу для японских товаров, наработывала коммерческие связи с регионом ЮВА. Особенно остро зависимость японской политики от США была заметна в 1950-х годах, когда страна еще не разогналась в экономическом развитии и находилась в стесненных социальных условиях. Можно отметить, что в тех сложных условиях, в которых находилась Япония, ее внешнеполитическая деятельность может быть оценена как весьма успешная. В 1950-х годах Японское государство вернуло суверенитет, восстановило двусторонние отношения с более чем семьюдесятью государствами, в обеспечении собственной безопасности опиралось на союз с США, при этом смогло избежать вовлечения в вооруженные конфликты, ведущиеся Соединенными Штатами, несло умеренные затраты на сферу безопасности, сосредоточило усилия на внешней арене на продвижении и защите внешней торговли, которая являлась основой экономического развития страны.

Восемнадцатая глава посвящена выявлению новых аспектов японо-китайских отношений. Китай, согласно его официальной позиции, готов вывести отношения с Японией на новый путь развития, особенно если обе стороны будут придерживаться принципов, изложенных в ключевых двусторонних политических документах. Самая серьезная проблема в отношениях между двумя странами — территориальная. Вопрос принадлежности островов Сэнкаку (по-китайски Дяоюйдао) вызывает в Китае резкую реакцию, в периоды обострения отношений происходят массовые антияпонские демонстрации, вплоть до причинения материального ущерба офисам и автомобилям расположенных в стране японских фирм. Конфликт вокруг этих островов внимательно отслеживался основным политическим и военным партнером Японии — США. В настоящее время японо-американское сотрудничество в рамках союза безопасности опирается на то, что Япония и США имеют общие национальные интересы, связанные со стабильностью в АТР, обе страны должны повышать практическую эффективность сотрудничества в области безопасности для защиты мира и спокойствия в регионе. США будут делать все от них зависящее, чтобы не потерять лидерские позиции в регионе, укреплять и развивать

военно-политический союз с Японией и оказывать экономическое давление на Китай и Россию, в том числе путем создания в регионе четырехстороннего альянса США-Япония-Австралия-Индия. Тем не менее взаимодействие между Пекином и Токио поддерживается на высоком уровне, например лидеры Японии и Китая договорились о регулярных встречах на высшем уровне (с участием министров иностранных дел обеих стран) и расширении общения между Японией и Китаем в области культуры, спорта, туризма и медиапроектов, достигнута договоренность о создании «двустороннего механизма сотрудничества в сфере торговли услугами». Большое внимание уделяется развитию молодежных обменов, в рамках которых проводятся мероприятия в области культуры и спорта. С началом пандемии COVID-19 Китай был в очень сложном положении. Япония откликнулась на эту ситуацию, сразу предложила свою помощь. Пандемия нанесла серьезный ущерб мировым экономическим связям, были разрушены важные производственные цепочки между Японией и КНР, оказав влияние и на инвестиционные отношения между странами. Это привело к тому, что Токио был принят комплекс мер по восстановлению производства: в апреле 2020 г. правительство и парламент Японии выделили дополнительные средства для возвращения производственных мощностей в Японию и перемещения зарубежных производственных баз в другие регионы. Сейчас в японо-китайских отношениях наблюдается неоднозначная картина. В Китае остается наибольшее количество японских компаний как в торгово-экономической сфере, так и сфере услуг, японские инвестиции в китайскую экономику снизились, но растут инвестиции Китая в Японию меры, принятые правительствами, позволили сохранить стабильность экономического развития и уменьшить экономический ущерб от пандемии для обеих стран.

В девятнадцатой глава рассматривается интересный и малоизвестный сюжет в развитии японо-турецких отношений, деятельность японских подданных по пропаганде и продвижению межкультурных контактов между Японией и Турцией. В конце XIX в. Япония находилась только в начале пути по превращению в великую державу; до образования Версальско-вашингтонской системы международных отношений, в которой Япония добьется искомой

цели, оставалось несколько десятилетий, но прежняя европоцентричная система уже с трудом приспосабливалась к меняющейся реальности. Над страной довлели тяжким бременем «неравноправные договоры» с западными державами, которые японская дипломатия, несмотря на предпринимаемые усилия, пока не смогла вывести на процедуру пересмотра. Эта ситуация воспринималась в японском обществе как чрезвычайно унижительная, тем более что Страна восходящего солнца в результате осуществленной революции «Мэйдзи» добилась заметных успехов в модернизации и принятии западных форм ведения международных дел. Поэтому события, развернувшиеся вокруг трагического инцидента с османским фрегатом «Эртугрул», погибшим на рифах Касинодзаки, привлекли внимание широкой общественности. В это время штатный журналист газеты “Jiji Shinpo” Сетаро Нода развернул активную деятельность по возвращению выживших остатков экипажа турецкого фрегата на родину. Обостренное чувство национального достоинства в японском обществе, стремление защитить «честь Японии» позволили поддержать клич газеты по сбору средств для турецких моряков, а Нода обеспечивал информационное сопровождение путешествия и доставил денежный перевод непосредственно в соответствующий орган Османской империи. Во время нахождения в Турции Нода, по просьбе султана Абдулхамиды II, остался преподавать японский язык в Стамбуле и параллельно отправлял репортажи в свою газету. Нода стал первым корреспондентом японской газеты в исламской стране. В 1891 г. произошло обращение Нода в ислам, что позволяет считать его первым японским мусульманином, чье обращение в ислам было подтверждено документально. Другим героем очерка является Торадзиро Ямада, который также проявил себя активными участниками событий, связанных с судьбой моряков «Эртугрула». Ямада хотел отправить собранные деньги в Османскую империю в ноябре 1890 г., однако, столкнувшись с трудностями перевода собранных средств, получил рекомендацию министерства иностранных дел Японии лично передать в Турцию эти пожертвования. Как отмечает автор, главной целью поездки Ямады в Османскую империю была попытка установить торговые связи между двумя стра-

нами на частном уровне. На протяжении десятилетий Ямада с ограниченным успехом пытался развивать торговлю между Японией и Османской империей, а впоследствии и Турецкой республикой. В двадцатых годах он учредил Ассоциацию торговых отношений между Японией и Турцией при торгово-промышленной палате в Осаке и стал ее председателем. Резюмируя итоги деятельности Ямады, автор отмечает, что экономический кризис 1920-х гг. и последовавшая за ним Великая депрессия привели к тому, что большинство стран ввели торговые тарифы, в результате чего японские торговые отношения со странами Ближнего Востока почти полностью прекратились, однако Ямада внес значительный личный вклад в налаживание отношений между двумя странами.

Двадцатая глава обращается к проблеме объединения Кореи в современных условиях развития системы международных отношений. К началу третьего десятилетия XXI века Корейский полуостров остается в центре американо-китайского противостояния в Восточной Азии, а также пересечением геостратегических интересов треугольников США — Южная Корея — Япония, с одной стороны, и Китай—Россия—КНДР — с другой. Автор утверждает, что необходим двухуровневый подход к возможному решению корейского вопроса. На первом уровне необходимо преодолеть внутренний раскол собственно единого некогда корейского народа, но для всеобъемлющего решения корейского вопроса этого недостаточно и процесс мирного урегулирования требует и внешнеполитических усилий, взаимодействия близлежащих стран, а также всего мирового сообщества. Трудно не согласиться с посылом автора, что корейская проблема возникла как международный конфликт, а значит и разрешение необходимо искать на этом уровне. Основными полюсами в корейском вопросе являются Китай, КНДР и Россия, с одной стороны, и США, Южная Корея и Япония — с другой. Факторы, дестабилизирующие ситуацию в регионе, — растущее американо-китайское политико-экономическое противостояние, успешное развитие северокорейской ракетно-ядерной программы, ослабление внешнеполитической роли Японии в сочетании с внутривнутриполитической тенденцией к милитаризации под предлогом защиты от северокорейской угрозы, расширение американского военного присут-

ствия в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове под тем же предлогом. В анализе ситуации вокруг возможных сценариев объединения КНДР и РК выявлено много факторов, препятствующих использованию концепции поглощения, наиболее популярной и разрекламированной в Южной Корее и на международной арене. Автор отмечает, что в случае поглощения Севера сегодняшняя Южная Корея окажется просто не в состоянии предложить модель экономического развития для единой страны со всей ее спецификой, с ее огромным разрывом в экономике, уровне жизни, идеологии и концепции общественного развития. В двух наиболее всеобъемлющих и в полной мере проработанных проектах воссоединения, которые в разные годы были представлены самими корейцами (программы президента РК Ким Дэ Чжуна и КНДР Ким Ир Сена), делалась попытка подойти к созданию формата государства с двумя разными политико-экономическими системами, но общим правительством. В главе определяется, что одной из самых сложных задач в рамках концепции построения единого конфедеративного государства станет действительное обеспечение нейтрального статуса единого государства и практическое осуществление такой внешней политики. Изменившийся баланс сил на полуострове, возрастающая угроза военного конфликта ввиду усиления американо-китайского противостояния, а также общие структурные трансформации в международных отношениях вынуждают искать новые формы обеспечения безопасности в регионе. Возобновление интеграционных процессов в межкорейских отношениях, инициированных обеими сторонами, формирование собственно корейских интересов в непростой геополитической обстановке в регионе в полной мере соответствуют концепции построения единого конфедеративного государства и отражают стремление корейского народа создать новую архитектуру безопасности в регионе, основанную на паритете и нейтральном, внеблоковом статусе единого государства.

В последней главе коллективной монографии рассматривается неотъемлемое явление Нового и Новейшего времени — модернизация во взаимосвязи с такими неотъемлемыми от нее понятиями, как, в первую очередь, традиция, а также власть, идеология, глобализация. На примере опыта некоторых стран Востока (Турции,

Ирана, Китая), а также России показаны противоречия процесса модернизации, его неоднозначность, его положительные и отрицательные стороны. В функциональном плане традиция выступает посредником между современностью и прошлым, механизмом хранения и передачи образцов, приемов и навыков деятельности (технологий), которые явочным порядком входят в реальную жизнь людей и не нуждаются в каком-то особом обосновании и признании, кроме ссылки на свою давность и укорененность в культуре. Всякого рода инновации, идущие в русле модернизации, разумеется, часто приходят в противоречие с традициями. В традиционном обществе традиции господствуют над инновациями, а также существует необходимость отказа от возможных инноваций там, где они препятствуют сохранению традиции. Начавшаяся в Новое время модернизация Запада как его путь к современному обществу была связана с естественно-историческим ростом инноваций, и в конечном счете с преобладанием инноваций над традициями и формированием самой традиции получения постоянных инноваций. От власти и господствующей идеологии во многом зависит само начало модернизации, признание ее необходимости, успех или неуспех реформ. Успешный опыт модернизации восточных государств показывает, что руководство страны, система государственного управления сыграли важнейшую роль в проведении успешных реформ.

¹ *Воскресенский А.Д.* Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 16.

² *Воскресенский А.Д.* Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 22.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248.

⁴ *Лавров С.В.* О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. Июль/Август // globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/.

⁵ *Лавров С.В.* О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. Июль/Август // globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/.

⁶ *Лавров С.В.* О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. Июль/Август // globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/.

ГЛАВА 1

Ближневосточные региональные политические процессы в период мировых трансформационных изменений на рубеже XX–XXI вв.

Изменения мировой системы на рубеже XX–XXI вв., произошедшие после распада СССР и развития процесса глобализации, привели к трансформации региональных политических процессов на Ближнем Востоке, к новым геополитическим параметрам этой территории.

Распад СССР привел к появлению на политической карте новых независимых государств на Южном Кавказе (Армения, Грузия, Азербайджан) и в Центральной Азии (Туркменистан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан и Казахстан) и с новой силой обострил вопрос о географических границах Ближнего Востока. В связи с этим следует упомянуть о понятии «Большой Ближний Восток», которое является одним из самых современных терминов, введенных в политическое употребление. «Большой Ближний Восток» включает в себя практически весь мусульманский мир кроме мусульманских стран Юго-Восточной Азии, к нему относят арабские страны, среднеазиатские страны, государства Южного Кавказа, Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан.

На рубеже последней смены веков и тысячелетий в диалоге и взаимодействии цивилизаций возникла принципиально новая ситуация. Ее основа и первопричина — стремительно разрастающийся процесс глобализации. Этот качественно новый процесс чреват неожиданностями и парадоксами.

Глобализация объективно обусловлена, она является выражением нового уровня развития технологий, экономической интеграции и информационно-культурного пространства. Она отражает глобальный характер узловых проблем, от решения которых зависит будущее всего человечества. В их числе — эколого-демографическая (решение вопроса об обеспечении растущего

населения планеты средствами существования и развития в условиях предстоящего истощения ряда природных ресурсов и угрожающего загрязнения мировой окружающей среды), технологическая (необходимость более равномерного распределения плодов современного технологического переворота ради сокращения опасно возросшего разрыва между богатыми и бедными слоями населения, странами и цивилизациями, что чревато социально-политическими взрывами), геополитическая (важность недопущения самоубийственного столкновения цивилизаций, создание многополярного миропорядка, основанного на их разностороннем диалоге, сотрудничестве и партнерстве), социокультурная (использование формирующегося глобального информационно-культурного пространства в интересах сохранения плюрализма и активного диалога культур и цивилизаций).

При этом следует также отметить, что в рамках глобализации само понятие «регион» значительно трансформируется. Можно согласиться с Г. Исаевым, который полагает, что «уменьшение расстояний за счет развития транспортных средств, средств передачи информации, также политические и экономические процессы интеграции» разрушают «региональную замкнутость» и усложняют выделение какой-либо территории в регион¹.

Таким образом, как нам представляется, с учетом экономических, политических, культурных, исторических, географических и иных связей в понятие «Ближний Восток» логичнее было бы включать Турцию и Иран, поскольку сегодня невозможно представить Ближний Восток без этих соседних средневосточных государств, а также Египет и Израиль. Это определение, как мы считаем, в наибольшей степени соответствует как современным, так и традиционным взглядам на понятие «Ближний Восток».

Ближний Восток, как и все остальные регионы мира, стал приобщаться к трансформационным изменениям, глобализационным процессам. Тем не менее оценка влияния этих процессов на эту территорию представляется достаточно сложной, поскольку регион отличается крайней неоднородностью, которая характеризуется различными политическими режимами, религиозными взглядами, уровнем развития и другими факторами. Смена тысячелетий

ознаменовалась для региона достаточно неоднозначными и противоречивыми результатами.

Наиболее ощутимых достижений достигли нефтеэкспортирующие государства Персидского залива, а также Израиль и отчасти Турция, в то время как большая часть соседних стран с трудом достигла приемлемого уровня благосостояния, а иным до сих пор не удается справиться с бедностью. За десятилетия постколониального развития на Ближнем Востоке остались нерешенными проблемы неравенства в показателях социально-экономического развития.

Ближний Восток в контексте глобализационных процессов достаточно редко рассматривается как один из наиболее влиятельных регионов в системе международных отношений. Можно согласиться с Н.С. Глебовой, которая объясняет это следующими причинами: «неустойчивой политической обстановкой в некоторых странах, неразрешенностью и крайней взрывоопасностью арабо-израильского конфликта, неравномерностью в развитии экономик стран этого региона и т.п.»².

Однако очевидно, что при всей нестабильности, неустойчивости Ближний Восток остается одним из ключевых регионов мировой политики, зоной соперничества ведущих мировых держав. После окончания холодной войны это геополитическое пространство стало не просто зоной пересечения интересов, а одной из основных областей внешнеполитической активности мировых центров силы.

Основные геополитические параметры, которые определяют важность этого региона, подчеркивают значимость его геостратегического положения и в существенной мере влияют на его политические процессы в условиях глобализирующегося мира, достаточно очевидны.

Во-первых, исторически Ближний Восток всегда был местом переплетения различных культур, государств и религий. Можно сказать, что эта территория издавна была неким узловым пунктом, так как в этой точке мирового пространства сходятся три материка. Поэтому тот, кто контролировал эту стратегически важную зону, обладал огромной властью и богатством. Несмотря на снижение роли региона как перекрестка между различными континентами в связи с развитием мировой системы транспортных коммуникаций,

стратегическая значимость Ближнего Востока в рассматриваемый период не только не снизилась, но и, напротив, значительно выросла в силу уникальных геостратегических особенностей региона.

Второй причиной повышенного внимания к региону является энергетический фактор. Как известно, технологии современной цивилизации практически полностью зависят от добычи органических энергоносителей. Поэтому распределение энергетических ресурсов постепенно превратилось в один из важнейших элементов построения нынешней системы международных отношений. Желание установить контроль над ресурсами является причиной многочисленных конфликтов во всем мире, и в частности на Ближнем Востоке. Очевидно, что последняя война в Ираке под предлогом демократизации была вызвана прежде всего желанием США получить контроль над углеводородами.

Иными словами, в результате последовательного демонтажа государства и национальных границ в «глобальном «открытом обществе» земля и ее недра должны перейти в более «умелые», а значит «достойные» руки. На практике можно говорить о ликвидации национального суверенитета в стране и установлении внешнего, наднационального регулятора. Причем подобный сценарий не исключен в отношении любой из стран региона, обладающей значительными природными богатствами. Между тем все больше актуализируется проблема неравномерного распределения энергетических ресурсов, поскольку год от года страны с наиболее развитой экономикой добывают все меньше энергетических ресурсов³.

Стоит подчеркнуть, что с учетом того, что исследуемый регион является составной частью «Большого Ближнего Востока», в общей сложности здесь сосредоточено более 60% доказанных мировых запасов нефти и более 40% газа⁴. Ряд стран региона (Кувейт, ОАЭ, довоенный Ирак, Саудовская Аравия, Иран) на протяжении последних десятилетий постоянно входят в десятку мировых лидеров по добыче нефти⁵. Именно поэтому нефть во многом определяет расклад геополитических сил в регионе, поскольку ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе не перестанет играть роль основного компонента в обеспечении энергетической безопасности мира в эпоху глобализации.

Помимо своей роли главной нефтяной кладовой мира, Ближний Восток имеет удобные выходы к Мировому океану и является важнейшим коммуникационным пространством, здесь пролегают одни из главных путей доставки энергоносителей в промышленно развитые страны мира. Каждый день значительная часть всех нефтеэкспортных потоков мира перевозится через Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы на Запад и на Восток.

Вместе с тем стоит отметить, что огромные запасы углеводородов, являясь главным козырем региона при новом мировом порядке, таят в себе определенную опасность. Глобализация предполагает переход на качественно новый уровень модернизации, которая в том числе будет проявляться в стремлении всего мира к переходу на новые альтернативные источники энергии⁶.

Нефть создает в ближневосточном регионе внутреннюю дихотомию, особенно между нефтедобывающими государствами Аравийского полуострова и другими странами региона. Поэтому мы согласны с В.Н. Паниным, который считает, что «важнейшим следствием “нефтяного бума” и “нефтяного процветания” стало не возрастание панарабских тенденций и создание общерегиональных доктрин, а дальнейшее усиление политического обособления отдельных нефтедобывающих государств, занятых решением собственных проблем в экономической, социальной и политической областях»⁷. Исключением в данном случае является Израиль, который отличается высокими социально-экономическими показателями, несмотря на отсутствие богатой ресурсной базы.

Значимость этого региона на международной арене увеличивается еще и потому, что Ближний Восток входит в состав масштабного политико-географического проекта, инициированного тогдашней американской администрацией Дж. Буша-младшего и озвученного в 2004 году на саммите большой восьмерки⁸. При этом сам план «Большого Ближнего Востока» был встречен большинством стран в регионе и некоторыми за его пределами весьма негативно. Из всех ближневосточных мусульманских государств положительно к этому проекту отнеслась лишь Турция. Подобная реакция региона объясняется несогласием с идеями администрации США при реализации этого проекта.

В этой связи можно вспомнить Е.М. Примакова, определившего три основные цели, которые преследовались при выполнении плана «Большой Ближний Восток». Во-первых, это оправдание военной кампании в Ираке. Во-вторых, это попытка сплотить вокруг себя союзников, которые не поддерживали американские действия в Ираке. И в-третьих, желание «вновь провозгласить свою определяющую роль в отношении мусульманского мира»⁹.

Причем последний пункт, как мы думаем, является ключевым в принятии или непринятии плана по масштабному реформированию большой группы стран, включающей ближневосточные государства. Он, на наш взгляд, справедливо увязывается с одной из самых важных проблем глобализационных процессов, а именно с вопросом сохранения суверенитета для «недемократизированных» стран ближневосточного региона.

Очевидно, что США с помощью этого проекта попытались ускорить насаждение западно-демократических и «однополярных», «американоцентричных» глобализационных ценностей на всей этой обширной территории. При этом Вашингтон, очевидно, руководствовался тем, что большая часть ближневосточных политических режимов является антидемократическими в сравнении с принятыми на Западе критериями либеральной демократии. С этим нельзя не согласиться, так как в большинстве государств региона на практике отсутствуют такие элементарные атрибуты демократии, как реальное разделение властей, сменяемость руководства, легальная оппозиция и др.

Таким образом, если оценивать политические системы, то можно согласиться с мнением российского политолога-востоковеда Д.А. Миргорода, который отмечает, что «власть во всех ближневосточных странах сосредоточена в руках лидера и базируется на традиционном укладе. Именно поэтому в странах региона крайне затруднено продвижение политической глобализации и создание наднациональных органов власти, так как основным фактором, определяющим деятельность институтов власти в подавляющем большинстве стран региона, является государство и его глава как основной инструмент политической системы». И далее: «говоря о нефтяных монархиях на Аравийском полуострове, можно отме-

тить, что в некоторых из них (Катар, ОАЭ) появились определенные сдвиги в сторону модернизации политических структур и большей открытости. В то же время Саудовская Аравия, являясь одним из самых мощных государств этого субрегиона, продолжает управляться при полном отсутствии выборных институтов»¹⁰.

В большинстве арабских республик наибольшее распространение фактически получили однопартийные системы в форме президентской власти. При этом стоит отметить, что в подобной структуре политической системы прослеживается специфика исламской политической культуры, которая в отличие от западной, усматривает силу в концентрации власти в руках одного лидера. Так, по словам российского востоковеда-политолога М.А. Сапроновой, современная суннитская концепция признает соответствующими исламу как президентскую, так и парламентскую республики, однако «предпочтение отдается первой, поскольку считается, что во главе государства должно стоять лицо, которое является действительным, а не формальным главой исполнительной власти»¹¹.

На практике, несмотря на наличие прописанного в конституциях ряда стран максимального срока президентского правления, многие государства обходят это положение. Такая ситуация прослеживается в Сирии и Иордании, а также существовала в Египте и довоенном Ираке. Наметилась также тенденция к передаче власти по наследству в некоторых ближневосточных государствах. Например, в Сирии после длительного правления Хафеза Асада президентом стал его сын Башар, а сын бывшего президента Египта Гамаль Мубарак стал членом генерального секретариата правящей Национал-демократической партии и до недавнего времени реально претендовал на то, чтобы сменить своего отца на посту президента Египта после выборов 2011 года, и т.д.¹².

Вместе с тем в арабском мире и на Ближнем Востоке, как подчеркивает Д.А. Миргород, «поставили под вопрос политическую стабильность и преемственность власти в этом регионе. После революции в Тунисе недовольное своим положением ближневосточное население продемонстрировало готовность к ведению борьбы за свои права и отстаиванию своих политических взглядов. В связи с этим в научный оборот политологов начал входить термин

“тунисизация”, который появился сразу после начала протестов в Египте, приведших к тому, что Хосни Мубарак ушел в отставку, а его сын Гамаль покинул пост секретаря правящей Национально-демократической партии по политическим вопросам и так же, как и его отец, отказался от участия в предстоящих президентских выборах. Понятие “тунисизация” отчетливо отражает возможность лавинообразных процессов смены политического курса в некоторых государствах ближневосточного региона и окружающих его стран»¹³.

При этом нет никакой определенности по поводу того, по какому сценарию дальше будут проходить события в регионе. Неизвестно, сопряжены ли эти процессы с демократическими преобразованиями или они приведут к политическому хаосу и приходу к власти исламистов, что неминуемо скажется на региональной стабильности, повлияет на положение в арабских странах, производящих нефть, и на ситуацию с ближневосточным урегулированием. Очевидно, что при худшем развитии обстановки на Ближнем Востоке в условиях трансформации и глобализации под угрозой будет находиться вся структура международной безопасности. Кардинального пересмотра при этом могут потребовать отношения ближневосточных государств со своими союзниками.

Продолжая анализ политического устройства государств Ближнего Востока, Д.А. Миргород отмечает, что «Иран и Турция отличаются тем, что у власти там стоят люди, во многом опирающиеся в своей деятельности на ислам. Тем не менее политические системы этих стран отличаются друг от друга. Согласно конституции, принятой в 1979 году, Иран официально носит название исламской республики, где первым государственным лицом является духовный лидер. Несмотря на то что у власти в Турции сейчас стоят представители бывшей исламистской партии, переформированной в Партию справедливости и развития, которых обвиняют в отходе от принципов светского государства, заложенных Ататюрком, Турция, в отличие от Ирана, достаточно демократизирована»¹⁴.

Особое место в регионе занимает Израиль, который продолжает оставаться единственной ближневосточной страной, провозгласившей государственный суверенитет и в течение шестидесяти

лет, с момента своего образования, сохранившей до настоящего времени демократически избранные политические институты.

С тем, что в большинстве государств Ближнего Востока наблюдается недостаток демократии и сопутствующих ей свобод, согласны многие. Основные споры вызывает то, как изменить подобную ситуацию. Очевидно, что прямолинейная и ускоренная модернизация политического курса в регионе, предусмотренная в американском проекте «Большого Ближнего Востока», оказалась невозможна. Такой упрощенный подход к специфическим проблемам Ближнего Востока не соответствует местным реалиям, поскольку «регион имеет свои цивилизационные особенности, свою многовековую историю, глубоко укоренившиеся, отличные от западных менталитет, традиции правления и общественной жизни»¹⁵.

При этом очевидно, что администрация США не справляется с вызовами на Ближнем Востоке и не готова к реальным переменам в своей внешней политике, несмотря на многочисленные заверения Б. Обамы наладить отношения с мусульманскими странами. Можно вспомнить его знаменитую речь в Каирском университете, в которой президентом США была сделана первая попытка выправить взаимоотношения с мусульманским миром в целом и ближневосточными странами в частности, а также были предприняты шаги по осветлению образов США и Запада, которые в условиях глобализационных процессов стали восприниматься как «враждебные традициям ислама»¹⁶.

Таким образом, непринятие проекта «Большой Ближний Восток» теми, на кого он был рассчитан, и недоверие к новой власти в США создали дополнительные трудности в решении следующей важной проблемы, формирующей геополитическое пространство и привлекающей дополнительное внимание к региону. Этой проблемой является его значительный конфликтный потенциал. В этой связи стоит подчеркнуть, что Ближний Восток является одним изглавных конфликтогенных регионов мира. Конфликты здесь носят внутригосударственный, внутрирегиональный и международный характер.

Отличительная черта этих конфликтов состоит в том, что они оказывают дестабилизирующее воздействие на все процессы в ре-

гионе, чрезвычайно осложняют ход исторического развития всего Ближнего Востока. В этой связи российский политолог В.Н. Панин выделяет четыре основных компонента конфликтности: демографический, включая миграционные потоки; этнорелигиозный; территориальный и экономический¹⁷.

К этому перечню также следует добавить соперничество великих держав в регионе и, безусловно, арабо-израильское противостояние. Спустя шестьдесят лет этот конфликт вобрал в себя такое количество противоречий, взаимных обвинений и обид, что с каждым годом растет количество пессимистов в отношении процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Палестинский вопрос на протяжении более полувека оказывает деструктивное воздействие на территории всего геополитического пространства и приводит к перманентному состоянию напряженности в этом регионе. «Арабо-израильские противоречия измотали в первую очередь арабскую сторону. Израиль же при активной поддержке США сумел выстоять во всех войнах и даже добился подписания мирных соглашений с Египтом и Иорданией, странами, которые в свое время занимали непримиримую позицию по статусу палестинской автономии»¹⁸.

С 1948 года, когда было создано Государство Израиль, мировое сообщество так и не предложило реальной действенной модели сосуществования двух народов на этой территории, «не существует, вопреки декларациям лидеров ООН и Великих держав, не только единого подхода к палестинской проблеме, обещающего минимально гарантированный результат, но даже единого мнения по поводу того, о чем, собственно, должна идти речь»¹⁹. После окончания Второй мировой войны была принята Резолюция ООН от 1947 года, согласно которой Палестинское государство делилось на две части, каждая из которых должна была быть равна в своих возможностях и правах²⁰.

Однако этот проект, учитывавший интересы обеих сторон, так и не был реализован. Более того, к этому добавились еще и территориальные проблемы с соседями. Так, если Египет и Иордания решили этот вопрос, признав государство Израиль и подписав мирное соглашение, то сирийцы до сих пор не готовы рассматри-

вать возможность полноценного диалога с властями Израиля из-за Голанских высот.

Большую настороженность вызывает тот факт, что согласованности при решении конфликта не наблюдается в рядах израильтян и палестинцев. Политическое соперничество в палестинской автономии, отсутствие консенсуса внутри государства, не всегда адекватные действия Израиля в отношении палестинцев не прибавляют оптимизма в отношении возможного скорейшего разрешения конфликта. Особую тревогу вызывает также то, что у Израиля после известных событий, связанных с «флотилией свободы», не осталось явных региональных партнеров и союзников. Самостоятельно же, не имея на своей стороне ни одного регионального игрока, который мог бы выступить в качестве посредника на мирных переговорах, решить конфликт без потерь для себя Израилю будет очень сложно.

Таким образом, исходя из современного состояния арабо-израильского конфликта, можно сделать вывод о том, что модели ближневосточного урегулирования, представленные в рассматриваемый период, в значительной степени исчерпали себя. На данный момент невозможно говорить о скором разрешении этого противостояния, требуется поиск совершенно новых подходов, которые строились бы с учетом текущей динамики в регионе.

Особняком на пути к урегулированию ситуации, на наш взгляд, стоит ядерный вопрос. Эта проблема затрагивает интересы абсолютно всех региональных акторов и выходит далеко за пределы Ближнего Востока. Как известно, Израиль до сих пор официально не признает наличия у себя ядерного оружия. Он не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и, как предполагается, имеет около 200 ядерных боеголовок²¹. Это, в свою очередь, никак не увязывается с идеей создания зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке.

Израиль до сих пор не подписал Договор, поскольку «увязывает свое возможное членство в ДНЯО с завершением общеполитического урегулирования ситуации на Ближнем Востоке, т.е., когда Израиль получит гарантии безопасности, тогда он решит вопрос о присоединении к ДНЯО²². Фактически Израиль дает понять, что

без ядерного оружия он не сможет гарантировать защиту своего малочисленного населения от преобладающего мусульманского. Такая позиция создает дополнительную напряженность в регионе, которая может подстегнуть соседние государства к ответному ядерному вооружению.

В случае обладания Ираном ядерным оружием баланс сил в регионе окончательно нарушится. И это может привести к тому, что арабские государства региона попытаются создать противовес и обезопасить себя от потенциальной угрозы путем создания собственного ядерного оружия. По оценкам экспертов, по меньшей мере три арабские страны (Египет, Сирия, Саудовская Аравия) обладают достаточным потенциалом для создания подобного вида оружия массового уничтожения²³. Исходя из вышесказанного, Ближний Восток может стать самым опасным ядерным регионом на Земле с учетом того, что здесь расположено много пороговых ядерных государств.

Другой проблемой арабо-израильских противоречий, на наш взгляд, является то, что Израиль считается ее главным субъектом. Это не может не затрагивать арабов, которые представляют региональное большинство, а также Турцию и Иран. Они видят в Израиле главного союзника США, воспринимают его как основного проводника «американизации» в регионе. Также зачастую в адрес Вашингтона и Иерусалима поступают обвинения в подрыве региональной системы безопасности, которая значительно пострадала за последние десятилетия. Так, после военной кампании США в Ираке и падения режима Саддама Хусейна страна вместо обещанной демократии и стабильности превратилась в базу для международных террористов, стала одной из основных болевых точек Ближнего Востока и получила перспективу раздела на три независимых государства. Последнее особенно опасно, потому что в этом случае во всем регионе могут начаться необратимые процессы, которые практически невозможно спрогнозировать.

Очевидно, на наш взгляд, то, что до предела обострится курдский и шиитский вопросы, которые не только влияют на систему безопасности, но и существенно сказываются на геополитических процессах в регионе. Говоря о шиитах, необходимо отметить, что

после распада Советского Союза и его ухода с ближневосточной геополитической арены регион поглотила волна конфессиональной вражды. При этом сформировались два полюса противоборства во главе с Саудовской Аравией и Ираном, которые представляют «консервативно-либеральный суннизм с амбициями панарабского проекта и консервативно-революционный шиизм» соответственно²⁴. И если взять в расчет демографические показатели, то в настоящее время численность шиитов на Ближнем Востоке составляет примерно 132 миллиона человека, то есть примерно 44% от общего населения региона²⁵.

Подобное расслоение, закрепленное идеологическим и религиозным соперничеством, может в перспективе привести к общерегиональному крупномасштабному конфликту. «Противостояние шиитов и суннитов может естественным образом вызвать новый виток противоборства между Саудовской Аравией и Ираном, поскольку эти две державы не только претендуют на политическое лидерство в регионе, но и являются своего рода центрами притяжения для двух основных направлений в исламе. Со стороны властей Саудовской Аравии стали поступать нелестные заявления о координации Ираном действий мятежных суннитов в Йемене, а также поддержке шиитских мятежников в других странах региона. Если добавить к этому существующую проблему сепаратизма этнических курдов и идеи пантюркизма, исходящие от Анкары, то Ближнему Востоку грозят серьезные проблемы. Большинство ближневосточных государств являются многонациональными, и насильственные этнические преобразования в регионе могут быть крайне опасными»²⁶.

Несмотря на это, некоторые исследователи полагают, что война 2003 года не имела столь существенного влияния на ситуацию в регионе. Среди них — один из самых известных американских политических аналитиков Ф. Закария, который отмечает, что большинство соседних с Ираком государств не почувствовали никаких изменений в связи с «маленькими иракскими неприятностями». Ф. Закария ссылается при этом на то, что соседние региональные державы продолжили активное социально-экономическое развитие²⁷.

Однако мы думаем, что иракская военная кампания, военные действия израильской армии в Ливане, продолжающиеся столкновения в секторе Газа, постоянная борьба исламистов с правительствами светских государств Ближнего Востока, а также другие неразрешенные конфликты основательно расшатали обстановку на Ближнем Востоке и обозначили жизненно важную необходимость в новой системе региональной безопасности. И очевидно, что она должна выстраиваться с соблюдением многочисленных актуальных факторов, поскольку время кардинально изменило содержание привычного понятия безопасности государства.

И помимо военного, политического, социального и экономического аспектов, среди особо важных для региона можно выделить такие, как продовольственный, демографический и водоснабженческий. В связи с большой значимостью этих факторов для стабильного развития региона в эпоху глобализации особый практический интерес представляет более подробное их освещение.

Говоря о продовольственном, демографическом и водоснабженческих аспектах, мы предлагаем объединить их в одну группу факторов, поскольку они тесным образом связаны и обеспечение стабильности одного из них невозможно без обеспечения стабильности другого. Прежде всего следует отметить, что на Ближнем Востоке наблюдается сложная демографическая ситуация. Население региона растет очень высокими темпами. По оценкам демографов, население Ближнего Востока увеличится до 500 млн человек в 2025 году, причем в некоторых странах более чем в два раза²⁸. Подобная динамика непосредственно сказывается на проблеме нехватки воды и продовольствия.

Вопрос нехватки водных ресурсов с каждым годом все больше обостряется, подталкивая ученых и политологов к выводу о неизбежности конфликтов за обладание этим важным стратегическим ресурсом в недалеком будущем. Ближний Восток является одним из самых вододефицитных регионов в мире, 90% территории относится к засушливым и сухим почвам, возобновляемый запас воды составляет примерно 2,4 млрд кубометров в год, при потреблении 3 млрд кубометров²⁹. Причем последний показатель ежегодно значительно увеличивается.

Таким образом, можно согласиться с Д.А. Миргородом, который отмечает, «что в регионе растет напряженность, связанная с распределением имеющихся водных ресурсов. Поэтому практически все государства пытаются разработать свои программы по решению проблемы обеспечения населения пресной водой. Эти программы варьируются от научно-технических, связанных с опреснением морской воды, преимущественно в странах Залива и до программ по налаживанию поставок пресной воды из соседних стран. Причем в роли таких стран в первую очередь могут выступить Турция и Иран, у которых нет столь острых проблем с обеспеченностью водными ресурсами, поскольку территориально они находятся севернее своих региональных соседей и имеют больше возможностей для получения воды. Столь большой дефицит воды на Ближнем Востоке может привести к возникновению новых конфликтов. Сейчас на территории региона, на наш взгляд, существуют четыре основные спорные ситуации, связанные с распределением воды:

- между Сирией, Ираком и Турцией из-за рек Тигр и Евфрат;
- между Египтом, Суданом и Эфиопией из-за реки Нил;
- между Израилем и Сирией из-за Голанских высот;
- между Израилем, Палестинской Автономией и Иорданией из-за бассейна реки Иордан»³⁰.

Тем не менее пока обстановка вокруг перераспределения водных ресурсов не выливается в прямые вооруженные столкновения и войны. Однако такой сценарий развития ситуации вполне возможен. В связи с этим можно вспомнить мнение бывшего министра иностранных дел Египта и Генерального секретаря ООН Бутроса Гали, который предрекал крупномасштабную войну за воду в регионе³¹.

Из проблем водоснабжения и быстрого роста населения в странах Ближнего Востока вытекает другая не менее важная проблема — продовольственная.

Дефицит продовольствия, как и нехватка воды, является одной из основных глобальных угроз современности. И его масштабы обещают стать беспрецедентными. Большинство специалистов и аналитиков в области продовольствия утверждают, что мир находится на

границы серьезного, долгосрочного кризиса. И в силу неблагоприятных для выращивания продуктов условий и роста спроса на продовольствие этот кризис будет крайне болезненным для стран Ближнего Востока, которые вынуждены импортировать до 50% продовольствия, являясь одними из крупнейших импортеров в мире³².

Реальным шагом в решении продовольственной проблемы является разработка проектов по созданию собственной производственной базы. Поэтому, как мы думаем, продовольственный кризис в перспективе мог бы способствовать развитию сельскохозяйственного производства в некоторых странах региона с благоприятными для земледелия условиями. При реализации подобных проектов необходимо учитывать использование существующих водных ресурсов, а также параллельно активно разрабатывать новые источники воды³³.

Хороший пример в этих условиях подает сирийское руководство, которое не только пытается полностью обеспечить себя продовольствием, но и зарабатывает на продажах сельскохозяйственной продукции. Результатом реформирования сельского хозяйства в Сирии стало превращение страны в одного из ведущих экспортеров продуктов сельскохозяйственного производства в регионе. Об этом свидетельствует то, что 25% ВВП государства приходится на долю сельского хозяйства³⁴. Также достаточно неплохие показатели по сельскохозяйственному комплексу у Египта, Турции, Ирана.

Другие страны региона, обделенные пригодными условиями для развития сельского хозяйства, действуют иначе. Так, Саудовская Аравия и Кувейт, помимо поставок импорта продовольствия, рассматривают возможность долгосрочной аренды земельных участков земли в Судане и в Украине. Такие различные подходы к решению проблемы продовольственной безопасности в разных странах региона предоставляют ближневосточным государствам возможность поиска дополнительных точек для кооперации. И в этом конкретном случае мы сталкиваемся со своеобразной исторической справедливостью, когда богатые нефтеэкспортирующие страны, закупая продовольствие у более развитых в сельскохозяйственной отрасли соседей, могут поддерживать их экономический рост.

Вместе с тем развитие сельскохозяйственного производства в регионах, связанных с рискованным земледелием, в последние го-

ды все больше связывают с выращиванием генномодифицированных продуктов, которые, по мнению врачей и экологов, небезопасны для человека. Эта тенденция является одним из признаков мировых глобализационных процессов. Первой страной в регионе, которая стала производить такие продукты, стал Египет. Таким образом, при создании новой системы безопасности, которая смогла бы минимизировать количество конфликтов в регионе, нужно учитывать множество факторов; если упустить хотя бы один из них, требуемый результат в виде региональной стабильности будет практически недостижим.

Значимость Ближнего Востока в контексте глобализации, на наш взгляд, будет также определять его интеграционный потенциал, который влияет не только на построение геополитической модели региона, но и на устойчивость его развития. В условиях глобальной экономики одна из проблем заключается в том, что страны региона зачастую соперничают друг с другом вместо того, чтобы сотрудничать. Вместе с тем именно они должны быть заинтересованы в формировании собственного экономического пространства для того, чтобы адекватно противостоять вызовам глобализации. Иначе «страна, действующая в одиночку, не может рассчитывать на успех в противостоянии большим экономическим блокам, созданным в странах развитого Севера»³⁵.

Соответственно, как выявляет Д.А. Миргород, «без осуществления интеграции между государствами Юга, в частности странами Ближнего Востока, равноправные отношения между Севером и Югом кажутся невозможными. Но на пути к этому существует ряд труднопреодолимых препятствий. Среди них можно выделить неразрешенность арабо-израильского конфликта, борьбу за лидерство между региональными и международными акторами, социально-экономическую раздробленность и т.д. Мы думаем, что Ближнему Востоку необходимо выработать собственную интеграционную модель, которая будет отвечать не только задачам успешного вхождения в глобализирующийся мир, но и интересам каждого участника этих процессов. Ведь для этого здесь есть все предпосылки: территориальная, культурная и религиозная близость.

Здесь необходимо отметить, что продвижение процессов политической интеграции, которая предусматривает создание наднациональных институтов власти, выглядит достаточно проблематично в силу известной авторитарности руководства большинства стран региона. И это несмотря на то, что современная структура мирового порядка свидетельствует, что постепенный, региональный переход к наднациональному уровню общественно-политического управления является положительным. Примером этому служит удачный опыт ЕС.

Особенности мышления правящей элиты региона создают определенные препятствия для подобных преобразований. В арабском мире, в частности на Ближнем Востоке, за десятилетия глобальных интеграционных процессов не удалось преодолеть огромные расхождения в показателях социально-экономического развития стран региона. Народы Ближнего Востока по-прежнему остаются оторванными друг от друга в силу сохраняющейся, а в отдельных случаях нарастающей дифференциации, которая разводит эти государства по диаметрально противоположным нишам регионального, политического и экономического пространства»³⁶.

Исключением из этого правила можно считать ряд объединений в регионе. Во-первых, это Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), который является одной из самых мощных региональных структур, поскольку объединяет региональные государства с самым сильным экономическим потенциалом. При этом ССАГПЗ занимается не только внутренней интеграцией, но и подает отличный пример взаимодействия региональных объединений с другими подобными организациями. Так, эта организация и Европейская ассоциация свободной торговли заключили соглашение о свободной внешней торговле. Более того, развивая внешние экономические связи, ССАГПЗ стремится подписать подобные соглашения с Японией, Австралией, Индией, Новой Зеландией и Китаем.

Исключительная региональная важность ССАГПЗ подчеркивается отношением соседних государств к этой организации. Так, например, тогдашний президент Египта Хосни Мубарак отмечал, что безопасность стран Персидского залива и Египта неотделимы друг от друга³⁷. Он выразил готовность со стороны АРЕ оказать

странам — участникам ССАГПЗ всю необходимую помощь для защиты их независимости и территориальной целостности. Другие арабские государства региона пересекаются со странами — участниками ССАГПЗ в двух значительных экономических объединениях: в Арабской зоне свободной торговли (ГАФТА) и Совете арабского экономического единства (САСЕ), которые были созданы для активизации экономических отношений и для поддержки развития арабских государств³⁸.

Отшельниками в интеграционных процессах смотрятся неарабские государства региона. И если у Израиля существуют объективные причины для этого, то у Турции и Ирана есть все возможности для интеграции с арабскими государствами, особенно с учетом их членства в Организации Исламская Конференция, и членства Ирана в ОПЕК. Турция, на наш взгляд, осознав всю сложность своего вступления в ЕС, уже обозначила расширение векторов внешнеполитического курса и начала активизироваться на двух региональных направлениях: кавказском и ближневосточном³⁹.

Так, в прессе появилось сенсационное сообщение о том, что между Ираном и Турцией заключено тайное соглашение о так называемом «территориальном союзе от Турции до Ливана»⁴⁰. Это соглашение будет предусматривать взаимную поддержку по всем направлениям, включая поставки вооружений в Сирию и Ливан, а также обмен разведывательной информацией. Поэтому вполне вероятно, что при условии, если Турция и Иран смогут преодолеть противоречия с арабским Ближним Востоком и если сами арабские государства региона смогут разобраться в своих отношениях, то о регионе можно говорить как о месте с очень высоким интеграционным потенциалом.

Д.А. Миргород отмечает, что «наиболее монолитную в интеграционном смысле группу составили страны Аравийского полуострова. Поэтому, как мы думаем, именно они стали двигателем интеграционных процессов и как следствие проводниками глобализации на Ближнем Востоке, поскольку доказали свою состоятельность и способность к самостоятельному развитию.

До этого в мире существовало мнение, что арабские страны не способны проводить эффективную внутреннюю и внешнюю по-

литу. Эта позиция, на наш взгляд, в первую очередь основывалась на том, что Ближний Восток чаще всего ассоциируется не с субъектом, а объектом геополитики. Из-за этого в западных странах сложилось предубеждение, что ближневосточные государства несмотря на богатые энергетические ресурсы не способны создать эффективную экономическую модель»⁴¹.

Однако на рубеже XX–XXI вв. большинство аравийских монархий Персидского залива постепенно изменили западные стереотипы и достигли существенных успехов в развитии. Причем очевидно, что было бы нелогично увязывать их успех только с наличием у этих стран огромных запасов нефти, поскольку существует немало примеров, когда несмотря на богатые природные ресурсы государство не смогло построить эффективной социально-экономической модели развития.

Статус регионального геоэкономического центра богатых нефтеэкспортирующих государств Залива подтвердился мировым финансовым кризисом 2008 г., который поставил под сомнение экономический аспект глобализации и высветил недостатки многих экономик мира, но почти не затронул стран — участниц ССАГПЗ. Говоря о влиянии мирового финансового кризиса на ССАГПЗ, в первую очередь необходимо отметить, что главным ударом по его странам-участницам стал обвал цен на нефть. Этот удар по экономике стран ССАГПЗ стал достаточно относительным, так как они сумели хорошо подготовиться к кризису и минимизировать свои потери, поскольку в период нефтяного бума, когда цены на нефть достигали рекордных за всю историю 147,27 долларов за баррель, члены ССАГПЗ вели ответственную гражданскую и бюджетную политику⁴².

Подобные действия позволили обезопасить от потрясений рынков недвижимости, который являлся одним из основных объектов инвестирования для стран Персидского залива. Так в рассматриваемый период страны — члены ССАГПЗ вкладывали до 90 миллиардов долларов в недвижимость, что составляло примерно 50% всех инвестиционных потоков данных стран⁴³.

Знаковым моментом в условиях кризиса стало также то, что в июне 2009 года представители четырех стран ССАГПЗ (Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта и Катара) подписали в Эр-Рияде

соглашение о единой валюте. Таким образом, эти государства подхватили мировые настроения, основанные на стремлении к диверсификации мировой валютной системы.

Помимо конкуренции на валютном рынке ССАГПЗ может стать новым источником инвестиций в мировую экономику, потому что последствия финансового кризиса в регионе были более ограниченными, скорее всего Совет сможет практически без потерь преодолеть глобальную рецессию. Таким образом, монархии Персидского залива и впредь будут относиться к наиболее платежеспособным странам мира, что, во-первых, подтверждает их лидирующие позиции среди менее развитых арабских государств и, во-вторых, может придать им статус нового глобального центра принятия решения. Однако некоторые другие страны региона также достаточно благополучно пережили глобальную рецессию. В частности, Турция и Иран практически не сбавили темпов экономического роста⁴⁴.

Таким образом, мощные изменения в мировой системе под влиянием распада СССР и развивающейся глобализации всесторонне повлияли на ближневосточное геополитическое пространство и специфику политического процесса, характеризующегося крайней неоднородностью и нестабильностью. В контексте мировых трансформаций развитие политического процесса на Ближнем Востоке в рассматриваемый период представляется чрезвычайно сложным и многогранным, основывающимся на взаимодействии различных микро- и макроуровневых субъектов политических процессов. Важнейшими отличительными чертами этих процессов в регионе явились его геостратегическая и геополитическая значимость, весьма высокая степень конфликтности, разобщенность региональных акторов при имеющемся высоком интеграционном потенциале. Здесь также тесно завязаны актуальные политические и социально-экономические вопросы, результаты цивилизационных и культурных преобразований региона, кризиса идентичности проживающих здесь народов.

¹ Исаев Г.Г. Что такое «Ближний Восток»? // Полярная звезда. // www.zvezda.ru/rpn_822.htm.

² Глебова Н.С. Глобализация: угроза арабскому миру или залог его успешного развития? // Ближний Восток и современность. 2003. № 17. С. 12–22.

³ Мир в цифрах отрасли // Искусство управления. 2006. № 10. С. 96–117.

⁴ Крылов А.Б. Нефть и новые игры на глобусе // Фонд стратегической культуры. 2006 // www.perspektivy.info/oikumena/vostok/neft_i_novie_igri.htm.

⁵ Гусейнов В. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации / В. Гусейнов, А. Денисов, Н. Савкин, С. Демиденко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 22.

⁶ Панич А. Структура мирового энергобаланса: взгляд в будущее // www.nestor.minsk.by/sn/2008/27/sn82706.html.

⁷ Панин В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. С. 66.

⁸ Perthes V. America's "Greater Middle East" and Europe: Key Issues for Dialogue // Middle East Policy. 2004. № 3. Р. 85–97.

⁹ Примаков Е.М. В чем сущность плана «Большой Ближний Восток» // www.inosmi.ru/world/20040625/210712.html.

¹⁰ Миргород Д.А. Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 79.

¹¹ Сапронова М.А. Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 111.

¹² Шмелева Т.А. К вопросу о преемственности власти в современном Египте: Гамаль Мубарак // Институт Ближнего Востока // www.iimes.ru/rus/stat/2003/01-07-03.htm.

¹³ Миргород Д.А. Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 80–81.

¹⁴ Миргород Д.А. Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 81–82.

¹⁵ Аксененок А. Большой Ближний Восток: не навреди // Русский Архипелаг // www.archipelag.ru/geopolitics/piryadok/gambit/middle-east/.

¹⁶ Obama's speech in Cairo // www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09.

¹⁷ Панин В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. С. 92.

¹⁸ Миргород Д.А. Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 84–85.

¹⁹ Дергачев В. Раскаленные рубежи Ближнего Востока // Вестник аналитики. 2009. № 3.

²⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181/II от 29 ноября 1947 года // www.un.org/russian/peace/palestine/docs/ares181.pdf.

²¹ Howard L.NPT: A nuclear weapons free Middle East? Pressure on Israel grows // www.source.ly/10vbo.

²² Рыбаченков В.И. Режим нераспространения ядерного оружия // Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 2002 // www.armscontrol.ru/course/lectures/rybachenkov5.htm.

²³ Хрусталева В. Кто стучится в ядерный клуб? // Эхо планеты. 2009. № 35. С. 6.

²⁴ Мухиддин А. Трансформация политических процессов на Ближнем Востоке в постсоветскую эпоху // Геополитика: ИА портал // www.geopolitica.ru/Articles/724/.

²⁵ Mapping the global Muslim population. A Report on the Size and Distribution of the World's Muslim Population // Pew research center // www.pewforum.org/uploadedfiles/.

²⁶ *Миргород Д.А.* Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 88–89.

²⁷ *Zakaria F.* The Post-American World W.W. /F. Zakaria. N.Y., 2009. P. 8.

²⁸ *Nye J.S.* What New World Order? / J.S. Nye // Foreign Affairs. 1992. P. 83–96.

²⁹ *Глебова Н.С.* Вода и мир на Ближнем Востоке // Свободная пресса // www.svpressa.ru/world/article/26316/.

³⁰ *Миргород Д.А.* Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 90–91.

³¹ *Мамед-заде П.Н.* О проблеме водных ресурсов на Ближнем Востоке и в Африке // Институт Ближнего Востока // www.iimes.ru/rus/stat/2004/21-09-04.htm.

³² *Глебова Н.С.* Продовольственный кризис и положение в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Институт Ближнего Востока // www.iimes.ru/rus/stat/2008/20-09-08.htm

³³ *Woertz E.* Food Security in the Arabian Peninsula / E. Woertz, T. Lippman, O. Wilcox, C. Boucek // Carnegie Middle East Center. // www.carnegie-mec.org/events/?fa=2798.

³⁴ U.S. Department of state. Bureau of Near Eastern Affairs. Background Note: Syria // www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3580.htm.

³⁵ *Глебова Н.С.* Дихотомия Север-Юг и арабский мир на современном этапе // Институт Ближнего Востока // www.iimes.ru/rus/stat/2008/23-11-08.htm.

³⁶ *Миргород Д.А.* Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 94–95.

³⁷ Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ: В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля; Российская ассоциация международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 6: Новые тенденции в мировой политике / Под ред. В.С. Ягья, В.С. Денисенко. С. 128.

³⁸ Ministry of Industry and Trade the Hashemite Kingdom of Jordan // www.mit.gov.jo/Default.aspx?tabid=732.

³⁹ *Сурков Н.* Анкара возвращается на Ближний Восток // Независимая газета // www.ng.ru/courier/2010-06-21/9_ankara.html.

⁴⁰ *Тарасов С.* Израиль готовится к референдуму в Турции // www.regnum.ru/news/1314758.html.

⁴¹ *Миргород Д.А.* Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе : диссертация ... кандидата политических наук. Пятигорск, 2011. С. 96.

⁴² ОПЕК в условиях финансового кризиса // Интегрум Информационно-аналитический обзор. 2008. № 133. С. 7

⁴³ Экономика ОАЭ в свете глобального финансового кризиса. Дубай Инвест — Аналитика // www.dubaiinvest.ru/analytics/view/10.

⁴⁴ *Тюзмен К.* Мировой финансовый кризис в малой степени повлиял на Иран // Информация об Иране // www.news.iran.ru/news/55310/.

ГЛАВА 2

Ливан и его роль на Ближнем Востоке

История Ливана в прошлом и настоящем свидетельствует об исключительной важности и особой роли, которую он играет на Ближнем Востоке. Его небольшие размеры вполне компенсируются выгодным географическим расположением в центре восточного побережья Средиземного моря. Это обуславливает также стратегическое значение Ливанского государства. Поэтому контроль над этой территорией всегда стремились установить как соседние региональные, так и нерегиональные игроки, имеющие в Средиземноморье и на Ближнем Востоке свои политические и экономические интересы. Постоянному вмешательству извне во внутренние дела страны в значительной степени способствовала специфика внутривнутриполитической ситуации в Ливане, а именно его конфессиональное и культурное многообразие. Эти обстоятельства создают благоприятную почву для превращения Ливана в арену столкновения за сферы влияния различных внешних сил.

Ввиду своей политической нестабильности Ливан оказался самым слабым звеном в регионе, испытывающим на себе все тяготы противоречий и конфликтов, происходящих внутри страны и в сопредельных странах. Наглядным примером этого явился набиравший силу палестинский кризис, создание в 1958 г. организации «Движение за освобождение Палестины» («Фатх»), в 1964 г. — Организации освобождения Палестины (ООП) и Палестинского движения сопротивления (ПДС)¹.

После изгнания палестинских отрядов Ясира Арафата из Иордании в 1970 г., большая часть из них, а это около 350 тыс. человек, оказалась в Ливане, где под эгидой ООН были созданы лагеря палестинских беженцев. В своих лагерях палестинцы сформировали отряды бойцов сопротивления Израилю численностью около 30 тыс. человек². Следствием этого стали интенсивные обстрелы

палестинцами израильской территории и, соответственно, регулярные обстрелы и бомбежки палестинских лагерей в Ливане. В этом противостоянии на стороне Израиля выступали отряды правохристианских сил партии «Ливанские фаланги». Ожесточенная борьба различных религиозных группировок постепенно вовлекала в свой водоворот практически все слои ливанского населения.

Первоначальная и главная причина ливанского кризиса кроется в отказе христианско-маронитской элиты поделиться властью с мусульманским большинством. Неприятие мусульманами, особенно шиитами, ценностей западной капиталистической цивилизации, носителями которых они считали маронитов и других христиан, усилило их стремление к построению традиционного исламского общества. Это стремление получило мощный стимул после победы иранской революции. Рост религиозной нетерпимости и фанатизма радикальных кругов с обеих сторон ускорял процесс разрушения Ливана как государства.

И в 1975 г. в Ливане началась настоящая гражданская война, продолжавшаяся долгих 15 лет. Только за 10 первых месяцев боев погибло более 15 тысяч человек, ранено 40 тысяч, свыше 250 тыс. ливанцев покинуло страну. Ущерб, причиненный экономике, был равен годовому национальному доходу страны. Бейрут превратился во фронтовой город, улицы которого перекрывали баррикады, одни районы контролировали фалангисты, другие — милиция левых мусульманских сил, а между ними была проведена линия демаркации. В этом внутреннем конфликте самое активное участие принимало сирийское руководство. Оно брало на себя посреднические функции, при этом открыто поддерживая палестинцев и ливанских мусульман. В Ливан были отправлены значительные части сирийской армии. В этот тяжелый период гражданской войны другие арабские страны, такие как Египет, Саудовская Аравия, выступали с поддержкой той или иной стороны конфликта. Однако это долго не приводило к положительному результату. Государственная власть в Ливане оказалась парализованной. Рухнуло единство армии, насчитывающей 18 тыс. человек. Ее высшее командование состояло в основном из христиан, но 70% солдат и сержантов исповедовало ислам. Часть из них образовали «армию араб-

ского Ливана» во главе с лейтенантом Ахмедом Хатибом. В этой обстановке начальник бейрутского гарнизона генерал А. Ахдаб провозгласил себя временным военным губернатором Ливана и потребовал отставки президента Сулеймана Франжье. Парламент почти в полном составе встал на сторону Ахдаба. И тогда политические деятели Ливана вновь прибегли к посредничеству Сирии³.

В декабре 1985 г. дружская Прогрессивно-социалистическая партия, шиитская партия «Амаль» и правохристианские «Ливанские силы» подписали в Дамаске «Соглашение о достижении национального урегулирования». Они заявили, что распускают свои военные формирования во имя национального согласия. Но вскоре произошла новая кровопролитная вспышка «войны лагерей», охватившая Сайду и Тир. Она была вызвана вытеснением с юга Ливана палестинских отрядов Ясира Арафата шиитскими боевыми формированиями, которые поддерживало сирийское руководство⁴. Конфессиональная борьба в стране все больше теряла свой социально-политический аспект, превращаясь в религиозную вражду и нетерпимость. Выросшее за время гражданской войны новое поколение политических и религиозных лидеров Ливана оказалось неспособным провести в жизнь какие-либо созидательные программы. Оно боролось за власть и влияние с переменным успехом и не смогло разорвать опутавший страну клубок проблем и конфликтов, превратившись по сути в заложников более мощных внешних сил. Поскольку ни одна политическая группировка Ливана не в состоянии была контролировать ситуацию в стране, возросла зависимость любой из них от внешних союзников.

Зашедшая в тупик война в Ливане в начале 1989 г. заставила международную дипломатию более активно искать пути решения затянувшейся ближневосточной проблемы, палестинского вопроса и связанного с этим ливанского конфликта. Такие меры, как посылка французского военного флота к берегам Ливана или отправка домой персонала американского посольства, могли лишь смягчить особо напряженные ситуации.

Сирийская армия, которую пригласили в Ливан для урегулирования конфликта, оставалась в стране вплоть до 2005 г. Израиль контролировал «зону безопасности» в Южном Ливане до 2000 го-

да. Чтобы спасти Ливан, уставшие от войны и разрушений воюющие группировки согласились на посредничество ряда арабских стран. В 1989 г. представители Лиги арабских государств (ЛАГ) начали переговоры с Сирией и лидерами ливанских соперничающих сил. Был разработан проект Ливанской национальной хартии. Египетское правительство также разработало план урегулирования ливанского кризиса. Особую роль взяла на себя Саудовская Аравия. Переговоры, в которых участвовали члены ливанского парламента, состоялись в г. Ат-Таифа в Саудовской Аравии. Руководство парламента ратифицировало Хартию национального согласия. По результатам Таифских соглашений 1989 года все вооруженные группировки, действовавшие в стране, должны были сложить оружие. Однако шиитская «Хезболла», которая начала набирать силу и популярность с середины 1980-х годов, отказалась складывать оружие под предлогом борьбы с Израилем.

Новый президент Ливана Ильяс Храуи подписал закон о конституционной реформе, который уравнивал в правах христианские и мусульманские общины страны. Вооруженная милиция была распущена, а государственная власть и действие законов были распространены на всю территорию Ливана.

Пытаясь оценить причины выступлений против действующей власти в Ливане, используем авторитетное мнение Р. Миллса, который в своей работе «Властвующая элита» приходит к выводу, что падение режимов обусловливается прежде всего внутриэлитными конфликтами во всем их многообразии. Жесткие политические режимы гибнут не потому, что они являются авторитарными или тоталитарными, а из-за того, что в обществе существует «закон сохранения элиты», выступающий в качестве основы его стабильности. Как только элита оказывается неспособной защитить себя — наступает революция, утверждает Миллс⁵.

Такое мнение больше относится к ситуации в Сирии с ее жестким авторитарным режимом Б. Асада. В Ливане же, где конституция носит демократический характер, элиты смогли восстановить себя после гражданской войны 70–80-х гг. прошлого века. Ливанское общество осознало необходимость большей толерантности в отношении конфессиональных различий и больше стало стремиться

к сохранению стабильности и существующего статус-кво, нежели к кардинальным переменам. Это относится, в первую очередь, к шиитскому движению «Хезболла», которое одновременно функционирует как военизированная организация (практически вторая армия в стране) и как легальная политическая партия.

Показательна в этом отношении ситуация, которая сложилась в ходе гражданской войны в 1986 г., когда кабинет министров, сформированный Рашидом Караме, суннитским лидером, оказался расколотым на два центра: министры-христиане заседали в президентском дворце Амина Жмайеля, а министры-мусульмане (во главе с лидером друзов Валидом Джумблатом и лидером шиитов Набином Берри) поддерживали премьер-министра. Парадоксальность этой ситуации, когда два центра исполнительной власти парализовали друг друга, заключалась в том, что официально о своем разрыве они не объявляли. Этим они проявляли уважение — показное или реальное — к конституции и административным правилам. Благодаря ему в течение всех долгих лет гражданской войны сохранялся принцип единства ливанской исполнительной власти⁶. Что касается парламента, то хотя его законность нередко оспаривалась на протяжении всех лет независимости Ливанской республики, он всегда оставался гарантом сохранности республиканских институтов. Одной из важных его функций является контроль за бюджетными расходами, которые рассматриваются парламентскими комиссиями.

Важно отметить, что в годы гражданской войны и раскола общества по конфессиональному признаку стране удавалось сохранять видимость единства ряда государственных организаций, например Ливанского университета. В христианской зоне Бейрута и в других городах были созданы филиалы всех его факультетов⁷.

В 90-е годы правящие круги Ливана начали реформу административно-государственного устройства. Однако провозглашенная цель ликвидации политического конфессионализма была решена лишь частично, натолкнувшись на массу препятствий, в первую очередь сопротивление руководителей шиитской общины, неохотно шедших на компромиссы. В этом шииты получали поддержку и всестороннюю помощь со стороны сирийского президента Башара

Асада и его алавитского окружения, за спиной которого стоит Иран⁸.

К началу XXI века противостояние главных ливанских конфессий касалось, в первую очередь, решения вопроса о выводе сирийских войск после почти 30-летнего их пребывания на территории Ливана. Катализатором этого размежевания стал теракт в феврале 2005 г., в результате которого был убит премьер-министр Ливана Рафик Харири (суннит). Его сторонники утверждали, что это преступление организовано Сирией. Это громкое и кровавое убийство (при взрыве погибли десятки людей) получило широкий международный резонанс и заставило Дамаск вывести из Ливана свои войска⁹. И, наконец, в 2008 году, спустя шесть с лишним десятилетий после провозглашения независимости Ливана, между Сирией и Ливаном были установлены дипломатические отношения.

Однако соперничество ливанских суннитов и шиитов за влияние и власть продолжилось в начале XXI века. С 2003 г. на территории Ливана сформировались филиалы экстремистской исламистской организации «Аль-Каида» (запрещенной в РФ). Эти группы боевиков состояли из ливанцев, палестинцев, сирийцев, иорданцев и исламистов других стран, прибывших в Ливан, в частности из Ирака. Они обстреливали израильскую территорию и пытались туда проникнуть. Между суннитской «Аль-Каидой» (запрещенной в РФ) и шиитской «Хезболлой» возникали конфликты и столкновения, в результате которых роль первой в Ливане пошла на убыль. Созданная на ее основе экстремистская организация «Фатах аль-Ислам» в 2007 г. совершала теракты в самом Ливане, вступив в противостояние с ливанской армией. Тогда армейские части в результате штурма разгромили укрепления этой суннитской группировки в Нахр аль-Бариде. Потеряв в боях массу своих боевиков и лидеров, сунниты были оттеснены на второй план¹⁰.

Нерешенность базовых социально-экономических и политических проблем лишь усиливала в обществе недовольство, которое не сводилось к требованию полного обновления устаревшего избирательного закона. Страна переживала длительный период кризиса президентской власти, который сопровождался правительственным кризисом. Во многом такая ситуация создавалась и

поддерживалась радикальным исламистским движением «Хезболла», которое использовало слабость государственной власти, в частности, для укрепления своего анклава в Южном Ливане.

При поддержке Ирана эта структура совершала вооруженные провокации против Израиля, и тот в ответ начал в июле 2006 г. военную операцию в этом районе Ливана. Израильская армия установила воздушную и морскую блокаду территории юга Ливана, сопровождая ее ракетно-бомбовыми ударами. Значительные потери в результате этой операции понесли обе стороны, так как отряды «Хезболлы» продемонстрировали не только внушительную оснащенность военной техникой, но и умелое руководство боевыми действиями, эффективность и боевой дух. Однако Израиль в очередной раз подтвердил свое чисто военное преимущество¹¹.

Энергичные усилия по урегулированию ливано-израильского конфликта предпринял Генеральный секретарь ООН. По этому вопросу Совет Безопасности принял три резолюции, в которых выражалось «удовлетворение в связи с достижением прочного консенсуса в Ливане» в поддержку миротворческих усилий ООН. Внешнеполитическое давление на Ливан с разных сторон после этого снизилось, а достигнутый при участии Египта, Сирии, Израиля, Турции, Франции, Катара компромисс между соперничающими силами Ливана предотвратил «сползание страны к новой гражданской войне». Однако, по справедливому замечанию В.В. Наумкина, хотя «Хезболла» праздновала победу и даже вошла в состав правительства, получив право вето на все его решения, «это не положило конец острым различиям между различными политическими силами страны»¹².

Острые политические проблемы закономерно сопровождались финансовым и экономическим кризисом. Ливан не в состоянии был выплачивать многомиллиардные долги, а программа реформ, предложенная кабинетом Фуада Синьоры и основанная на приватизации государственной собственности, вызвала протесты оппозиции. Ситуация осложнилась также во время президентских выборов 2007–2008 гг. Девятилетний срок пребывания на посту президента Эмиля Лахуда затянулся. Большинство депутатов парламента, состоявшее из движения «Аль-Мустакбаль» во главе с

Саадом Харири, блока лидера друзов Валида Джумבלата и партии «Катаиб» Амина Жмайеля (Блок 14 марта), выступало против влияния на Ливан Сирии и Ирана. Меньшинство, оппозиционное правительству, в которое входили шиитские партии «Хезболла» и «Амаль», а также Свободное патриотическое движение (СПД) во главе с генералом Мишелем Ауном (Блок 8 марта), призывало бороться с вмешательством США и Израиля в дела Ливана. По меткому замечанию Р.Г. Ланды, «большинство политически объединило в своих рядах мусульман, христиан и друзов, что наглядно свидетельствовало о том, что конфессиональная система Национального пакта 1943 г. если еще не изжила себя, то находится на пути к этому. О том же говорил и состав оппозиционного правительству меньшинства...» Выдвинутая большинством парламента кандидатура 60-летнего генерала Мишеля Сулеймана была поддержана маронитским патриархом Н.Б. Сфайром и генеральным секретарем «Хезболлы» Хасаном Насралла. Решение о его избрании президентом было достигнуто с огромным трудом, но на некоторое время уменьшило напряженность в стране. В мае 2008 г. М. Сулейман вступил в должность президента Ливанской республики.

К началу 2011 г. вопросы сближения с Сирией и конфронтации с Израилем вновь обострили внутривластную борьбу в Ливане. Это привело к отставке правительства. Новый кабинет во главе с Наджибом Микати был сформирован только через полгода. Саад Харири по соображениям безопасности выехал в Саудовскую Аравию. Сменивший Микати в марте 2013 г. новый премьер-министр Таммам Салам также не мог длительное время сформировать свое правительство. Низкая дееспособность ливанских правительств объясняется традиционными разногласиями, дискуссиями и спорами между конфессиями. Показательно, что из-за саботажа разных группировок и кланов так и не был принят новый избирательный закон, другие насущные проблемы тоже не решались.

На ситуацию в Ливане уже много лет оказывает сильное влияние обострившийся с 2012–2013 гг. внутрисирийский конфликт. На ливанскую территорию потянулись беженцы и суннитские боевики из ИГИЛ (запрещенной в РФ), особенно после прямой вооруженной поддержки режима Башара Асада отрядами «Хезбол-

лы» в 2014–2015 гг. К этому времени район Эрсаль у ливано-сирийской границы превратился в базу исламистов. В августе 2014 г. здесь произошли упорные бои ливанской армии с боевиками ИГИЛ и «Джихад ан-Нусра» (запрещенными в РФ) за контроль над границей. Опасная ситуация в стране и регионе привела, в частности, к росту эмиграции ливанских христиан, их общины заметно уменьшились и позиции внутри страны ослабли. Такое положение затрагивало конституционные основы страны, а именно закрепление поста президента за христианином-маронитом.

Ливан крайне заинтересован в том, чтобы приемлемое для всех сторон решение по Сирии было найдено как можно скорее. Сирийский внутренний конфликт продолжается уже много лет. В нем непосредственное участие принимает целый ряд стран, таких как Иран, Турция, Россия, США. Их разнонаправленные интересы пока не позволяют найти консенсус по урегулированию сирийской проблемы. Что касается Ливана, то его политическое руководство неизменно занимает позицию «активного нейтралитета и невмешательства» в дела Сирии.

В октябре 2016 г. после долгих переговоров парламентских коалиций новым президентом Ливана был избран генерал Мишель Аун, который давно добивался этого поста. Его задача состояла в сохранении баланса сил в стране, однако при этом он опирался на сотрудничество с «Хезболлой». Вскоре его разногласия с премьер-министром С. Харири, который открыто поддерживал противников президента Сирии Б. Асада, привели к тому, что глава правительства заявил об отставке и отправился в Эр-Рияд. Причиной этого он назвал вмешательство Ирана во внутренние дела Ливана.

Очевидное усиление позиций «Хезболлы» на ливанской политической сцене в последние годы привело к дисбалансу внутри общества. Это проявилось, например, в марте 2016 г., когда официальный Ливан выступил против решения Совета министров ЛАГ о признании движения «Хезболла» террористической организацией¹³. В самом Ливане, даже в рамках одной конфессии, не все хотят видеть во главе Сирии Башара Асада. Что касается ливанского руководства, то оно ориентируется в основном на западную коалицию во главе с США, при этом экономика и финансы

Ливана во многом зависят от помощи Саудовской Аравии и других нефтедобывающих стран Персидского залива. В нынешних обстоятельствах для Ливана невозможно занять одностороннюю позицию — прозападную и просуннитскую или проиранскую, прошиитскую. Помимо этого ему приходится учитывать и израильский фактор — противостояние Израиля и Ирана, интересы которых во многом пересекаются на территории самого Ливана. Таким образом, для Израиля и Саудовской Аравии шиитская «Хезболла» является общим врагом, открывая путь к диалогу и сотрудничеству между ними.

Что же позволяет Ливану сохранять даже в таких сложных обстоятельствах свою государственность и приверженность принципам конституции? Несомненно, за все годы существования Ливанской республики ее граждане, независимо от принадлежности к той или иной конфессии или социальной группе, убедились в том, что демократическая система власти в стране дает возможность учитывать их интересы и традиции межконфессиональных связей, вырабатывать взаимоприемлемые решения по выходу из самых трудных политических проблем. Таким примером служат выборы Мишеля Ауна президентом после затяжного политического кризиса, когда страна два с половиной года жила без руководителя государства.

Другим доказательством такого рода являются парламентские выборы 2018 г. От предыдущих их отделяло девять лет. Они должны были состояться в 2014 г., но их несколько раз переносили на новый срок. Всего в выборах участвовали 13 партий, главными из которых были руководимая премьер-министром С. Харири «Коалиция 14 марта» и партия «Коалиция 8 марта» во главе с сыном президента Мишелем Наим Ауном. Ливанская газета «Ан-Нахар» писала, что «к долгожданым выборам тщательно готовились все политические силы. Не обошлось без кулачных боев и стрельбы в некоторых регионах...». Отсутствие энтузиазма среди избирателей власти старались преодолеть призывами прийти на выборы. Однако явка все же составила меньше половины — 49,2%. По оценке экспертов, половина избирателей, которая проигнорировала голосование в парламент, выразила свой протест

против коррупции и кумовства во власти, постоянного отключения электроэнергии, нехватки воды и проблемы с утилизацией бытовых отходов¹⁴.

После выборов свои позиции в парламенте укрепила «Хезболла», а движение «Аль-Мустакбаль», возглавляемое С. Харири, потеряло свое бывшее влияние в нем, получив лишь 21 место вместо 33 в прошлом. В итоге «Коалиция 8 марта» завоевала большинство мест в новом составе палаты депутатов (67 мест из 128)¹⁵. Такую популярность «Хезболла» завоевала тем, что она за счет иранских денежных вливаний занимается благоустройством коммунального хозяйства, созданием новых рабочих мест, строительством, инвестированием в сферу туризма и т.п. Кроме того, она содержит госпитали и благотворительные фонды, которые платят семьям погибших боевиков¹⁶. Рост влияния этой шиитской организации вызвал негативную реакцию в Израиле, который устами своего министра заявил, что «государство Израиль не будет делать разницы между суверенным государством Ливан и “Хезболла” и будет считать Ливан ответственным за любые действия, источником которых является его территория»¹⁷. Израиль ясно дает понять, что в случае угрозы со стороны Ливана он вновь проведет военную операцию в Южном Ливане, создав там зону безопасности.

В последние годы между Ливаном и Израилем возник еще один конфликт, связанный с дележом углеводородов, обнаруженных на шельфе Восточного Средиземноморья как раз в районе разграничения морских границ обоих государств. Каждая из сторон считает своим спорный сектор 9, расположенный напротив ливанского города Сур (Тир). В феврале 2018 г. Ливан провел тендер на разработку газа и нефти в этом секторе. Министр обороны Израиля назвал это провокацией, а президент Ливана ответил, что эти слова представляют угрозу суверенитету Ливана¹⁸. Вопрос с морскими границами Ливану необходимо решить не только с еврейским государством, но и с сирийским правительством. Между тем Израиль с 2019 г. активно осваивает месторождения газа на шельфе. Урегулировать спор между Ливаном и Израилем пытался госсекретарь США М. Помпео во время визита в Бейрут в марте 2019 г. Однако президент М. Аун заявил, что его страна «не уступит

Израилю ни миллиметра», подозревая, что от американских условий больше выиграет израильская сторона. В этом контексте следует рассматривать состоявшийся тогда же официальный визит М. Ауна в Москву. Ливанский президент заявил, что не видит причин, по которым Москва не могла бы помочь Бейруту в качестве посредника в споре Ливана и Израиля по поводу морской границы. Другие темы переговоров президентов Ливана и России касались проблем, связанных с Сирией. Россия, по мнению ливанского лидера, могла бы помочь Ливану в переговорах о морской границе с Сирией¹⁹. Очевидно, что Ливану не хватает сил и средств для освоения открывшихся богатых газовых месторождений на его шельфе. В этом ему могла бы помочь более гибкая позиция в ключевых экономических вопросах.

По-видимому, критическая ситуация в экономике страны и невозможность до бесконечности оттягивать важную проблему освоения морского шельфа по газу и нефти вынудили, в конце концов ливанские власти в октябре 2020 г. пойти на переговоры с Израилем о демаркации морской границы. Израильский эксперт по вопросам энергетики Габи Митчелл по этому поводу заявил, что переговорный процесс между Израилем и Ливаном решит ряд спорных вопросов и поощрит международных инвесторов, но пока «Хезболла» является окончательным арбитром в ливанской политике, всегда существует вероятность провала переговоров.

Важное место в ливанской региональной политике занимает крупнейшая ближневосточная страна — Турция. Она внимательно следит за балансом политических сил в Ливане. Ее главная заинтересованность состоит в ослаблении позиций «Хезболлы» как в Ливане, так и в Сирии, поскольку это, в частности, облегчило бы борьбу турецких властей с курдскими военизированными организациями. Многообразные связи, сложившиеся между двумя странами, основываются на соглашениях и меморандумах о сотрудничестве в самых разных областях²⁰. Во внутриливанских конфликтах Анкара стремится играть посредническую роль, расширяя свое влияние как на верхушку, так и на низы ливанского общества. Турецкие власти вполне осознают стратегическую важность месторасположения Ливана, ситуация в котором воздействует на все страны региона.

В 2020 г. Ливан пережил настоящую катастрофу: 4 августа в порту Бейрута произошел мощный взрыв аммиачной селитры, хранившейся там более шести лет в ангаре. Половина столицы была разрушена, около 200 человек погибло, тысячи пострадали. Потрясение и хаос, охватившие население, сменились требованием коренных перемен. Разъяренные горожане штурмовали здания министерств и парламента, обвиняя политическую элиту страны в коррупции и некомпетентности. Правительство ушло в отставку. В этот кризисный момент президент Мишель Аун выступил с судьбоносным для Ливана заявлением: он призвал изменить политическую систему страны, отказаться от конфессионального принципа формирования властных структур и превратить Ливан в светское государство²¹.

Эхо взрыва в Бейруте прокатилось по миру и нашло отклик у мирового сообщества. Было решено под эгидой ООН оказать Ливану гуманитарную помощь на 300 млн долл. Срочный визит в Бейрут совершил президент Франции Э. Макрон. Большую помощь ливанцам оказала и Россия, приславшая специалистов и госпиталь МЧС. Они разбирали завалы, откапывая погибших и спасая уцелевших. Однако за этой бедой Ливана последовали другие: 10 сентября в морском порту Бейрута вспыхнул новый сильный пожар, а еще через месяц, 9 октября 2020 г., произошел взрыв топливного склада в густонаселенном квартале столицы, в результате которого погибли 4 человека и более 50 получили ранения. Это лишь дополнило картину кризиса власти в целом и анархии на местах²².

Для решения ливанских проблем необходима политическая воля, которой нет у нынешних властей, традиционно управляющих страной. А у протестующих нет программы действий. Поэтому все декларации и призывы к реформам пока не имеют воплощения на практике. Учитывая общий экономический спад в условиях пандемии коронавируса, улучшения ситуации в экономике страны пока не предвидится. В самом Ливане, как и в соседних странах, несколько раз вводился карантин и ограничения разного рода. Население страны испытывает острую нехватку вакцин от Covid-19. Привито 1–2% ливанцев, в основном вакцинация проводится в частном секторе, т.к. у государства слишком мало средств для покупки вакцин²³.

Несмотря на то что Ливан является примером развивающегося арабского государства с устойчивыми демократическими институтами, фактор сильной этноконфессиональной раздробленности общества способен и в дальнейшем вызывать серьезные конфликты. Как отметил Р.Г. Ланда в своей монографии «История Ливана. XX век», необходимо учитывать «давние и разнообразные связи конфессий Ливана с зарубежными единоверцами: маронитов — с Ватиканом и католиками Запада, суннитов — с проблемами и настроениями большинства мусульман Азии и Африки, шиитов — с “братьями по вере” в Иране, Йемене и Ираке, православных — с христианами России и Восточной Европы, протестантов — с большинством христиан США, Великобритании и севера Европы. Ливан — это страна, в которой социокультурный и особенно религиозный фактор может доминировать над политическим и даже экономическим аспектами жизни...»²⁴

Последние события в Ливане убедительно показали, что роль и значение этого государства в политическом раскладе сил в регионе Ближнего Востока намного превосходит его размеры и недаром привлекают самое пристальное внимание главных международных игроков. Борьба за влияние в этом районе мира не в последнюю очередь зависит от того, каким образом и когда Ливанская республика осуществит модернизацию своей политической системы и восстановит свою экономику.

¹ См.: *Киселев В.И.* Палестинская проблема и ближневосточный кризис. Киев, 1981. С. 70–71.

² *Мирский Г.И.* Что происходит в Ливане. Мнение ученого // Литературная газета, 24.03.1976.

³ *Мирский Г.И.* Что происходит в Ливане // Литературная газета, 24.03.1976.

⁴ *Johnson Michael.* Class and Client in Beirut. The Sunni Muslim Community and the Lebanese State, 1940–1985. Ithaca Press, L. 1986. P. 211.

⁵ *Mills W.* The Power Elite. Oxford: Oxford University Press, 1999. См.: *Исаев Л.М.* Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации : Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2014. С.9–10.

⁶ *Заббаль Франсуа.* Политические и экономические перспективы Ливана // Араби. Париж. Пер. ТАСС. 29.11.1988. БПИ № 231. С. 32.

⁷ *Заббаль Франсуа.* Политические и экономические перспективы Ливана // Араби. Париж. Пер. ТАСС. 29.11.1988. БПИ № 231. С. 34–35.

⁸ *Горбунова Н.М.* Перманентный кризис в Ливане: роль этноконфессионального фактора // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 384–392.

⁹ Горбунова Н.М. Ливан в кольце конфликтов: факторы выживания // Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. Ежегодник. М.: ИВ РАН, 2017. С. 4.

¹⁰ Ланда Р.Г. История Ливана. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. С. 201–202.

¹¹ См.: Ланда Р.Г. История Ливана. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. С. 202–203.

¹² См.: Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М.; Н. Новгород, 2008. С. 676–678.

¹³ Горбунова Н.Г. Ливан в кризисные времена: трудные поиски стабильности // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Актуальные проблемы. Ежегодник. М.: ИВ РАН, 2019. С. 125. См.: russian.rt.com/tag/livan (10.11.2017.)

¹⁴ Горбунова Н.М. Ливан в кризисные времена... // tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5180860 (07.05.2018).

¹⁵ Мосесов А. Парламентские выборы в Ливане // ТАСС. 07.05.2018 // tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5180860.

¹⁶ 112.ua/statji/triumph-hezbolly-na-viborah-v-livane-prichini.../.

¹⁷ Мосесов А. Парламентские выборы в Ливане // ТАСС. 07.05.2018 // tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5180860.

¹⁸ Константинов А. Израиль и Ливан вновь обменялись угрозами // anna-news.info/izrail-i-livan-vnov-/ (03.04.2018).

¹⁹ См.: Горбунова Н.М. Ливан в новых реалиях Ближнего Востока // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. Ежегодник. М.: ИВ РАН, 2020. С. 125–126.

²⁰ См.: Горбунова Н.М., Иванова И.И. Вклад Турции и Ливана в стабилизацию региональных отношений на современном этапе // Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. М.: ИВ РАН, 2018. Выпуск IV. С. 76.

²¹ РИА Новости. 30.08.2020 // ria.ru/20200830/livan-1576500565.html (01.09.2020.)

²² www.newsru.com/world/10sep2020/beirut_fire.html (11.09.2020); www.newsru.com/world/09oct2020/beirut.html (10.10.2020).

²³ Розелье М. Ливанцы платят за вакцинацию от Covid-19 // Le Figaro. 05.04.2021 / www.inopressa.ru/article/05apr2021/lefigaro/lebanon.htm.

²⁴ Ланда Р.Г. История Ливана. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. С. 234–235.

ГЛАВА 3

Власть и исламисты в условиях кризиса в САР (К истории вопроса)

В середине марта 2021 г. исполнилось 10 лет с начала сирийского кризиса. Данное событие широко освещалось и комментировалось в западных, арабских и отечественных средствах массовой информации. Беспрецедентность указанной даты поставила немало вопросов о дальнейшей судьбе Сирии. Сегодня в стране происходят непростые события. И хотя в целом ситуация заметно отличается в лучшую сторону от той, которая была еще 2–3 года тому назад (во многом благодаря действиям России), говорить о создании устойчивых предпосылок перехода к политическому транзиту пока еще преждевременно.

В то же время абсолютно ясно, что страна вряд ли сможет выдержать подобную ситуацию длительное время, сохранив при этом свою территориальную целостность и национальную идентичность. С учетом этого сегодня в Сирии и за ее пределами основные игроки на поле сирийского кризиса активно ищут эффективные решения, которые смогли бы вывести Сирию из вооруженного кризиса и поставить процессы в стране на мирные рельсы. Немалая роль в этом принадлежит религиозным, земляческим и конфессиональным факторам, которые в практическом плане должны имплементироваться в выстраивание новой парадигмы взаимоотношений власти с исламистами. В этой связи было бы, на наш взгляд, уместным рассмотреть опыт этих отношений в канун развития кризиса с тем, чтобы избежать прежних ошибок.

Действительно, выдвинутые в САР в марте 2011 года лозунги свободы, плюрализма, демократизации общественной жизни, улучшения социально-экономического положения, борьбы с коррупцией отошли со временем на второй план и трансформировались в религиозные призывы экстремистского характера. Это привело в конечном итоге к подмене изначально сформулиро-

ванных целей восстания задачами установления религиозного государства.

Подобная трансформация была во многом связана с целым рядом факторов, в том числе с ростом милитаризации в Сирии, разочарованием части участников протестного движения, утратой ими веры в возможность в перспективе достичь разрешения возникшего в стране кризиса политическим путем.

Огромные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения — все это вело к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения.

Действительно, следует отметить, что на ранних стадиях сирийского восстания исламская символика и ее материальное воплощение не были как-то особенно заметны. Однако их влияние становилось все рельефнее по мере обострения идеологических разногласий, превращения многих мечетей в «штабы революции». Постепенно исламисты стали активно вовлекаться в происходившие события, становясь в них основными фигурантами.

Участие исламистов в работе сирийской политической оппозиции и рост их влияния на нее стало уже невозможно игнорировать. С другой стороны, использование протестным движением некоторых исламских лозунгов и появление исламистов в рядах повстанцев стало вынужденным шагом. Это была ответная реакция на жестокие действия властей по подавлению протестных выступлений. По мере укрепления места и роли в восстании прикнувших к светской оппозиции вооруженных исламистских группировок стала меняться публичная риторика командиров различных отрядов, как политической, так и военной оппозиции. В своих публичных заявлениях и практической деятельности оппозиция стала постепенно отходить от первоначально заявленных политических целей.

Это привело к обострением конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами, с одной стороны, и расколом по линии межнациональных отношений между арабами и курдами — с другой. Одновременно усиливалось внешнее вмешательство в сирийский кризис, которое также шло по двум ложным направле-

ниям. Одна часть международного сообщества фактически поддерживала суннитскую вооруженную оппозицию, другая активно защищала режим Асада, который опирался в основном на поддержку алавитов и шиитского Ирана.

Складывавшейся в Сирии и вокруг нее обстановкой умело воспользовались маргинализированные режимом салафитские силы, представители которых, особенно на уровне провинциального звена, глубоко проникли в вооруженное повстанческое движение и определили тем самым в какой-то степени его социальную направленность и основу.

Постепенно среди них стали заметно выделяться салафитские группировки, связанные с джихадистской идеологией. Они отвергали идею построения светского демократического государства и выступали за создание государства, основанного на принципах исламского законодательства и администрирования.

Отмеченные выше трансформации в сфере мировоззрения, идеологии и политики в сирийском оппозиционном движении в итоге привели к разжиганию в стране вооруженного гражданского конфликта, который все больше милитаризовался и приобретал конфессиональную окраску¹.

Она ярче всего проявилась в выступлениях командиров отдельных отрядов воинствующей оппозиции. Позднее подобные идеологические установки нашли свое практическое применение на освобожденных территориях в ряде районов провинций Халеб, Ар-Ракка, Аль-Хасака и Джиср-эш-Шугур.

Одновременно с этим идеологические разногласия между различными вооруженными отрядами повстанцев вылились сначала во фракционную борьбу, а затем и в открытую конфронтацию. Наиболее острые конфликты возникли между отрядами, связанными с «Аль-Каидой», Свободной сирийской армией и курдами.

Почвой для подобной конфронтации послужили попытки ряда исламистских группировок ввести на контролируемых ими освобожденных территориях законы и нормы шариата, а также предпринятые меры по навязыванию своих религиозных взглядов и доктрин другим представленным в сирийском обществе конфессиям.

В то же время было бы преувеличением сводить разногласия, возникавшие между различными вооруженными группировками и повстанческими отрядами, исключительно к одной только религиозной сфере. Серьезные расхождения наблюдались и во взглядах на будущий политический режим, и на методы и способы реализации им базовых демократических ценностей.

На самом деле было достаточно сложно понять суть процессов, происходивших внутри религиозно-мотивированного оппозиционного повстанческого движения в Сирии. Во многом это было связано со слабой изученностью различных местных исламских политических объединений, истории их формирования, их природы и взглядов, социального состава участников и форм практической деятельности, связанных с ними вооруженных группировок.

Действительно, подавляющее большинство объектов исследования — исламские движения и организации — практически не были представлены в Сирии до начала конфликта ни на политическом, ни на институциональном уровне. Значительная часть этих движений и организаций появилась только с началом сирийского восстания, зародившись внутри самого повстанческого движения. При этом они отличались повышенной секретностью и закрытостью, а часть из них, вышедшая из глубокого подполья, куда была загнана прежним режимом, не стремилась афишировать свои взгляды.

Ярким примером могла служить организация «Братья-мусульмане», которая присутствовала в общественной и политической жизни Сирии достаточно продолжительное время до того, как была запрещена в 1980 году. С началом «арабского пробуждения» в Сирии «Братья-мусульмане» постепенно стали превращаться в его активного участника.

Другой пример — сирийские салафиты. До революции салафитское движение находилось в Сирии под негласным запретом и подвергалось гонениям². По мере того как часть отрядов вооруженной оппозиции восприняла в ходе сирийской революции исламистскую идеологическую доктрину, салафитское движение стало постепенно возрождаться и принимать активное участие во многих эпизодах сирийского гражданского противостояния. При этом сирийские салафитские группы в Сирии не отличались прочным единством. По-

этому в начальный период степень их вовлеченности в антиправительственную борьбу и влияния на происходившие события была далеко неоднозначной. Так, в Сирии существовал ряд группировок, которые исповедовали салафизм джихадистского толка, близкого к идеологии «Аль-Каиды». Но были и салафиты, которые не имели к «Аль-Каиде» никакого отношения.

Другим не менее влиятельным политическим движением был суфизм. Суфии в Сирии традиционно делились на две группы: одни были тесно связаны с правящим режимом и стояли на официальных позициях, другие не были связаны с властью и исповедовали собственные взгляды. Во время конфликта подобный дуализм в суфийском движении сохранился, выразившись в практическом плане в расколе его приверженцев на тех, кто поддержал восстание, и тех, кто считал необходимым оставаться на нейтральных позициях.

Нередко многие западные журналисты и обозреватели упрощали проблему, связанную с воздействием исламистских движений и течений на общественно-политическую жизнь Сирии. Они склонялись к тому, чтобы рассматривать это сложное и многомерное явление через призму сложившихся общих представлений, навязанных зачастую западными и арабскими СМИ. При этом в небольшом числе их печатных и электронных изданий сложно было найти сильный логический ряд, выстроенный на аргументированной основе, подтвержденной репрезентативным фактическим материалом.

Зато во взглядах на эту проблему легко обнаруживались известные предубеждения и политические штампы. Так, в ряде случаев практически игнорировались существующие между исламистскими группировками различия в плане их идеологических воззрений, решаемых задач, целей, которые они преследовали. Слабо учитывались такие факторы, как разная степень их вовлеченности в процесс восстания, их поведенческие стереотипы, различия в предлагаемых концепциях государственного устройства.

В определении подходов к изучению роли религии в деятельности исламистских групп и движений нередко смешивались чисто символическая и духовная роли ислама в политическом процессе восстания. Путаница наблюдалась также и при идентификации ис-

ламистских движений с точки зрения их оперативной и политической деятельности. Подобного рода генерализация использовалась и в оценках концептуальных установок, идеологических трендах различных отрядов вооруженной оппозиции. При этом мало внимания уделялось политическим заявлениям лидеров этих движений, выдвигаемым ими идеям и шагам по их реализации на практике.

На самом деле в понимании сути исламистского движения было немало трудностей концептуального порядка. Это, во-первых, кардинальное отличие «исламистского феномена»³ от характера сирийского режима⁴, особенно на институциональном уровне. Во-вторых, сами реалии общественных отношений в Сирии в условиях кризиса, которые имели весьма лабильный характер. В-третьих, исключительность самого сирийского восстания. В-четвертых, особый исторический контекст, который накладывался на современные условия, в которых развивалось сирийское восстание.

Действительно, арабы, исповедующие ислам суннитского направления, — доминирующая религиозная группа в Сирии. Приверженцы остальных конфессий являются меньшинствами, среди которых можно выделить алавитов, друзов, исмаилитов, православных христиан, армян-григориан, католиков и др. Результатом подобной религиозной и этнической чересполосицы стала этнорелигиозная рознь, вылившаяся со временем в «политический конфессионализм». Противовесом ему была идеология правящей Партии арабского социалистического возрождения, выдвигавшей на первый план идеи арабского национализма в его светском преломлении.

Начиная с 1980-х годов любая общественная и политическая деятельность тех, кого власть именovala исламистами, находилась в Сирии под жестким запретом. В этот период правящий режим пытался придать секулярный характер политическим институтам государства, активно внедряя светское мировоззрение в массовое сознание. В результате политический ислам (за исключением официального, государственного) оказался под запретом, а любой, кто пытался исповедовать близкие к исламизму взгляды, подлежал аресту.

В 1980 г. был принят закон № 49, согласно которому только за подозрение в принадлежности к «Братьям-мусульманам» грозила смертная казнь. Этот запрет на политическую деятельность касал-

ся не только этой организации, но и всех других исламских и светских политических партий и движений, включая и салафитские, чья деятельность шла вразрез с внешней и внутренней политикой правящей партии сирийского режима.

Как известно, подавляющая часть высшего сирийского руководства традиционно принадлежала к религиозной общине алавитов (численность которых не превышает 12% населения САР), и это обстоятельство широко использовалось в антиправительственной пропаганде «Братьев-мусульман» и других исламистских организаций.

Так, выдвигавшиеся «Братьями-мусульманами» лозунги восстановления в Сирии традиционных ценностей в рамках планируемого исламского государства, очищенного от «еретиков-алавитов», изображавшихся суннитской пропагандой «воплощением зла», нашли поддержку и отклик в г. Хама, где жители, сунниты в подавляющем большинстве, были известны особой приверженностью мусульманским традициям. Не удивительно, что именно в Хаме «Братья-мусульмане» подняли в 1982 году восстание, которое власти жестоко подавили. С тех пор этот факт лишь усиливал конфессиональный аспект в непростых взаимоотношениях «исламистов» с режимом.

Другой характерной чертой взаимодействия режима с обществом был конфессионализм, который зачастую приобретал в практическом плане характер «политического конфессионализма».

На протяжении более 50 лет сирийские исламисты подвергались систематическим репрессиям внутри собственной страны и преследованиям за ее рубежами. Конфронтация между ними, правящим режимом и «Братьями-мусульманами» относится еще к 60-м годам XX столетия.

Отношения с властью салафитов, находившихся практически в подполье, всегда носили напряженный характер. В действительности господство шейхов и суфиев и их религиозных доктрин в обществе в результате тесного взаимодействия с режимом приводило на практике к ограничению отношений с режимом других исламских движений. Дружеское расположение режима к суфиям выражалось, в частности, в том, что режим не давал распространиться салафитскому вероучению.

Власти опирались на мощный аппарат спецслужб, и эта практика была особенно заметна во взаимоотношениях режима с исламистами, против которых часто использовали практику военных судов. Поэтому исламистам в Сирии приходилось испытывать немалые сложности. Выбор у сирийских исламистов был невелик: уйти в подполье, сесть в тюрьму, уехать за границу или дожидаться падения режима.

Подобный характер взаимоотношений исламистов с режимом привел в условиях восстания к тому, что общественные ниши, куда могли бы канализоваться настроения «новых исламистов», появившихся на волне восстания и отличавшихся от тех, которые существовали на официальном и полуофициальном уровне до начала сирийских событий, или практически отсутствовали, или их рамки оказались очень узкими. В результате многим исследователям и политологам как в России, так и за рубежом было очень сложно дать верную оценку даже таким известным движениям, как «Братья-мусульмане», и помочь режиму выстроить отношения с ними в условиях восстания.

В таких странах, как Египет, Саудовская Аравия, ряде других монархий Персидского залива, где многие радикальные исламистские организации были также запрещены, все же были созданы оперативные каналы для их взаимодействия с властью. Параллельно существовали определенные идеологические рамки для подобного рода отношений, что несколько облегчало задачу властям в плане селекции и классификации различных отрядов исламистов.

В Сирии же накануне революции не существовало легальных институализированных исламистов. Все исламистские организации были поставлены вне закона. Таким образом, не было организаций, на примере которых можно было бы дать характеристику движениям и организациям «новых исламистов», сравнить их с каким-либо местным аналогом.

Для того чтобы быть идентифицированными, хотя бы по методу аналогий, запрещенным исламистским организациям было необходимо вначале либо восстанавливать связи, оборванные прежде спецслужбами, либо создавать новые. Это, конечно, не относилось к религиозным институтам (школам, мечетям, вакуфам,

благотворительным фондам), связанным с правящим режимом, а также к суфийским орденам, чью деятельность правительство поощряло на протяжении последних 50 лет.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что многие из тех сирийских оппозиционеров, кто примкнул к исламистам, связал свою судьбу с борьбой с режимом и вступил в исламистские отряды, испытывали серьезные трудности в определении своей идеологической или политической идентичности. Не помогло и то, что в ряде отрядов для новобранцев были организованы специальные индоктринационные курсы. Основное внимание там уделялось боевой подготовке.

Так, еще задолго до вспыхнувшей в Сирии гражданской войны было практически невозможно более или менее четко определить разницу между салафитами-джихадистами, умеренными салафитами и «Братьями-мусульманами» — с точки зрения их отношения к правящему режиму и стратегии борьбы с ним.

Те силы, которые смогли достичь согласия по общим целям антиправительственной борьбы, сумели на какое-то время заключить союз. В то же время подобные альянсы не носили стратегического характера и уж ни в коей мере не отражали общности в понимании конечных целей борьбы с точки зрения построения новой государственности. К тому же отношения отдельного члена группы с коллективом носили ситуационный, временный характер, а прочность этих отношений во многом зависела от самого хода вооруженной борьбы. Поэтому подобные связи носили весьма лабильный характер и не являлись устойчивыми.

В этой связи нельзя исключать того, что в условиях мирного времени характер противостоящих режиму сил может сильно измениться. Их политическая деятельность вполне способна дать иные инструменты в виде новых политических партий, СМИ, финансовых фондов, которые стали бы прибегать к совершенно иным методам при ограничении деятельности непримиримых исламистских структур⁵.

С другой стороны, очень непростые отношения с режимом порождали среди части исламистов убеждение в том, что восстание изначально должно было носить характер вооруженной борьбы с

целью свержения режима, и они не верили в возможность его постепенной трансформации.

Все это привело к тому, что расхождения между различными отрядами оппозиционного движения стали главной темой сирийского восстания.

Многих политиков и политологов как внутри Сирии, так и за ее пределами настораживал тот факт, что на каком-то этапе сирийского восстания в нем возобладал «дух ислама», выразившийся прежде всего в использовании различными отрядами сопротивления исламской символики и лозунгов. Поэтому многие эксперты и обозреватели концентрировались в первую очередь на исламской атрибутике, исламских лозунгах, проповедях некоторых настоятелей в мечетях, выкриках в ходе демонстраций массовых движений, на исламской символике в названиях вооруженных отрядов, полагая, что именно ислам является главным трендом повстанческого движения.

На самом деле подобные лозунги серьезно отличались от лозунгов и воззваний тех исламских движений, которые уже давно были известны в исламском мире. «Новые исламисты» как бы искали через эти лозунги свою идеологическую и политическую идентичность в привязке к истинному исламу. Несмотря на то что этот религиозный атрибут сирийского восстания находил отклик в определенных прослойках общества, он серьезно отличался по своей интеллектуальной глубине, идеологии и политическому содержанию, общественной повестке, поведенческой практике от традиционных движений политического ислама.

Возникший в условиях сирийского восстания идеологический вакуум в обществе в результате отмеченных выше особенностей взаимоотношений власти с религией привел к изменению характера отрядов оппозиционного движения и способствовал появлению «новых исламистов». Это следует из анализа их внутренней структуры, социального состава участников, природы их союзников и противников из числа других отрядов вооруженной оппозиции⁶.

Обращает на себя внимание и то, что, как уже отмечалось, большинство из них до сих пор находится в поиске своей идеологической и политической идентичности и переходит из одного состояния в

другое, чтобы окончательно определить для себя идеологические рамки и способы поведенческого стереотипа в обществе.

Большинство «новых исламистов» представлено различными отрядами оппозиции, которые ведут вооруженную борьбу с режимом с самого начала восстания из-за его особого характера в тех районах, где местное население решило взяться за оружие. Ряд этих отрядов расширял ареал своей деятельности по мере того, как в них вливались новые бойцы. Они продолжали искать новых союзников, которые могли бы согласиться с их идеологическими установками и методами действий на освобожденных территориях. Некоторые преуспели в этих своих попытках. Другие потерпели крах. Часть этих отрядов отличалась прочностью структуры, другие были весьма фрагментарны. Одни возникли на идеологической основе, создание других было продиктовано исключительно практическими соображениями. На протяжении всех последних лет восстания эти показатели были очень подвижны и быстро менялись. Правда, сегодня они в целом приобретают единый характер.

Любопытно, что, по оценке ряда сирийских и арабских интеллектуалов, такое явное использование частью сирийской оппозиции религиозного фактора для духовного подъема на определенном этапе восстания означало на деле стремление различных отрядов достичь мировоззренческого единства в видении идеологической основы будущего государственного устройства Сирии. Таким образом, исламистские организации и сочувствующая им часть общества использовали религию как фактор временного сплочения против превосходящих правительственных сил режима, его жестокой практики подавления восстаний.

В то же время нельзя исключать, что по мере ослабления накала вооруженного противостояния, и особенно в условиях мирного времени, та символическая роль ислама, которую он приобрел на более ранних этапах гражданской войны в Сирии, может начать трансформироваться.

Как уже было сказано, одной из особенностей нынешней сирийской междоусобицы является существенная разница между городом и деревней и та роль, которую сыграла в конфликте, по крайней мере на начальном этапе, периферия.

Первые наиболее сильные очаги антиправительственных выступлений вспыхнули в провинциальных центрах, и до тех пор пока волна не достигла столичных городов (Дамаска и Халеба), конфликт по преимуществу носил характер мирных протестных манифестаций. Начались они на периферии отчасти потому, что прежде всего именно там силы безопасности и армия утратили свой авторитет среди населения. Имели также значение резкое ухудшение социально-экономического положения населения окраин страны и неспособность местных властей справиться с вызовами рыночной экономики. Особенно заметным это стало в период правления Б. Асада.

В то же время в Дамаске и Халебе интеллектуальная, экономическая, торговая элиты не стремились к революционным преобразованиям, не хотели революции, опасаясь испытать на себе все связанные с ней риски. Очень бедные слои населения были готовы поддержать антиправительственное восстание, а вот их более состоятельные соседи из числа представителей среднего класса и торгово-промышленной буржуазии не приветствовали эту революцию, как и многие жители зажиточных кварталов, тесно связывавшие свое благополучие с режимом.

Таким образом, именно периферия сыграла на начальных этапах сирийского конфликта определяющую роль. Что касается специфического влияния на политическую борьбу религии, то оно по своему типу имело бедуинский характер, сельскую атрибутику, и именно этим объясняется такое влияние салафитского ислама, более распространенного в сельской местности, по сравнению с традиционным суфийским вероучением, игравшим куда более скромную роль.

Салафитские идеи расцвели, прежде всего, в условиях провинциальных центров, а влияние так называемого цивилизационного ислама, присущего городским элитарным слоям — буржуазии, торговцам, интеллигенции, военным, носило весьма ограниченный характер среди как гражданских, так и военных участников повстанческого движения. Это становилось очевидным на примере весьма скромного присутствия суфийского элемента в отрядах вооруженной и светской гражданской оппозиции.

В результате «исламистский феномен» конфликта нес в себе сильный провинциальный компонент и с этой точки зрения имел потенциально временный характер. Поэтому было бы преждевременным считать устоявшейся ситуацию в идеологическом спектре «новых исламистов». Факторы влияния, финансовой поддержки оказывали решающее воздействие на формирование идеологической ориентации и политической повестки этих группировок.

Подавляющее большинство «новых исламистов» из отрядов вооруженной оппозиции не имели организационных ниш с прицелом на мирное время. Именно через них они могли бы вернуться в гражданское общество и быть приняты им. Их участие в конфликте было в значительной мере связано с тем политическим и идеологическим выбором, который был им навязан режимом и некоторыми внешними силами.

¹ Подробнее о салафитском движении в Сирии, его вооруженных отрядах, идеологических установках и политических взглядах см.: *Ахмедов В.М.* Салафиты в условиях вооруженного восстания в Сирии (2014) // Институт Ближнего Востока // www.iimes.ru/?p=22037.

² Об истории сирийских салафитов см.: *Муаз аль-Хатиб* // Carnegie Middle East Center // carnegie-mec.org/publications/?fa=50091 (21.11.2012).

³ Под «исламистским феноменом» (сам термин носит во многом условный характер) в данной работе понимается достаточно сложное общественно-политическое явление, которое в условиях сирийских событий охватило значительную массу сирийцев, изменив их прежние мировоззренческие и поведенческие стереотипы.

⁴ Подробно о характере и природе сирийского режима см.: *Ахмедов В.М.* Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: Институт востоковедения РАН. 2011. С. 29–49; 132–145.

⁵ С программными установками ряда исламистских движений, партий, вооруженных отрядов можно ознакомиться на их официальных сайтах. См., например: alharalsham.com/; www.facebook.com/ifafr; syrialiberationfront.com; lewaaltawheed.com/; www.al-farok.com/; www.facebook.com/ALFAROQISLAMIC; www.asala-tanmia.com; www.al-farok.com/archives/1264; tinyurl.com/o4a8zxo и т.д.

⁶ Подробнее об исламистских движениях в арабском мире см.: The Encyclopedia on Islamic Movements in the Arab World. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies. 2013. P. 1158–1161.

ГЛАВА 4

Суфии и кризис в САР

Суфизм представлял традиционное направление ислама в Сирии и обладал широкой сетью сторонников в обществе. Суфии успешно распространяли свое учение и религиозные традиции в стране. Они имели своих хорошо известных и признанных шейхов, проповедников в мечетях, религиозные школы и даже собственную исламскую лирику.

В целом суфии неплохо ладили с властью и в какой-то степени представляли официальный политический ислам, тесно связанный с режимом. Даже после прихода к власти партии «Баас» суфии не утратили своих позиций в обществе. Часть отрядов суфийского движения сумела приспособиться к закону о чрезвычайном положении (ЧП) и особенностям правления ПАСВ. Во многом это достигалось за счет того, что в какой-то период времени они вынужденно отказались от активной политической деятельности, но продолжали вести общественно-полезную работу и религиозную пропаганду в народной среде. Действительно, суфии не позиционировали себя в качестве какой-то особой идеологической, конфессиональной или политической группы или партии. Скорее они представляли собой религиозное, доктринальное и интеллектуальное движение. При этом, будучи далеко не однородным движением, суфизм в Сирии был представлен рядом отдельных групп и организаций, которые стояли на различных интеллектуальных и политических позициях. В целом сирийские суфии не представляли собой ни политическую, ни социальную организованную силу, за исключением тех случаев, когда какие-либо группы, близкие к суфийскому движению, начинали заниматься политической деятельностью.

При этом общей характеристикой всех суфийских движений Сирии являлись их укоренность в сирийском гражданском обществе и крепкие позиции на его низовых уровнях. Большинство по-

следователей суфизма проживали в крупных столичных городах типа Дамаска и Халеба. Они имели прочные позиции в местных органах управления и в определенный момент могли быть без труда задействованы в вооруженной борьбе с режимом. Их слабое присутствие на поле боя отчасти объяснялось тем, что вооруженные движения зародились в провинции, в то время как крупные городские центры типа Дамаска и Халеба находились под плотным контролем местных спецслужб.

После острого конфликта между режимом и «братьями» в результате событий 1980-х годов в Сирии ощущался определенный идеологический вакуум, оставленный после ухода многих шейхов из числа «братьев». Суфийское движение, и прежде всего его представители, тесно связанные с режимом, не могли не воспользоваться данным обстоятельством. Появившаяся новая религиозная элита была во многом связана с режимом и обслуживала интересы религиозных институтов режима. Эта элита помогала легитимации режима перед лицом критики со стороны его религиозных оппонентов.

Среди представителей этого религиозного истеблишмента были Ахмед Кефтару, его школа и последователи, и Мухаммед Саид Рамадан аль-Бути, муфтий Сирии Ахмед Хассун и Махмуд Окам муфтий Халеба.

Шейх Ахмед Кефтару (1915–2004), курд по национальности, был за последние десятилетия одним из самых видных представителей религиозного истеблишмента Сирии. Свою карьеру он начал в качестве учителя в религиозной школе фетв в Кунейтре. В 1971 году он основал религиозный комплекс Абу Нур. В 1974 году он стал муфтием Сирии и укрепил свои отношения с Х. Асадом. Его школы и учение быстро распространялись по стране, заполняя вакуум, оставленный после разгрома «братьев». В 1990-е годы появились и другие религиозные деятели из числа его последователей. Они также стояли на прагматичных позициях в отношении правящего режима¹.

После начала событий в среде высшего суфийского духовенства нередко возникали разногласия, которые порождали немало проблем. Сыновья Кефтару Махмуд и Салах были арестованы и

обвинены в шпионаже в пользу иностранных деоржав. Комплекс Абу Нур был поставлен под контроль министерства вакуфов².

Несмотря на то что новый глава комплекса Абу Нур Раджаб Диб выступил на стороне режима, внутри самой группы были разные настроения. Среди студентов Абу Нур появилось несколько групп, поддерживающих революцию, которые стали называть себя «Ахрар муджамаа ан-Нур»³.

Среди других видных религиозных деятелей, которые сыграли роль в укреплении связей режима с суфизмом, был шейх Рамад аль-Бути. Еще с 1980-х годов он поддерживал режим в его борьбе с «братями». В 1990-е годы он стал одним из самых близких к Х. Асаду людей и заметным религиозным деятелем⁴.

Во время начала протестных движений он выступил в дамаской мечети Омеядов, осудив действия протестантов. В марте 2013 года он был убит своими противниками во время лекции в мечети аль-Иман⁵. Р. аль-Бути был одним из главных религиозных защитников режима и ярым противником салафитов.

После смерти Ахмеда Кефтару муфтием Сирии стал Ахмед Бадреддин Хассун. Он родился в Халебе в 1949 году и получил докторскую степень в области мусульманского права (фикха). В марте 2012 года сирийский Совет Ифта во главе с Ахмедом Хассуном издал фетву, согласно которой сирийскому режиму давалось право на джихад для защиты Сирии. Его сын Сарайях был убит в перестрелке в октябре 2011 года. В начале 2012 года глава пресс-службы Совета Ифта Абдель Джалил ас-Саид дезертировал и убежал из Сирии⁶.

До начала событий в САР в суфийском движении было отмечено появление нескольких групп, представители которых исповедовали иные идеологические воззрения, отличные от официального суфийского толка. Они достаточно активно действовали в публичной сфере и стремились принимать деятельное участие в тех политических преобразованиях, которые происходили в Сирии. Среди них особо выделялись такие группы, как «аз-Заид» и общество «аль-Кубейсат», которые тем не менее нельзя было охарактеризовать как политические партии или организации.

Эти группы имели собственные взгляды на сирийское восстание и иначе относились к начавшимся 15 марта 2011 года событи-

ям в Сирии. Ряд из них полностью разделяли официальную позицию властей. Другие, как, например, общество «аль-Кубейсат», предпочитали отмалчиваться. А третьи, как Джамат «аз-Заид», поддерживали революцию. В то же время всех их объединяло то, что они фактически не участвовали в деятельности вооруженной сирийской оппозиции. Ряд отдельных представителей суфийской молодежи — учеников известных улемов-суфиев принимали участие в вооруженном восстании, но действовали они на индивидуальной основе, а не как официальные представители суфийского движения.

Джамаат «аз-Заид» считался одной из наиболее заметных суфийских групп в Сирии со своей долгой историей со времени своего основания шейхом Абдулькаримом ар-Рифаи (1901–1973). Группа получила известность благодаря деятельности самого ар-Рифаи как проповедника и общественного деятеля. Она имела своих приверженцев в разных мечетях, а также среди учеников и последователей шейха.

Группа избегала прямого участия в политической деятельности. Вместо этого она сосредоточилась на образовательной миссии в ходе проповедей и лекций в мечетях. Особый акцент делался на этическом и духовном воспитании. Именно в рамках этой группы зародилась идея превращения мечетей в университеты и создания альтернативного исламского общества через призыв к образованию⁷.

В 1973 году место умершего шейха занял его сын Осама. Группа продолжала следовать прежней ориентации в своей деятельности. Рифаи никогда не проявлял интереса к политике, отказывался от участия в каких-либо политических мероприятиях и от государственных постов. Несмотря на это начавшаяся в 1970-е годы борьба между сирийским режимом и «Братьями-мусульманами» оказала влияние на ряд членов группы, некоторые из них оказались вовлечены в вооруженную борьбу против властей. В начале 1980-х годов режим нанес группе сильнейший удар. Большинство ее последователей, особенно те из них, кто состоял в «Боевом авангарде» «братьев», — были арестованы и уничтожены. Сам Осама ар-Рифаи был вынужден уехать за пределы Сирии⁸.

В результате группа в течение 1980–1990-х годов была вынуждена фактически свернуть свою деятельность. Позднее, когда Хафез аль-Асад взял курс на продвижение Башара во власть, ему потребовалось установить хорошие отношения с суннитскими группировками в стране, а также заручиться поддержкой средних слоев городского населения, прежде всего из числа представителей торговой буржуазии, которые считали ар-Рифаи своим шейхом. И в середине 1990-х годов Х. Асад разрешил ар-Рифаи вернуться в Сирию.

Ар-Рифаи вернулся в Сирию, когда группа потеряла большинство своих позиций в общественных институтах и мечетях. Однако ее духовное наследие помогло ей в течение нескольких лет восстановить ее миссионерскую, проповедническую, образовательную и благотворительную деятельность и даже усилить свое влияние в Сирии. Она смогла создать сеть новых общественных и благотворительных обществ и организовать общесирийские мероприятия. При этом в деятельности «аз-Заид» не прослеживалось какого-либо политического контекста⁹.

Вплоть до начала революционных событий группа следовала в русле стратегической линии политики режима. В то же время группа никогда открыто не хвалила и не поддерживала режим, как это делали другие организации. Одновременно группа периодически посылала режиму позитивные сигналы, что давало ей возможность не только продолжать свою деятельность, но и расширить ее за пределы Дамаска и в провинциях¹⁰.

С началом революции стратегия группы претерпела определенные изменения. Шейхи не критиковали народные протесты и не призывали людей расходиться по домам. Более того, в своих проповедях они подвергали резкой критике действия режима, особенно его силовые акции по подавлению мирных шествий. Они также поддерживали требования реформ и призывали к переменам (сверху) в официальной политике властей. В августе 2011 года полицейские ворвались в мечеть, где проповедовал Осама ар-Рифаи, и атаковали его и собравшихся. В результате шейх Осама получил поддержку мечетей Дамаска, а его популярность только выросла¹¹. Однако его мечеть была закрыта, а сам он был вынужден уехать из Сирии.

Позднее Осама, его брат Сарьях, а также другие шейхи выступили открыто в поддержку революции и оказывали ей помощь. Сайт группы “Sada Zaid” большинство своих публикаций посвящал поддержке революции. В самой Сирии многие члены этой группы и ее сторонники вступили в вооруженные, в том числе джихадистские, отряды для борьбы с режимом. Некоторые были убиты, другие арестованы. До последнего времени группа находилась в состоянии открытой конфронтации с режимом. Такие шейхи группы, как Осама, Сарьях, Мухаммад Наим Аргус, были в числе тех религиозных деятелей, которые наиболее активно поддерживали оппозицию из-за рубежа. Шейх Осама принял участие в конференции «Мусульманские улемы», которая состоялась в Каире в июне 2013 года в поддержку сирийской революции.

Что касается общества «аль-Кубейсат», то оно своими корнями уходит в 1960-е годы. Тогда Мунира аль-Кубейси (1933 г.р.) начала активную деятельность по распространению исламского призыва. Она была учительницей биологии в одной из школ. Однако затем стала преподавать религию в университете.

На деле «аль-Кубейсат» представляло собой феминистское движение, которое особенно активно действовало в среде средних слоев населения, а в последние годы стало приобретать сторонников в среде зажиточных горожанок Дамаска и других столичных центров. Это движение работало исключительно с женщинами через хорошо налаженную сеть домашних связей и религиозных учебных заведений. В своей работе оно делало упор на религиозное, духовное и морально-этическое обучение. Оно не участвовало в политике. Общество очень хорошо воспринималось за рубежом. Движение имело свои отделения в Иордании, Ливане и других странах, где оно смогло создать свои учебные заведения на основе суфийского учения¹².

Несмотря на то что движение было ориентировано исключительно на женщин, его дискурс был связан не столько с правами женщин, сколько сфокусирован на религиозных вопросах. Движение широко привлекало своих сторонников и имело прочные позиции в среде обеспеченных слоев населения Сирии. Это достигалось за счет того, что в своей пропаганде «аль-Кубейсат» делало акцент на религиозности и фикхе, что позволяло зажиточным сло-

ям находить определенный компромисс между духовной жизнью и характером их повседневного бытия.

На протяжении последних десятилетий Мунира Кубейси старалась быть непубличным человеком и всячески избегала средств массовой информации. Она была одинока и полностью отдавала себя вопросам религии и молитве. Характерно, что большинство членов ее общества ни разу ее не видели. Благодаря тому, что движение не участвовало в общественно-политической жизни страны, его отношения с властями носили дружеский характер. Движение пользовалось поддержкой шейхов, близких к режиму, таких как Ахмед Кефтару и Рамадан аль-Бути¹³.

После начала революции общество никак не проявило себя в качестве противника или сторонника революции. Однако многие женщины, которые входили в это движение, поддерживали сирийскую революцию. В то же время роль движения в сирийских событиях была крайне мала и незаметна.

Суфийское движение, как организованная сила, практически не участвовало в вооруженной борьбе. Однако многие ученики шейхов, особенно те, кто принадлежал к школе «аз-Заида», это молодежь из Дамаска, Халеба и Хомса, присоединились к вооруженным отрядам исламистской направленности. Наиболее заметными из таких отрядов были батальоны «ас-Сахаба» во главе с Абу Тайсир и Абу Ислам, а также дивизии «Ахвад ар-Расуль» во главе с Абу Махус аль-Ага, «Халев аль-Хабус», «Дир Димашк», батальоны «Фуркан», «Магавир аш-Шам».

Большинство членов этих отрядов были дамаскинцами или выходцами из пригородов Дамаска. За исключением «Магавир аш-Шам», они вместе с «Лива аль-Ислам» и «Хамза бин Абульмута-либ» образовали в августе 2012 года объединение «Ансар аль-Ислам». Официальным представителем этой группы стал Абу Махус аль-Ага. «Ансар аль-Ислам» стремились объединить вооруженные отряды исламской оппозиции под знаменем Сирийской Свободной Армии. Однако в результате разногласий в декабре 2012 года из объединения вышли «Лива аль-Ислам» и «Хамза бин Абульмута-либ». Разногласия возникли после того, как «Лива аль-Ислам» присоединилась к Фронту освобождения Сирии¹⁴.

В апреле 2013 года был образован отряд под названием «Лива Магавир Шам ар-Расул» под патронажем «Магавир аш-Шам». В его состав вошли 4 батальона, которые объединили несколько отрядов, наиболее значимыми из них являлись «Байярик аш-Шам», «ан-Насер Саладин», «Сарая аль-Хасан», «Катиба Димашк», «Катиба Ансар аль Куран», «Катиба аль-Имам аш-Шатбит», «Катиба аль Имам Мухаммад аль-Фатех», «Катиба Усуд аль-Ислам»¹⁵.

Несмотря на свое ограниченное участие в вооруженной борьбе, суфийские движения сыграли большую роль на мирном этапе протестных выступлений, а также в деле оказания помощи и социальной поддержки населению. На самом деле суфии уделяли больше внимания не политическим, а социальным аспектам восстания. Они также много занимались вопросами образования и благотворительности, молитв и прозелитизма. Конечно, они имели внутренние различия между собой по вопросам структуры будущей политической системы. Несмотря на свое слабое участие в вооруженной борьбе и внутреннюю разобщенность по ряду ключевых вопросов революции, суфии сохранили сильное присутствие в районах Халеба и Дамаска.

Сегодня приоритетом для них является так называемый умеренный ислам, установления которого они рассчитывают добиваться благодаря наличию прочных и обширных связей между различными шейхами, возглавляемыми ими образовательными, благотворительными учреждениями, различными мечетями, с одной стороны, и средними слоями населения, прежде всего торговой буржуазии, с другой.

Указанные выше обстоятельства заставляют предположить, что после окончания кризиса и установления мира в Сирии суфийские общества могут принять активное участие в политическом транзите с тем, чтобы повлиять на идеологический и политический выбор будущей Сирии.

¹ *Abdurrahman al-Haj.* *Abdurrahman al-Haj*. "al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad", *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 28–29.

² *Abdurrahman al-Haj.* *Abdurrahman al-Haj*. "al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad", *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 53–55.

³ Al-Bayan News. 24.07.2012 // tinyurl.com/ovrntg2.

⁴ *Abdurrahman al-Haj. Abdurrahman al-Haj*. “al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad”, *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 27–28.

⁵ www.bbc.co.uk/arabic/middleeast/2013/04/130410_syria_al-bouti_video.shtml.

⁶ www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=720533&issueno=12523.

⁷ *Arno Lofan*. “Haraka Islamiyah fi zil Nizam ‘Askari: Jama’at Zaid al-Dimashqiya Unmozajm”, “An Islamic Movement under the Shadow of a Military System: Damascus’ Zaid Movement as a Model” // *The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the Movement*. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001. P. 264–271.

⁸ *Abdurrahman al-Haj. Abdurrahman al-Haj*. “al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad”, *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 15.

⁹ *Abdurrahman al-Haj. Abdurrahman al-Haj*. “al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad”, *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 15–6

¹⁰ *Abdurrahman al-Haj. Abdurrahman al-Haj*. “al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad”, *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 37–39.

¹¹ www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=682129&issueno=12254.

¹² *Abdurrahman al-Haj. Abdurrahman al-Haj*. “al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad”, *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 16–18.

¹³ *Abdurrahman al-Haj. Abdurrahman al-Haj*. “al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad”, *Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad* // Al-Jazeera Net. 20.05.2013, P. 39–43.

¹⁴ Arabi Press. 27.12.2012 // www.arabi-press.com/?page=article&id=57716.

¹⁵ www.youtube.com/watch?v=KrOoNuRdLYs.

ГЛАВА 5

О влиянии СССР на развитие национального движения в Иракском Курдистане в 1940–1950-е годы

Внешняя политика СССР в отношении Иракского Королевства носила комплексный характер, отличаясь прагматизмом и последовательностью в реализации ее важнейших установок, нацеленных, главным образом, на подрыв военно-политического присутствия Великобритании в ближневосточном регионе. Багдад постоянно находился в центре внимания Москвы: в советской столице сосредоточенно наблюдали за тем, что происходит в Иракском Королевстве — ближайшей к южным рубежам СССР арабской стране, где Англия создавала свою военную инфраструктуру. Это «квалифицировалось» Кремлем как военные приготовления Лондона в преддверии империалистического нападения на советское государство, в неизбежности которого большевики были убеждены¹.

Иракские оппозиционные движения периода 40-х гг. XX века возникали, формировались и действовали в тесном взаимодействии с внешними факторами. Наиболее мощные из них, на мой взгляд, два. Первый — это политика Великобритании в Ираке, которая вызвала в иракском обществе крайне негативную реакцию и создала соответствующие предпосылки и условия для возникновения в нем различных сил политического сопротивления английской системе контроля и управления Иракским Королевством. Второй фактор — это Советский Союз, который предпринимал попытки объединить эти оппозиционные силы, создать организационную структуру руководства ими и придать их деятельности соответствующую своим внешнеполитическим целям и задачам идеологическую направленность. Как следствие, в стране получили развитие и превратились в мощные политические движения три имеющие антианглийский уклон оппозиционные силы, которые так или иначе были связаны с СССР. Это Национально-

демократическая партия, Коммунистическая партия Ирака и Демократическая партия Курдистана. В данной статье на основе архивных документов рассматривается проблема влияния Советского Союза на развитие движения курдских националистов как одной из крупнейших иракских оппозиционных сил, которая получила определенную поддержку со стороны Советской России в рассматриваемый период.

В первой половине XX века иракские курды неоднократно поднимали вооруженные восстания против англичан и установленного ими режима власти. Многие крупные лидеры курдских племенных образований рассчитывали справиться с проблемой английского контроля при помощи СССР. Так, например, уже в 1922 году могущественный курдский шейх Махмуд Барзанджи создал независимое Королевство Курдистан со столицей в Сулеймании. Безусловно, это была временная уступка англичан, которые в эти годы стали использовать тактику предоставления крупным племенным шейхам определенной независимости взамен на лояльность и послушание. Королевство продержалось всего два года и было ликвидировано англичанами². Но за это время шейх, полагаясь на поддержку Москвы, активно пытался сохранить завоеванное «жизненное пространство». С этой целью он неоднократно обращался за помощью к советскому руководству. Так, в одном из своих писем к генеральному консулу СССР в Тебризе он сообщал, что «курдский народ считает русских освободителями всего Востока и желает установления дипломатических отношений с Россией»³. Кроме дипломатического признания «Курдского Королевства» Барзанджи запрашивал у России и военную помощь для своей борьбы с англичанами.⁴

Но Москва не спешила с официальным признанием новоявленного «Курдского Королевства». На Старой площади смотрели на всю эту ситуацию прежде всего сквозь призму советских геополитических интересов в регионе. Это был глубоко прагматичный подход, нацеленный на использование курдского национального движения исключительно для поддержания там баланса сил, выгодного для СССР. Этот подход достаточно хорошо отражен в переписке советского полпреда в Персии Б.З. Шумяцкого с Г.В. Чи-

чериным. Как из нее следует, советское руководство понимало, что «курды самостоятельно без материального содействия и военной помощи не смогут существовать в форме самостоятельного государства». В связи с этим советская дипломатия задавалась вопросом: «насколько с точки зрения политических интересов СССР на Востоке желательно образование в данный момент курдского государства...». В указанной переписке мы находим совершенно четкий ответ на этот вопрос. Он содержится в ряде тезисов, в которых обосновывается «вредность для СССР как цельного, так частичного объединения курдов под чьим-либо протекторатом...». Но при этом констатируется, что: «и разоружение курдов нам не выгодно». Исходя из этих обстоятельств, советские дипломаты формулируют следующую внешнеполитическую установку для СССР в отношении курдского вопроса. «Курдские племена, будучи вооруженными и будучи сами по себе воинственными, могут сыграть важную роль в разрешении ряда востпроблем. Нам на данный момент совершенно не выгодно исчезновение этой реальной силы, которая в нужный момент, как угнетенная национальность, может быть брошена против угнетателей. Следовательно, мы должны противодействовать разоружению курдов и должны сохранять их боевые качества, ведя среди них агитацию о жизненной необходимости для курдской национальности сохранения самостоятельности племен и о невыгодности турецкой или английской ориентации, имеющих в корне империалистические по отношению к ним замыслы. Мы должны пропагандировать среди них, что только Советская Россия... не заинтересована в их эксплуатации и подавлении»⁵. Как показала история, в целом именно такой подход будет довлеть в курдской политике СССР на протяжении всей первой половины XX века. Но и позиция курдских националистов фактически не изменится, они по-прежнему будут пытаться играть на противоречиях мировых держав и стараться использовать СССР в качестве своего рода геополитического «телохранителя».

Склонность Москвы к подобной линии внешнеполитического поведения в курдском вопросе хорошо можно увидеть и на примере ее позиции по отношению к национально-освободительному

движению в Иракском Курдистане в 1943–1945 годах. В это время руководимое Мустафой Барзани восстание в Иракском Курдистане стало предметом дипломатических переговоров внешнеполитических ведомств СССР и Ирака. Причиной переговоров явилось то обстоятельство, что в ходе военного противостояния между правительственными войсками и требовавшими независимости курдскими повстанцами последние под руководством Мустафы Барзани прорвались к иранской границе и нашли убежище на территории Ирана, контролируемой советскими войсками. В связи с этим правительство Ирака неоднократно обращалось к советскому руководству с просьбой об аресте Мустафы Барзани и его последователей для передачи их иракским властям. Так, в одной из официальных нот МИД Ирака от 20 марта 1946 г. советскому дипломатическому представительству было сделано заявление. В нем, в частности, говорилось, что «иракский гражданин по имени Мулла Мустафа Аль-Барзани в конце лета 1945 г. совместно со своими последователями поднял вооруженное восстание, учинил акты бандитизма и нарушил мир и покой внутри Иракского Королевства». Сообщалось также и о том, что иракская армия смогла подавить это восстание, но «указанная личность вместе со своим братом Шейхом Ахмедом и другими своими людьми все же смогли убежать на иранскую территорию, устроившись в Мешхеде и Ушну». Иракский МИД отмечал также, что «остатки этих бандитов, будучи свободными и вооруженными, будут искать удобного случая для нарушения мира и создания трудностей и беспорядка на ирако-иранской границе». Нота также гласила, что, «поскольку район, в котором бандиты нашли свое убежище, все еще занят русскими войсками, а также ввиду дружественных отношений между Ираком и Правительством Союза Советских Социалистических Республик, Министерство иностранных дел просит уважаемую Миссию ходатайствовать перед компетентными русскими властями в том районе издать свой приказ об аресте Муллы Мустафы Аль-Барзани, его брата Шейха Ахмеда и их последователей до окончания необходимых формальностей по их возвращению и передаче правосудию»⁶. Надо отметить, что фактически на все подобные обращения иракского МИД к советскому диппредстави-

тельству последнее всегда отвечало одной и той же формулировкой, что МИД СССР «рассматривает вопрос об иракских курдах Барзани, бежавших на иранскую территорию как вопрос внутреннего порядка между обеими странами Ираком и Ираном. Следовательно, исходя из принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств, Министерство иностранных дел СССР не может рекомендовать советским военным властям издать приказ об аресте указанных курдов и передаче их иракским властям»⁷.

Между тем это был не первый случай, когда советские оккупационные власти в Иране давали убежище иракским курдам. Так было, например, в 1943 г., когда сын уже упоминавшегося нами курдского лидера Махмуда Барзанджи (также возглавлявшего курдское движение за независимость в Ираке) Латиф Барзанджи бежал от преследования иракских властей в Иран, где нашел поддержку у советского командования в Лахиджане⁸.

Внешне соблюдая нейтралитет, Москва, безусловно, сочувствовала иракским повстанцам, выступавшим против хашимитского режима в Ираке и его английских покровителей. В годы Второй мировой войны, а также в начальный период холодной войны геополитическое значение Курдистана для СССР значительно возросло. После того как советские войска оккупировали северную часть Ирана, СССР, выйдя на международную арену Ближнего и Среднего Востока, на правах великой державы стал претендовать на высокую степень участия в международных делах этого региона⁹. В свою очередь, Англия и США появление группы советских войск в Иране восприняли как угрозу своим геополитическим и экономическим интересам в регионе. В начавшемся англо-советско-американском противостоянии в этой части ближневосточного региона (которую в Москве, кстати говоря, всегда рассматривали как ворота на Арабский Восток) одним из инструментов влияния держав стало курдское национальное движение, за контроль над которым между ними происходило соперничество. В этот период в геополитической игре крупных держав на Ближнем Востоке курдам отводилась особая роль — «дестабилизирующего фактора», «умное» использование которого приносило большие геополитические дивиденды, позволяя эффективно влиять на расста-

новку основных сил в регионе. В частности, СССР посредством курдов надеялся оказывать влияние на иранское правительство, больше склонявшееся к сотрудничеству с Западом, а также продлить свое военное присутствие в Иране и значительно ослабить английские позиции в соседнем Ираке, являвшемся предметом особого внимания советского руководства, так как нефтяные ресурсы Ирака, особенно в начальный период холодной войны, на 80% обеспечивали энергетическим топливом военные экономики Англии и США — главных советских геополитических противников на мировой арене. Так, в случае глобального военного конфликта при помощи курдов Москва рассчитывала вывести иракские нефтепромыслы из строя¹⁰.

Учитывая феномен курдского сепаратизма, можно говорить о том, что в послевоенное время курды по сути являлись важнейшим потенциальным союзником СССР на Ближнем Востоке. Это хорошо понимали советские руководители, которые стали усиленно стимулировать сепаратистские настроения курдов в регионе. Грандиозные победы Советской Армии сыграли свою роль, и курды Ирана, Ирака, Турции и Сирии стали воспринимать СССР в немалой степени как своего покровителя и защитника. Именно с СССР они стали связывать свои чаяния о создании независимого Курдистана. По мнению М.С. Лазарева, вторжение частей Красной Армии в северо-западную часть Ирана объективно способствовало подъему курдского национального движения на значительной части территорий Восточного и Южного Курдистана, росту там просоветских настроений. М.С. Лазарев также считает, что «иракские курды ...поднимаясь на борьбу против англичан и их багдадских подручных, уповали на советскую помощь»¹¹. Стоит добавить, что надежды курдов на советскую помощь возникли не на пустом месте: Москва щедро давала обещания курдам оказать всяческую поддержку в достижении независимости.

По воспоминаниям тогдашнего руководителя 4-го управления НКВД П.А. Судоплатова, в это время в Международном отделе ЦК вплотную занимались курдским вопросом. Между Мустафой Барзани и Кремлем начался переговорный процесс и обсуждение соглашения о сотрудничестве. В ходе рассмотрения курдской про-

блематики в недрах Международного отдела возникла инициатива создать Демократическую партию Курдистана во главе с Барзани. Согласно первоначальному замыслу партия должна была координировать деятельность представителей правительства Барзани во всех районах проживания курдского населения¹². Уже в августе 1946 года партия была создана. Конечно же, финансовое обеспечение партии, как и в случае с иракской коммунистической партией, взяла на себя Москва. В Архиве Президента РФ находятся документы, согласно которым Кремль регулярно выделял на содержание курдской партии сотни тысяч долларов. Таким образом, Москва в обстановке начинавшейся холодной войны смогла создать еще один мощный и подконтрольный ресурс политического влияния не только на внутреннюю ситуацию в Ираке, но и на политику своих геополитических соперников, действующих на ближневосточном пространстве.

Между тем в Лондоне и Багдаде готовились к худшему и восстание курдских племен в Северном Ираке напрямую связывали с желанием СССР продвинуться к Персидскому заливу или иракским нефтепромыслам. Так, 2 апреля 1946 года глава иракского правительства Тауфик Ас-Сувейди прямо объявил, что «если Россия поддержит курдов Ирака, то наша армия, которая прежде всего является защитной, не сумеет подавить восстание без посторонней помощи. Если я узнаю, — заявлял премьер, — что это восстание (иракских курдов. — *М.И.*) было спроектировано за границей, то я буду рассматривать это как действие агрессии, и буду ожидать, что Англия выполнит свои обязательства путем присылки ее войск для помощи. Но я не думаю, — заканчивал мысль Т. Ас-Сувейди, — что Англия будет дожидаться до тех пор, пока ее попросят»¹³. В то же время масло в огонь подливали иракские СМИ, которые также все происходящее в Иракском Курдистане связывали с СССР. Так, например, одна из иракских газет демократического толка писала по этому поводу: «...Мулла Мустафа Аль-Барзани, вождь иракских курдов, который в настоящее время находится в Иранском Курдистане, ожидает таяния снега для того, чтобы провести кампанию по связи с иракскими курдами и заставить их работать под его руководством в борьбе против

правительства Багдада. Он (Мустафа Барзани. — *И.М.*) заявил, что он вернется в Ирак и что Россия поддержит его теперь...». Газета также констатировала тот факт, что «различные сообщения, полученные из Багдада, указывают на то, что Россия поддержит любое движение, которое захотят выполнить курды, и что она действительно начала распределять оружие. В этом случае, — говорилось в газете, — курды имели возможность получить современное вооружение русских револьверов и ружей». Что же касается целей, которые Москва преследовала в курдском вопросе, то газета рассуждала, что «если Россия имеет задачу достичь Персидского залива, то в этом случае она будет поддерживать любое курдское восстание, как в Ираке, так и в Иране, независимо от того, кем оно будет осуществлено, курдами или членами левой партии». Интересно отметить, что владельцем цитируемой газеты как раз и был лидер просоветской Национально-демократической партии Камиль Аль-Чадарчи. Весьма примечательна концовка газетного репортажа о «советско-курдском» альянсе. «Иракские круги, — отмечала она, — уверены, что Британия будет противостоять любому движению, которое Россия будет проводить в этой части света. Это может вызвать гражданскую войну, подобно той, которая имела место в Испании между различными группами населения, поддержанными великими государствами»¹⁴.

Выходившие в этот же период другие иракские газеты, представлявшие различные политические группы Ирака, также периодически сообщали: то о том, что иракские курды поднялись одновременно с восстанием в Иранском Азербайджане и уходом советских войск из Ирана, то о том, что русские движутся к иракским границам и мосульским нефтепромыслам, и т.д.

Здесь важно отметить, что выступление иракского премьер-министра, по сути обращавшегося за помощью к Лондону, а также многочисленные заявления иракской прессы, прямо и косвенно увязывавшей геополитические устремления СССР в регионе с курдским движением в Ираке и Иране, указывали на то, что в это время в Багдаде прямо подозревали СССР в подогревании курдского сепаратизма и видели в нем непосредственную угрозу своему существованию. Очевидно, что в Багдаде не исключали такого

варианта развития событий, при котором поддерживаемая Москвой внутренняя оппозиция, будь то курды, коммунисты или левые, осуществит вооруженный переворот или спровоцирует гражданскую войну. Опасаясь такого сценария, уже в конце 1946 года монархический истеблишмент Ирака начал кампанию политических репрессий: была запрещена деятельность практически всех оппозиционных иракских партий, в том числе возглавлявшейся Мустафой Барзани Демократической партии Курдистана, Национально-демократической партии во главе с Камилем Аль-Чадарчи, Коммунистической партии Ирака. В конце 1946 г. были арестованы лидер НДП Камилль Аль-Чадарчи и руководители учредительного комитета Партии национального освобождения Аш-Шабали и Абд Аль-Ис. В начале же 1947 г. за антиправительственную пропаганду был арестован и приговорен к смертной казни генеральный секретарь ИКП Юсеф Сальман Юсеф (Фахд). В то же время широким фронтом шло подавление курдского национального движения в Ираке.

Тем временем обстановка в регионе накалялась. 23 марта 1946 г. иракская «Аз-Заман» сообщала, что русские войска достигли западной части озера Урмия, расположенного в 100 км от места, где пересекаются границы Ирака, Ирана и Турции¹⁵. 28 марта газета «Аль-Якда» поместила в своем последнем номере интервью с одним из высокопоставленных британских офицеров, который на вопрос корреспондента: «Ожидается ли какое-либо важное международное происшествие?» — ответил положительно. На второй его вопрос: «Готова ли Британия?» — он также ответил положительно, добавив, что «фронт Ирака и фронт Египта хорошо снабжены огромной британской армией. Если вспыхнет война между Россией и Англией, то Британии она может угрожать только с “земли”, так как на море и в воздухе мы имеем преимущество»¹⁶.

Что же касается Москвы, то, судя по воспоминаниям П.А. Судоплатова, там также усиленно готовились к тому, чтобы нанести решающий удар по английским позициям в Ираке, в частности ликвидировав силами НКВД центральную фигуру проанглийского режима — премьер-министра Нури Саида¹⁷. Вместе с тем бывший шеф советской разведки вспоминал, что в эти годы он также зани-

мался «созданием курдской подпольной сети в Иране, Ираке и Турции» с той же целью — «свержение правительства Нури Саида и Фейсала в Ираке»¹⁸.

Несмотря на все приготовления сторон, назревавший тогда между СССР и союзниками конфликт, в котором активно разыгрывалась курдская карта, все-таки удалось погасить еще в зародыше. В конечном счете под давлением союзников советские войска вынуждены были покинуть Иран. Курдское национальное движение было жестко подавлено как в Ираке, так и в Иране. Курдские повстанцы Ирака в количестве около 2 тысяч человек во главе со своим лидером Мустафой Барзани, совершив свой знаменитый переход из Северного Ирака до советской границы на реке Аракс, получили политическое убежище в СССР. И хотя прямого военного столкновения между СССР и Британией во второй половине 1940-х гг. удалось избежать, англо-советское противостояние на курдском геопространстве Ближнего Востока не исчезло, но еще более усилилось в 1950-е годы.

В течение 1950-х годов курдский вопрос, не потеряв своей актуальности, по-прежнему занимал особое место в ближневосточной, и особенно иракской, политике Москвы, по-прежнему направленной на ослабление британских и американских позиций в регионе. В Москве, в частности, полагали, что находящийся в СССР Мустафа Аль-Барзани со своими людьми сможет сыграть важную роль в свержении пробританского правительства в Ираке¹⁹. Так, согласно запискам П.А. Судоплатова, по приказу тогдашнего министра госбезопасности С.Д. Игнатьева из курдов Барзани была сформирована специальная бригада численностью полторы тысячи человек для диверсионных операций на Ближнем Востоке. Как указывал Судоплатов, «ее можно было использовать и для намечавшегося свержения правительства Нури Саида в Багдаде, что серьезно подрывало бы влияние англичан во всем ближневосточном регионе». В то же время, отмечал разведчик, «курды... должны были играть определенную роль в наших планах, связанных с выведением из строя нефтепроводов на территории Ирана, Ирака и Сирии в случае вспышки военных действий или прямой угрозы ядерного нападения на СССР»²⁰. Здесь важно указать, что другие

источники также подтверждают факт прохождения иракскими курдами серьезной боевой подготовки в период их нахождения в СССР²¹. Не будет лишним в этой связи упомянуть и о том, что сам лидер иракских курдов Мустафа Барзани учился в военной академии в Москве и имел звание генерал-майора советской армии.

Также важно отметить, что, как следует из тех же мемуаров Судоплатова, между лидером иракских курдов М. Барзани и советским правительством было достигнуто соглашение о сотрудничестве. Согласно ему в обмен на участие курдов в советской политике на Ближнем Востоке советская сторона обязалась оказать содействие курдам в создании независимой курдской республики на стыке границ Северного Ирака, Ирана и Турции. П.А. Судоплатов, в частности, упоминает М.А. Сулова, который «обещал Барзани всестороннюю поддержку в борьбе за автономию только ради того, чтобы с помощью курдов свергнуть Нури Саида в Ираке»²². Резюмируя итоги курдской политики Кремля в указанный период, П.А. Судоплатов неоднократно оговаривает тот факт, что «при помощи курдов это (т.е. свержение правительства Нури Саида. — *И.М.*) удалось осуществить в 1958 году...»²³

¹ Миняжетдинов И.Х. К вопросу об особенностях иракской политики Коминтерна накануне Второй мировой войны // «Ученые записки Центра арабских и исламских исследований» / Отв. ред. А.И. Яковлев; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.

² Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: история и современность. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 148.

³ История Курдистана. М., 1999. С. 263.

⁴ История Курдистана. М., 1999. С. 263.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 89. Л. 1–4.

⁶ Цит. по: АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 3. П. 2. Д. 4. Л. 3.

⁷ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 3. П. 2. Д. 4. Л. 2.

⁸ Rambout L. Les kurdes et le droit. Des textes, des faits. P., 1947. P. 72.

⁹ Так, например, уже через четыре месяца после вступления советских и английских войск в Иран, в декабре 1941 г. в ходе визита в Москву британского министра иностранных дел Антони Идена Сталин заговорил о территориальных изменениях в курдистанском регионе после победы, предложив, в частности, для Турции в качестве компенсации за «лояльность» часть Сирии, чем серьезно обеспокоил английское руководство.

¹⁰ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 425.

¹¹ Лазарев М.С. СССР и Курдистан (1917–1945) // www.aha.ru/~said/Lazarev.htm.

- ¹² Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 426.
- ¹³ Цит. по: АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 2.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 4.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 8.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 7.
- ¹⁷ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 673.
- ¹⁸ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 478.
- ¹⁹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 425.
- ²⁰ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 426.
- ²¹ Легендарный вождь курдского народа. Сборник материалов советской русской прессы 1958–1979 годы. М.; Тбилиси, 2003. С. 270–271.
- ²² Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 426, 429.
- ²³ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2002. С. 426.

ГЛАВА 6

Советско-иракские отношения и палестинский вопрос (вторая половина 1940-х гг.)

Важной темой в политико-дипломатических отношениях между СССР и Иракским Королевством во второй половине 1940-х годов становится палестинская проблема. Занимаемая в этом вопросе советским руководством произраильская позиция, вызвав к жизни негативные тенденции в самых различных кругах иракского политического истеблишмента, в итоге способствовала охлаждению советско-иракских отношений, снижению популярности СССР в иракском обществе.

Политика И.В. Сталина в палестинском вопросе отчасти являлась продолжением антианглийской линии внешней политики СССР на Ближнем Востоке и в значительной степени была направлена на подрыв британского военно-политического господства в нем. Именно данной установкой руководствовался советский лидер, принимая решение оказывать всяческое содействие сионистам в Палестине. Он надеялся, что укрепление позиций сионистов в Палестине, требующих образования там «национального очага» для евреев, значительно осложнит отношения Англии с арабскими режимами, что в конечном итоге приведет к ослаблению ее влияния на них. Логике Сталина, которой он руководствовался в этом вопросе, замечательно характеризует следующее его высказывание: «Давайте согласимся с образованием Израиля. Это будет как шило в заднице для арабских государств и заставит их повернуться спиной к Британии. В конечном счете, британское влияние будет полностью подорвано в Египте, Сирии, Турции и Ираке»¹.

Важно отметить, что Сталин начал оказывать помощь сионистам в создании еврейского государства задолго до его официального признания. Показательным свидетельством усилий Москвы в этом направлении служат воспоминания П.А. Судоплатова, являвшие-

гося в то время начальником отдела «ДР» (служба проведения диверсий и актов террора) МГБ СССР. Он вспоминал: «В 1946 г. было получено указание забросить наших агентов в Палестину через Румынию. Они должны были создать в Палестине нелегальную агентурную сеть, которую можно было бы использовать в боевых и диверсионных операциях против англичан. Для этой цели я выделил трех офицеров: Гарбуза, Семенова и Колесникова... Семенов и Колесников обосновались в Хайфе и создали две агентурные сети, но участия в диверсиях против англичан не принимали. Колесников сумел организовать доставку из Румынии в Палестину стрелкового оружия и противотанковых гранат, захваченных у немцев. Гарбуз оставался в Румынии, отбирая там кандидатов для будущего переселения в Израиль»².

В период первой арабо-израильской войны советское руководство оказало сионистам не только политическую поддержку, одним из первых признав Израиль в качестве государства, но и материальную помощь, прежде всего поставками советского вооружения³. Кроме того, через Чехословакию в Израиль направлялись советские добровольцы, в основном офицеры-евреи, имевшие боевой опыт⁴.

Такова была суть палестинской политики Сталина, которая, как будет показано ниже, явилась одним из камней преткновения на пути становления советско-иракских дипломатических отношений в описываемый период, поскольку иракская позиция в палестинском вопросе абсолютно отличалась от советской. Палестинская политика Ирака формировалась под влиянием различных факторов и во многом обуславливалась позицией Британии.

В августе 1945 г. новый президент США Г. Трумэн обратился к английскому правительству с требованием немедленно допустить в Палестину 100 тысяч евреев из европейских стран⁵. Британское руководство на это требование американского президента ответило предложением прежде сформировать совместную англо-американскую комиссию для выяснения политических, экономических и социальных условий в Палестине. Трумэн принял предложение Уайтхолла, и в ноябре 1945 г. такая комиссия была создана⁶. Ровно через полгода, в апреле 1946-го по завершении работы комиссии в Лондоне был опубликован ее доклад, который вскоре

был разослан всем арабским государствам. Обозначенные в этом докладе решения англо-американской комиссии, сводившиеся к разрешению иммиграции евреев из Европы в Палестину, вызвали всплеск негодования и возмущения арабской общественности, особенно в Ираке, который начиная с 30-х гг. находился в авангарде антисионистского движения на арабском востоке. Одновременно позицию, аналогичную арабской, занял и официальный Лондон, который вскоре отклонил доклад англо-американской комиссии.

Уже в том же 1946 году по решению Лиги арабских государств в Ираке был создан специальный «Комитет по защите Палестины», на который была возложена обязанность сбора денежных средств для оказания помощи подвергшимся «сионистской агрессии» палестинцам⁷. Тогда же по указанию министра внутренних дел Ирака Комитет иракских партий объединил свои усилия в деле помощи палестинским арабам с вновь созданным иракским «Комитетом по защите Палестины»⁸. В то же время, согласно сообщению иракской «Аль-Хавадис», правительство Ирака официально заявило о своем решении оказать Палестине всемерную поддержку и помощь⁹.

Практически сразу после вышеупомянутого заявления Г. Трумэна иракское правительство направило американскому руководству ноту протеста, копия которой также была направлена и в советскую дипломатическую миссию в Багдаде. Последнее было сделано с целью привлечь внимание СССР к палестинской проблеме. Нота примечательна тем, что демонстрирует особенности понимания иракским правительством потенциальных угроз и рисков, связанных с палестинской проблемой, которая мыслилась им, прежде всего, в плоскости обеспечения безопасности как своего государства, так и арабского мира в целом. Так, в ноте, подписанной иракским премьер-министром Хамди Аль-Пачачи, было заявлено, что иракский народ, вне всякого сомнения, полон «чувства симпатии к пострадавшим в Европе жертвам нацизма ...но они (иракцы. — *И.М.*) не склонны считать, что сионизм является средством для разрешения еврейского вопроса в мировом масштабе, и что эта проблема должна быть разрешена за счет арабов, поскольку сионизм, в действительности, является агрессивным движением, целью кото-

рого является колонизация Палестины и изгнание мирных арабов из их собственной страны, либо же предоставление им места маленького лишенного власти нацменьшинства на той земле, которую они наследуют в течение ряда веков». Далее Хамди Аль-Пачачи указывал, что существуют доказательства, «не оставляющие ни малейших сомнений у арабов в том, что «после того, как сионистами будет поглощена Палестина, они намерены вторгнуться и в другие арабские страны. В силу этого, — отмечал премьер-министр, — мы рассматриваем палестинский вопрос как вопрос жизни и смерти. Сионизм — враждебное движение, направленное в сердце арабского народа, и всякая поддержка его вызовет отрицательную реакцию в арабских кругах, которую едва ли хотело бы Американское правительство». Завершая мысль, премьер подчеркивал: «Арабский народ твердо решил использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы защитить свое существование и обеспечить свою безопасность в пределах своих границ»¹⁰.

Интересно отметить, что утверждение иракского руководства о том, что сионисты собираются захватить со временем и остальные арабские страны, включая Ирак, проходит «красной нитью» и в других официальных выступлениях и заявлениях иракского правительства, сделанных им в этот период в связи с палестинским вопросом.

Выразив протест, иракские лидеры стали предпринимать различные дипломатические усилия с тем, чтобы воспрепятствовать проведению в жизнь решений англо-американской комиссии по делам Палестины, выполнения которых, в свою очередь, добивалось американское правительство.

Таким образом, как можно увидеть, интересы СССР и Ирака в палестинском вопросе изначально кардинально расходились. Москва, прикрывавшаяся миротворческой риторикой о невмешательстве в дела других государств, оказывая поддержку сионистам, преследовала сугубо прагматичные цели, определявшиеся внешнеполитическими задачами (в понимании Сталина) ослабления и ликвидации британского влияния в регионе. Понятно, что при этом Сталина меньше всего волновали правовые и моральные аспекты процесса создания сионистского государства в центре арабского мира. Всячески содействуя сионистам, он, видимо, рас-

считывал на достижение определенной степени контроля над этой новой силой в регионе, которая должна была быть использована им для окончательного выдворения из региона главного советского конкурента на Ближнем Востоке — Великобритании.

Что же касается Ирака, то на его политику в палестинском вопросе в этот период оказывали влияние два главных фактора. Первый — это политика Англии в регионе: именно в период обострения англо-сионистских отношений (1945–1948 гг.) наблюдается и рост дипломатической активности иракского правительства, направленной против сионистского движения в Палестине. Второй — это арабский фактор, то есть когда Ирак выступал в защиту арабского народа Палестины в качестве неотъемлемой части арабского мира, арабской нации, которая видела в сионистах реальную угрозу ее единству, безопасности и даже самому ее существованию. Примечательно также, что, обозначая свою антиссионистскую позицию, иракское правительство не использовало при этом исламскую риторику, но оперировало, главным образом, символами идеологии арабского национализма.

С такими вот разными внешнеполитическим установками в отношении Палестины и сионистов оба государства подошли к тому моменту, когда активная международная позиция Ирака в палестинском вопросе стала причиной того, что между Багдадом и Москвой начались переговоры по палестинской проблеме. В ходе переговорного процесса иракская сторона, дезориентированная на первых порах миролюбивой и проарабской риторикой советских СМИ, неоднократно предлагала советскому руководству поддержать его палестинскую инициативу в Совете Безопасности.

Началом советско-иракского переговорного процесса стала состоявшаяся 14 мая 1946 года в советской столице встреча заведующего Ближневосточным отделом МИД СССР И. Самыловского с иракским посланником в Москве Аббасом Мехди. В ходе беседы с советским дипломатом иракский посланник затронул палестинскую тему. В частности, обратив внимание своего собеседника на тот факт, что доклад англо-американской комиссии по палестинской проблеме является причиной большого беспокойства и огорчения как для арабов, проживающих в Палестине, так и для ара-

бов, живущих в других арабских странах, А. Мехди особо подчеркнул, что «этот доклад живо затрагивает иракский народ, связанный с арабами Палестины бесчисленными узами, и в силу этого он не может остаться безучастным в этом вопросе». По этой причине, указывал посланник, руководство его страны поручило ему осведомиться о следующем: «В случае если иракское правительство поставит вопрос о Палестине, сможет ли оно рассчитывать на такое же отношение со стороны Советского Союза, как это имело место с Сирией и Ливаном». На встречный вопрос И. Самыловского: «В каком аспекте и где думает ставить этот вопрос иракское правительство?» А. Мехди ответил, что «постановка вопроса о Палестине мыслима в плоскости всеобщей безопасности на заседании Совета Безопасности, так как решения англо-американской комиссии по Палестинскому вопросу, если они будут проведены в жизнь, неизбежно вызовут кровавые столкновения и волнения в Палестине, а возможно и на всем Ближнем Востоке, что не в интересах арабских стран также, как и великих стран, вроде СССР, заинтересованных в спокойствии в данном регионе»¹¹. В ответ на речь иракского посланника И. Самыловский ответил, что предложения иракского правительства будут доведены до сведения руководства советского МИД. Однако из документов АВП РФ не видно, чтобы руководители советского внешнеполитического ведомства как-то конкретно отреагировали на просьбы иракской стороны, которые, по-видимому, на первый раз были просто оставлены без внимания. С другой стороны, можно предположить, что молчание Москвы в какой-то степени объяснялось тем, что советские лидеры, очевидно, не хотели до поры до времени раскрывать свою позицию в палестинском вопросе, дабы не портить налаживавшиеся отношения с арабским миром, передовой частью которого являлся Ирак, где после Второй мировой войны авторитет СССР был необычайно высок. Тем не менее в Багдаде не собирались опускать руки, и Аббас Мехди вновь и вновь продолжал делать попытки договориться с Москвой.

Так, 22 мая 1946 г. во время своего очередного визита уже к заместителю министра иностранных дел СССР В.Г. Деканозову иракский посланник вновь повторил предложения своего прави-

тельства к советскому руководству оказать Ираку дипломатическую поддержку в палестинском вопросе на международном уровне. В ходе встречи дипломатов А. Мехди заявил В.Г. Деканозову, в частности, о том, что палестинская проблема имеет первостепенное значение «для арабов и для всего мусульманского мира». Упомянув в этой связи доклад англо-американской комиссии о палестинском вопросе, он высказался в том смысле, что данный доклад был отрицательно встречен арабской общественностью. Он особо отметил, что центральное место в упомянутом докладе посвящено вопросу организации иммиграции в Палестину 100 тысяч евреев, вследствие чего, по его мнению, «Палестина, будучи небольшой страной, получит большой прирост еврейского населения». Это, в свою очередь, приведет к тому, что «арабы в скором времени превратятся в национальное меньшинство в Палестине». Выразив глубокую обеспокоенность последним обстоятельством, А. Мехди заявил также, что «принятие предложений комиссии явится источником постоянной тревоги и волнений на Ближнем Востоке». Он подчеркнул, что именно в этом кроется главная опасность, «вытекающая из доклада англо-американской комиссии». Далее иракский посланник сообщил Деканозову о том, что, поскольку иракское правительство собирается поставить вопрос о Палестине на рассмотрение в Совет Безопасности, оно поручило ему выяснить позицию советского руководства касательно сделанного англо-американской комиссией доклада. Затем иракский посланник сообщил замминистра, что «если иракскому правительству будет оказана такая же поддержка, какую Советский Союз оказал арабским странам в разрешении ливано-сирийской проблемы, то эта поддержка будет положительно оценена как иракским правительством, так и всем арабским миром...». Он также добавил, что, по его личному убеждению, «помощь Советского Союза арабским странам в палестинском вопросе открыла бы собой новую главу в истории арабского мира»¹².

Иначе говоря, иракские лидеры, намереваясь поставить палестинский вопрос для рассмотрения в Совете Безопасности, прежде пытались заручиться поддержкой одного из пяти его постоянных членов, Советского Союза, чей голос и вес, как они, очевидно, наде-

ялись, стали бы серьезным препятствием американским усилиям в Палестине, и могли положительно повлиять на окончательное решение Совета Безопасности по палестинской проблеме.

Однако иракская инициатива так и осталась без внимания — Москва предпочла сделать вид, что она не в курсе всего того, что в действительности происходит в Палестине. Ее реакция была достаточно красноречива. Устами В.Г. Деканозова иракской стороне в лице Аббаса Мехди заявили, что «Советское правительство... не участвовало в создании комиссии по Палестинскому вопросу и не имеет касательства к ее работе». Оно «не располагает какой-либо информацией о докладе комиссии... чтобы высказать о нем определенное суждение»¹³.

В дальнейшем, судя по документам, иракская сторона продолжала, правда безуспешно, делать попытки достигнуть конкретных договоренностей с Москвой по данному вопросу вплоть до мая 1947 года, когда состоялась первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по Палестине. В этот период палестинская проблема в советско-иракских политико-дипломатических отношениях, выйдя на первый план, тем не менее довольно резко перешла из плоскости диалога в плоскость монолога, когда со стороны Ирака в одностороннем порядке стали раздаваться в адрес советского правительства, в том числе и по дипломатическим каналам, упреки в политическом предательстве интересов арабов.

Дело в том, что к 1947 г. Англия практически потеряла контроль над ситуацией в Палестине, где вооруженные формирования сионистов, развязав при всесторонней поддержке США настоящую войну, фактически превратились в решающую политическую силу. Кризис английской политики в Палестине подвигнул Великобританию к тому, что она в феврале 1947 г. официально объявила о своем решении передать палестинскую проблему в ведение Организации Объединенных Наций. Так, в апреле–мае 1947 г. состоялась первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу, в ходе которой при обсуждении вопроса о будущем Палестины представители СССР впервые озвучили точку зрения советского руководства по данной проблеме. Она предполагала два варианта решения палестинского вопроса. Первый — это со-

здание единого демократического арабско-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев. Второй — раздел Палестины на два самостоятельных независимых демократических государства — арабское и еврейское¹⁴.

Поскольку иракское правительство, рассматривая СССР в качестве «естественного» противника США, надеялось на то, что советское руководство выступит против просионистских инициатив США в ООН, то неожиданное для арабского мира заявление советского постоянного представителя при СБ ООН А.А. Громыко на специальной сессии ГА ООН в пользу раздела Палестины на два самостоятельных государства повергло иракцев в шоковое состояние, после которого в Москву, а также в миссию СССР в Ираке «градом» посыпались телеграммы и письма от различных иракских видных политических и даже религиозных деятелей, просивших (в некоторых случаях) одуматься советское руководство и, пока не поздно, пересмотреть свою позицию по Палестине. Так, например, 20 октября на имя Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина в Москву пришла телеграмма от вице-председателя иракского сената (верхняя палата иракского парламента) Гулама Мухаммеда Батти Аль-Синди. Текст телеграммы, будучи выдержан в духе частного послания, за которым, тем не менее, просматривалось стремление некоторых политических кругов правящей элиты Ирака указать на «ошибку» советского лидера, был следующего содержания: «Пожалуйста, обдумайте и посмотрите, не означает ли поддержка Вами американской резолюции о разделе Палестины копание ямы самому себе. Вам хорошо известно, что американцы ...являются наиболее материально мыслящими действительными поклонниками капитализма, который представляет собой вред и потенциальную угрозу всему миру вообще и Советской России в частности... Было бы мудрым с Вашей стороны и, конечно, в интересах Вашего народа взять обратно Ваше поспешное заявление по Палестине. В этом заложены Ваше благополучие и благополучие Вашего правительства. Это мой дружеский совет Вам и Вашему правительству»¹⁵.

Другое письмо, за анонимной подписью «искренний иракец», пришедшее в миссию СССР в Ираке 23 октября 1947 г., было адре-

совано советскому правительству. Анализ содержания письма показывает, что его «собираТЕЛЬный» автор, скорее всего, был из числа лидеров левого крыла иракских оппозиционных сил, которые, видимо, не ожидая от своего внешнего союзника такого более чем «странного» решения, поспешили указать на его неблагоприятные последствия с точки зрения ослабления в Ираке позиций просоветской демократической оппозиции. Письмо начиналось словами: «С большим сожалением констатируем новую позицию Советского Союза в Палестинском вопросе на Ассамблее ЮНО¹⁶. Советское правительство решило встать на сторону евреев против интересов арабов, интересов, которые не нуждаются в толковании». И далее: «Права арабов в своей стране вполне логичны. К сожалению, мы должны отметить, что эта позиция Советского Союза ослабляет позицию всех демократических элементов на Среднем Востоке вообще, и в Арабских странах в особенности. Советская позиция способствует поощрению реакционных элементов во всех этих странах»¹⁷.

Уже во время второй сессии ГА ООН по вопросу о Палестине, проходившей в Нью-Йорке в сентябре-ноябре 1947 г., где советская сторона вновь подтвердила свою прежнюю позицию по разделу Палестины на два государства, в советскую миссию в Багдаде пришла даже телеграмма от муфтия города Мосула Хабиба Аль-Иди. Содержание телеграммы представляло собой текст фетвы муфтия, которая в это время была выпущена в Ираке под заглавием «Обращение муфтия к арабам». Фетва состояла из четырех пунктов, первый из которых гласил: «Мандатарий, насадивший в Палестине сионизм, не в состоянии обеспечить безопасность, что не мешает ему спекулировать фразами о сохранении порядка и безопасности для обеспечения своих стратегических интересов». Второй и третий пункты изобличали политику «двойных стандартов» СССР на Ближнем Востоке. В них говорилось: «Большевистский Советский Союз и демократические США, готовые вступить между собой в новую войну, объединились в защите сионизма и лишении законных прав арабов». И далее: «СССР говорит о мире и самоопределении народов, а сам ведет политику подстрекательства в мусульманском Иране и Турции.

Где же, — вопрошал муфтий, — обанкротившийся Совет Безопасности и ЮНО?». В четвертом пункте фетвы содержалось собственно юридическое заключение муфтия, в котором говорилось о том, что в связи с пособнической политикой великих держав в отношении сионистского движения в Палестине арабы имеют следующее право (защищаться): «Арабские и мусульманские страны, имеющие такое действенное оружие, как нефть, вправе прекратить снабжение этим оружием-нефтью держав — пособников сионизма, если они будут продолжать вести политику расчленения Палестины»¹⁸.

С другой стороны, целый шквал критики обрушила на Советский Союз иракская пресса, в которой как в зеркале отражалась реакция официальной власти. Так, например, орган Либеральной партии Ирака¹⁹ «Саут Аль-Ахрар» опубликовала 19 мая 1947 г. статью под заголовком «Настало время, чтобы арабы боролись за Палестину». Касательно политики СССР в палестинском вопросе газета писала: «Хотя некоторые люди и были обмануты пропагандой Советского Союза, который якобы высказывал симпатии к делу арабов, однако мы не сомневались в том, что он /Советский Союз/ будет на стороне сионистов, поскольку Советский Союз считает евреев авангардом мирового коммунизма, и их широкая разбросанность по всем странам мира делает их лучшим инструментом для распространения коммунистических идей»²⁰. Ей вторила газета «Ас-Саа», сообщавшая тогда же «Заявление советского делегата о Палестине вызвало протест всех арабов. Наконец, — восклицала газета, — вскрыта истинная позиция Советского Союза по палестинскому вопросу». Газета также говорила, что «это заявление является тяжелым ударом, который Советский Союз нанес делу арабов в ЮНО, оно обмануло надежды арабов и если оно создаст какой-нибудь эффект, то это уничтожение долгих стремлений их»²¹.

Даже возглавляемая просоветским политиком Камилем Аль-Чадарчи Национально-демократическая партия Ирака также выступила с критикой в адрес Москвы. В ее партийной газете «Саут Аль-Ахали» («Глас народа»), на страницах которой традиционно печатались позитивные и хвалебные материалы о Советском Сою-

зе, была опубликована передовая, впервые подвергшая сомнению целесообразность советской позиции по палестинскому вопросу в ООН. Газета отмечала, что «прабское общественное мнение было поражено заявлением представителя СССР в ЮНО тов. Громыко. Эта позиция Советского Союза, — говорилось в газете, — противоречит заявлениям московского радио и советских газет по палестинскому вопросу, поскольку по поводу раздела Советский Союз имел определенную точку зрения, а именно он категорически возражал против раздела Палестины как империалистического мероприятия. Эта идея не соответствует интересам арабов и их национальному праву жить в своей стране свободно и независимо... но это соответствует интересам сионистов...»²²

После вышеописанных событий Багдад изменил свою точку зрения на политику СССР в палестинском вопросе: Россия стала восприниматься им уже не просто как великая держава, способная, благодаря своему статусу и авторитету в мировой политике, повлиять на решение палестинского вопроса в ООН, а как крупная держава, которая наряду с США непосредственно оказывает влияние на действия сионистов в Палестине. В Багдаде именно так стали понимать и трактовать уровень влияния СССР на решение палестинской проблемы. И поэтому после создания в 1948 г. Израиля иракцы не раз обращались к Москве с просьбами повлиять на незаконные действия сионистов в Палестине. С такой просьбой, в частности, в декабре 1953 г. иракское правительство обратилось к советской дипмиссии в Ираке в своей секретной ноте. Ее содержание вызывает определенный интерес в том смысле, что в ней, возмущаясь чинимыми сионистами беззакониями, иракское правительство по сути выражало свой явный протест Москве против действий израильских властей, которые осквернили священные места мусульман в оккупированной части Иерусалима, «превратив мечеть-гробницу покойного Пророка Дауда в еврейскую синагогу». Как заявлялось в ноте, эти действия евреев решительно осуждаются иракским правительством и рассматриваются им «как посягательство на священные места и на существующий порядок, признанный во всех международных договорах». В связи с этим иракское правительство обращается к советскому руководству с просьбой,

«чтобы последнее предприняло необходимые меры для прекращения подобных действий евреев и возвращения мусульманской мечети к ее прежнему статусу»²³. На документе имеется резолюция, гласящая, что руководством МИД СССР принято решение эту ноту оставить без ответа.

Тон и смысловая нагрузка ноты не оставляли сомнения в том, что в Багдаде были настолько недовольны произраильской политикой Москвы, что даже были готовы пойти на обострение отношения с ней, что, собственно, вскоре и произошло. Ведь еще в августе 1953 г., т.е. за четыре месяца до получения советской миссией вышеприведенной ноты, МИД Ирака обратился к советскому правительству с очередным заявлением, в котором предупреждал Москву о негативных последствиях позиции СССР в палестинском вопросе для дальнейшего развития советско-иракских отношений. Так, в августовском заявлении иракского министерства иностранных дел говорилось, что после восстановления дипломатических отношений между СССР и Израилем, последний, в связи с переводом своего внешнеполитического ведомства в Иерусалим, пытается побудить советское правительство перевести туда же свое дипломатическое представительство в Израиле. Отмечая в этой связи тот факт, что международный статут Иерусалима определен решениями ООН, в ратификации которых принимало участие советское правительство, руководство Ирака указывало, что перевод израильскими властями местопребывания своего МИД из Тель-Авива в Иерусалим является очевидным нарушением этих решений. Поэтому иракское правительство выражало в своем заявлении надежду на то, что правительство СССР «не будет соучастником нарушителей этих решений и не будет содействовать нарушению решения Объединенных Наций. Иракское правительство, — говорилось также в заявлении, — надеется, что советское представительство не будет переведено в Иерусалим. В противном случае Иракское правительство будет рассматривать этот шаг как недружелюбный акт, направленный против него»²⁴.

Несмотря на то что в дальнейшем советское посольство не было переведено из Тель-Авива в Иерусалим, в целом занятая СССР активная произраильская позиция в палестинском вопросе явилась

одним из тех главных факторов, которые обусловили сворачивание отношений с СССР иракским правительством уже в 1954 г.

¹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2002. С. 476.

² Цит. по: Прохоров Д.П. Разведка от Сталина до Путина. СПб., 2004. С. 87.

³ Прохоров Д.П. Разведка от Сталина до Путина. СПб., 2004. С. 87.

См. также: Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967: В 2 т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003. С. 42, 50.

⁴ Прохоров Д.П. Разведка от Сталина до Путина. СПб., 2004. С. 87.

⁵ Киселев В.И. Палестинская проблема и Ближневосточный кризис. М., 1983. С. 27.

⁶ Новейшая история Арабских стран Азии. 1917–1985. М., 1989. С. 219.

⁷ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку 1946». Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 248.

⁸ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку 1946». Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 248.

⁹ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку 1946». Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 248.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 173. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 125–126.

¹¹ АВП РФ. Ф. 7 «Секретариат А.Я. Вышинского». Оп. 11. П. 16. Д. 238. Л. 1–3.

¹² АВП РФ. Ф. 7 «Секретариат А.Я. Вышинского». Оп. 11. П. 16. Д. 237. Л. 4–5.

¹³ АВП РФ. Ф. 7 «Секретариат А.Я. Вышинского». Оп. 11. П. 16. Д. 237. Л. 4.

¹⁴ См.: Выступление постоянного представителя СССР при СБ ООН А.А. Громыко на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Палестине 14 мая 1947 г.: Объединенные Нации. Официальный отчет Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Том I. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Стенографический отчет 28 апреля — 15 мая 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 83–87.

¹⁵ Цит. по: АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку 1946». Оп. 4. П. 3. Д. 170. Л. 24.

¹⁶ Имеется в виду ООН.

¹⁷ Цит. по: АВП РФ. Ф. 173 «Миссия СССР в Ираке». Оп. 2. П. 2. Д. 4. Л. 18.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 173 «Миссия СССР в Ираке». Оп. 2. П. 2. Д. 4. Л. 20.

¹⁹ Либеральная партия (Хизб Аль-Ахрар) пользовалась значительным влиянием в парламентских кругах. Одним из ее видных представителей был Тауфик Ас-Суейди — глава сформированного в марте 1946 г. первого иракского правительства «мирного времени».

²⁰ Цит. по: АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку 1946». Оп. 4. П. 3. Д. 170. Л. 50.

²¹ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку 1946». Оп. 4. П. 3. Д. 170. Л. 50.

²² АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку 1946». Оп. 4. П. 3. Д. 170. Л. 51.

²³ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 10. П. 6. Д. 2. Л. 73.

²⁴ АВП РФ. Ф. 93 «Референтура по Ираку». Оп. 10. П. 6. Д. 2. Л. 38.

ГЛАВА 7

Израиль, Иран и «Хезболла»

Ливан — государство, в котором межконфессиональные отношения представляются наиболее сложными и запутанными.

Принцип «конфессионализма» (ат-таифийя), положенный в основу политической системы Ливана в 1943 г., определил уровень влияния ливанской шиитской общины на общественно-политические процессы в стране. Однако шииты не стали мириться с существующим положением и начали борьбу за доступ к властным и экономическим ресурсам; произошел рост общинного самосознания шиитов в рамках поликонфессионального государства. Эти процессы можно определить как «шиитское возрождение».

В Ливане идеологами концепции, построенной на дихотомии «обездоленные — высокомерные», были Муса ас-Садр и Мухаммад Хусейн Фадлалла. Важно отметить, что на взгляды ливанских мыслителей, как и на мировоззрение имама Хомейни, серьезное влияние оказал авторитетный иракский мыслитель-шиит Мухаммад Бакир ас-Садр, идеолог партии «Ад-Да'ува («Призыв»), выходцы из которой Ибрагим аль-Джафари, Нури аль-Малики и Хайдер аль-Абади занимают пост премьер-министра Ирака с 2003 г.¹.

Мусу ас-Садра называют «отцом шиитского возрождения в Ливане». Он был основателем первого шиитского политического движения, основанного на конфессиональном принципе, — «Движения обездоленных». В 1975 г. на базе «Харакат аль-махрумин» была создана вооруженная группировка, призванная обеспечивать безопасность на юге Ливана. Политическая партия Амаль («Бригады ливанского сопротивления»), в которую впоследствии была преобразована вооруженная группировка «Движения обездоленных», стала первым политическим объединением, защищавшим интересы шиитов Ливана и обладавшим авторитетом среди шиитского населения страны.

М.Х. Фадлалла — идеолог шиитского движения «Хезболла». Внешнеполитическая концепция М.Х. Фадлаллы близка идеологии имама Хомейни. Так, в одной из своих проповедей 1999 г. ливанский мыслитель выделил три главные обязанности шиита в период сокрытия двенадцатого имама: во-первых, следовать за честными улемами; во-вторых, поддерживать обездоленных вне зависимости от того, являются они мусульманами или неверными; в-третьих, достигать справедливости путем воспитания себя и своей семьи.

Шейх М.Х. Фадлалла долгое время отстаивал идею создания в Ливане исламского государства. Он отказался от этой цели только после того, как фактический контроль над Ливаном установила Сирия.

Вдохновленная его идеями шиитская организация «Хезболла» (Партия Аллаха) возникла еще в 1970-х годах в долине Бекаа. С тех пор сотни христианских семей покинули эту долину. В 1975 г. в долине Бекаа проживало 10 000 христиан, а к 1993 г. их осталось меньше 1000. Из трех больших церквей, действовавших в 1975 г., в 1993 г. была открыта только одна. Ее посещали старики, молившиеся по-арабски.

В 1980 г. в долину Бекаа прибыл из Ирана большой отряд «стражей исламской революции». Со времени их прибытия в Ливан отряд «стражей исламской революции» обучал боевиков «Хезболлы» военному делу. В ответ на израильское вторжение в Ливан в 1982 г. Тегеран отправил через Сирию в долину Бекаа сначала 150, а в конце года еще 1000 «стражей исламской революции». Они основали в Ливане ряд религиозных семинарий, где они, по словам одного из лидеров «Хезболлы» Аббаса Мусави, готовили из юношей-шиитов будущих шахидов и «учили их любить мученичество»². Как рассказали американской журналистке Юдиф Миллер жители одной деревни около Тифа, «в почти каждой деревне в школах» и аптеках работали бородатые молодые люди... Большинство из них сами недавно окончили школу в Куме (Иран) или шиитский клерикальный центр в Неджефе (Ирак)»³.

Отцом ливанской «Хезболлы» с полным на то основанием считают Али Акбара Мохташами, который в 80-е годы был послан

Ирана в Сирии. Он не только помог основать «Хезболлу» в Ливане, но также помог ей в 1983 г. организовать печально знаменитый теракт, когда автомобиль с бомбой врезался в казармы в Бейруте, в результате чего погибли 241 американский морской пехотинец и 58 французских «миротворцев». Эта смертоносная бомба была доставлена «Хезболле» через Дамаск, а точнее через посольство, руководимое Мохташами. Смертник-шиит, совершивший этот чудовищный теракт, прошел соответствующее обучение в Иране⁴. «Я горжусь своей работой на “Хезболлу” и палестинцев, — сказал позже в одном из интервью Мохташами. — Это великая честь — помогать уничтожению Израиля. Евреи создавали проблемы всюду, куда они приходили. Во время Второй мировой войны некоторые европейские правительства пытались уничтожить сионистскую империю, но евреи перенесли свою вредоносную культуру в Палестину. Единственно правильное решение — это уничтожить узурпаторов или выслать всех евреев обратно в страны, откуда они пришли»⁵. В течение нескольких лет после своего создания «Хезболла» получала приказы непосредственно от своего гуру Али Акбара Мохташами — тогдашнего посла Ирана в Сирии⁶.

Главным и самым важным источником финансирования «Хезболлы» является Исламская Республика Иран. В течение первого десятилетия своего существования «Хезболла» получала от Ирана 100 млн долл. ежегодно. Вся кипучая деятельность «Хезболлы» стала возможной только благодаря щедрой финансовой, материальной и моральной поддержке Исламской Республики Иран. Иран поставляет «Хезболле» огромное количество оружия. По утверждению посла Израиля в Москве Александра Бен-Цви, «Хезболла» имеет 100 тыс. ракет, поставленных ей Ираном⁷.

В ноябре 2009 г. израильские военно-морские силы захватили большой корабль «Франкоп», перевозивший сотни тонн оружия, в том числе ракеты дальнего радиуса действия, из Ирана в Ливан. В Бейрутский международный аэропорт часто прибывают самолеты, нагруженные оружием и взрывчаткой. Некоторые из них прилетают из Ирана и Сирии, другие — из стран Восточной Европы и Юго-Восточной Азии, которые наладили производство противотанковых ракет и «катюш», в которых нуждается «Хезболла». Как

установила в начале 2007 г. израильская разведка, все виды оружия, которыми обладают Иран и Сирия, есть также и у «Хезболлы». В апреле 2010 г. последовал сюрприз: Сирия передала «Хезболле» новейшие российские ракеты ПВО. В декабре 2010 г. «Викиликс» опубликовал телеграмму, в которой помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Джерри Фельтман предупредил, что Сирия намерена передать «Хезболле» новейшие баллистические ракеты «Скад». Несмотря на отрицание этого факта Асадом и невзирая на протест правительства США, Сирия поставила эти ракеты «Хезболле»⁸.

«Хезболла» имеет в настоящее время мощный арсенал ракет с очень большим радиусом действия. Имеющиеся в ее распоряжении ракеты имеют дальность полета до 200 миль и могут поразить стратегические военные объекты Израиля, включая ядерный реактор в Димона. В ракетном арсенале «Хезболлы» имеется Зелзал-2 — ракета иранского производства, способная нести на себе более тысячи фунтов взрывчатки. Как заявил в Кнессете в ноябре 2008 г. министр обороны Израиля Барак, «Хезболла имеет ракеты, которые могут достичь города Ашкелон, Беершеба и Димона»⁹.

В Иране существует специальная группа, ответственная за обучение боевиков «Хезболлы». Она называется «Армия Аль-Кудса (Иерусалима)». Она была создана в 1990-х годах, насчитывает несколько тысяч опытных военнослужащих и предназначена «помогать экспорту Исламской революции за пределы Ирана». Чтобы выполнить эту задачу, «Армия Аль-Кудса» разработала и осуществляет ряд образовательных и культурных программ с целью пропаганды исламских идеалов. Она также готовит теракты в прозападных и умеренных арабских странах, таких как Египет, который в апреле 2009 г. раскрыл готовившиеся иранцами и «Хезболлой» теракты в популярных туристических центрах.

Сирия — второй после Ирана крупнейший спонсор «Хезболлы».

В свое время, когда президентом Сирии был Хафез аль-Асад, он часто заставлял генерального секретаря «Хезболлы» Хасана Насраллу ждать по 7 часов в приемной, прежде чем принимал его в своем офисе. Хафез Асад предоставлял «Хезболле» ракеты, но с радиусом действия не более 12 миль.

Ситуация коренным образом изменилась, когда в 2000 г. президентом Сирии стал сын Хафеза Асада Башар Асад. Насралла получил свободный доступ в президентский дворец в любое время суток, и он стал получать от Сирии ракеты с большим радиусом действия.

«Хезболла» стала движением сопротивления израильской оккупации и западному вмешательству во внутренние дела Ливана, а также повысила долю участия шиитской общины в политических процессах в стране.

16 февраля 1985 г. «Хезболла» обнародовала «Открытое письмо», свой манифест, «адресованный обездоленным Ливана и всего мира». В тексте насчитывается 31 случай употребления понятий «обездоленные» и «высокомерные». В частности, своими друзьями «Хезболла» называет «обездоленных всего мира» и призывает их «сформировать интернациональный фронт, включающий в себя все национально-освободительные движения с целью полной координации усилий... по ослаблению врагов».

В своем манифесте 1985 года организация объявила тремя своими основными целями: «выдворение любых колониальных учреждений из Ливана», «приведение фалангистов к ответу за их преступления» и установление в стране исламского режима.

В настоящее время «Хезболла» является ведущей политической силой Ливана. Она является надежным партнером и союзником Ирана в ближневосточных делах, поддерживает режим Башара Асада в гражданской войне в Сирии путем непосредственного участия в боевых действиях. Вмешательство «Хезболлы» в сирийский конфликт объясняется, с одной стороны, тем, что выживаемость партии в ливанской политической действительности сильно зависит от поддержки со стороны внешних акторов, то есть Дамаска (в лице режима Б. Асада) и Тегерана. С другой стороны, «Хезболла» является на сегодняшний день единственной силой, которая способна предотвратить «расползание» террористической угрозы и хаоса с территорий Ирака и Сирии на Ливан. В этой связи превентивные действия «Хезболлы» могут сыграть решающую роль в сохранении ливанской государственности, которая находится под угрозой вследствие устаревания принципа «конфессио-

низма» в результате изменения демографического соотношения между христианской, суннитской и шиитской общинами в пользу последней¹⁰.

«Хезболлу» и Иран также объединяет позиция по палестинской проблеме. Имам Хомейни рассматривал палестинскую проблему как ключевой фактор освобождения Ближнего Востока от западных угнетателей, в борьбе против которых Иран должен был занять сторону слабого. В октябре 1968 г. Р.М. Хомейни издал фетву, в соответствии с которой верующие должны были выделять часть хумса (дохода) на помощь суннитской, светской Организации освобождения Палестины.

После прихода к власти ХАМАС в секторе Газа (2006 г.) это движение начало сближаться с осью Тегеран — Дамаск — «Хезболла». В 2014 г. Израиль начал операцию «Несокрушимая скала» в Газе. Несмотря на то что в сирийском конфликте ХАМАС поддерживает оппозицию, в противодействии Израилю «Хезболла» и Иран оказали помощь палестинскому движению, что демонстрирует исключительную важность палестинской проблемы в контексте борьбы «обездоленных» против «высокомерных».

В рамках шиитского восприятия международных отношений дихотомия «обездоленные — высокомерные», базирующаяся на принципе справедливости, занимает центральное место. В настоящее время Иран и ливанская «Хезболла» уже внедрили в свою внешнеполитическую практику идеологию противостояния «высокомерным». При этом в единый фронт «обездоленных» могут войти как мусульманские, так и немусульманские народы, что придает значимость, в частности, деятельности Ирана в Движении неприсоединения и обосновывает его интерес к государствам Африки, Восточной Азии и Латинской Америки¹¹.

* * *

Основным союзником Ирана в Ливане является ливанская «Хезболла» — «партия Аллаха», выражение взято из Корана (5:56): «Ведь партия Аллаха — они победят») — военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана.

В основе идеологии «Хезболлы» лежит идеология Рухоллы Хомейни, созданная лидером исламской революции в Иране. «Хезболла» признана террористической организацией в Канаде, США, Израиле и Египте, Лигой арабских государств (с марта 2016 года), в странах Персидского залива, а также частично в ЕС, Австралии и Великобритании, пользуется финансовой и военной поддержкой Ирана и Сирии¹². Только в 1985 г. «Хезболла» сделала первое официальное заявление о своем существовании.

Первым лидером «Хезболлы» был шейх Субхи аль-Туфайли.

В начале 1980-х годов его сменил Хусейн Мусави.

Офицеры американской и израильской разведок считали его ключевой фигурой «Хезболлы», восторженным адептом Иранской исламской революции и Хомейни. Они считали его ответственным за похищение самолетов и людей, а также за убийства американцев и европейцев в Ливане еще в начале 1980-х годов. По мнению американских спецслужб, Хусейн Мусави стоял в центре планирования и исполнения нескольких успешных террористических операций, в том числе взрыва в американском посольстве в Бейруте в апреле 1983 г., взрывов в казармах американских морских пехотинцев и французских солдат несколько месяцев спустя и похищения офицера ЦРУ Уильяма Бакий, который был замучен до смерти¹³.

В молодости Хусейн Мусави был членом партии Амаль, но порвал с этой организацией в июне 1982 г. после израильского вторжения в Ливан. После этого он основал свою собственную организацию Исламский Амаль, которая позже влилась в «Хезболлу».

Раскол в Амале произошел из-за яростных споров о том, какими способами надо сражаться с Израилем¹⁴.

Несмотря на свой радикализм, Хусейн Мусави поддержал мнение шейха Фадлалла о необходимости участия «Хезболлы» в парламентских выборах 1992 г. в Ливане.

В 1992 г. «Хезболла» впервые приняла участие в парламентских выборах. Она выдвинула своих кандидатов в каждом округе, мобилизовав мечети, СМИ и сеть социальных служб.

Благодаря пропагандистской кампании и поддержке 28 тыс. шиитских семей, которым «Хезболла» платила ежемесячную сти-

пендию, она получила 12 мест, которые составили сильную фракцию в парламенте, состоящем из 128 членов.

К концу 2001 г. «Хезболла» сумела завоевать значительное число мест в ливанском парламенте и победить на всех муниципальных выборах в шиитских районах к югу от Бейрута¹⁵.

В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН, после вывода израильских войск в мае 2000 года контроль над Южным Ливаном должна была взять на себя ливанская армия, однако этого не произошло. Ливанское правительство негласно предоставило движению «Хезболла» возможность полностью контролировать юг Ливана. Место израильтян заняли боевики «Хезболлы», создавшие вдоль границы с Израилем мощную сеть оборонительных укреплений. При этом они, как правило, использовали оставленные израильской армией оборонительные сооружения. Сеть бункеров, складов оружия, блиндажей, наблюдательных постов, пулеметных и снайперских гнезд тянется на несколько десятков километров, объединяемая системой подземных ходов. В данном районе также оборудовано множество площадок для пусковых установок реактивных систем залпового огня (РСЗО), которые «Хезболла» использует для обстрела населенных пунктов на севере Израиля.

Хассан Насралла, выступая в Бейруте 23 мая 2006 года, заявил: «В зоне поражения наших ракет находится весь израильский север. Все порты, все военные базы, все промышленные предприятия и другие объекты, расположенные в данном районе. Наши силы имеют в настоящее время свыше 12 тысяч ракет. И когда я говорю “свыше 12 тысяч”, не следует понимать, что у нас не более 13 тысяч ракет...».

После парламентских выборов 2005 года «Хезболла» представлена в ливанском парламенте (23 депутата из 128) и правительстве (Мухаммед Фнейш — портфель министра энергетики и водных ресурсов).

Захват боевиками «Хезболлы» 12 июля 2006 года двух израильских военнослужащих на границе с Ливаном привел к очередной ближневосточной войне.

Какова подоплека этих событий? Дело в том, что после вывода израильских войск из Южного Ливана в мае 2000 г. неограничен-

ной хозяйкой в этом регионе стала «Хезболла». Израильское руководство исходило из того, что, хотя лидер «Хезболлы» Хасан Насралла ненавидит Израиль, после его воцарения в Южном Ливане по обе стороны границы наступит спокойствие, базирующееся на взаимном сдерживании. Оно считало, что в сложившихся условиях это лучшее, на что Израиль мог рассчитывать, что «Хезболла» будет лучше охранять границу, чем в свое время это удавалось произраильской армии Южного Ливана ЦАДАЛ¹⁶.

Израильское руководство считало, что раз уж Израиль и «Хезболла» смогли ужиться на общей границе и сумели договориться о неких «правилах игры», значит, ни одной из сторон незачем будет ломать установившееся равновесие. В результате степень готовности израильской армии на северной границе была снижена за несколько дней до атаки «Хезболлы» 12 июля 2006 г.

Израильское руководство ошиблось, но еще больше ошибся Хасан Насралла. Как писал Алуф Бен в газете «Гаарец», «его ошибки смертельные не только потому, что он основывался на неверной концепции и рассчитывал, что Эхуд Ольмерт поступит так же, как его предшественники Эхуд Барак и Ариэль Шарон, — проявит сдержанность и не станет открывать второй фронт на севере. И не потому, что он не заручился поддержкой арабского мира, прежде чем дал приказ внезапно атаковать международно признанную границу под предлогом “помощи сражающимся палестинцам”. Главная его ошибка, ставшая причиной нынешнего кризиса, в том, что он поддался соблазну похитить израильских солдат.

Насралла не устоял перед искушением вновь выставить себя героем в глазах всего арабского мира. Видимо, попался в ловушку собственной риторики и поверил своим речам о “слабости сионистов”. Он наблюдал поражение Израиля в инциденте с похищением Гилада Шалита и возжелал подобного успеха. Вряд ли “герой” ожидал последствий, которые приведут к роспуску его организации»¹⁷.

В ходе последовавшей за этим Второй ливанской войны «Хезболла» потерпела тяжелое поражение.

Неуклюжие действия Насраллы, которые привели к этой войне, вызвали крайнее недовольство и раздражение его патронов в Тегеране. По сообщению арабской прессы, верховный духовный ли-

дер Ирана аятолла Али Хаменеи отдал приказ об увольнении Хасана Насраллы с занимаемого им поста¹⁸. Были уволены также несколько иранских офицеров, командовавших отрядами боевиков «Хезболлы».

С 2011 года «Хезболла» активно задействована в боевых действиях гражданской войны в Сирии на стороне правительства Башара Асада.

«Хезболла» в России не считается террористической организацией, хотя в 1985 году похитила трех российских дипломатов, а известный террорист Имад Сугния по кличке Гиена расстрелял дипломата Аркадия Каткова. В ноябре 2015 года замглавы МИД РФ и спецпредставитель президента России по Ближнему Востоку и Северной Африке Михаил Богданов разъяснил эту ситуацию тем, что «Хезболла» не совершала терактов на территории РФ и является общественно-политической силой, имея представителей в парламенте Ливана. По мнению бывшего генерала ливанской армии Элиаса Хана, «Хезболла» «защитила часть арабского мира, впервые в нашей истории освободив юг Ливана».

В связи с поддержкой позиций Ирана и Башара Асада в борьбе за власть в Сирии и возможным провоцированием «Хезболлой» очередного конфликта с Израилем, газета New Lebanon опубликовала в августе 2012 года статью, в которой выражается сомнение в том, что «Хезболла» защищает интересы Ливана¹⁹.

19 ноября 2017 года экстренная сессия Лиги арабских государств, созванная по инициативе Саудовской Аравии, приняла резолюцию, в которой ливанская «Хезболла» объявляется террористической группировкой.

По данным спецслужб Израиля, на начало 2004 года вооруженные отряды «Хезболлы» насчитывали 10 моторизованных и 6 пехотных батальонов по 250 человек (в общей сложности около 4000 бойцов), еще 5 тыс. резервистов.

По некоторым данным, численность регулярных сил «Хезболлы» в 2006 году составляла около тысячи человек, а вместе с резервистами — от 7 до 11 тыс.

По другим оценкам, движение располагает около 30 тыс. боевиков, треть из которых обладает большим опытом.

«Хезболла» представляет собой первый и наиболее успешный пример центрального принципа иранской внешней политики — экспорта исламской революции.

«Мы считаем Америку врагом, потому что она хочет унижить наши правительства, наши режимы и наши народы. Это главный вор наших сокровищ, нашей нефти и наших ресурсов. Наш девиз — и мы не боимся повторять его из года в год — “Смерть Америке!” — заявил Хасан Насралла»²⁰.

«Хезболла» располагает собственным спутниковым телеканалом «Аль-Манар» («Маяк») и радиостанцией «Аль-Нур» («Свет»). «Аль-Манар» ведет вещание из Бейрута. Станция начала работу в 1991 году при помощи иранского финансирования. «Аль-Мара» пользуется самоназванием «станция сопротивления» и является ключевым игроком в том, что «Хезболла» называет «психологической войной против сионистского врага» в арабском мире.

«Аль-Манар» пропагандирует теракты смертников в секторе Газа, на западном берегу реки Иордан и в Ираке. Ее трансляция во Франции запрещена в связи с пропагандой отрицания холокоста. Соединенные Штаты занесли этот телеканал в список террористических организаций.

Другой стороной деятельности «Хезболлы» является пропаганда принципов ислама и арабского национализма среди детей. Центральное интернет-бюро «Хезболлы» выпустило в 2003 году компьютерную игру “Special Force”, в которой игрок должен был воевать с израильтянами, а победитель становился «национальным героем» и «мучеником на небесах».

Несколько лет назад один из авторов этой статьи (А.М. Хазанов) был в Ливане. В Западном Бейруте, где живут шииты, и по всей стране были развешаны разноцветные флаги «Хезболлы», на которых изображен автомат Калашникова и написано: «Мусульманское сопротивление. Хезболла победит». У «Партии Аллаха» весьма надежные тылы. Ее поддерживают все 2 млн ливанских шиитов. Членов «Хезболлы» легко узнать по неременной черной бороде и усам. Мне повезло: я побывал на собрании членов «Хезболлы». Там выступали прекрасные ораторы, в совершенстве владеющие искусством «глаголом жечь сердца людей». Они говорили

о том, что «только Иран помогает священной борьбе против сионизма и империализма» и что после пророка Мухаммеда никогда не появлялось такой крупной исторической фигуры, как аятолла Хомейни. Кстати говоря, в Западном Бейруте всюду висели его портреты. На собрании членам «Хезболлы» показали какое-то религиозное представление. Но запрещается танцевать и петь под музыку. Можно петь, но только без музыки.

С «Хезболлой» тесно связаны и координируют свою деятельность другие радикальные организации: ХАМАС в Палестине и «Братья-мусульмане» в Египте. «Хезболла» занимает одно из первых мест в списке 28 террористических организаций, который США опубликовали в начале 2001 г.

Опорная база на Кубе

По сообщению газеты «Corriere della Sera», в 2011 году «Хезболла» начала создание опорной тыловой базы на Кубе. По данным издания, в августе 2011 года три высокопоставленных представителя организации прибыли из Мексики на Кубу с заданием руководства организовать на острове плацдарм. Ожидается, что к ним присоединятся еще 23 боевика, отобранные Талалем Хамией, который курирует в «Хезболле» секретные операции. На создание базы выделен бюджет в размере полутора миллионов долларов. Автор статьи напоминает, что «Хезболла» на протяжении многих лет действует в Латинской Америке, очень часто в интересах Ирана. Опорные пункты движения находятся в Парагвае, Бразилии, Венесуэле, Аргентине. При поддержке Ирана боевики «Хезболлы» дважды совершали террористические акции в Аргентине: нападение на посольство Израиля и на представительство еврейской организации.

* * *

Большая часть шиитских деревень и городов на юге Ливана была тесно связана с соперницей «Хезболлы» — шиитской партией Амаль, возглавлявшейся спикером парламента Набихом Берри, другом премьер-министра Ливана Рафика Харири. В это время

имели место даже вооруженные столкновения между Амаль и «Хезболлой». Многие шииты, жившие на юге, крайне враждебно относились к «Хезболле». Они считали, что ракетные атаки «Хезболлы» на израильские поселения сделали их города и деревни мишенями для ответных ударов Израиля. Они спрашивали: «Кто такие эти молодые выскочки “Хезболлы”, эти необразованные, вмешивающиеся в чужие дела шииты из отсталой долины Бекаа, чтобы учить нас, что надо делать? Кто такие эти иранские агенты, нанимающие стукачей, которые шпионят за нами и сообщают им о тех мусульманах, которые пьют, танцуют, слушают музыку и дочери которых отказываются носить хиджаб?» Ярость этих шиитов подогревалась их бессилием. Они не могли ни изгнать Израиль из буферной зоны, ни изгнать «Хезболлу» с ее баз, поскольку «партия Аллаха» имела и финансовую поддержку Ирана, и благословение Сирии. Премьер-министр Ливана Харири считал «Хезболлу» своим злейшим врагом.

После опустошительного израильского рейда в июле 1993 г. («операция ответственности») Рафик Харири почувствовал возможность нанести сокрушительный удар по сопернице партии Амаль — «Хезболле».

Воспользовавшись в качестве предлога израильскими авиаударами, Харири передвинул ливанскую армию на юг. Но этот шаг разозлил Сирию, которая публично осудила Харири за «вмешательство в вопрос о безопасности». Премьер-министр Ливана, считали в Дамаске, должен заниматься проблемами экономики.

Поскольку Сирия запретила ему использовать ливанскую армию для противодействия непопулярному доминированию «Хезболлы» на юге, Харири решил достичь своей цели иным испытанным способом, а именно с помощью денег²¹. Будучи мультимиллиардером, Харири через несколько недель после израильского рейда в июле 1993 г. начал кампанию широкого жилищного строительства на юге Ливана. Каждой семье, чей дом был разрушен израильтянами, он подарил 11 000 долл. для строительства нового дома. «Хезболла» этому ничего не могла противопоставить²².

30 июня 2011 года представители Специального трибунала по Ливану передали ливанскому правительству обвинительное за-

ключение по делу об убийстве бывшего премьер-министра Рафика Харири в 2005 году. Обвинительное заключение включает в себя 130 страниц. В нем сказано, что четверо активистов «Хезболлы» участвовали 14 февраля 2005 года в атаке, в результате которой погибли бывший премьер-министр Ливана Рафик Харири и еще 21 человек. В качестве главных организаторов названы два высших руководителя шиитской террористической организации «Хезболла». Один из них, глава контрразведки «Хезболлы» Мустафа Амир Бадреддин, действовал под именем ливанского христианина Сами Исса. Бадреддин является близким родственником убитого в 2008 году в Дамаске оперативного командующего «Хезболлы» Имада Мугние. Второй шиитский террорист, организовавший убийство, — глава «карательной секции» Салим Джамиль Айаш. Названы еще двое подозреваемых: Хусейн Хасан Онейси и Асад Хасан Сабра.

Социальная деятельность

«Хезболла» организует программы социального развития, содержит больницы, службы новостей и образовательные центры ежегодной стоимостью в миллионы долларов. Некоторые из них: Комитет исламской благотворительности Эмдада, Центральный Пресс-Офис, Ассоциация Аль-Джарга, Строительная Ассоциация Джихад Аль Бинаа. Программа реконструкции Джихад Аль Бинаа включает в себя многие экономические и инфраструктурные проекты. «Хезболла» организовала Институт Мучеников (социальную организацию Аль-Шахид), предоставляющую пособие и образование семьям погибших боевиков.

Структура организации

Первоначально «Хезболла» не имела четкой организационной структуры, однако в настоящее время группировка имеет строгую иерархию, основанную на жестком подчинении религиозным лидерам.

Верховное руководство организацией осуществляет Высший консультационный совет, состоящий из двенадцати членов. Это религиозные, политические и военные лидеры группировок. В настоящее время руководителем «Хезболлы» является шейх Саид Хасан Насралла. Также в состав руководства входят его заместитель, духовный лидер, который одновременно является и высшим судьей, некоторые депутаты ливанского парламента, командующий боевыми отрядами в южном Ливане и руководители организации на отдельных территориях²³.

Понятно, что руководитель террористической организации — весьма опасное занятие. Первый лидер «Хезболлы» Хусейн Фадлалла отошел от дел после неудавшегося покушения, его преемника Аббаса Мусави убили в 1992 году. Заместитель нынешнего руководителя «Хезболлы» был убит в 2004 году.

Есть информация, что в составе «Хезболлы» существует специальная группа смертников, состоящая из пятидесяти человек. Также есть специальное подразделение для проникновения на территорию Израиля. Его бойцы в совершенстве знают иврит, используют израильское оружие и форму ЦАХАЛ.

«Хезболла» не испытывает недостатка в деньгах, поэтому обладает довольно внушительным арсеналом. Прежде всего, это тысячи пусковых установок и до ста тысяч ракет к ним. Причем современные ракеты, которые использует «Хезболла», гораздо совершеннее прежних «катюш». Есть у террористов ствольная артиллерия и минометы, ПТРК советского, российского, а также иранского производства. После вступления «Хезболлы» в сирийский конфликт ее доступ к новейшим видам вооружения значительно расширился.

Израильские источники говорили о поставках через Иран российских зенитных комплексов С-300, в Интернете появились фото боевиков «Хезболлы», управляющих новейшим российским танком Т-90. Есть информация о поставках боевикам зенитных комплексов «Панцирь-С1», противокорабельных ракет «Яхонт» и даже ОТК «Точка-У»²⁴.

В настоящее время деятельность группировки можно условно разделить на два направления: на юге она продолжает бороться с из-

раильской армией, однако, кроме этого, «Хезболла» ведет активную политическую работу на остальной территории Ливана. И, надо сказать, что она делает это весьма успешно. В Ливане «Хезболла» давно превратилась в некую параллельную систему власти, довольно эффективную и обеспеченную (благодаря Ирану). Группировка набирает все больший политический вес и увеличивает свою популярность, причем не только среди шиитов. Эта тактика очень напоминает действия Ирландской республиканской армии, которая совмещала и вооруженную борьбу, и политические методы²⁵.

Только за несколько последних лет «Хезболла» потратила в Ливане на социальные нужды несколько миллиардов долларов. Организация строит детские сады и школы, больницы и поликлиники и даже супермаркеты. Боевикам и членам их семей многие услуги предоставляются с существенными скидками. Обучение в школах, построенных «Хезболлой», дешевле, чем в государственных. Малообеспеченным предоставляются стипендии.

Вторая ливанская война

В 2006 году Израиль и «Хезболла» уже воевали. И однозначную победу в этом конфликте армии израильского государства, одной из лучших в мире, одержать не удалось.

12 июля 2006 года бойцы «Хезболлы» атаковали опорный пункт ЦАХАЛа «Нурит» и населенный пункт Шломи на севере Израиля (11 человек были ранены, из них 6 — гражданские). Одновременно с этим шиитские боевики напали на израильский пограничный патруль, убив трех и пленив двух военных. Их вместе с солдатом, похищенным ранее группировкой ХАМАС, «Хезболла» предложила обменять на сотни отбывающих заключение в израильских тюрьмах ливанских и палестинских террористов. Тель-Авив отверг это предложение и приступил к военной операции против шиитской группировки (позднее эта кампания официально стала именоваться войной). На территорию Южного Ливана были введены сухопутные войска, ВВС атаковали объекты «Хезболлы» с воздуха²⁶.

Война 2006 года — самый яркий, но, разумеется, не единственный эпизод в длинной истории противостояния Израиля и «Хезболлы». Исламская республика снабжала единоверцев из «Хезболлы» деньгами и оружием, а представители КСИР тренировали ее боевиков. Позднее к спонсорству присоединилось еще одно государство, где у власти находятся шииты, — Сирия.

Иран, движение «Хезболла», шиитские группировки, а также армии Ливана и Сирии становятся единым фронтом, направленным против Израиля. С таким заявлением выступил министр обороны Израиля Авигдор Либерман на заседании Генерального штаба страны, посвященного 70-й годовщине образования еврейского государства²⁷.

«Мы сталкиваемся с новой реальностью: армия Ливана в сотрудничестве с “Хезболлой”, сирийская армия, шиитские группировки, и прежде всего, Иран, становятся единым фронтом против Государства Израиль», — сказал глава оборонного ведомства.

Либерман также заявил о необходимости повысить готовность армии и оборонного ведомства в свете сделанных в МИД Ирана заявлений о том, что последует ответ на удар по военному аэродрому Т-4 в 70 км от Пальмиры 9 апреля 2018 г., который приписывается Израилю. «Это стратегический вызов порядка, который обязывает всех нас — армию и оборонное ведомство еще больше повысить уровень готовности», — сказал он генералам израильской армии.

9 апреля 2018 года в результате массированного удара по военному аэродрому Т-4 в 70 км от Пальмиры погибли 14 военнослужащих, в том числе семь иранских советников, работавших на этой авиабазе. Атака была предпринята из ливанского воздушного пространства²⁸.

Либерман в интервью portalu «Уалла!» не стал напрямую подтверждать сообщения о том, что удар 9 апреля был нанесен Израилем, но повторил, что еврейское государство не допустит закрепления Ирана в Сирии. «Мы не приемлем каких-либо ограничений, когда речь идет об интересах безопасности Израиля», — добавил он.

Когда израильского генерала Даниэля Халутца журналисты спросили 7 марта 2006 г.: «Как далеко Израиль готов пойти, чтобы

остановить иранскую ядерную программу?», он ответил: «2000 километров». Это как раз расстояние между Тель-Авивом и Тегераном²⁹. Журналист Джеффри Голдберг писал: «Нетаньяху не блефует, он действительно готовится к тому дню, когда отдаст приказ нанести удар по полудюжине или больше ядерных объектов»³⁰. Израильяне полагают, что способны нанести Ирану ущерб достаточный, чтобы отбросить его ядерную программу на пять лет назад³¹.

Американский телеканал FoxNews опубликовал расследование, из которого следует, что Иран использует некие «секретные поставки» для вооружений ливанской «Хезболле»³².

«Израильская армия обвинила Иран в сотрудничестве с ливанской “Хезболлой” для сборки высокоточных ракет, которые могут привести к массовым человеческим жертвам в Израиле», — говорится в сообщении.

Пресс-секретарь израильской армии Джонатан Конрикус заявил журналистам, что Тегеран и шиитское движение планируют превратить «глупые ракеты в ракеты с точным наведением».

Он сказал, что Иран в период между 2013-м и 2015 годами пытался отправлять ливанской «Хезболле» высокоточные ракеты через Сирию. Однако эта стратегия потерпела неудачу из-за «израильских операций», пояснил представитель армии, не уточняя, каких именно³³.

Как сообщалось, растущая напряженность в отношениях между Израилем, Ливаном и базирующейся в Ливане террористической группировкой «Хезболла» обострилась после удара Израиля по иранской базе в Сирии.

Конфликт между Ираном и Израилем и сирийский кризис

Отношения между Израилем и Сирией стали крайне напряженными после того, как в сентябре 2007 г. Израиль нанес внезапный авиаудар по сирийскому атомному реактору в Деир эз-Зоре и уничтожил его. В докладе МАГАТЭ говорилось: «В находящемся в пустыне местечке Деир эз-Зоре расположен строящийся секрет-

ный ядерный реактор, который должен производить плутоний. МАГАТЭ официально заявляет, что «Сирия строит секретный ядерный реактор, и мы полагаем, что этот реактор предназначен для производства плутония для возможного его использования в ядерном оружии»³⁴. Теперь враги Израиля — Асад, Иран, «Хезболла» — все находятся в Сирии.

Ирано-израильский конфликт является продолжением тайной войны между Ираном и Израилем. Конфликт связан с политической борьбой иранского руководства против Израиля, и его цель — уничтожить еврейское государство, а Израиль ставил задачу предотвратить разработку ядерного оружия иранским правительством и ослабить его союзников, таких как ливанская «Хезболла». Иранские вооруженные силы действуют в Сирии, поддерживая правительство Башара Асада. Конфликт постепенно вышел за рамки явной враждебности Исламской Республики Иран к Израилю, превратился в тайную иранскую поддержку «Хезболлы» во время конфликта в Южном Ливане (1985–2000 годы) и по существу превратился в региональный конфликт с 2005 года. С ростом вовлеченности Ирана в войну в Сирии с 2011 года конфликт превратился в прямую конфронтацию к началу 2018 года³⁵.

Израиль подозревал, что Тегеран ставит целью создать непрерывный наземный транспортный маршрут из Ирана через Ирак и Сирию в Ливан, и понимал, что если Тегеран преуспеет, «это будет его стратегической победой».

По словам главы Моссада Йосси Коэна, пока существует нынешний режим с ядерным соглашением или без него, Иран будет и впредь главной угрозой безопасности Израиля. В сирийской гражданской войне, надеясь укрепить свое влияние в этом регионе, Тегеран стремится проложить путь от столицы Ирана до Дамаска к средиземноморскому побережью. Правительство Израиля убеждено в том, что Иран заинтересован в создании территориальной связи от Ирана до Средиземного моря и дислокации военных сил, в том числе военно-морских судов и тысяч войск, на постоянные базы в Сирии и пытается «ливанизировать» Сирию по примеру «Хезболлы» в Ливане. Министр обороны Израиля Авиغدор Либерман (30 мая 2016 — 14 ноября 2018) стремился предотвратить

создание шиитского коридора из Тегерана в Дамаск. Израильская разведка обнаружила, что иранская база строилась в Сирии всего в 50 км от израильской границы³⁶.

В ходе гражданской войны в Сирии в ряде инцидентов Израиль столкнулся с «Хезболлой» и иранскими силами в регионе. В ряде случаев Израиль подозревали в совершении или поддержке нападений на «Хезболлу» и иранские цели на сирийских территориях или в Ливане. Первый инцидент такого рода произошел 30 января 2013 года, когда израильские самолеты напали на сирийский конвой, перевозящий иранское оружие для «Хезболлы». Другие инциденты произошли в мае 2013 г., декабре 2014 г., апреле 2015-го. Некоторые из этих инцидентов были подтверждены САР, другие отрицались.

В марте 2017 года Сирия запустила зенитные ракеты в сторону контролируемой Израилем части Голанских высот, предположительно нацеленные на израильские самолеты, которые, по словам Сирии, были направлены с целью атаковать Пальмиру. Израиль опроверг заявление Сирии о том, что один реактивный истребитель был сбит, а другой поврежден. Израиль не сообщил ни о каких пилотах или самолетах, пропавших без вести в Сирии или где-либо еще на Ближнем Востоке после инцидента. По некоторым данным, инцидент был первым, когда израильские официальные лица четко подтвердили израильскую атаку на конвой «Хезболлы» во время сирийской гражданской войны. По состоянию на сентябрь 2017 года это было впервые, когда такое подтверждение было опубликовано³⁷.

Иран утверждал, что его внешняя политика основана на оказании поддержки всем угнетенным во всем мире, а не на материальных выгодах, и из гуманитарных, религиозных соображений. Иран подчеркивает, что Израиль представляет собой сионистский режим, который угрожает угнетенным людям и самой исламской религии³⁸.

Израиль известен как идеологический противник Ирана. Иран, находясь в конфликте с США в связи с борьбой с ИГИЛ в Ираке и Сирии, заявил, что Израиль рискует, если США и его коалиция попытаются свергнуть Асада.

Хотя Исламская Республика Иран с самого начала известна своей антиизраильской позицией, ее постоянная поддержка «Хезболлы» превратилась в почти прямое противостояние с Израилем, поскольку КСИР проник в Ливан и непосредственно поддерживал «Хезболлу» в течение прошедшего десятилетия. ХАМАС доминировал в секторе Газа и также считался марионеткой Ирана³⁹. В декабре 2009 г. Сирия и Исламская Республика Иран подписали оборонительное соглашение, по которому обязались сотрудничать в «противодействии общим врагам и вызовам»⁴⁰.

Боевики «Хезболлы», наряду с иранскими бойцами из Корпуса Стражей Исламской революции, воюют в Сирии на стороне правительственных войск. В это же время их соотечественники, ливанские салафиты, также находятся в Сирии и сражаются против Башара Асада, Ирана и «Хезболлы» на стороне Свободной Сирийской армии, в союзе с «Аль-Каидой», «Джебхат-ан-Нусра», «Исламским государством» и прочими оппозиционными вооруженными группировками. Профессор университета из Бейрута Гассан аль-Аззи комментирует позицию «Хезболлы»: участие «Хезболлы» в конфликте является самым известным секретом в мире. В результате этого участия Ливан теперь разделен не только политически, но и разделен в военном отношении. Вмешательство «Хезболлы» привело к тому, что теперь весь Ливан участвует в гражданской войне в Сирии — потому что противники «Хезболлы» начали участвовать в джихаде против режима Асада в Сирии.

«Хезболла» пытается отрицать факт своего участия в сирийской войне. По версии руководства, ее боевики лишь «защищают ливанских граждан, проживающих в приграничных деревнях на территории Сирии». Так, шейх Набиль Кавук, заместитель главы политбюро «Хезболлы», заявил, выступая на похоронах боевиков: «Неужели кто-то думает, что мы бросим наших людей в приграничных деревнях, оставим их на милость убийц, похитителей и террористов? Наш моральный и национальный долг — обеспечить им защиту»⁴¹.

Кувейтская газета “al-Rai” опубликовала отчет о переговорах, которые прошли в середине апреля 2013 года, между главой политбюро «Хезболлы» шейхом Хасаном Насраллой и руководством

Исламской республики Иран в Тегеране. Ссылаясь на высокопоставленного представителя службы безопасности Ирана. “al-Rai” утверждает, что в центре обсуждения находились вопросы о ситуации в Сирии, Ираке, Иране и Ливане. Стороны констатировали, что позиция России указывает на совпадение интересов этого государства с интересами «оси Сопротивления»: Ирана — Сирии — «Хезболлы». Это совпадение должно помочь «оси» в войне, которая сейчас идет на территории Сирии. Поскольку оппозицию в Сирии поддерживают Запад, Лига арабских государств, у стран «оси» нет иного выбора, кроме наращивания помощи Асаду. Было принято решение о защите шиитских святынь на территории Сирии — любой ценой, поскольку одной из целей Свободной Сирийской Армии в Сирии является разрушение шиитских святынь, которые салафиты рассматривают в качестве «символов идолопоклонничества». Стороны согласились, что необходим переход от оборонительной к наступательной войне. Иранские генералы заявили, что перед лицом агрессии Запада и арабских государств необходимо ввести в действие положения пакта о совместной обороне между Сирией и Ираном и отправить в Сирию иранских солдат. Иранцы предупредили Насраллу о том, что, с их точки зрения, визит Барака Обамы в Израиль и Иорданию является ясной демонстрацией того, что в сложившейся ситуации следует также быть готовыми к неизбежному столкновению с Израилем.

4 мая 2013 года один из руководителей организации «Хезболла» в Ливане Ибрагим Амин А-Саяд признал, что боевики воюют в Сирии на стороне армии Асада и что их цель — не допустить установления в стране влияния Запада и Израиля. «Мы находимся там ради сохранения чести и достоинства ливанского народа и ради защиты святых для ислама мест», — сказал он.

20 мая 2013 года «Хезболла» впервые с начала сирийской войны начала публикацию списков убитых в Сирии. Количество погибших велико, и потери невозможно более скрывать. В первом списке убитых значится 12 имен. Среди убитых — командир «Хезболлы» Фади аль-Джазир, отсидевший 14 лет в израильской тюрьме. Был приговорен к пожизненному заключению. Освобожден, вместе с другими боевиками, в 2004 году в обмен на израиль-

ского бизнесмена Эльханнана Тенненбаума. По данным «Хезболлы», на 23 мая 2013 года в Сирии погибло 75 боевиков. Согласно данным Центра Меира Амита по изучению терроризма (ITIC), с 22 мая по 24 июня 2013 года в Сирии погибли около 180 боевиков «Хезболлы» (около 120 из них — в боях за Аль-Кусейр) и несколько сот были ранены. По данным ливанской газеты “Al-Akhbar”, к марту 2014 года в Сирии погибло более 300 боевиков «Хезболлы».

¹ Дихотомия «обездоленные — высокомерные» внешнеполитическая риторика ливанской Хезболлы // cyberleninka.ru/article/n/dihotomiya-obezdolennye-vysokomemye-v-shiitskomn-v-ospriyatii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (18.04.2020).

² *Miller Judith*. God has minety — nine names. Reporting from a militant Middle East. New York: Simonand Schuster, 1997. P. 283.

³ *Miller Judith*. God has minety — nine names. Reporting from a militant Middle East. New York: Simonand Schuster, 1997. P. 257.

⁴ *Wright Robin*. In the name of God: the Khomeini decade. New York: Simon and Schyster, 1989. P. 120–123.

⁵ *Miller Judith*. God has minety — nine names. Reporting from a militant Middle East. New York: Simonand Schuster, 1997. P. 445.

⁶ *Wright Robin*. In the name of God: the Khomeini decade. New York, 1989. P. 120–123.

⁷ Выступление посла Израиля в Российской Федерации Александра Бен-Цви // Радио «Эхо Москвы». 02.12.2020.

⁸ *Konen Berman*. How the next Middle East War could start // Wall Street Journal. 29.03.2010.

⁹ Hezbollah missile stock tripled // BBC News. 24.11.2008.

¹⁰ Дихотомия «Обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений — тема научной статьи по... // cyberleninka.ru/article/n/dihotomiya-obezdolennye-vysokomemye-v-shiitskomn-v-ospriyatii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (18.04.2020).

¹¹ Дихотомия «Обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений — тема научной статьи по... // cyberleninka.ru/article/n/dihotomiya-obezdolennye-vysokomemye-v-shiitskomn-v-ospriyatii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (18.04.2020).

¹² Хезболла // ru.wikipedia.org/wiki/Хезболла (10.12.2018).

¹³ *Miller Judith*. God has minety — nine names. Reporting from a militant Middle East. New York: Simonand Schuster, 1997. P. 273.

¹⁴ *Deeb Marius*. Militant islamic movements in Lebanon: origins, social basis and ideology. Georgetown University, Washington, D.C., 1986.

¹⁵ Economist. London, 01.12.2001. P. 42.

¹⁶ *Олимпиев А.Ю., Хазанов А.М.* Международные проблемы Ближнего Востока. М.: Юнити, 2013. С. 252.

¹⁷ Цит. по: Еврейское слово. 2006, 2–8.08.2006.

¹⁸ *Nahmids Roe*. Report: Nasrallah replaced as Head of Hizbullah military Wing // Inetnews. 13.12.2007.

- ¹⁹ Хезболла // ru.wikipedia.org/wiki/Хезболла (10.12.2018).
- ²⁰ Хезболла // ru.wikipedia.org/wiki/Хезболла (10.12.2018).
- ²¹ О борьбе Харири и «Хезболлы» см.: *Flint Julie*. Construction companies wage battle for influence in Lebanon // Guardian. 07.08.1993.
- ²² О борьбе Харири и «Хезболлы» см.: *Flint Julie*. Construction companies wage battle for influence in Lebanon // Guardian. 07.08.1993.
- ²³ Организация Ливана «Хезболла». Атаки в Сирии и Израиле, ее Лидер. База Армии и Отряды Бойцов Движения, ее герб и... // militaryarms.ru/armii-mira/livanskaya-hezbollah [29.04.2019] (07.09.2019).
- ²⁴ Организация Ливана «Хезболла». Атаки в Сирии и Израиле, ее Лидер. База Армии и Отряды Бойцов Движения, ее герб и... // militaryarms.ru/armii-mira/livanskaya-hezbollah [29.04.2019] (07.09.2019).
- ²⁵ Организация Ливана «Хезболла». Атаки в Сирии и Израиле, ее Лидер. База Армии и Отряды Бойцов Движения, ее герб и... // militaryarms.ru/armii-mira/livanskaya-hezbollah [29.04.2019] (07.09.2019).
- ²⁶ Маленькая бедоносная война // lenta.ru/articles/2015/02/19/hezbollah/ [24.02.2015] (08.02.2016).
- ²⁷ МО Израиля: Иран, «Хезболла», армии Ливана и Сирии образуют единый фронт против страны // tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5132540 [17.04.2018] (10.12.2018).
- ²⁸ МО Израиля: Иран, «Хезболла», армии Ливана и Сирии образуют единый фронт против страны // tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5132540 [17.04.2018] (10.12.2018).
- ²⁹ Bloomberg. 19.03.2012.
- ³⁰ New York Times. 19.02.2012.
- ³¹ New York Times. 19.02.2012.
- ³² США: Иран поставяет оружие «Хезболле» // anna-news.info/ssha-iran-postavlyaet-oruzhie-hezbollah/ [08.09.2018] (10.12.2018).
- ³³ Израильская армия обвинила Иран в совместной сборке высокоточных ракет с ливанской «Хезболлой» // www.ukrinfrm.ru/rubric-polytics/2769703-goncaruk-v-rade-predstavliaet-kandidatov-v-ministry.html (07.09.2019).
- ³⁴ IAEA: Syria site was «Verylikely» an atom reactor // Reuters. 24.05.2011.
- ³⁵ Iran — Israel proxy conflict // en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Israel_proxy_conflict.
- ³⁶ Iran — Israel proxy conflict // en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Israel_proxy_conflict.
- ³⁷ Iran — Israel proxy conflict // en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Israel_proxy_conflict.
- ³⁸ Iran — Israel proxy conflict // en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Israel_proxy_conflict.
- ³⁹ Iran — Israel proxy conflict // en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Israel_proxy_conflict.
- ⁴⁰ Bard M. Potential threats to Israel: Syria // www.jewishvirtuallibrary.org (24.02.2011).
- ⁴¹ Участие организации «Хезболла» в гражданской войне в Сирии // ru.wikipedia.org/wiki/Хезболла (10.12.2018).

ГЛАВА 8

Иран и ХАМАС versus Израиль

ХАМАС (аббревиатура арабских слов «Хара — каталь — Мукавама аль-Исламийя» — «Исламское движение сопротивления»). В то же время «ха-мас» по-арабски — («усердие, упорство») — палестинская радикальная исламистская организация. ХАМАС был официально основан 1 декабря 1987 г., хотя фактически возник в 1967 г. как палестинское крыло египетской религиозно-политической организации «Братья-мусульмане».

Разработанный под руководством духовного вождя организации шейха Ахмеда Ясина Устав ХАМАСа провозглашал: «Аллах — наша цель, Пророк — образец, Коран — Конституция, Джихад — путь и смерть во имя Аллаха — самая большая мечта». Согласно уставу, джихад против евреев — это не вопрос выбора, а религиозный долг всех мусульман¹.

Целью организации было объявлено уничтожение государства Израиль и создание на его месте Исламского государства, включающего территорию бывшей британской подмандатной Палестины, т.е. территорию, в настоящее время составляющую Израиль, Западный берег и сектор Газа².

Это соответствовало принципиальным установкам шейха Ахмеда Ясина, который заявлял: «Любого еврея можно считать военным поселенцем, и наша обязанность убить его. Освобождение всей Палестины от моря и до Иордана — наша стратегическая цель, и нет цели более святой и важной»³.

ХАМАС призывает к физическому уничтожению евреев, преследует христиан, левых деятелей, отстаивающих светский путь развития, арабов, сотрудничающих с Израилем⁴.

ХАМАС резко осудил «Декларацию принципов» — подписанное в сентябре 1993 г. в Осло соглашение между Израилем и возглавляемой Ясиром Арафатом Организацией освобождения Палестины (ООП), ядро которой составила организация ФАТХ.

Между ХАМАСом и ООП существуют фундаментальные противоречия. В то время как Хартия ООП использует лозунги светского арабского национализма, словарь ХАМАС — чисто панисламистский: цитируя пассажи из Корана, его устав полностью базируется на исламских принципах. В то время как Хартия ООП предусматривает «права меньшинства» для тех, кого она именует «маленьким еврейским населением» в новом палестинском государстве, ХАМАС без обиняков заявлял, что с немусульманскими «народами Книги» — евреями, арабами-христианами будут обращаться в соответствии с исламским законом, предоставив им «защищенный» статус, как гражданам второго сорта в будущем Исламском государстве.

На всеобщих выборах в Палестинской автономии в январе 2006 г. победу одержал ХАМАС, а ФАТХ потерпел поражение⁵.

Через полтора года после того как ХАМАС победил на всеобщих выборах, он установил контроль над сектором Газа, став его единоличным правителем.

Официальные власти Палестинской автономии (ПА) в Рамалле были буквально ошарашены, видя, как единое Палестинское государство, включающее в себя Западный берег р. Иордан и сектор Газа, на их глазах развалилось на эти два куска. Позже, по некоторым сведениям, президент ПА Махмуд Аббас (Абу Мазен) тайно, за закрытыми дверями просил помощи у Израиля, чтобы свалить правительство ХАМАСа⁶.

Что из себя представляет сектор Газа, единоличным хозяином которого с середины 2007 г. является ХАМАС?

В секторе Газа на территории в 360 кв. км живут приблизительно 1,7 млн человек, треть населения живет в городе Газа.

Летом 2005 г. Израиль решил в одностороннем порядке уйти из Газы, эвакуировав тысячи еврейских поселенцев и свои военные объекты. Это решение премьер-министра Ариэля Шарона было обусловлено его политикой «кнута и пряника»⁷. Уход из Газы должен был отдать под контроль ПА большое и открытое пространство, то есть пряник. Но в случае если Израиль будет оттуда атакован, он будет иметь законное право ответить агрессивно «с очень большим кнутом».

Однако уже в первую неделю после ухода Израиля обнаружилась ошибочность этого расчета. ХАМАС не собирался предоставлять Израилю ни минуты мира и покоя. Ракеты «Кассам», изготовленные в Газе, начали падать на израильские города в западном Негеве — отсталом в социальноэкономическом плане регионе Израиля. Террористы ХАМАСа разделили населенные пункты Газы на две категории. Они стали запускать ракеты только из периферийных поселений и полностью отказались от их запуска из города Газа. Это, конечно, не значит, что город был свободен от террористов. Напротив, в нем было много тайных мест, где собирались высшие руководители ХАМАСа. Там они планировали и организовывали атаки на приграничные районы Израиля и запускали ракет «Кассам».

К концу 2008 г. ХАМАС имел два вооруженных формирования — палестинскую полицию и военное крыло движения — бригады Изз ад-Дин аль-Кассам⁸.

Руководство ХАМАСа планировало объединить эти два формирования и создать террористическую «мегаармию», которая смогла бы помешать ЦАХАЛу (армии Израиля) достичь главных военных баз ХАМАСа в глубинке Газы.

В палестинской полиции было около 10 000 человек. Они были вооружены легким оружием — от автоматов «калашников» до ручей М-16, выкраденных в Израиле⁹.

В бригадах Изз ад-Дин аль-Кассам в конце 2008 г. насчитывалось тоже 10 000 боевиков, размещенных в различных районах Газы. В бригадах существовала строгая иерархия командиров, подобная иерархии регулярных армий.

Командующим бригад в то время был Ахмед Джабари. В 1980–1990-х годах он провел около 13 лет в израильских тюрьмах. Там он сдружился с Мохаммедом Деифом и другими лидерами ХАМАСа, которые после выхода из тюрьмы назначили его командующим военным крылом ХАМАСа¹⁰.

Вплоть до июня 2007 г. Иран угрожал Израилю главным образом через «Хезболлу». Месседж из Тегерана был ясным: если Израиль атакует иранские ядерные объекты, он получит от северного соседа войну с непредсказуемыми последствиями. Эта угроза транс-

формировалась после того, как в середине 2007 г. ХАМАС завладел Газой. Израиль быстро осознал, что Иран теперь имеет военные базы не только на северной, но и на южной границе Израиля. Степень риска, как считала израильская разведка, зависела от способности Ирана вооружить ХАМАС¹¹.

Председатель комитета Кнессета по иностранным и военным вопросам Ювал Стейниц назвал сектор Газа «передовой иранской военной базой»¹².

Иран оказывает ХАМАСу разнообразную и многоплановую помощь — военную, финансовую, политическую и моральную.

Наиболее важна для ХАМАСа военная поддержка Ирана.

Иран предоставил ХАМАСу огромное количество оружия, включая разнообразные ракеты. Так, в 2008 г. Иран снабдил ХАМАС 122-мм ракетами «катюша», которые гораздо более точны и имеют гораздо большую разрушительную силу, чем ракеты «Кассам» местного производства. 122-мм ракеты «катюша» имеют дальность поражения от 20 до 40 км и позволили ХАМАСу в 2008 г. держать под прицелом 1 млн человек¹³. Иранцы также помогли ХАМАСу усовершенствовать производство минометов и предоставили ему свои 120-мм минометы, более точные и разрушительные, чем минометы местного производства.

В 2008 г. ХАМАС получил от Ирана большое число ракет «земля — воздух» СА-7.

Значительная часть поставленного Ираном оружия была уничтожена в ходе израильской операции «удар свинцом» в ноябре — декабре 2008 г.¹⁴.

Директор Шинбета Ювал Дискин, выступая в Кнессете 22 июля 2008 г., сказал: «В Газе уже есть ракеты, способные достичь Кириат Гат и, возможно, даже Ашдода». В конце своей речи Дискин представил сведения, полученные Шинбетом: недавно в Газу из Ирана контрабандно были завезены 222 тонны взрывчатки, 10 миллионов пуль, десятки российских противотанковых ракет¹⁵.

Позже материализовались самые большие страхи Дискина: не только Иран снабдил ХАМАС ракетами дальнего радиуса действия, но и ХАМАС успешно запускал сотни таких ракет в израильские города, находящиеся в сотнях миль от Газы. Некогда счи-

тавившиеся неуязвимыми для ХАМАСа города Южного Израиля — Беер Шеба (административный центр Негева), Кириат Гиат, Ашдод и Явне — теперь оказались на линии огня. Но еще хуже было то, что неожиданно все стратегические объекты в южной части Израиля оказались теперь в пределах досягаемости для ХАМАСа, или, другими словами, Ирана; электростанции, военные базы, логистические центры и различные другие объекты, существование которых Израиль раньше никогда не признавал (например, ядерный реактор в Димоне) теперь столкнулись с явной и реальной угрозой¹⁶.

Иран помогал ХАМАСу, не только снабжая его оружием и деньгами, но и разрабатывая сложные планы оборонительных и наступательных сражений с Израилем и ударов по городам в его глубинке.

Разработанный иранскими военными стратегами генеральный план покоился на трех столпах. Первый предусматривал создание сложной оборонительной системы в Газе, включающей многокилометровые туннели, бункеры и тысячи противопехотных и противотанковых мин. Второй столп — это предоставление ХАМАСу новейших ракет, и третий столп — обретение какого-либо символа победы в виде сожженного танка или похищенного израильского солдата¹⁷.

Помимо снабжения ХАМАСа оружием, Иран регулярно обучает боевиков ХАМАСа. Сотни террористов в Тегеране проходят под руководством инструкторов из числа «стражей исламской революции»¹⁸ курсы саботажа и терактов. Вернувшись в Газу, они сами служат инструкторами для новых рекрутов ХАМАСа.

Эти инструкторы готовят боевиков, специализирующихся в различных военных профессиях: снайперы, специалисты по борьбе с танками, военные разведчики, саперы, туннельные диггеры, пехотинцы, ПВО, артиллеристы-ракетчики и даже морские пехотинцы, которые должны были действовать в кооперации с береговой охраной.

С помощью иранцев ХАМАС создал в Газе местную военную промышленность, хотя главные надежды он, разумеется, возлагал на оружие, предоставляемое ему Ираном.

Иран является также главным финансовым спонсором ХАМАСа.

Оценки финансовой помощи Ирана ХАМАСу варьируются, но есть единодушие в одном: она составляет значительные суммы¹⁹.

По израильским оценкам, только в 2005 г. Иран потратил на помощь ХАМАСу около 3 млн долл. По некоторым сведениям, Иран ежегодно предоставляет ХАМАСу от 3 до 18 млн долл²⁰.

В отличие от многих других спонсоров Иран финансирует ХАМАС не через посредников, а непосредственно предоставляет деньги группам боевиков. Согласно докладу палестинской спецслужбы (декабрь 2000 г.), конфискованному израильскими властями, Иран передал 400 000 долл. непосредственно бригадам Иззад-Дин аль-Кассам ХАМАСа «для поддержки военных акций против Израиля и поощрения операций смертников» и еще 700 000 другим исламским организациям, сражающимся против Израиля²¹. В августе 2002 г. появились сообщения о том, что Иран финансирует тренировочные лагеря в долине Бекаа (Ливан), в которых проходили подготовку террористы «Хезболлы», ХАМАСа и Исламского джихада²².

Одновременно функционировало несколько тренировочных лагерей в самом Иране, в которых обучались палестинские террористы. На кладбище в Тегеране был поставлен памятник смертникам «Хезболлы», которые в 1983 г. взорвали в Бейруте (Ливан) бомбу, убившую 241 американца²³.

* * *

Делегация Исламского движения сопротивления Палестины (ХАМАС) во главе с главой политбюро ХАМАСа Халедом Машаалем 1 февраля 2009 г. прибыла в Иран с визитом.

Верховный руководитель Ирана аятолла Сейед Али Хаменеи на встрече с Х. Машаалем предупредил его о возможности возобновления боевых действий с Израилем в секторе Газа. По его словам, исламское сопротивление должно быть готово к любому развитию ситуации, в том числе к вероятности новой войны в районе.

Х. Машааль поблагодарил Иран за политическую и духовную поддержку народа Газы и движения ХАМАС. Как сообщалось, руководитель ХАМАСа провел встречи с тогдашним президентом

ИРИ Махмудом Ахмадинежадом, а также с рядом высокопоставленных чиновников Исламской республики.

27 декабря 2008 г. Израиль начал трехнедельную военную операцию в секторе Газа, в результате чего погибли по меньшей мере 1400 палестинцев, более 5500 получили ранения.

Эта операция, получившая кодовое название «Удар свинцом», началась с того, что израильские ВВС подвергли бомбардировке церемонию принесения присяги полицией в городе Газа. Затем бомбежкам подверглись военные объекты ХАМАСа. Лидеры ХАМАСа не предполагали, что израильтяне так хорошо осведомлены об их организации. Израильская разведка знала буквально все места, откуда запускались ракеты «Кассам», и все они были атакованы израильскими ВВС. В течение первых дней действия авиации израильтяне вывели из строя всю военную инфраструктуру ХАМАСа: площадки для запуска ракет, секретные склады оружия, подземные туннели. Израильтяне разрушили туннели, которые шли из Египта в Газу. В ходе воздушных атак израильские ВВС уничтожили 40 туннелей. Палестинские источники сообщали, что была уничтожена половина всех ракет ХАМАСа²⁴.

За два дня израильские ВВС совершили 213 вылетов (в том числе 56 вылетов вертолетов).

Важнейшими мишенями для ЦАХАЛа были лидеры ХАМАСа.

1 января 2009 г. израильской ракетой был убит Низар Райан, осуществлявший связь между военным и политическим крыльями ХАМАСа. 15 января был убит министр внутренних дел ХАМАСа Саид Сиам. Во время первого раунда бомбардировок погибли многие полевые командиры ХАМАСа. Остальные успели укрыться в подземных бункерах.

За несколько лет до этих событий, 22 марта 2004 г., точным ударом израильской ракеты, пущенной из вертолета, был убит духовный лидер ХАМАСа шейх Ахмед Ясин. Тогда многие усомнились в политической мудрости решения израильского руководства убить этого 67-летнего парализованного, слепого, высохшего инвалида (в возрасте 16 лет он покалечился, когда играл в футбол; повреждение спинного хребта парализовало его и приковало к инвалидной коляске на всю последующую жизнь)²⁵.

Дело в том, что многочисленные аресты и допросы шейха Ясина израильскими спецслужбами выявили его личную роль в руководстве военными операциями, а также в подчинении военного крыла ХАМАСа его политическому крылу, которое возглавлял шейх Ясин. Кроме руководства военными операциями ХАМАСа, шейх Ясин также координировал его военную стратегию с другими палестинскими террористическими организациями. Он был мозгом ХАМАСа²⁶.

Как бы мы ни относились к шейху Ахмеду Ясину, приходится все же признать, что в его хрупком, парализованном теле жил могучий дух мусульманского фанатика, готового принести в жертву ради своих убеждений даже собственную жизнь.

Сменивший шейха Ясина на посту лидера ХАМАСа его заместитель Абдель Азиз аль-Рантисси через четыре недели, 17 апреля 2004 г., тоже был убит израильской ракетой, предназначавшейся лично для него²⁷.

Возвращаясь к операции «Удар свинцом» (конец 2008 — начало 2009 гг.), следует отметить, что после авиаударов началось наземное наступление ЦАХАЛа (Армии Израиля) вглубь Газы. В нем участвовали 6500 израильских солдат. Израильская танковая колонна менее чем за пять часов успешно пересекла сектор Газа и рассекла его на две части.

Операция «Удар свинцом» закончилась полным выводом израильских войск из сектора Газа²⁸.

Однако к началу 2012 г. ХАМАС восполнил свой арсенал ракет и получил новые усовершенствованные ракеты, такие как иранская ракета «Фажр-5», способная ударить по Тель-Авиву. Террористическая группировка «Исламский джихад» тоже получила большую военную помощь от Ирана и, по сведениям израильской разведки, имела арсенал ракет, сопоставимый с арсеналом ХАМАСа и по количеству и по качеству²⁹.

Учитывая расстановку сил на Ближнем Востоке, ХАМАС заявил, что не позволит втянуть себя в войну против Израиля, даже если он атакует ядерные объекты Ирана. «ХАМАС действует в пределах палестинской арены и осуществляет свою политическую и практическую деятельность таким образом, чтобы удовлетво-

рять интересы палестинского народа», — сказал лидер группировки в секторе Газа Ислам Хания.

Израиль неоднократно заявлял о своей решимости не допустить создания Ираном ядерного оружия, а Иран утверждает, что его ядерная программа носит мирный характер.

«Но я думаю, что эта проблема будет иметь серьезные последствия для всего региона», — сказал Хания³⁰.

Израиль опасается потенциальной угрозы с юга, со стороны поддерживаемого Ираном ХАМАСа, и с севера, со стороны ливанской «Хезболлы», также поддерживаемой Ираном, если дело дойдет до противостояния с Исламской Республикой. Обе группировки имеют большие арсеналы ракет, поставляемых Ираном, что дает Израилю возможность обвинять их в террористических намерениях.

По поводу созданной в Израиле новой коалиции в правительстве, давшей Биньямину Нетаньяху не преодолимое оппозицией большинство, Хания заявил, что новый союз был создан по внутренним причинам, но он также мог иметь и «внешние мотивы».

ХАМАС и ФАТХ, возглавляемый Махмудом Аббасом, пытаются сдерживать открытую враждебность, разделяющую их на протяжении многих лет, после того как ХАМАС установил контроль над сектором Газа в 2007 г.

«Мы прошли долгий путь, чтобы достичь палестно-палестинского соглашения, но есть некоторые внешние и внутренние препятствия», — сказал Хания, ссылаясь на американское и израильское давление на Аббаса, от которого требуют избегать сотрудничества с ХАМАСом, который на Западе считается террористической организацией.

Хания считает, что палестинцы больше других выиграли от революций в арабском мире, «арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене.

Начало примирению между ХАМАСом и ФАТХом было положено в 2011 г. при посредничестве Египта. Этому способствовал также обмен палестинских заключенных на пленного израильского солдата Гилада Шалита.

«Правительства, которые поддерживали тесные связи с израильтянами за счет прав палестинского народа, ушли. Уважение к

палестинскому делу среди арабских народов было восстановлено», — сказал Хания.

После свержения президента Египта Хосни Мубарака в 2011 г. открылся доступ к блокированной Газе со стороны египетского Синай, через пропускной пункт в Рафахе.

ХАМАС не отказался от вооруженной борьбы против Израиля и намерен продолжать сопротивление израильской оккупации во всех формах — политической, дипломатической и военной.

ХАМАС не признаёт Израиль, в отличие от Махмуда Аббаса, который выступает против вооруженной борьбы с еврейским государством и заявляет, что палестинское движение готово заключить перемирие с Израилем, которое «может продлиться в течение 10 или более лет» в обмен на Палестинское государство на землях, оккупированных Израилем после войны 1967 г. При этом М. Аббас игнорирует вопрос о всеобъемлющем мирном договоре, который, как настаивает Израиль, является единственным способом положить конец многолетнему ближневосточному конфликту.

Вместе с тем союз Ирана и ХАМАСа насторожил суннитские арабские страны, в частности Саудовскую Аравию. С целью предотвращения распространения влияния Ирана на Ближний Восток Саудовское королевство приступило к реализации идеи создания мощной суннитской коалиции с применением вооруженных сил ХАМАС против «Хезболлы».

Для осуществления идеи примирения с ХАМАСом и «Братьями-мусульманами», исходящей от Турции, Эр-Рияд должен был преодолеть сопротивление Египта — главного регионального союзника Саудовской Аравии. Для этого в Каир был командирован министр иностранных дел королевства. Египет был готов пойти на примирение с ХАМАСом.

Иран между тем стремился максимально увеличить число своих сателлитов и союзников в Йемене и Ираке, Сирии и Ливане. Членом этой «оси» был и ХАМАС, поэтому Тегеран рассматривал как предательство его сближение с суннитскими государствами. По сообщениям иранских СМИ, союз Саудовской Аравии и ХАМАСа мог привести к войне в Газе между «Исламским джихадом» и организацией ХАМАС.

Со своей стороны, ХАМАС старался сохранить союзнические отношения с Ираном, поскольку его финансирование зависит от Ирана. С этой целью им разрабатывалась теория прекращения войны, которая «раздирает арабский народ», и преодоления раскола между шиитскими и суннитскими силами³¹.

Иран также предпринимал соответствующие действия — в поездку по странам Персидского залива отправился 26 июля 2015 г. Джавад Зариф, министр иностранных дел Ирана, и Хуссейн Амир Абдуль Хайят, его заместитель. Целью этой поездки было укрепление связей между Ираном и его соседями во всех сферах. Иран призывал к войне против насилия и экстремизма, а также к сплочению региональных государств, способному обеспечить стабильное развитие Ближнего Востока.

Широко известен факт враждебных отношений ХАМАСа с алавитами в Сирии.

В условиях углублявшегося сирийского кризиса Иран предпринимал усилия с целью улучшить отношения ХАМАСа и Сирии. Он стремился восстановить утраченное связующее звено в своей сети альянсов на Ближнем Востоке, пытаясь интегрировать ХАМАС, воевавший с иранским союзником — Сирией.

Иран и «Хезболла» втайне пытались примирить Сирию и ХАМАС. В случае успеха им удалось бы укрепить слабое место в альянсе, одновременно усиливая связи с Сирией и Ираком с целью создания блока поддержки по всему региону для противостояния Израилю и арабским союзникам Соединенных Штатов³².

ХАМАС, давно обосновавшийся в Сирии, получал поддержку Дамаска в ходе войны против Израиля. Высшее руководство ХАМАСа, находившееся в изгнании, осталось в Сирии даже после того, как в 2007 г. эта организация захватила власть в секторе Газа.

ХАМАС, Иран и «Хезболла» позиционировали себя как «ось сопротивления», выступая против Израиля. Но когда Сирия погрузилась в гражданскую войну, ХАМАС встал на сторону оппозиции, борющейся за отстранение Башара Асада. Как оппозиция, так и ХАМАС представлены мусульманами-суннитами, поэтому случаи гибели суннитов среди гражданского населения по всему региону вызывали недовольство алавитом-Асадом³³.

В то же время Иран оставался сильным сторонником Асада, вкладывавшим миллиарды долларов в экономику Сирии и направлявшим в эту страну своих боевиков. «Хезболла» также отправляла в Сирию тысячи боевиков, стремясь укрепить власть Асада.

В этот период отношения между ХАМАСом и Ираном заметно охладели. Seriously сократилось и финансирование Тегераном боевого крыла ХАМАСа. Однако когда ХАМАС в Газе возглавил Яхья Сануар, военное крыло этой палестинской группировки взяло курс на восстановление отношений с иранским руководством.

В августе 2017 г. представители ХАМАСа приняли участие в инаугурации президента Ирана Хасана Роухани и провели три встречи с лидером «Хезболлы» шейхом Хасаном Насраллой. Иран проиллюстрировал «потепление» отношений увеличением финансирования ХАМАСа: так, в августе 2017 г. Сануар заявил, что именно Иран являлся в то время самым крупным финансовым и военным спонсором боевого крыла организации. Он подчеркнул, что с иранской помощью «палестинское сопротивление накапливает силы для битвы за освобождение Палестины».

Иран намерен был положить конец разладу между двумя его союзниками — Асадом и ХАМАСом. Ливанский политик, близкий к сирийскому правительству, подтвердил на условиях анонимности, что посредничество Ирана и «Хезболлы» продолжалось, однако все еще находилось на «ранней стадии».

Махмуд Захар, представитель ХАМАСа в Газе, сказал в интервью телеканалу Al-Mayadeen, что отношения ХАМАСа с Сирией и другими странами должны быть восстановлены.

Палестинский журналист Абдул-Бари Атван написал в онлайн-газете Raial-Yout, что сирийские официальные лица сообщили посредникам о готовности к примирению, но не позволили ХАМАСу открыть офис в Дамаске.

Лидер ХАМАСа Исмаил Хания поблагодарил верховного лидера Ирана Али Хаменеи за поддержку, оказанную Ираном в палестино-израильском конфликте³⁴.

Несмотря на экономический кризис, Тегеран не намерен был отказываться от спонсирования террора против Израиля.

Иран ежегодно переводил базирующимся в секторе Газа организациям ХАМАС и «Исламский джихад» по 100 млн долл., предназначенных исключительно для осуществления террористической деятельности против Израиля (такую информацию публиковал Ynet 3 августа 2018 г.). Из них 70 млн получал ХАМАС, 30 млн — «Исламский джихад». При этом основная часть денег использовалась для финансирования военных крыльев этих организаций — «Бригад Изз ад-Дин аль-Кассам» (ХАМАС) и «Батальонов Аль-Кудса» («Исламский джихад»). Часть денег присваивалась руководством ХАМАСа³⁵.

Несмотря на значительные суммы, это лишь десятая часть бюджета, который получала из Ирана «Хезболла» во главе с шейхом Хасаном Насраллой. Обычно в год «Хезболле» перечислялось до 1 млрд долл.

Лишь в 2017 г., на фоне экономических трудностей, финансовые вливания были сокращены до 800 млн долл. При этом бюджет ХАМАСа и «Исламского джихада» остался прежним.

Согласно палестинским источникам, у проиранистов в ХАМАСе существовала достаточно серьезная оппозиция, представленная умеренными (насколько это возможно в ХАМАСе) активистами. Аль-Арури, который провел 18 лет в израильских тюрьмах за террор, считал, среди прочего, недопустимым примирение с партией Абу-Мазена, так как это ослабило бы позиции ХАМАСа в Газе и привело бы к уменьшению иранской помощи.

По той же причине Аль-Арури возражал и против какого-либо примирения с Израилем, даже в обмен на экономические выгоды, предусмотренные возможным соглашением.

Представители умеренной оппозиции считали, что прямой военный конфликт с Израилем преждевременен, так как в ходе ударов с воздуха ЦАХАЛу удалось нанести серьезный ущерб инфраструктуре террора, прежде всего военно-морским силам и туннелям. Они предлагали согласиться на затишье, давая при этом понять, что соглашения с «сионистами» никогда и ни к чему ХАМАС не обязывали, однако давали возможность восстановить боевой потенциал³⁶.

В период экономического кризиса Газа не отказывалась от тер-

рора, а Тегеран — от спонсирования Газы, хотя это и вызывало массовые протесты жителей Ирана.

Лидер группировки ХАМАС Исмаил Редван заявил, что Иран является одним из главных союзников Палестины в Ближневосточном регионе. По его словам, попытки «демонизировать» Исламскую республику направлены на то, чтобы ухудшить ирано-палестинские отношения.

Он осудил арабские страны, которые стараются нормализовать отношения с Израилем. По его мнению, «сионистский режим» является врагом номер один всего мусульманского мира и любые попытки наладить с ним отношения — предательство идей ислама. Иран является ключевой страной, противостоящей Израилю и поддерживающей «палестинское движение сопротивления»³⁷. Любопытно, что ранее, в ходе 29-го саммита Организации исламского сотрудничества (ОИС), ОАЭ, Саудовская Аравия и Египет предложили включить в финальную резолюцию положение о необходимости нормализации отношений с Израилем. Однако предложение не получило одобрения большинства стран — членов ОИС.

Следует отметить, что палестинское движение сопротивления переживало не лучшие времена. Предложенная Д. Трампом «сделка века» заставила руководство ПДС активизировать свою деятельность на международной арене.

ПДС продолжало переживать внутренний раскол. Необходимость его преодоления привела к необходимости дальнейшего сближения с Россией.

Так, заместитель руководителя политбюро палестинского движения ХАМАС Муса Абу Марзук встретился в Москве с заместителем главы МИД РФ М. Богдановым. Они обсудили перспективы примирения между ведущими палестинскими силами — ХАМАСом, контролирующим сектор Газа, и ФАТХом, сохраняющим власть на Западном берегу реки Иордан. В Москве считали, что от успешного решения этого вопроса зависит урегулирование палестино-израильского конфликта. Могут ли палестинцы объединиться, чтобы противостоять планам США реализовать «сделку века» на Ближнем Востоке, и может ли ХАМАС договориться с Израилем?³⁸

Палестинская проблема — это ключ ко всему Ближнему Востоку. Арабо-израильский конфликт — важнейший фактор, влияющий на ситуацию во всем регионе. ХАМАС придает большое значение роли России в решении палестинской проблемы. То, что на какое-то время США стали в одиночку играть на этом поле, негативно сказалось на ситуации. Трамп сменил внешнеполитический курс США, отказался от резолюций СБ ООН. Он принимал идеологические решения, не имевшие ничего общего с политикой. Например, он говорил о решении проблемы арабо-израильского конфликта, о так называемой «сделке века», ни с кем не советуясь, не принимая во внимание исторический опыт США в регионе. Поэтому, по словам Марзука, ХАМАС стремится к тому, чтобы мир был не однополярным и даже не двухполярным, а многополярным³⁹.

Муса Абу Марзук в ходе переговоров высказал пожелание, чтобы Россия участвовала в решении палестинской проблемы, задействовав ХАМАС, так как именно ХАМАС особенно заинтересован в решении этой проблемы.

Он возлагал надежду на то, что Россия может оказать давление на Израиль, чтобы он снял блокаду с сектора Газа, и инициировать переговорный процесс. Кроме того, Москва может играть важную роль в СБ ООН⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что ХАМАС поддерживает тесные идеологические контакты с руководством Катара и Турции, а также является частью «оси сопротивления», куда входят Иран, ливанское движение «Хезболла» и другие палестинские группировки, продолжающие борьбу с Израилем⁴¹.

Согласно плану Трампа, в будущем Западный берег реки Иордан должен превратиться в кантоны, большая часть палестинской земли должна отойти Израилю, а некое палестинское образование будет создано в секторе Газа, который постоянно находится в очень тяжелом экономическом состоянии из-за блокады. И тут приходят американцы и протягивают руку помощи Газе — политической и экономической. США пробовали провести переговоры с ХАМАСом, но ХАМАС от этого диалога отказался. Поэтому ХАМАС приветствует роль российских друзей, чтобы они пришли в Газу и стали главным звеном в переговорах, заявил Абу Марзук.

ХАМАС и ФАТХ против создания отдельных образований в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, одинаково хотят видеть независимое палестинское государство и Организацию освобождения Палестины в качестве законного представителя его интересов. Есть много вопросов, вокруг которых они могут объединиться. Однако есть вопросы, касающиеся политической жизни, и тут есть разногласия, которые Россия могла бы помочь решить.

В ХАМАСе осознают, что без посредника в решении палестинско-израильского конфликта не обойтись. И то, что палестинская проблема находится в опасной ситуации, может подтолкнуть ХАМАС и ФАТХ к тому, чтобы быть вместе⁴².

Санкции, которые США ввели против Ирана, отразились на поддержке ХАМАСа со стороны Тегерана.

Ситуация очень тяжелая, ХАМАС с пониманием относится к той ситуации, в которой оказался Иран из-за США. И палестинцы на переговорах в Москве попросили Россию помочь Ирану преодолеть этот кризис⁴³.

Характерно, что не все арабские страны положительно оценивают связи ХАМАСа с Ираном.

Так, например, глава МИД Бахрейна назвал «ядовитым» влияние Ирана на ХАМАС⁴⁴.

Министр иностранных дел Бахрейна Халид бин Ахмад бин Мухаммад бин Халифа заявил, выступая в Вашингтоне, что если бы Иран не поддерживал ХАМАС, это могло бы приблизить мир между израильянами и палестинцами. Поддерживая джихадистов, контролирующих Газу, Иран делает любые договоренности труднодостижимыми⁴⁵.

Делегация ХАМАСа, во главе которой стоял заместитель главы политбюро группировки Салах аль-Арури, прибыла с визитом в Тегеран в 2019 г. Она провела переговоры с представителями иранского руководства.

В состав делегации входили Муса Абу Марзук, Иззат аль-Ришк, Захир Джабарин, Хусам Бадран, Исмаил Радван и Халид Кадуми.

Делегацию должен был возглавить глава политбюро ХАМАСа Исмаил Ханийя. Однако Египет запретил ему выезд из сектора Газа.

ХАМАС обвинял Египет в том, что он совместно с Израилем пытался разорвать связи группировки с Ираном. Египет не менее Израиля опасался сотрудничества палестинских исламистов с режимом аятолл и поставок иранского оружия боевому крылу группировки⁴⁶.

Напомним: в 2011 г., после начала гражданской войны в Сирии, ХАМАС выступил против режима Башара Асада. Это привело к разрыву отношений с Ираном. Катар, ставший новым спонсором группировки, поддержал гражданские проекты, но не боевое крыло.

Визит представителя ХАМАСа в Иран имел важное значение.

В эфире подконтрольного ХАМАСу телеканала «Аль-Акса» аль-Арури охарактеризовал ситуацию в регионе как взрывоопасную и сложную.

«Наши отношения с Ираном являются частью тесного альянса с народами, правительствами и партиями, отвергающими сионистский проект. Эти отношения не направлены против арабов и мусульман в целом, а преследуют цель деоккупации земель Палестины», — сказал зампред политбюро⁴⁷.

По его словам, палестинское движение выступает за развитие связей с Ираном, что поможет противостоять планам США по изменению расклада сил в регионе в соответствии с интересами Израиля. «Тегеран не сторонится открытой и всесторонней поддержки жителей сектора Газа и готов помочь палестинцам в заблокированном анклав», — сказал аль-Арури.

Представитель движения также подчеркнул, что ХАМАС выступал против создания «новой оси» арабских и исламских государств, которую пытался создать Вашингтон в рамках реализации так называемой «сделки века» и включения в эту ось Израиля⁴⁸.

Следует отметить, что делегация ХАМАСа в Тегеране встретилась с главой Стратегического совета Ирана по международным отношениям Кемалем Харрази⁴⁹ и стороны обсудили вопрос урегулирования палестино-израильского конфликта, предлагаемую США «сделку века» и ее возможные последствия. Стороны сошлись во мнении, что действия США и Израиля в регионе, в частности в вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта, являются опасными. «Агрессия США в регионе, блокада

Ирана и попытки военного преследования неприемлемы», — говорилось в сообщении⁵⁰.

Харрази, в свою очередь, высоко оценил позицию ХАМАСа и борьбу палестинского народа в Иерусалиме, на Западном берегу реки Иордан и в Газе.

Аль-Арури провел серию встреч с командирами КСИРа, на которых просил их организовать срочную поставку ракетных установок БМ-21 «Град» с дальностью полета до 450 км. По словам аль-Арури, эти ракеты нужны для того, чтобы обстреливать центр Израиля.

Столь неожиданное обращение ХАМАСа к иранцам обозреватели связывали с кризисом, в котором находились ракетные силы ХАМАСа. В частности, они отмечали неудачные ракетные учения, проведенные террористами 9 июля 2019 г., в ходе которых по Средиземному морю было выпущено 13 различных типов ракет. Это учение закончилось полным провалом после того, как выяснились следующие факты: более 50% выпущенных ракет упали и взорвались в районах, удаленных от обозначенных целей.

Поскольку ХАМАС хранил свои ракетные запасы в укрытиях глубоко в песках Газы в плохих условиях, общее техническое состояние запускаемых ракет очень низкое.

Руководители военного крыла ХАМАСа «Бригад Изз ад-Дин аль-Кассам» считали, что система БМ-21 «Град», за которой последуют иранские баллистические ракеты, даст ответ на эти проблемы.

В ответ на эти просьбы ХАМАСа иранцы ответили, что им нужно время, чтобы обсудить такой запрос.

После визита ХАМАСа в Иран представители израильского Министерства обороны пришли к выводу, что Иран и ХАМАС договорились, что ХАМАС откроет фронт из Газы во время боевых действий в случае войны на севере. ХАМАС и «Исламский джихад» попытаются вынудить Израиль переместить на юг часть военных сил и систем противовоздушной обороны за счет северного фронта.

Разведка в Израиле считала, что Иран расширил свое влияние в Газе, чтобы превратить ХАМАС в свое оперативное подразделение, в авангард наподобие «Исламского джихада». Иран считал

укрепление военных сил ХАМАСа важной частью своей стратегии против Израиля⁵¹.

Координатор деятельности правительства на территориях генерал-майор Камиль Абу-Рукун 30 июля 2019 г. упомянул о крепнущей связи между ХАМАСом и Ираном в видеоролике, размещенном на странице на арабском языке в Facebook, предназначенной для жителей Газы. «Иран пытается захватить сектор Газы», — предупредил Абу-Рукун. Он процитировал одного из руководителей ХАМАСа Салаха аль-Арури, который сказал: «ХАМАС — это передовая линия обороны Ирана». На эту же тему высказался иранский дипломат, который объявил о «создании единого военного фронта от Тегерана до Газы»⁵².

Абу-Рукун обратился к жителям Газы и разъяснил им: «Это начало — и только вы сами выберете, какой будет конец». По оценкам ЦАХАЛа и Минобороны, ХАМАС начнет еще один раунд боевых действий, если не будет предпринято никаких шагов по улучшению экономической ситуации в Газе и без значительно прогресса в контактах по урегулированию ситуации вокруг сектора. ХАМАС считал, что он может ослабить блокаду Газы только путем масштабной эскалации.

Кроме того, в Израиле были обеспокоены тем, что ХАМАС активизировал свои попытки захватить «западный берег» с помощью Ирана. В рамках этих усилий ХАМАС создал инфраструктуру для своей деятельности в Иудее и Самарии, для чего переводил туда денежные средства. Военное ведомство также столкнулось с увеличением числа террористических нападений, совершаемых под руководством ХАМАСа. В 2018 г. были сорваны террористические атаки примерно 130 ячеек ХАМАСа на «западном берегу», это на 40 больше, чем в 2017 г., и почти в два раза больше, чем в 2016 г.⁵³.

Рост активности ХАМАСа в Иудее и Самарии вызывал беспокойство, в оборонном ведомстве считали, что следует поддержать председателя палестинской администрации Махмуда Аббаса. Ведь ХАМАС начал попытки укрепиться на «западном берегу», потому что считал, что статус Абу-Мазена ослаб вследствие экономического кризиса.

Союз Ирана и ХАМАСа препятствует компромиссному решению палестинской проблемы.

¹ Miller Y. God has 99 names. New York, 1996. P. 388.

² Levitt Matthew. HAMAS. Politics, charity and terrorism in the service of Jihad. Yale University Press, 2006.

³ Оганян Роберт. Театр террора. М.: Грифон, 2006. С. 140.

⁴ Оганян Роберт. Театр террора. М.: Грифон, 2006. С. 140–141.

⁵ Jerusalem Post. 08.02.2006.

⁶ Abbas Wanted Hamas toppled in Gaza War: israeli foreign minister // Reuter. 29.03.2010.

⁷ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 121.

⁸ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 123.

Эти бригады были названы так в честь шейха Изз ад-Дин аль-Кассамы, родившегося в Сирии исламского радикала из Хайфы, погибшего в 1935 г. в сражении против сионистов и англичан.

⁹ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 123.

¹⁰ Kedar Mordechai. The brain behind the shalit kidnapping and Hamas's takeover of Gaza // Israel Hayom. 27.08.2009.

¹¹ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 122.

¹² Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 122.

¹³ www.terrorism-info.org.d/malam multimedia.

¹⁴ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 127–128.

¹⁵ Reporters briefing after the Knesset meeting 22.07.2008.

¹⁶ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 133.

¹⁷ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 133.

¹⁸ В мае 1979 г. лидеры хомейнистского режима, возникшего в Иране после Исламской революции (начало 1979 г.), создали Корпус стражей исламской революции (КСИР). См.: Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт, 2004. С. 499.

¹⁹ Rashad Ahmad. The Truth about Hamas // Middle East information center. 07.06.2003.

²⁰ Israel Foreign Ministry. The Financial spurces of the Hamas terror organisation. 30.07.2003.

²¹ Rashad Ahmad. The Truth about Hamas // Middle East information center. 07.06.2003.

²² Iran establishes rocket training centers in Lebanon // Middle East Newslne. 08.08.2002.

²³ Hafezi P. Iranian hardliners register as suicige bombers // Reuters. 21.04.2005.

²⁴ Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The shadow War. Washington, D. C.: Potomac Books, 2012. P. 132.

²⁵ Hirst D. Sheikh Ahmed Yassin // The Guardian. 23.03.2004.

²⁶ Levitt Matthew. HAMAS. Politics, charity and terrorism in the service of Jihad. Yale University Press, 2006. P. 35.

²⁷ Anderson J.W. Hamas chief mowined by thousands in Gazas // Washington Post. 19.04.2004.

²⁸ Anderson J.W. Hamas chief mowined by thousands in Gazas // Washington Post. 19.04.2004.

²⁹ Anderson J.W. Hamas chief mowined by thousands in Gazas // Washington Post. 19.04.2004.

³⁰ Исмаил Ханья — первый глава политбюро ХАМАСа, постоянно проживающий на палестинских территориях. Его предшественники жили за границей. Одна из главных причин этого — обеспечение свободы передвижения.

³¹ ХАМАС: мы не будем воевать с Израилем за Иран // mignews.com/news/arabisrael/110512_32727_80107.html [11.05.2019] (06.09.2019).

³² Иран пытается примирить Сирию и ХАМАС // mignews.com/news/politic/240917_111141_61521.html [24.09.2017] (06.09.2019).

³³ Иран пытается примирить Сирию и ХАМАС // mignews.com/news/politic/240917_111141_61521.html [24.09.2017] (06.09.2019).

³⁴ Лидер ХАМАС поблагодарил Иран за поддержку в решении палестинского вопроса // ria.ru/20180118/1512862843.html (06.09.2019).

³⁵ Кровавые миллионы: как Иран финансирует ХАМАС и «Исламский джихад» в Газе // www.vesty.co.il/articles/067340,L-5321979,00.html [03.08.2018] (06.09.2019).

«Исламский джихад» — палестинская радикальная организация. Основана в 1970-х годах студентами-палестинцами в Каире. Основателем и лидером этой радикальной организации был Фатхи Шикаки. «Исламский джихад» стал террористической организацией, орудием в руках тегеранских аятолл. Террористы «Исламского джихада» обучались, вооружались и спонсировались иранскими инструкторами. Тегеран платил «Исламскому джихаду» миллионы долларов США за каждую атаку против Израиля. См.: Miller J. God has ninety-nine names // Reporting from a militant Middle East, 1997. P. 406.

³⁶ Кровавые миллионы: как Иран финансирует ХАМАС и «Исламский джихад» в Газе // www.vesty.co.il/articles/ [03.08.2018] (06.09.2019).

³⁷ Лидер ХАМАС: Иран — один из главных союзников Палестины // regnum.ru/news/polit/2586866.html [07.03.2019] (06.09.2019).

³⁸ «Мы отказались от переговоров с США». Заместитель руководителя политбюро движения ХАМАС — о ближневосточном урегулировании // www.kommersant.ru/doc/4033351#d1521625 [17.07.2019] (06.09.2019).

³⁹ «Мы отказались от переговоров с США». Заместитель руководителя политбюро движения ХАМАС — о ближневосточном урегулировании // www.kommersant.ru/doc/4033351#d1521625 [17.07.2019] (06.09.2019).

⁴⁰ «Мы отказались от переговоров с США». Заместитель руководителя политбюро движения ХАМАС — о ближневосточном урегулировании // www.kommersant.ru/doc/4033351#d1521625 [17.07.2019] (06.09.2019).

⁴¹ «Мы отказались от переговоров с США». Заместитель руководителя политбюро движения ХАМАС — о ближневосточном урегулировании // www.kommersant.ru/doc/4033351#d1521625 [17.07.2019] (06.09.2019).

⁴² «Мы отказались от переговоров с США». Заместитель руководителя политбюро движения ХАМАС — о ближневосточном урегулировании // www.kommersant.ru/doc/4033351#d1521625 [17.07.2019] (06.09.2019).

⁴³ «Мы отказались от переговоров с США». Заместитель руководителя политбюро движения ХАМАС — о ближневосточном урегулировании // www.kommersant.ru/doc/4033351#d1521625 [17.07.2019] (06.09.2019).

⁴⁴ Глава МИД Бахрейна назвал «ядовитым» влияние Ирана на Хамас // newsru.co.il/world/19jul2019/bah808.html [19.07.2019] (06.09.2019).

⁴⁵ Глава МИД Бахрейна назвал «ядовитым» влияние Ирана на Хамас // newsru.co.il/world/19jul2019/bah808.html [19.07.2019] (06.09.2019).

⁴⁶ Делегация ХАМАС прибыла с визитом в Иран // stmegi.com/posts/71944/delegatsiya-khamas-pribyla-s-vizitom-v-iran/ [21.07.2019] (06.09.2019).

⁴⁷ Отношения ХАМАС и Ирана направлены на деоккупацию Палестины // www.aa.com.tr/ru/мир/отношения-хамас-и-ирана-направлены-на-деоккупацию-палестины-/1541819 [26.07.2019] (06.09.2019).

⁴⁸ Отношения ХАМАС и Ирана направлены на деоккупацию Палестины // www.aa.com.tr/ru/мир/отношения-хамас-и-ирана-направлены-на-деоккупацию-палестины-/1541819 [26.07.2019] (06.09.2019).

⁴⁹ ХАМАС и Иран обсудили палестино-израильский конфликт // www.aa.com.tr/ru/мир.хамас-и-иран-обсудили-палестино-израильский-конфликт/1537927 [22.07.2019] (06.09.2019).

⁵⁰ ХАМАС и Иран обсудили палестино-израильский конфликт // www.aa.com.tr/ru/мир-хамас-и-иран-обсудили-палестино-израильский-конфликт/1537927 [22.07.2019] (06.09.2019).

⁵¹ Иран добился, что ХАМАС откроет южный фронт // detaly.co.il/iran-dobilsya-cto-hamas-otkroet-yuzhnyi-front/ (06.09.2019).

⁵² Иран добился, что ХАМАС откроет южный фронт // detaly.co.il/iran-dobilsya-cto-hamas-otkroet-yuzhnyi-front/ (06.09.2019).

⁵³ Иран добился, что ХАМАС откроет южный фронт // detaly.co.il/iran-dobilsya-cto-hamas-otkroet-yuzhnyi-front/ (06.09.2019).

ГЛАВА 9

Израиль и Турция: факторы нестабильности отношений

История взаимоотношений Турции и Израиля уже сделала не одну спираль, побывав, и не раз, как на гребне дружбы, так и на грани разрыва контактов. Еще в марте 1949 г. Турция первой среди мусульманских стран официально признала вновь образованное государство Израиль, а в декабре того же года установила с ним дипломатические отношения. Между странами были подписаны первые военные соглашения. Для Турции Израиль выглядел перспективным противовесом арабским режимам на Ближнем Востоке, рост влияния которых тревожил Турцию. Израильцы преследовали свои цели. Для Израиля с первых лет его существования Турция — одно из крупнейших мусульманских государств на Ближнем Востоке — являлось важнейшим партнером в проводившейся под руководством премьер-министра Давида Бен-Гуриона политике «периферийного альянса». В соответствии с ней надлежало укреплять связи с неарабскими мусульманскими странами — в первую очередь Турцией и Ираном — и государствами со значительным мусульманским населением — Эфиопией и Индией. Тем самым Тель-Авив предотвращал создание мощного антиизраильского общеисламского альянса.

Анкара несколько раз то повышала, то понижала статус своего дипломатического представительства в зависимости от того, хотела она выразить Тель-Авиву одобрение или возмущение. Так, турецкий посол появился в Израиле лишь в январе 1980 г., но пробыл там меньше года: уже в ноябре его отозвали из-за того, что Израиль объявил своей столицей Иерусалим, и вновь отношения были понижены до уровня поверенного в делах¹. Снова отношения были повышены до уровня посла лишь в 1992 г. Именно в 90-е годы XX — начале XXI века интенсифицировалось сотрудничество между двумя странами в военной, стратегической, диплома-

тической областях, причем оно являлось объектом особого внимания правительств двух стран.

Для Израиля Турция была важна прежде всего в силу своего геополитического положения. «Развитие политического сотрудничества со страной, на 99% населенной мусульманами, являлось для Тель-Авива одним из путей преодоления региональной изоляции и возможностью пробить брешь в установившемся вокруг него враждебном мусульманском окружении»².

Для Турции же важность военно-политического альянса с Израилем была обусловлена несколькими составляющими. Во-первых, начатый диалог между палестинцами и израильянами усиливал надежду на достижение мира на Ближнем Востоке. И Турция в новых условиях ближневосточной геополитики стремилась развивать дружественные связи с обеими сторонами. Во-вторых, Турции было необходимо содействие произраильского лобби в американском Конгрессе, чтобы не допустить обсуждения вопроса о геноциде армян и решения кипрской проблемы не в свою пользу. Анкара также использовала поддержку Израиля в налаживании своих отношений с ЕС³.

Израильско-турецкое сотрудничество 1990-х гг. имело несколько уровней и должно рассматриваться как в собственно военной, так и в политической и геополитической сферах. При этом как представители турецких военно-политических кругов, так и эксперты по проблемам региональной безопасности и внешней политики были единодушны в том, что для Турции важность военно-политического альянса с Израилем во многом была обусловлена также возможностью усиления потенциала турецкой армии и спецслужб в борьбе против курдских организаций.

Что касается Израиля, то Тель-Авив был чрезвычайно заинтересован в сближении с Турцией, особенно с учетом своего ВПК, возможности пробить брешь в имеющемся вокруг него враждебном мусульманском окружении, а также исходя из интересов своих партнерских отношений с США, которые в 1990-х гг. были весьма заинтересованы в налаживании стратегических отношений между Турцией и Израилем. Однако и тут весьма важным препятствием для Израиля являлся курдский вопрос, так как в сферу дея-

тельности интересов его национальной безопасности, когда это было возможно, входила помощь курдам (особенно в Ираке и частично в Сирии) для ослабления своих наиболее опасных арабских противников — Сирии и Ирака. Однако Израиль всегда диверсифицировал свои отношения к различным общинам курдов, живущих в странах Ближнего Востока.

Осенью 1994 г. во время визита в Израиль премьер-министр Турции Т. Чиллер призвала израильское руководство к активному сотрудничеству в сфере обороны. На переговорах был поставлен вопрос об участии Израиля в модернизации турецких самолетов F-4 американского производства. Чиллер также выдвинула план широкого экономического сотрудничества, причем «его сердцевиной должны были стать Турция и Израиль». Сферами возможного двустороннего сотрудничества Т. Чиллер называла коммерческие спутники, телекоммуникации, поставки электроэнергии, водоснабжение.

В феврале 1996 г. в Тель-Авиве было подписано соглашение о сотрудничестве в подготовке военных кадров, совместных учениях, обмене информацией. В августе 1996 г. Турция и Израиль заключили соглашение о сотрудничестве в научных исследованиях, в сфере оборонной промышленности, обучении специалистов, а также договорились о передаче Турции некоторых израильских достижений в области высоких технологий. Кроме того, в рамках этого соглашения предусматривалось взаимодействие служб безопасности с целью противодействовать терроризму в регионе.

В декабре 1996 г. у берегов Израиля состоялись маневры с участием ВМС Турции, Израиля и США, что вызвало резкие протесты Ирана и ряда арабских стран⁴.

В декабре 1996 г. было подписано соглашение о модернизации турецких самолетов F-4 и о проведении над территорией Турции тренировочных полетов израильских летчиков.

В мае 1997 г. в ходе визита в Израиль министр обороны Турции Т. Тайян подчеркнул, что «за терроризмом в регионе стоит Сирия», на что его израильский коллега указал, что обе страны тесно сотрудничают по вопросу Сирии. Израильская служба безопасности оказала помощь в высылке лидера Курдской рабочей партии

А. Оджалана из Сирии и его задержании. Министр обороны Израиля И. Мордешей в декабре 1997 г. указал, что турецко-израильские отношения вышли на уровень «стратегического союза»⁵.

В 90-е годы XX века развивались экономические и торговые отношения между двумя странами. Экономические отношения регулировались межправительственными соглашениями о свободе торговли, о торгово-экономическом сотрудничестве, о предупреждении двойного налогообложения. В 1997 г. вступило в силу соглашение о свободной торговле, которое обеспечило Турции доступ на рынок не только Израиля, но и США, и Иордании. Создавая совместные предприятия с турецкими фирмами, израильтяне осваивали рынки Центральной Азии. К 2000 году на турецкий рынок вышли 72 израильских инвестора, и благодаря высоким сельскохозяйственным технологиям Израиля получили перспективу развития наиболее отсталые юго-восточные районы Турции⁶.

Набиравшее силу турецко-израильское сотрудничество получило негативную реакцию мусульманских государств региона. И хотя турецкие руководители подчеркивали, что данное сотрудничество не ставит целью создания пакта, негатив не снимался. Начиная с 1996 г. на всех саммитах Лиги арабских государств озвучивалась озабоченность турецко-израильским сближением⁷.

Совместные турецко-израильские морские учения 1998 г. вызвали волну критических высказываний в арабских странах. Сирия охарактеризовала учения как «фактор, нарушающий стабильность в регионе», а египетские СМИ, обвинив Турцию и Израиль в провокациях, указали: «Турция, создающая союз с Израилем, должна знать, что против каждого рода союза можно создать свой союз»⁸.

После победы Партии справедливости и развития (ПСР) на парламентских выборах в ноябре 2002 г. и формирования в Турции однопартийного правительства региональная политика этой страны на Ближнем Востоке начала постепенно меняться, что неизбежно должно было сказаться на турецко-израильских отношениях. Так и произошло весной 2003 года после вторжения американских войск в Ирак. Турецкое общественное мнение выступило против этой войны, а парламент страны отказался предоставить свою территорию вооруженным силам США. Израиль же поддержал

силовое свержение С. Хусейна. Более того, после завершения активной фазы операции официальный Тель-Авив, вопреки ожиданиям Турции, стал активно выступать за создание курдской автономии на севере Ирака. Несмотря на это, после падения режима С. Хусейна Турция и Израиль вновь попытались продемонстрировать свою приверженность союзническим отношениям. В декабре 2003 г. стороны подписали соглашение о совместной борьбе с терроризмом, которое предусматривало обмен разведывательной информацией, разработку совместных антитеррористических программ и проведение совместных учений пограничных войск⁹.

Вместе с тем после ликвидации израильскими спецслужбами лидера ХАМАСа шейха А. Ясина и его преемника А. Рантиси турецкий премьер Эрдоган назвал израильскую политику «близкой к государственному терроризму». Он также обвинил А. Шарона в саботаже мирного процесса на Ближнем Востоке, подчеркнув, что «террором нельзя устранить террор»¹⁰.

Тем не менее, исходя из приоритетов в сфере безопасности и баланса интересов на Ближнем Востоке, турецкое руководство пошло на активизацию отношений с Израилем. Точкой отсчета нового этапа двусторонних отношений стал визит Эрдогана в Израиль в мае 2005 г. Эрдоган встретился с премьер-министром Израиля Шароном и президентом Кацавом, возложил венок к мемориалу жертвам холокоста Яд-Вашем. В ходе визита было подписано семнадцать новых совместных проектов в военно-технической сфере¹¹.

Одновременно правительство ПСР стремилось наладить более тесные связи с палестинским руководством. Через несколько недель после выборов на палестинской территории в феврале 2006 г. Турцию посетила делегация ХАМАС во главе с Х. Машаалом. Эрдоган надеялся, что этот визит позволит Анкаре сыграть важную роль в процессе ближневосточного урегулирования. Не говоря о том, что визит делегации ХАМАС вызвал крайнее недовольство в США и Израиле, большинство турецких СМИ также критически расценили визит. Таким образом, на данном этапе попытка наладить отношения с ХАМАС прошла неудачно. В Анкаре Машаал не только не выразил стремления к диалогу с Израилем, но, напротив, заявил, что прибыл не слушать, а давать советы¹².

В середине ноября 2007 г. Турцию одновременно посетили президент Израиля Ш. Перес и глава Палестинской национальной администрации М. Аббас, которые впервые обратились к мировому сообществу с трибуны турецкого парламента. В трехсторонней встрече Ш. Переса, М. Аббаса и президента Турции А. Гюля стороны обсудили дальнейшие шаги по ближневосточному урегулированию накануне международной конференции в Аннаполисе по этой проблеме¹³.

На конференции в Аннаполисе (США), посвященной ближневосточному урегулированию и проходившей в конце ноября 2007 г., министр иностранных дел Турции А. Бабаджан подчеркнул, что Турция играет в палестино-израильском процессе мирного урегулирования «роль не стороннего наблюдателя, а активного участника».

Турция также была готова выступить посредником в налаживании израильско-сирийских отношениях, и израильское руководство приняло турецкое предложение о посредничестве. Премьер-министр Эрдоган после визита в Дамаск в апреле 2008 г. заявил, что Турция готова сыграть посредническую роль между Сирией и Израилем для подготовки прямых переговоров по Голанским высотам. Непрямые переговоры между Сирией и Израилем начались в мае 2008 г. в Анкаре под наблюдением турецких дипломатов. Всего состоялось 5 раундов переговоров до декабря 2008 г.¹⁴

Главный удар по турецко-израильским отношениям был нанесен, когда Израиль начал трехнедельную военную операцию в секторе Газа в декабре 2008 г. Эта операция стала полной неожиданностью для турецкого руководства, поскольку лишь за несколько дней до ее начала премьер-министр Израиля Э. Ольмерт находился в Анкаре и имел встречи с премьер-министром Эрдоганом и министром иностранных дел Турции и обещал мирный подход к палестино-израильской проблеме¹⁵.

Эта операция не только «привела в ярость, но и унизила турецкое руководство, поскольку оно почувствовало себя преданным Израилем, и все усилия помочь создать мир между Израилем и его соседями оказались напрасными»¹⁶. На встрече комитета ПСР через несколько дней после начала операции Эрдоган напомнил, что «израильский премьер-министр высказывал твердую решимость

продолжать прямые переговоры между Израилем и Сирией, и эта операция стала выражением неуважения к Турции»¹⁷.

Министр иностранных дел Турции А. Бабаджан подчеркнул, что операция поколебала доверие Турции к Израилю и что Турция приняла решение остановить свою посредническую миссию между Сирией и Израилем¹⁸.

Дальнейшее ухудшение отношений последовало после «инцидента в Давосе» в январе 2009 г. 29 января в рамках Международного экономического форума в Давосе разразился скандал после продолжительного эмоционального выступления президента Израиля Ш. Переса на семинаре, посвященном израильской операции в секторе Газа. Когда турецкий премьер-министр Эрдоган стал не менее эмоционально отвечать израильскому лидеру, обвиняя Израиль в насилии в Газе и массовой гибели мирных жителей, Перес прервал Эрдогана, сославшись на нехватку времени. Тогда турецкий премьер-министр покинул аудиторию, заявив, что Давос для него закончился¹⁹.

Поступок Эрдогана вызвал широкий общественный резонанс и получил поддержку в арабских странах и Иране. Американский «Уолл-стрит джорнал» объяснял поведение Эрдогана на Давосском экономическом форуме желанием повысить свой рейтинг, упавший после выборов в ВНСТ в 2007 г. Именно исключительно по этой причине, по мнению автора статьи в журнале, турецкий премьер решил «разыграть израильскую карту»²⁰.

Окончательный разрыв отношений произошел летом 2010 г. после перехвата военнослужащими Израиля так называемой «Флотилии свободы» при ее попытке прорвать израильскую морскую блокаду сектора Газа. Конвой был остановлен военноморскими силами Израиля в нейтральных водах, однако при досмотре пассажирами корабля «Mavi Marmara» было оказано вооруженное сопротивление израильскому спецназу. В результате были убиты девять и ранены более двадцати пассажиров. Погибшие активисты были гражданами Турции. Инцидент вызвал ожесточенные споры о законности и правомерности действий, предпринятых Израилем и организаторами флотилии.

После инцидента некоторые турецкие политические, общественные и религиозные деятели во главе с премьер-министром

Эрдоганом выступили с резкой критикой в адрес Израиля, назвав его «террористическим, нарушающим международные права государством, которое должно быть наказано»²¹. Кроме того, турецкое руководство заявило, что отношения между Турцией и Израилем могут улучшиться после того, как Тель-Авив принесет официальные извинения и выплатит компенсацию пострадавшим. 1 сентября 2011 года был обнародован доклад комиссии Джеффри Палмера при ООН, согласно которому Израиль не нарушил международное законодательство в инциденте с судном «Mavi Marmara».

Выводы комиссии ООН вызвали гнев Анкары, следствием чего стало решение турецких властей о снижении уровня дипломатических отношений до уровня вторых секретарей посольства и отзыве турецкого посла, а также о прекращении торговых и военных связей с Израилем, правда исключительно на государственном уровне²².

Лишь в 2016 г. в результате четырех лет непубличных переговоров и консультаций было объявлено о нормализации отношений. Вместе с тем дипломатические кризисы в турецко-израильских отношениях практически не отразились на экономической составляющей этих отношений.

Как показывает практика, объемы турецко-израильской торговли не зависят от политической ситуации. В 2014 г. объем товарооборота между двумя странами составил 5,5 млрд долларов, из которых 2,7 млрд пришлось на экспорт турецких товаров в Израиль, 2,8 — на импорт. В 2015 г. в связи с запретом для израильских компаний участвовать в турецких правительственных подрядах стоимость товарооборота сократилась до 4,1 млрд долларов, из которых 2,4 млрд долларов пришлось на стоимость турецких товаров и услуг на израильском рынке.

В 2016 г. турецко-израильский товарооборот составил 3,9 млрд долларов, из которых 2,6 млрд оценивались как турецкий экспорт. В 2017 г. товарооборот между двумя странами был равен 4,3 млрд долларов, причем импорт товаров из Турции составил 2,9 млрд долларов, что на 60% больше показателя 2008 г., когда израильско-турецкие отношения находились на пике расцвета²³.

Несмотря на прервавшееся в 2010 г. партнерство в оборонной промышленности, имелся ряд других факторов, которые обеспе-

чивали развитие экономических связей. Например, либерализация израильской авиапромышленности привела к увеличению количества израильских полетов в Турцию. В 2012 г. было осуществлено 4 700 израильских гражданских рейсов в турецкие аэропорты, которые перевезли в целом 686 тысяч пассажиров. А в 2017 г. количество рейсов между странами составило 12 400 и было перевезено 2 млн пассажиров²⁴.

Соответственно Израиль продолжает оставаться важной артерией для поставки турецких товаров в арабские страны. В связи с гражданской войной в Сирии многие турецкие экспортеры используют территорию Израиля и порт Хайфа для поставки товаров в Иорданию, а затем и другие арабские страны²⁵.

Немаловажную роль в дальнейшем развитии двусторонних экономических отношений играла и перспектива экспорта израильского газа в Турцию. Суть проблемы сводится к следующему: в 2009–2010 годах геологи обнаружили на континентальном шельфе Израиля сразу два крупных газовых месторождения. «Тамар» находится на глубине 5 тысяч метров и обладает запасами как минимум 240 млрд кубометров. Второе месторождение, «Левиафан», расположено ближе к морской границе с Ливаном и считается одним из крупнейших в мире. Его запасы оцениваются в 450 млрд кубометров.

В Израиле прогнозируют, что в перспективе до половины добываемого газа может пойти в Европу. Один из наиболее реальных вариантов доставки разработали турецкие предприниматели. Они предложили проложить подводный трубопровод от месторождения «Левиафан» до побережья Турции. А оттуда газ уходил бы на запад по действующей турецкой трубопроводной системе²⁶.

Как подчеркивает российский публицист Евгений Бень, такие перспективы были бы на руку турецким властям не только в финансовом и экономическом аспектах, но и в списке геополитического влияния на страны Евросоюза. Турецкие власти не скрывают стремления заполучить «контрольный пакет» по транзиту газа в Европу. Отсюда предварительные договоренности и с Россией, и с Израилем. И отсюда же попытка 2016 г. пойти на смягчение отношений с Израилем, несмотря на противоречия по сектору Газа²⁷.

Экспорт израильского газа в Турцию на протяжении ряда лет рассматривался как одна из экономически наиболее удобных опций для разработки месторождения «Левиафан». Однако в данном случае нельзя не учитывать политическую составляющую, поскольку строительство газопровода между Израилем и Турцией не может быть осуществлено без договоренностей на государственном уровне. Кроме того, в последние годы все более реальным становится строительство газопровода из Израиля на Кипр, откуда газ будет поставляться или в Египет для сжижения, или в Грецию, а далее в Европу²⁸.

США делали все, чтобы усадить Тель-Авив и Анкару за стол переговоров. Под давлением Барака Обамы Нетаньяху в конце концов принес Эрдогану извинения. Но турецкая сторона тянула с примирением, выдвинув три пункта для нормализации отношений: извинения, выплата компенсаций семьям погибших в «Mavi Marmara» и снятие блокады с сектора Газа.

Вместе с тем, по мнению израильского политолога Юрия Бочарова, решение конфликта пришло вместе со сменой региональных политических интересов, кардинально изменившихся в связи с открытием на израильском шельфе крупнейших газовых месторождений. Именно проект развития путей экспорта израильского газа сыграл здесь существенную роль²⁹.

Летом 2016 г. на Кипре израильский министр энергетики рассматривал вопрос о строительстве под эгидой Евросоюза подводного газопровода в Грецию через Кипр. Возможно, Турция, указывая на израильский политолог, отстаивая свою роль главного энергетического коридора в Европу, не была заинтересована в самостоятельном развитии израильских газовых потоков и решила пересмотреть свои взаимоотношения с Израилем³⁰. Все эти годы были контакты на уровне различных министерств и ведомств Израиля и Турции. При этом не раз обсуждался вопрос и об израильском газе.

Отношения между Израилем и Турцией нормализовались, как указывалось выше, в 2016 году. 27 июня было официально подписано соглашение о примирении. Все было официально прощено, Израиль пообещал, что Турция сможет поставлять в Палестину помощь и вести там гуманитарную деятельность в приоритетном

порядке, Турция — что не позволит ХАМАСу готовить операции против Израиля на своей территории. Семьи погибших и раненых на «Mavi Marmara» получили 20 млн долларов компенсации³¹.

11 октября 2016 года МИД Турции заявил, что вскоре Анкара и Тель-Авив назначат послов в рамках процесса нормализации двусторонних отношений. А уже 12 октября в Стамбул на всемирный энергетический конгресс прибыл министр энергетики Израиля Юваль Штайниц, где у него состоялись переговоры с министром энергетики Турции Бератом Албайраком. Это была первая встреча на министерском уровне с 2010 года. Главным вопросом на повестке дня переговоров был экспорт в Турцию израильского газа.

12 декабря 2016 г. посол Турции в Израиле Мустафа Окем вручил верительные грамоты главе еврейского государства Реувену Ривлину. Посол Израиля в Турции Эйтан Наэ вручил верительные грамоты турецкому президенту Р.Т. Эрдогану неделей ранее, 5 декабря.

В итоге отношения между странами снова вышли на высокий уровень. Однако этот уровень отношений продержался менее полтора лет.

Ссора Эрдогана и Нетаньяху, начиная с декабря 2017 г., и похожа и не похожа на предыдущие. На первый взгляд, многие моменты повторяются: та же риторика, те же обвинения в убийстве палестинцев и государственном терроризме. Однако есть одна существенная разница: если в прошлый раз сторонами конфликта были Израиль и Турция, а США стояли над противостоянием и, напротив, пытались примирить конфликтующие стороны, то на этот раз мишенью для критики Эрдогана стал и Вашингтон. «Признав Иерусалим столицей Израиля, Соединенные Штаты взяли на себя долю ответственности за ту кровь, которая льется сейчас», — провозгласил турецкий президент.

Решение президента США Д. Трампа в декабре 2017 г. признать Иерусалим столицей Израиля и перенести туда американское посольство вызвало гнев мусульманского мира, чьи святыни расположены в городе, наряду с иудейскими и христианскими. Турция выступила самым непримиримым оппонентом этих шагов из числа мусульманских стран. «Иерусалим — это красная линия для мусульман. Подобное решение будет тяжелым ударом для все-

го человечества. Мы не оставим это», — заявил турецкий президент Эрдоган, предупредив, что действия США приведут к углублению и без того сложного регионального кризиса. Президент Турции официально предупредил Вашингтон, что в случае, если Д. Трамп признает Иерусалим столицей Израиля, Анкара может пойти на разрыв дипломатических отношений с еврейским государством³². Эрдоган, пользуясь статусом Турции в качестве председателя Организации исламского сотрудничества (ОИС), собрал в декабре 2017 г. в Стамбуле внеочередной саммит этой организации. Участники саммита признали Восточный Иерусалим столицей Палестины.

В ходе саммита Эрдоган назвал Израиль «террористическим государством»³³. Он также подчеркнул, что Вашингтону больше нет места в палестино-израильском мирном процессе. «Сложившаяся ситуация должна быть оценена ООН, а новый посредник должен быть беспристрастным». Эрдоган также назвал саммит ОИС историческим: он «доказал всему миру, что у Иерусалима есть те, кто может за него постоять»³⁴. Вместе с тем арабская пресса не придавала большого значения саммиту ОИС, назвав его встречей, инициированной во внутривосточных интересах Эрдогана. В частности, кувейтская газета Al-Arab отмечала, что президент Турции назначил дату чрезвычайной встречи очень быстро, даже не согласовав ее с ключевыми членами Организации — Саудовской Аравией и Египтом³⁵.

Новый виток кризиса в отношениях Турции и Израиля произошёл в мае 2018 г., и камень преткновения все тот же — ситуация в секторе Газа. Акции протеста начались в секторе Газа 14 мая на фоне 70-й годовщины образования Израиля и переноса посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. В столкновениях на границе сектора Газа и Израиля погибли 60 человек, среди погибших семь детей. Еще 2 700 человек получили пулевые или осколочные ранения. 15 мая палестинцы отмечают в Газе День катастрофы по поводу основания в 1948 г. государства Израиль. В мае 2018 г. протесты усилились в связи с открытием американского посольства в Иерусалиме. Тем временем США заблокировали заявление Совета Безопасности ООН, осуждающее убийства палестинцев и призывающее к расследованию данных действий.

Президент Эрдоган не ограничился резкими высказываниями в адрес Израиля, а предпринял ряд шагов как в плане двусторонних отношений, так и на международном уровне. Анкара выслала израильского посла и израильского генерального консула «на неопределенный срок». В качестве ответной меры израильский МИД принял решение о высылке турецкого консула. Посол в Израиле Окем, работавший в Тель-Авиве с 2016 г., был отозван турецким МИД еще до решения о консуле. Также Турция отозвала своих представителей из США «для совещания»³⁶.

18 мая 2018 г. в Стамбуле состоялся чрезвычайный саммит ОИК, созданный Турцией в связи со столкновениями в секторе Газа. Саммит ОИС призвал ООН к введению миротворческих сил на границе для защиты палестинского народа, аналогичных тем, которые действовали в Косово и Боснии и Герцеговине³⁷.

22 мая 2018 г. Эрдоган, возвращаясь после визита в Боснию и Герцеговину, заявил турецким журналистам, что Турция пересмотрит свои экономические связи с Израилем после предстоящих 24 июня президентских и парламентских выборов, согласно решению ОИС о введении торговых ограничений с этой страной³⁸. Новый разрыв сопровождался крайне жесткой взаимной риторикой турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана и израильского премьера Беньямина Нетаньяху³⁹.

Вместе с тем именно экономические связи лежат в основе дальнейшего развития отношений Турции и Израиля. Это выделил в своем интервью «Yeni Çağ» известный израильский эксперт Авраам Шмулевич, подчеркнувший следующее: «Что касается турецко-израильских отношений, я думаю, что, несмотря на враждебную риторику президента Турции, сейчас даже после его переизбрания отношения между нашими государствами будут улучшаться и развиваться. Они и сейчас неплохие. Даже в самые тяжелые моменты, когда отношения между Турцией и Израилем достигли пика напряженности за последние 5 лет, когда Эрдоган публично критиковал политику Израиля, товарооборот вырос, вырос экспорт Израиля в Турцию в 2,5 раза, на 240%. Теперь многие эксперты прогнозируют спад в турецкой экономике, лира уже просела на 20%, и этот процесс продолжится. Вообще, это связано не только с

политикой правительства Турции, но и тенденциями в мировой экономике. На фоне всех этих процессов для Эрдогана очень важны экономические связи с Израилем, турецкий экспорт в Израиль. Как мы знаем, Израиль для Турции важный транспортный коридор. Ежедневно сотни турецких грузовиков на паромках прибывают в Израиль и отсюда следуют в Иорданию и дальше в Саудовскую Аравию и в страны Залива, хотя у нас есть дипломатические отношения с Иорданией, а с Саудовской Аравией нет. Наверное, в скором времени будут отношения и с Эр-Риядом. Буквально на днях была достигнута договоренность о строительстве железной дороги между Иорданией и Саудовской Аравией, которая свяжет и Израиль с этими странами. Этот путь очень важен для Турции, чтобы доставлять свои товары в страны Залива и Ближнего Востока. Это очень важно для турецкой экономики. Поэтому Эрдоган не будет портить отношения с Израилем, и это сотрудничество в интересах Турции. Кто бы ни стоял во главе турецкого государства, отношения с Израилем будут важны»⁴⁰.

Необходимо остановиться еще на одной проблеме, с которой турецкое руководство сталкивается в последние годы, а именно — политика Турции в Восточном Средиземноморье. Представляется, что Восточное Средиземноморье — не просто отдельное внешнеполитическое направление политики Турции, а часть более масштабного плана действий по закреплению статуса регионального лидера с амбициями на глобальном уровне.

Как указывалось выше, в 2009 г. в водах Израиля были обнаружены залежи природного газа, а вскоре после этого месторождения были открыты также в водах Кипра (2011 г.) и Египта (2015 г.). В январе 2019 г. министры энергетики Египта, Греции, Кипра, Израиля, Италии, Иордании и представитель Палестинской автономии встретились в Каире для того, чтобы учредить Восточно-Средиземноморский газовый форум (EMGF). Министры признали взаимосвязь между энергетическим развитием и безопасностью региона.

16 января 2020 г. Израиль, Греция и Кипр подписали соглашение о строительстве газопровода East Med⁴¹. Турция в этой связи оказалась в крайне ограниченной и изолированной позиции как региональный актор в Восточном Средиземноморье, что стало ре-

зультатом накопившегося комплекса территориальных и политических противоречий с такими странами, как республика Кипр, Греция, Египет и Израиль, а также их стремления оставить Турцию «вне игры» путем интенсификации внутри данного блока. В результате такого сближения появился проект восточно-средиземноморского трубопровода (East Med) и начата работа Восточно-Средиземноморского газового форума, при этом ни в одну из этих инициатив Турция не была вовлечена. Активизация действий Турции в Восточном Средиземноморье как в плане развития военно-морского потенциала, так и работ по разведке газа стали причиной обеспокоенности соперников Турции в регионе, прежде всего Греции.

Вместе с тем турецкие руководители все более начинают учитывать существующие на сегодняшний день ограничители и риски в регионе. Учитывая региональную изоляцию Турции, в регионе приходит осознание ориентироваться на налаживание сотрудничества с региональными игроками. В случае с Израилем возможно применение прагматических подходов на основе взаимной выгоды, учитывая историю двусторонних связей.

Касаясь непосредственно турецко-израильских отношений, израильский политолог Бенни Брискин подчеркивает следующее: «Формально дипломатические отношения Израиля с Турцией существуют. Да, были в этих отношениях взлеты и падения, отзывали послов, возвращали послов, снижался уровень — все это было. Но у отношений Турции и Израиля есть очень прочный экономический базис, и он продолжает существовать»⁴².

Можно констатировать, что после нескольких лет спорных отношений Турция изменила свою политику в отношении Израиля. Президент Турции Эрдоган 25 декабря 2020 г. заявил, что его страна хотела бы иметь лучшие связи с Израилем. Высказывания Эрдогана прозвучали через некоторое время после того, как бывший адмирал Джихат Яйджи предложил заключить соглашение об общей морской границе с Израилем⁴³.

Министр энергетики Израиля Ю. Штайниц заявил 9 марта 2021 г., что Тель-Авив готов сотрудничать с Анкарой по природному газу в Восточном Средиземноморье. Штайниц говорил с прессой о проекте Восточно-Средиземноморского газопровода (East Med) во

время визита в кипрско-греческую администрацию. Он сказал, что Израиль ранее вел переговоры об экспорте газа в Турцию, хотя это еще не дало результатов. Израильский министр выразил надежду, что Анкара в будущем сможет присоединиться к Восточно-Средиземноморскому газовому форуму⁴⁴.

Тем временем премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху, выступая на предвыборном мероприятии 10 марта 2021 г., подтвердил, что Израиль ведет переговоры с Турцией, и это положительный процесс»⁴⁵.

По словам израильского политолога К. Валанси, «отношения Турции и Израиля значительно пострадали, а это означает, что для их восстановления необходимы политическая воля и меры укрепления доверия». Валанси подчеркнул, что Израиль не упустит возможности восстановить отношения с Турцией, но он хочет определенности в том, что касается намерений республики⁴⁶.

Помимо экономики у Турции и Израиля имеется еще одна тема, в которой их интересы сходятся. Таким вопросом стала война в Нагорном Карабахе осенью 2020 г., где обе страны поддержали Баку.

Азербайджан — одна из немногих мусульманских стран, у которой сложились хорошие отношения с Израилем, и он давно покупает у Израиля оружие. Президент Азербайджана И. Алиев после завершения военных действий в Нагорном Карабахе, в которых он получил значительную поддержку от Турции и Израиля, высказал желание способствовать примирению сторон в своем разговоре с Эрдоганом. После этого советники Алиева заявили своим израильским коллегам, что турецкий лидер положительно отреагировал на эту идею.

В этой связи израильский политолог Бенни Брискин подчеркивает: «С одной стороны, здесь предвыборное использование межгосударственных отношений и, возможно, это ни к чему не приведет. С другой стороны, есть общие интересы, есть вещи, которые страны разделяют, и поэтому здесь все будет зависеть в первую очередь от второй стороны, то есть от Турции. У Нетаньяху, конечно же, есть желание нормализовать отношения с Анкарой и записать это себе в плюс»⁴⁷.

Таким образом, перспективы турецко-израильских отношений можно будет рассматривать в увязке новых событий на Ближнем

Востоке и Восточном Средиземноморье. И, конечно, все зависит от доброй воли и желания сторон выйти на прежний уровень отношений.

¹ *Иванова И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М.: Аспект Пресс, 2017. С 176.

² *Inbar E.* Israeli-Turkish Tensions and their International Ramifications // *Orbis*. 2011. January. Vol. 55.

³ *Inbar E.* Israeli-Turkish Tensions and their International Ramifications // *Orbis*. 2011. January. Vol. 55.

⁴ *Dursunoglu A.* Stratejik ittifak: Türkiye — İsrail ilişkilerinin Oyküsü. İstanbul, 2002. S. 32.

⁵ *Milliyet*. 07.05.1977.

⁶ *Türk Dış Politikası* (Турецкая внешняя политика). Cilt II. T. 2. 1980–2001. S. 573.

⁷ *Türkiye ve Orta Doğu Tarih Kimlik Güvenliği*. İstanbul. S. 181–190.

⁸ *Türkiye ve Orta Doğu Tarih Kimlik Güvenliği*. İstanbul. S. 181–190.

⁹ *Гурье А.* О турецко-израильских отношениях // Институт Ближнего Востока // iimes.ru.rus/stat/2005/13-05-05.

¹⁰ *Гурье А.* О турецко-израильских отношениях // Институт Ближнего Востока // iimes.ru.rus/stat/2005/13-05-05.

¹¹ Израильские мифы // mikhailosherov.livejournal.com/171929.html (27.03.2013).

¹² *Radical*, 18.02.2006.

¹³ *USAK* (Uluslararası Stratejik Arastirmalar Kurumu). 13.11.2007.

¹⁴ *Oguzlu Tarik.* The Changing Dynamics of Turkey-Israel Relations // *Mediterranean Politics*. Vol. 15. 2010. № 2. P. 273–288.

¹⁵ *Perceptions* (Journal of International Affairs). Autumn 2012. Vol. XVII. Ankara. P. 118.

¹⁶ *Perceptions* (Journal of International Affairs). Autumn 2012. Vol. XVII. Ankara. P. 118.

¹⁷ *Today's Zaman*. 29.12.2008.

¹⁸ *Today's Zaman*. 29.12.2008.

¹⁹ *Hurriyet*. 30.01.2009.

²⁰ *Wall Street Journal*. 10.06.2010.

²¹ *Erdogan: İsrail cezalandırılmalı BBC Türkçe*. 01.06.2010 // www.bbc.co.uk/turkce/haberler.

²² www.dohainstitute.org/en/political_studies/pages/crisis/Turkish-israeli-relations-prospects (28.05.2018).

²³ www.dohainstitute.org/en/political_studies/pages/crisis/Turkish-israeli-relations-prospects (28.05.2018).

²⁴ www.dohainstitute.org/en/political_studies/pages/crisis/Turkish-israeli-relations-prospects (28.05.2018).

²⁵ www.dohainstitute.org/en/political_studies/pages/crisis/Turkish-israeli-relations-prospects (28.05.2018).

²⁶ tass.ru/opinions/522435.

²⁷ *Бень Е.* Турецко-израильские отношения: из тумана в капкан // tass.ru/opinions/522435 (24.05.2018).

²⁸ www.newsru.co.il/finance/17_may_2018/turk_308.html.

- ²⁹ ru.sputnik/az/expert/20170117/408464738/israil-turciya-ekonomika-opredelyaet-politiku.html.
- ³⁰ ru.sputnik/az/expert/20170117/408464738/israil-turciya-ekonomika-opredelyaet-politiku.html.
- ³¹ iz.ru/681754/ aleksei- kuprianov/kto-bolshe-terrorist. iz.ru (12.12.2017).
- ³² Эрдоган пообещал поднять исламский мир против Израиля из-за Трампа // www.vesti.ru/do/doc/html=2962332 (05.12.2017).
- ³³ www.haber7/com/guncel/2498579-netanyahuya-son-dahika-turkiye-cagrisi.
- ³⁴ Независимая газета. 14.12.2017.
- ³⁵ Независимая газета. 14.12.2017.
- ³⁶ Milliyet. 18.05.2018.
- ³⁷ Milliyet. 30.05.2018.
- ³⁸ Hürriyet. 22.05.2018.
- ³⁹ tass.ru/opinions/522435.
- ⁴⁰ www.yenicag.ru. Kak-budut-razvivatsya-turecko-israilskiye-otnosheniya.
- ⁴¹ riafan.ru/1315029-regionalnye-soperniki-turcii-sformirovali-geopoliticheskii-blok (25.09.2020).
- ⁴² www.gazeta.ru/politics/2021/03/12/ 13 508 588 html.
- ⁴³ mk-turkey.ru/politics/2021/03/3/ s izrailem html.
- ⁴⁴ СМИ: Турция готова снова обменяться послами с Израилем // mk-turkey.ru/politics/2021/03/11/izrail-zayavil.html.
- ⁴⁵ www.gazeta.ru/politics/2021/03/12/ 13 508 588 html.
- ⁴⁶ СМИ: Турция готова снова обменяться послами с Израилем // mk-turkey.ru/politics/2021/03/3/ s izrailem html.
- ⁴⁷ «Нужно выиграть выборы»: зачем Нетаньяху налаживает отношения с Турцией // www.gazeta.ru/politics/2021/03/12/ 13 508 588 html.

ГЛАВА 10

Некоторые аспекты социально-политического развития Судана (1950–2020 гг.)

Независимость Судана была провозглашена 1 января 1956 г., и с тех пор страна провела несколько политических опытов: январь 1956 г. — скопированный с Запада и бесполезный для Судана; по ноябрь 1964 г. — все более и более жесткая военная диктатура генерала И. Аббуда; по май 1969 г. — серия временных правительств, пытавшихся найти новую конституционную форму; по 6 апреля 1985 г. — авторитарный режим полковника (вскоре генерала, затем маршала) Джафара Нимейри, в конечном счете вдохновленный фундаменталистским исламом. С 1989 по 2019 год — правление Омара Хасана Ахмеда аль-Башира. С 2019 года по настоящее время — период переходного правительства.

Несмотря на тяжелый период, значительную роль в политической жизни страны сыграла суданская Коммунистическая партия (СКП), которая является одной из старейших политических организаций, отличается активным с сильным руководством, осуществляет свою деятельность среди самых широких слоев суданцев, в том числе среди студентов, женщин, революционных элементов, интеллигенции. Несмотря на это, численность ее незначительна, что объясняется укоренившимися религиозными и социальными представлениями суданцев о коммунизме как материалистическом мировоззрении.

Коммунистическая партия Судана возникла в 1946 г. под названием «Суданское движение за национальное освобождение» (СДНО); партия с переменным успехом продолжала свою деятельность до мая 1969 г., с мая 1969 г. на коммунистов обрушились жестокие репрессии.

В течение всего своего правления Дж. Нимейри подвергал коммунистов преследованиям, так как считал, что эта партия для него представляла опасность. Большую роль в национально-освободи-

тельном движении Судана сыграли профсоюзы. В стране существовали различные независимые профсоюзы и трудовые коллективы, но постоянное гонение и отсутствие законных возможностей для работы в значительной степени препятствовали независимому движению. Первый съезд суданских профсоюзов прошел 7 марта 1949 г. Съезд состоялся по настоянию профсоюза железнодорожников, на тот момент самого многочисленного профсоюза в стране. На съезде был образован Конгресс рабочих Судана, были объединены несколько разобщенных профсоюзных организаций.

Важным завоеванием суданских трудящихся было окончательное создание в ноябре 1950 г. Федерации профсоюзов, в составе которой были объединены 53 профсоюза, а общее число членов составляло 180 тыс. человек¹.

В 1950 г. с самым модным профсоюзным движением в Африке на первом месте был Тунис, на втором — Судан. 16 декабря 1951 г. в обстановке подъема борьбы народных масс за свои права в Хартуме открылся второй съезд суданских профсоюзов, входящих в ФРПС. В съезде приняли участие 120 делегатов от 50 профсоюзов. На съезде присутствовали многочисленные представители политических партий и общественных организаций Судана. Новым явлением было присутствие женщин, которые представляли профсоюз медицинских сестер.

Одним из решений съезда было установить тесные связи с международным рабочим движением через Всемирную федерацию профсоюзов; бороться против войны и использования Судана в военных целях².

В социальной политике правительства Нимейри преобладали демагогические посулы и издание законов, осуществление которых относилось в неопределенное будущее. Еще в ноябре 1972 г. президент Нимейри, среди прочих посулов, обещал ввести с января 1973 г. закон о социальном обеспечении. Фактически этот закон вступил в силу лишь 25 июня 1975 г., он предусматривал организацию социального обеспечения лишь для рабочих и служащих государственного сектора. Пенсионный возраст для мужчин был установлен с 60 лет, а для женщин — с 55-ти. Пенсионное обеспечение устанавливалось также для лиц, утративших трудоспособность.

В декабре 1974 г., в целях сокращения миграции — бегства суданцев в соседние страны, было выделено 1,5 млн суд. ф. для осуществления проектов развития отдельных районов и электрификации 60 городских поселков³.

12 мая 1976 г. ВФП (Всемирная Федерация Профсоюзов) выступила с новым разоблачительным заявлением об арестах в Судане руководителей запрещенного Союза суданских женщин, в том числе его председателя Фатимы Ахмед Ибрагим. Все руководство Союза брошено в тюрьму (после проведения перед президентским дворцом демонстрации жен суданских прогрессивных деятелей, репрессированных в июле-августе 1971 г.).

Следуя курсом правительства Нимейри, оказывающего поддержку эритрейским сепаратистам против революционного режима Эфиопии, ЦК ФРПС созвал в августе 1974 г. совещание с делегацией комитета Всеобщей Федерации рабочих Эритреи (ВФРЭ). Обсуждался вопрос о вступлении ВФРЭ в Панафриканскую организацию профсоюзов при содействии ФРП Судана.

Но это предложение было отклонено, так как руководство ФРПС совместно с лидерами правительства было против забастовочного движения суданских рабочих и служащих.

Председатель ФРПС А.Н. Гинауи заявил: профсоюзы не должны использовать забастовку как оружие, ибо забастовка «закрывает двери для переговоров», а «мы являемся частью сил Союза и участниками власти, мы провозгласили лозунги “производство”, “развитие”, а забастовки противоречат им»⁴.

Руководство ФРПС угодничало перед президентом Нимейри, с готовностью выполняло репрессивные меры (по его указанию) в отношении руководителей отраслевых профсоюзов, выступающих в защиту интересов рабочих. Так, по предложению депутата народного собрания, председателя ФРПС А.Н. Гинауи, суданский парламент наградил Нимейри Орденом Сплочения. Делегаты второй всеобщей конференции ФРПС в марте 1976 г., на котором Нимейри заявил о согласии стать президентом на новый срок, одобрили его антинародную политику. Конференция поддержала решение пленума в отношении оппозиционных профсоюзных деятелей исключить из членов ФРПС председателя профсоюза ра-

ботников почты, телеграфа и телефона Мухаммеда Османа Джемма, председателя профсоюза таксистов Ат-Тайеба Халафалла, председателя профсоюза работников ирригации Абдель Гани Османа и потребовала вывода их из состава депутатов Народного собрания Судана.

Председателем ФРПС был снова избран А.Н. Гинауи.

С молчаливого согласия руководства ФРПС правительство продолжало расправу с прогрессивными деятелями и организациями, но в их защиту выступали международные профсоюзные объединения. Так, в марте 1976 г. Международный профсоюз рабочих текстильной, кожевенной и меховой промышленности, а несколько позже ВФП послали правительству Судана телеграмму протеста против ареста и заключения в тюрьму в августе 1976 г. Гассита Амина, коммуниста, члена руководства и бывшего секретаря Федерации рабочих-текстильщиков Судана⁵. Правительство, ссылаясь на данные ФРПС, заявило, что Гассит Амин еще в 1964 г. выехал в Европу и не возвращался в Судан⁶.

В тюрьмах томились более 250 профсоюзных работников, руководителей движения молодежи, студентов, адвокатов и журналистов, некоторые из них были в заключении более двух лет без предъявления им каких-либо обвинений, — говорилось в заявлении Всемирной Федерации профсоюзов. ВФП осудила новую волну репрессий в Судане и призвала трудящихся и их профорганизации предпринять соответствующие шаги, проявить солидарность с суданским демократическим движением и потребовать освобождения арестованных руководителей и уважения свобод и прав человека в Судане.

Руководство ФРПС не откликнулось на этот призыв. В то же время лидеры Федерации выступили в качестве раскольников прогрессивных сил в международном рабочем движении.

Доводы Гинауи не возымели должного воздействия на рабочих, и в конфликт вновь вмешался первый вице-президент Судана Абу эль-Кассим Ибрагим. 11 апреля 1976 г. он выступил на митинге в г. Атбаре; объявил об освобождении арестованных ранее участников забастовки и обещал рассмотреть требования рабочих железнодорожных мастерских в совете администрации Управления су-

данских железных дорог. Сделав небольшие уступки рабочим, администрация добилась прекращения забастовки.

Вслед за рабочими забастовали врачи государственных больниц, требующих тоже повышения заработной платы в связи с удорожанием товаров широкого потребления. Против бастующей интеллигенции выступил президент Нимейри и подключил к походу против нее суданский парламент. 11 апреля 1976 г. народное собрание осудило забастовку врачей. Нимейри выступил на массовом митинге в Хартуме с провокационной истеричной речью, пытаясь натравить рабочих на интеллигенцию. Признав вначале, что в Судане еще «имеются безработные мужчины и женщины, что есть много районов, где нет воды и света», Нимейри обрушился на ЦК профсоюза врачей, назвав его членов лисами и волками, «которые хотят есть то, что не ест народ» и «использовать свои посты в личных целях»⁷.

Нимейри напомнил, что врачи получают 100 суд. ф. в месяц, следовательно, не нуждаются в повышении зарплаты⁸. Он обвинил ЦК профсоюза врачей в связях с советским посольством, по наущению которого якобы объявлена забастовка, угрожающая интересам суданского народа. Нимейри квалифицировал требования бастующих врачей как политические, а не профсоюзные. Печатные издания подхватили травлю бастующих, и генеральный секретарь профсоюза врачей Шакираив-Сарадж объявил решение о немедленном прекращении забастовок.

Современная SWTVF была реорганизована в 1992 году из первоначальной ФРПС, которая вместе со всеми другими профсоюзами была расформирована Омаром Хасаном Ахмадом аль-Баширопм, когда он захватил власть в 1989 году. Всем суданским профсоюзам было запрещено продолжать деятельность. SWTVF включает в себя 17 различных суданских профсоюзов. Организация начала окончательно формироваться в октябре 2012 года.

Восстание в Судане в 2019 году, вызванное годами авторитарного правления, значительным ухудшением состояния экономики, системная маргинализация и насилие, привело к созданию переходного правительства, куда вошли гражданские и военные представители, в основном лидеры протестного движения. Они дого-

ворились о разделении власти. Премьер-министром Судана стал Абдалла Хамдок, по образованию экономист.

Рядом с гражданским правительством был создан Переходный военный совет (ВМС).

В военный совет вошли молодые оппортунистически настроенные офицеры и охранники. Некоторые стремились извлечь выгоду из протестов населения Судана, чтобы избавиться от исламистского режима аль-Башира, но в то же время сохранить авторитарное правление. Заместителем руководителя ВМС стал Мухаммед Хамдан Даголо (также известный как Хемедти), глава военизированной структуры⁹.

По причине его влиятельности и связей были восстановлены отношения с Деви в Чаде и Хафтаром в Ливии и с несколькими государствами Персидского залива, действующими в Судане. Элита Хартума считает Хемедти недостаточно квалифицированным, чтобы быть главой государства. У него нет хорошего образования, он начинал как торговец верблюдами. Неарабское население Дарфура также против него из-за его пребывания в рядах джанджаведов, которые вели жесткую кампанию этнических чисток в регионе; его главная поддержка — периферийный Судан, а также часть населения в Дарфуре.

Возглавляет объединенные профсоюзы Судана Мохамед Юсиф Ахмед аль-Мустафа (в 2012 году профсоюз преподавателей университетов в Судане, в котором работал Мохамед Юсиф Ахмед аль-Мустафа, решил объединиться с союзом врачей и комитетом учителей).

После резни в Хартуме 3 июня 2019 года профсоюз Судана призвал к полному гражданскому неповиновению и открытой политической забастовке на том основании, что Переходный военный совет (ВМС) был ответственен за два дня массовых убийств и грабежей. Большое количество убитых было в Дарфуре, Нубийских горах и Голубом Ниле, а также в других городах и поселках, профсоюзы призвали суданцев следовать методу ненасильственного сопротивления, направленного на изменение ситуации.

В августе 2019 года Профсоюзы Судана объявили, что они не будут участвовать в кабинете переходного правительства, а вместо

этого будут участвовать в Законодательном совете, чтобы контролировать ситуацию и не допустить кровопролития. Лидер Профсоюзов Судана провозгласил: «Полное гражданское неповиновение и открытая политическая борьба, чтобы избежать хаоса».

14 декабря 2019 г. правящий Совет суверенитета издал указ о роспуске всех профсоюзов и профессиональных ассоциаций в Судане.

Генерал-лейтенант Ясир Аль-Атта, член Совета по суверенитету, объявил о решении Комитета захватить все имущество и активы всех профсоюзов и создать комитет по пересмотру профсоюзного законодательства и готовиться к новым выборам лидеров профсоюзов в соответствии с этими новыми законами.

15 декабря 2019 года вооруженные силы полиции и солдат в начале совершили налет и запретили лидерам Федерации профсоюзов рабочих Судана (SWTVF) и Союза журналистов Судана (SJV) войти в их офисы, их имущество было конфисковано и банковские счета заморожены.

Решение о роспуске профсоюзов Судана являлось вопиющим нарушением свободы объединений и должно быть отменено, но этого не произошло. Нападения на профсоюзы ставят под угрозу переход к демократическому правлению, к которому стремится народ Судана. Решение переходного правительства Судана о роспуске профсоюзов являлось необоснованным и не соответствовало действующим законам о существовании профсоюзов в Судане. Нападение на профсоюзы нарушает Хартию ООН по правам человека и Африканскую хартию прав человека и народов, которые гарантируют свободу ассоциаций. Это также серьезное нарушение Конвенции МОТ (Международной организации труда) № 87 о свободе ассоциации, которая является основной конвенцией, которую все государства — члены МОТ обязаны соблюдать.

SWTVF — федерация, руководство которой избирается работниками в соответствии с действующим законом. Любое правительство или политическая партия не вправе вмешиваться в ее внутренние дела или принимать решение о ее роспуске или нарушении ее деятельности. Решение правительственного комитета ставит профсоюзы и федерации в зависимость от партийных и политических предубеждений, что подрывает права и независимый

характер профсоюзов и будет иметь серьезные последствия для организации работников и борьбы за их интересы.

МОТ в Африке требует отмены решений о произвольном и незаконном роспуске SWTVF и SJV, а также других профсоюзов и профессиональных организаций: Мы призываем суданское переходное правительство прекратить свое вмешательство во внутренние дела профсоюзов и прекратить захват профсоюзной собственности и прекратить любые ограничительные меры в отношении пострадавших профсоюзных организаций, удалить солдат, занимающих офисы профсоюзов, и разрешить им возобновить их законную профсоюзную деятельность.

Переходное правительство Судана во главе с премьер-министром Абдаллой Хамдоком взяло на себя международное обязательство защищать права человека, включая право на свободу ассоциаций, но это решение не выполняется. Нынешним правителям Судана еще не поздно разобраться с ситуацией в соответствии с международными трудовыми стандартами и подать пример того, что они готовы защищать права трудящихся.

Суданское правительство подтвердило, что оно проведет экономические реформы, чтобы «обеспечить достойную жизнь гражданам»¹⁰.

Согласно официальному суданскому информационному агентству, это был первый комментарий с начала протестов. Но протесты продолжались, и суданские власти установили чрезвычайное положение в ряде провинций, некоторые школы и университеты были временно закрыты, это была попытка правительства ограничить эскалацию протестов.

Между тем суданские общины за рубежом организовали акции протеста, чтобы показать свою поддержку демонстрантам в их родной стране. «Суданская диаспора серьезно относится к тому, что происходит в Судане; мы надеемся пролить свет на проблемы, с которыми сталкиваются люди в Судане, и привлечь внимание международного сообщества», — сказала Вафа Мэй Элалин, судано-американский активист и соорганизатор демонстрации «Аль-Джезире».

Соединенные Штаты Америки отменили в 2019 году 20-летние торговые санкции в отношении Судана, но экономические про-

блемы Судана продолжали ухудшаться в течение последних нескольких лет.

Страна с 40-миллионным населением из всех сил пыталась восстановиться после потери трех четвертей своей добычи нефти, которая была основным источником иностранной валюты, когда Южный Судан отделился в 2011 году.

Существует скрытое напряжение внутри текущего политического устройства, так как баланс сил может сместиться в сторону доминирующей военной системы управления, а не перехода к прямому гражданскому правлению. Если вспомнить давнюю историю Судана, то два предыдущих восстания были многообещающими на их ранней стадии, но закончились авторитарным правлением. И сложившаяся политическая обстановка тоже имеет значительные проблемы и риски.

Суданская экономика пронизана коррупцией, и некоторые государственные деятели и оппортунисты будут стремиться извлечь выгоду и установить курс страны в собственных интересах.

Многие люди больше не могут позволить себе предметы первой необходимости, неделями стоят в очередях за топливом, хлебом, и это стало здесь обычным явлением.

Переходное правительство из всех сил пытается восстановить находящуюся в тяжелом состоянии экономику Судана в условиях огромного бюджетного дефицита и повсеместной нехватки товаров первой необходимости, включая топливо, хлеб, лекарства.

Согласно официальным данным, годовая инфляция в декабре 2019 года составляла почти 200%, так как цены на хлеб и другие продукты питания резко выросли.

Экономика Судана пострадала от бесхозяйственного правления аль-Башира, а также от десятилетий санкций Соединенных Штатов Америки.

Внешний долг страны составляет более 60 млрд долларов США, но облегчение долгового бремени и доступ к иностранным кредитам рассматриваются как путь к восстановлению экономики Судана.

В Судане была разработана Программа гуманитарного реагирования 2021 г. (HRP) на основе тесных консультаций с гуманитарными партнерами и государственными органами. После года

политических преобразований, достигнутых в обеспечении свобод, переходный период продолжает открывать возможности для миростроительства. Судан переживает поворотный момент, поскольку переходное правительство стремится к мирному урегулированию после многих лет внутреннего конфликта, преодоления экономического кризиса.

Согласно прогнозу Обзора гуманитарных потребностей Судана (HNO), в 2021 году в общей сложности 134,4 млн человек будут нуждаться в гуманитарной помощи. Это рост на 4,1 миллиона человек в сравнении с 2020 годом и самый высокий показатель за последнее десятилетие. В рамках программы HRP 2021 г. гуманитарные партнеры намерены поддержать 8,9 млн наиболее уязвимых людей с общими финансовыми потребностями в 1,9 млрд долларов США¹¹.

Судан борется с тяжелым экономическим кризисом, усугубленным пандемией COVID-19.

На сегодняшний день нет никаких доказательств того, что правительство привлекает профсоюзы и ассоциации работодателей к действиям по предотвращению и сдерживанию COVID-19. Напротив, переходное правительство действует против профсоюзов и их лидеров посредством различных преследований и актов запугивания.

Тем не менее профсоюзы Судана продолжают разрабатывать собственные альтернативные предложения по восстановлению экономики страны после COVID-19¹². Судан — страна с долгой историей гражданских конфликтов, переворотов и недавней революцией.

Судан обладает значительными естественными богатствами, рациональное использование которых может изменить ситуацию в стране.

Недра Судана содержат значительные запасы нефти и газа, урана, железной руды, слюды и других полезных ископаемых.

Также надо отметить, что Судан — большой «неиспользованный» рынок возобновляемых источников энергии. С учетом технического потенциала Судана в области солнечной, ветровой, геотермальной энергии, биомассы и других возобновляемых источников энергии, а также значительной численности населения и растущего спроса на энергию для обеспечения экономического роста, возобновляемые источники энергии подходят для содействия переходу Судана к устойчивому развитию.

-
- ¹ Всемирное профсоюзное движение. 1952. № 10.
- ² Всемирное профсоюзное движение. 1952. № 5.
- ³ Ас-Сахара. 12.12.1974.
- ⁴ Аль-Айяли. 24.01.1975.
- ⁵ International Gabouroffice. Official Bulletin. Vol. Lx 1977, Series B, N1. P. 74–75.
- ⁶ International Gabour office. Official Bulletin. Vol. Lx 1977, Series B, N1. P. 74–75.
- ⁷ International Gabour office. Official Bulletin. Vol. Lx 1977, Series B, N1. P. 74–75.
- ⁸ Ас-Сахара. 08.04.1978.
- ⁹ www.aliazeeracom/news/2018/12/sudan-trade-unions-call-march-presidency-protests:grow-181224180823180.htm.
- ¹⁰ sites.tafts.edul.reinventigreoct/1019/07/01.
- ¹¹ www.arabnews.com/узел/1795201/ближнийвосток.
- ¹² Филоник А.О. Сценарий развития арабских стран до 2050 г. // Оценки и идеи. М., 2013. № 4. Т. 1 // reliefwei-int/report/Sudan/Sudan-situation-report-01-nar-2021.

ГЛАВА 11

Ливанская диаспора в Сьерра-Леоне, Сенегале и Кот д'Ивуаре

Ливанская диаспора в Сьерра-Леоне

В Сьерра-Леоне ливанцы появились в конце XIX в. Они были зарегистрированы как сирийцы, потому что в то время Ливан был фактически частью Сирии. Он стал отдельным образованием лишь в 1920 г. В 1921–1923 гг. число ливанцев в Сьерра-Леоне увеличилось с 184 до 804 чел. В 1926 г. в Сьерра-Леоне ливанцев было уже 1077 чел.¹ Первыми переселенцами, прибывшими в Сьерра-Леоне, были христиане-марониты, за ними последовали мусульмане-шииты. Шииты покинули родину из-за плохих урожаев сельскохозяйственных культур и перенаселенности Южного Ливана².

Первые ливанцы в Сьерра-Леоне жили очень бедно. Они были заняты в мелкой торговле, например продавали, в частности, коралловые бусы и их имитации. Позднее ливанцы начали заниматься перепродажей товаров. Они покупали товары в кредит у крупных европейских торговцев и перепродавали местному населению. Ливанцы также начали торговлю орехами кола и вскоре стали преобладать в этом бизнесе. В 1923 г. в Сьерра-Леоне орехи кола составляли примерно пятую часть экспорта³.

Проживающие в столице страны, г. Фритауне, креолы были недовольны преобладанием ливанцев в торговле. Они обвинили ливанцев в том, что те накапливали товары первой необходимости, такие как рис, чтобы поднять цену продуктов питания. В конце концов в 1919 г. во Фритауне вспыхнул антиливанский бунт. Демонстранты грабили и крушили магазины ливанцев, при этом один из торговцев был убит. Бунт постепенно распространился и на другие районы Сьерра-Леоне. Это потребовало вмешательства британских колониальных властей, после чего ситуация была нормализована. Британцы создали комиссию для расследования причин

случившегося и определения размера причиненного ущерба. По итогам расследования правительство присудило Ливану денежную компенсацию за ущерб, нанесенный во время беспорядков⁴.

С течением времени ливанцы стали закупать рис, какао, кофе и другие товары и продавать их в провинции, получая прибыль в качестве посредников. К моменту обретения Сьерра-Леоне независимости (1961) ливанцы играли заметную роль в торговле алмазами и других сферах бизнеса во Фритауне.

Торговля алмазами стала самым прибыльным источником доходов ливанцев. Самым влиятельным из торговцев алмазами был Джамиль Сахид Мохамед, друг детства Набиха Берри, лидера ливанской шиитской организации Амаль⁵. Джамиль был правой рукой Сиаки Стивенса⁶, президента Сьерра-Леоне с 1971 по 1985 г. Он мог накладывать вето на министерские назначения и отменять министерские решения. Преемник Стивенса, Джозеф Момо⁷, изгнал Джамिला из страны и попытался разорвать связь с ливанскими торговцами, пригласив в страну торговцев алмазами из Израиля. Когда в 1991 г. в Сьерра-Леоне разразилась гражданская война⁸, ряд влиятельных ливанских торговцев драгоценными камнями во главе с Джамилем помогли Либерийскому Объединенному революционному фронту (ОРФ) продавать алмазы с шахт, находящихся под его контролем. Большинство торговцев, однако, покинуло страну, спасаясь от разрушительных последствий войны⁹.

После окончания гражданской войны в 2002 г. в Сьерра-Леоне вновь появились ливанские торговцы. Хотя у большинства из них есть лицензии, они также активно участвуют в контрабанде алмазов из страны. По некоторым данным в Сьерра-Леоне, ежегодно нелегально экспортируется около 70–100 млн долл. необработанных драгоценных камней, что составляет около 60% от общего объема экспорта алмазов страны¹⁰.

Еще одним знаменитым ливанцем, занятым в алмазном бизнесе, является Хенне Шамель. Его семья родом из Южного Ливана. Еще в 1936 г. на эту семью работало 1100 мужчин, занятых на золотых приисках. В 1950-х гг. Шамель увлекся контрабандой алмазов из Сьерра-Леоне. Он был сторонником Сиаки Стивенса. В 1968 г. Стивенс стал премьер-министром страны. В 1969 г., после того как

вооруженные грабители украли алмазы стоимостью 3 млн долл. в аэропорту Гастингс (Сьерра-Леоне), Шамель был арестован и обвинен в краже. В январе 1970 г. судья снял обвинения с Шамеля, но Стивенс настоял на его депортации¹¹.

Кассим Басма — бизнесмен-мультимиллионер ливанского происхождения, родившийся в Сьерра-Леоне. На долю его компании приходится около 38% всего официального экспорта алмазов из Сьерра-Леоне¹².

В 1980-х гг. ливанская религиозно-политическая организация «Хезболла» развернула обширную сеть в Западной Африке. Однако на первых порах деятельность ливанского движения Амаль по сбору средств у ливанцев была активней, чем у «Хезболлы». Причиной этого было более длительное присутствие организации в стране. К тому же лидер Амаль Набих Берри родился в Сьерра-Леоне. Постепенно «Хезболле» удалось наладить связь с торговцами алмазами. Так, в декабре 2003 г. у берегов Бенина потерпел крушение авиалайнер Union des Transports Africains (UTA) с ливанцами на борту, среди которых находился курьер «Хезболлы» с 2 млн долл¹³.

Помимо алмазного бизнеса ливанцы заняты в сфере юриспруденции, медицины и строительства. По данным на 2012 г., в Сьерра-Леоне их проживало около 9000 чел.¹⁴ Следует отметить, что этнические ливанцы, родившиеся в Сьерра-Леоне, испытывают трудности с получением гражданства. Это связано с тем, что, согласно Конституции страны 1991 г. и Закону о гражданстве, сьерралейцы, не имеющие негритянского происхождения, не могут стать гражданами страны по рождению. Они могут получить гражданство только путем натурализации. Это лишило избирательных прав этнических ливанцев, даже родившихся в стране. Конституция также предусматривает получение гражданства через брак. Так, гражданин Ливана, вступающий в брак с гражданином Сьерра-Леоне, имеет право стать гражданином Сьерра-Леоне¹⁵.

Ливанская диаспора в Сенегале

Мигранты из Ливана и Сирии начали прибывать в Сенегал в 1890-х гг. Их количество выросло в период между двумя мировыми война-

ми, когда Ливан находился под французским господством. Ливанцы селились в городах неподалеку от рыночных центров. При этом они говорили не только на арабском, изучали местный язык. Ливанцы в Сенегале традиционно поддерживают тесные связи с родственниками в других странах Западной Африки и на Ближнем Востоке.

В Сенегале ливанцы первоначально стали посредниками в торговле арахисом между французами в городах и сенегальскими крестьянами в сельской местности. Сегодня в Сенегале проживает около 20 000 ливанцев, 95% из которых являются мусульманами-шиитами, также в Сенегале проживают христиане и небольшое количество мусульман-суннитов¹⁶.

Ливанцы представляли в Сенегале этническое меньшинство, которое играло коммерческую роль посредника в колониальной системе Франции.

Когда в начале XX века европейские коммерческие фирмы расширились во внутренние районы, они охотнее нанимали ливанцев, чем местное население. То же самое касалось и кредитования. После обретения Сенегалом независимости (1960) ливанские предприниматели были вынуждены отказаться от сбыта арахиса, которым занимались ранее, из-за национализации этой сферы торговли и начали инвестировать в недвижимость, транспорт, оптовую торговлю и легкую промышленность.

Несмотря на то что африканские ливанцы интегрировались в жизнь Сенегала, они остаются обособленным сообществом.

Они создают семьи внутри своего сообщества и заводят там большинство друзей. Это помогает ливанцам сохранить свою культуру, которой они дорожат¹⁷.

На сегодняшний день в Сенегале проживает несколько семей ливанского происхождения, добившихся успехов в бизнесе и торговле. Вот лишь некоторые из них. Братья Мохамед, Мухедин и Хасан Фарес входят в число самых богатых в Сенегале, сначала они развили свою деятельность в области продажи стройматериалов, а затем стали производить пищевые продукты, молоко и фруктовые соки¹⁸.

Уроженец Сенегала ливанского происхождения Аднан Худруж начал свою карьеру в качестве продавца в спортивном магазине в

столице Сенегала г. Дакаре в 1968 г. Четыре года спустя он решил экипировать всю олимпийскую команду Сенегала и связался с Adidas. Позже Худруж создал сеть магазинов City Sport, продающих спортивные товары. Эта сеть получила распространение в Африке и Европе. Семья Омаис, проживающая по всей Западной Африке, обосновалась в Дакаре в конце XIX в. и имеет большой вес в экономике Кот-д'Ивуара и Сенегала. Юсеф, который живет в Дакаре, символизирует этот успех. В 1981 г. он основал группу компаний Patisen, которая производит и распространяет множество продуктов: пасты, бульоны, напитки, майонез, соль и многие другие. Будучи партнером сингапурского Wilmar, эта фирма экспортирует свою продукцию в 40 стран мира¹⁹.

В 1969 г. ливанский шейх Абдул Монем эль-Зейн приехал в Сенегал, чтобы удовлетворить духовные потребности ливанской общины, а также для обращения сенегальцев в шиизм. Большинство сенегальцев, принявших шиитский ислам, сделали это во времена Иранской революции. Посольство Ирана продвигало шиизм в Сенегале путем распространения религиозной литературы. В связи с этим правительство Сенегала закрыло иранское посольство в Дакаре в 1984 г. на несколько лет. Шииты Сенегала по-прежнему поддерживают отношения с Ираном. Шиитское сообщество запустило благотворительные проекты посредством таких организаций, как Ассоциация Али Ясин и Institut Mozdahir International (IMI), ставящих целью популяризацию шиизма и привлечение в общину новых членов. Шииты Сенегала проявляют активность в СМИ и стремятся разрушить стереотипы о шиитском исламе²⁰. По некоторым данным, в 2017 г. Сенегале проживало 30 тыс. до 50 тыс. шиитов²¹.

Ливанская диаспора в Кот-д'Ивуаре

В Кот-д'Ивуаре проживает большое количество ливанцев. По разным оценкам, их количество варьируются от 90 тыс. до 300 тыс. чел. Ливанцы начали прибывать в страну в 1920-е гг. Еще одна крупная волна переселения в Кот-д'Ивуар была связана с начавшейся в середине 1970-х гг. гражданской войной в Ливане. Ливан-

цы играют огромную роль в экономике Кот-д'Ивуара, особенно в розничной торговле. Ливанцы инвестируют в городскую недвижимость; они одними из первых открыли отели и рестораны во внутренних районах страны. Многие из них получили ивуарское гражданство. Некоторые члены ливанской общины являются христианами, а большинство мусульман составляют шииты. Примечательно, что ливанские переселенцы, прибывшие в Кот-д'Ивуар после начала гражданской войны в Ливане (1975 г.), принесли с собой те же политические убеждения, которые они разделяли в Ливане.

Несмотря на это, в середине 1980-х гг. в Кот-д'Ивуаре не было насилия среди ливанской диаспоры. Тем не менее правительство страны опасалось вспышек таких столкновений²². Арабское сообщество было известно своими предпринимательскими способностями и долгое время играло ведущую роль в определенных промежуточных секторах экономики, особенно в торговле. Арабы доминировали в таких областях, как текстиль, обувь, распределение нефти и посредничество в торговле кофе и какао. Ливанская община находилась под покровительством Феликса Уфуэ-Буаьи²³, президента Кот-д'Ивуара с 1960–1993 гг, который ценил ее вклад в экономику страны. Ливанская община, в свою очередь, стремилась заверить ивуарское руководство в своей лояльности и приверженности национальным интересам²⁴.

В 2011 г. Джозеф Хури, глава Торговой палаты Ливана по торговым делам и промышленности, заявил, что на ливанцев приходится 35% ивуарийской экономики. «Ливанцам принадлежит 50% промышленного сектора, 99% торговых центров и 80% рыбной торговли и экспорта, 60% строительного сектора, 75% импорта и экспорта древесины и 70% государственного сектора», — сказал чиновник²⁵. В 2013 г. президент Кот-д'Ивуара Алаассан Уаттара выступил с речью, в которой говорилось, что ливанцы заняли почти 300 тыс. официально созданных рабочих мест, а налоговый вклад ливанской общины составляет около 730 млн долл. США (350 млрд котд'ивуарских франков), что составляет 15% налоговых поступлений ивуарийского государства²⁶. Это было произнесено во время встречи с прибывшим в Кот-д'Ивуар ливанским президентом Мишелем Сулейманом²⁷.

Деятельность ливанских компаний в строительстве, торговле, деревообрабатывающей или агропромышленной промышленности, производстве пластмасс составляет 10% ВВП страны²⁸. Вот лишь некоторые бизнесмены ливанского происхождения, добившиеся в Кот-д'Ивуаре значительных успехов. Абдул Хусейн Бейдун прибыл в страну в 1977 г. в шестнадцатилетнем возрасте. Он начал работать в сфере строительных материалов. В 2003 г. он купил у французской группы Descours & Cabaud компанию Bernabé, занимающуюся продажей товаров для дома и строительных материалов. Сегодня у него четверо детей, предприниматель возглавляет группу Yeshi, оборот которой в 2017 г. составил 71,7 млн евро. Yeshi занимается продажей двухколесных транспортных средств (велосипеды, мопеды, скутеры) компании MCN. Эта фирма импортирует продукцию крупных иностранных брендов, таких как Giant или Peugeot, а также производит велосипеды под своим брендом. Зухейр Эззедин занимается импортом и продажей продуктов питания, мельниц, недвижимости, минеральной воды. Он также владеет единственной макаронной фабрикой в Кот-д'Ивуаре. Помимо этого, Эззедин занимается производством картона²⁹. Семья Фахри, первоначально базирующаяся в Сенегале, сейчас очень влиятельна в Кот-д'Ивуаре, где ее деятельность варьируется от торговли текстилем до массового распределения больниц (Polyclinique Internationale de l'Indenie) и отелей (Ivotel)³⁰.

В 2018 г. в столице Кот-д'Ивуара Абиджане прошла очередная конференция организации «Энергия ливанской диаспоры». Эта организация объединяет ливанских соотечественников и ставит целью консолидацию диаспоры.

Участники конференции коснулись экономических вопросов и инвестиционных возможностей, доступных на всем африканском континенте, а также высказались о необходимости поддерживать арабский язык в ливанских школах за рубежом, распространяя ливанскую культуру и искусство. Собравшиеся на мероприятии также призвали к расширению сотрудничества между ливанскими бизнесменами в Западной Африке посредством установления партнерских отношений между ними, направленных на выигрыш тендеров крупных проектов, предлагаемых африканскими страна-

ми. Они также подчеркнули необходимость допустить ливанские коммерческие банки на рынок Западной Африки для предоставления услуг как ливанцам, так и африканцам.

Выступая на заключительном заседании конференции, министр экономики и торговли Ливана Раед Хури призвал ливанцев «инвестировать в свое единство, поскольку родина находится в руках всех ливанцев, проживающих в стране, и экспатриантов»³¹. В своем выступлении Хури коснулся государственного плана комплексного экономического развития Ливана стоимостью 15 млрд долл., который поможет открыть двери для инвестиций и спровоцировать экономический скачок³².

Вместе с тем, как отмечает исследователь А.И. Александров, «участие диаспоры в экономической и политической жизни Ливана существенно отстает от ее потенциала. Богатые бизнесмены из-за границы редко инвестируют в крупные проекты на исторической родине. Участие диаспоры в ливанской политике существенно ограничено существующей клановой и конфессиональной системой. Сложившийся в Ливане политический класс ревниво относится к “чужакам” и не допускает их чрезмерного усиления. В этом контексте случай политической карьеры Набиха Берри является скорее исключением»³³.

Следует отметить, что помощь диаспоры необходима Ливану особенно сейчас, когда страна переживает экономический кризис. За несколько месяцев ливанский фунт потерял 60% своей стоимости, вызвав гиперинфляцию. Заработная плата обесценилась, а население страны впадает в нищету. По данным Организации Объединенных Наций, количество людей, не способных удовлетворить свои базовые потребности, такие как достаточное питание, в 2020 г. удвоилось и составило 55% населения³⁴. В данной ситуации ливанцы массово покидают страну, образуя новую волну переселенцев, в том числе и в страны Африки.

* * *

Представителям ливанской диаспоры, проживающим в Сьерра-Леоне, Сенегале и Кот-д’Ивуаре, удалось занять свою нишу в экономической жизни этих стран. Сферы бизнеса, в которых нашли себя

ливанцы, разнообразны: от торговли алмазами до строительства. Ливанские бизнесмены играют важную роль в развитии этих стран.

¹ Fyle C.M. Historical Dictionary of Sierra Leone Lanham. Maryland, 2006. P. 104.

² Gberie Lansana. War and Peace in Sierra Leone: Diamonds // Corruption and the Lebanese Connection. Ottawa, 2002. P. 12.

³ Fyle C.M. Historical Dictionary of Sierra Leone Lanham. Maryland, 2006. P. 104.

⁴ Sillah M.B. The Lebanese Immigrants in Sierra Leone: A Market Dominant-Minority and Revisiting the Constitutional Statute for Naturalization and Citizenship // American International Journal of Social Science. Vol. 5. 2016. № 4. P. 10.

⁵ Набих Берри (р. 1938) — ливанский политический деятель. С 1992 г. занимает пост спикера парламента Ливана, лидер движения Амаль.

⁶ Сиака Стивенс (1905–1988) — премьер-министр Сьерра-Леоне (1967–1971), президент страны (1971–1985).

⁷ Джозеф Момо (1937–2003) — президент Сьерра-Леоне (1985–1992).

⁸ Гражданская война в Сьерра-Леоне (1991–2002) началась 23 марта 1991 г., когда Объединенный революционный фронт (ОРФ) при поддержке специальных сил Национального патриотического фронта Либерии Чарльза Тейлора (НПФЛ) вторгся из Либерии в Сьерра-Леоне и попытался свергнуть правительство Джозефа Момо. В результате гражданская война длилась 11 лет, охватила страну, 50 000 человек стали жертвами конфликта.

⁹ Hezbollah and the West African Diamond Trade // www.meforum.org/meib/articles/0407_12.htm.

¹⁰ Hezbollah and the West African Diamond Trade // www.meforum.org/meib/articles/0407_12.htm.

¹¹ Gberie Lansana. War and Peace in Sierra Leone: Diamonds, Corruption and the Lebanese Connection. Ottawa, 2002. P. 12.

¹² About Kassim Basma // infohub.projecttopics.org/1939913-kassim-basma.

¹³ Hezbollah and the West African Diamond Trade // www.meforum.org/meib/articles/0407_12.htm.

¹⁴ Sierra Leone's Lebanese influence // edition.cnn.com/videos/business/2012/06/18/marketplace-africa-sierra-leone-lebanese.cnn.

¹⁵ Lebanese born in Sierra Leone denied birth citizenship // www.alaturka.us/lebanese-born-in-sierra-leone-denied-birth-citizenship/.

¹⁶ Leightman M. The Absence of Sectarianism in Senegal // themaydan.com/2016/10/the-absence-of-sectarianism-in-senegal/.

¹⁷ Lebanese Immigrants Boost West African Commerce // web.archive.org/web/20111224135631/www.voanews.com/english/news/a-13-2007-07-10-voa46.html.

¹⁸ Lebanese in Africa: A look at 30 family dynasties // www.theafricareport.com/53337/lebanese-in-africa-a-look-at-30-family-dynasties/.

¹⁹ Lebanese in Africa: A look at 30 family dynasties // www.theafricareport.com/53337/lebanese-in-africa-a-look-at-30-family-dynasties/.

²⁰ Luce Henry R. Faith and Development in Focus: Senegal. Berkley, 2016. P. 38.

²¹ Senegal 2019 International Religious Freedom Report // www.state.gov/wp-content/uploads/2020/05/senegal-2019-international-religious-freedom-report.pdf.

²² The Levantine Community // countrystudies.us/ivory-coast/72.htm.

²³ Феликс Уфуэ-Буаньи — первый президент Кот-д'Ивуара (1960–1993). Работал помощником врача, был лидером профсоюзов и плантатором, прежде чем был избран во французский парламент. Он занимал несколько министерских должностей во французском правительстве, прежде чем возглавить Кот-д'Ивуар после обретения независимости в 1960 г. Сыграл значительную роль в деколонизации Африки.

²⁴ The Levantine Community // countrystudies.us/ivory-coast/72.htm.

²⁵ *Daddieh C.K.* Historical Dictionary of Côte d'Ivoire (the Ivory Coast). Lanham, Maryland, 2016. P. 345.

²⁶ Les Libanais de Côte d'Ivoire tiennent 40 % de l'économie // lecommercedulevant.com/article/23229-les-libanais-de-cote-divoire-tiennent-40-de-l-economie.

²⁷ Мишель Сулейман (р. 1948) — ливанский политик. Командующий ВС Ливана (1998–2008), президент Ливана (2008–2014). Христианин-маронит. Командующий Силы с 1998 по 2008 г.

²⁸ Forum sur le business libanais en Côte d'Ivoire // www.rfi.fr/fr/afrique/20180202-forum-business-libanais-cote-ivoire-libanese-diaspora-energy.

²⁹ Lebanese in Africa: A look at 30 family dynasties // www.theafricareport.com/53337/lebanese-in-africa-a-look-at-30-family-dynasties/.

³⁰ Lebanese in Africa: A look at 30 family dynasties // www.theafricareport.com/53337/lebanese-in-africa-a-look-at-30-family-dynasties/.

³¹ Lebanese Diaspora Conference calls for Lebanese identity preservation, nationality restoration // www.nna-leb.gov.lb/en/show-news/87912/Lebanese-Diaspora-Conference-calls-for-Lebanese-identity-preservation-nationality-restoration.

³² Lebanese Diaspora Conference calls for Lebanese identity preservation, nationality restoration // www.nna-leb.gov.lb/en/show-news/87912/Lebanese-Diaspora-Conference-calls-for-Lebanese-identity-preservation-nationality-restoration.

³³ *Александров А.И.* О ливанской диаспоре. Часть. 2 // www.iimes.ru/?p=22118.

³⁴ Lebanese flee crisis at home to seek better life in Africa // www.theafricareport.com/52282/lebanon-africa-facing-crises-at-home-lebanese-flee-to-africa/.

ГЛАВА 12

Перманентный энергетический кризис в ЮАР

Длительное время развитие экономики ЮАР успешно стимулировалось дешевым, обильным и бесперебойным электроснабжением производства через единую энергосистему (с 1973 г.), управляемую государственной корпорацией ЭСКОМ.

«Устойчивый промышленный рост в 60-е и первую половину 70-х годов XX века вместе с традиционной дешевизной добычи угля для южноафриканских ТЭС стали причинами благоденствия ESCOM. Одной из особенностей энергетики ЮАР стал ее “автаркийный” характер: вплоть до начала 1970-х годов уголь добывали в основном для удовлетворения внутренних потребностей. Основные угледобывающие районы расположены на севере Оранжевой провинции, в северной части Натала (месторождения Фрейхейд и Данди) и в Трансваале (бассейны Спрингс-Хейделберх, Эрмело-Брейтен и Витбанк-Мидделбург). Бассейн Витбанк-Мидделбург особенно важен для электроэнергетики страны: он обладает большими запасами высококачественного угля, и на него вплоть до сих пор приходится около 40% всей добычи угля в стране. Еще более дешевой электроэнергией делало строительство крупных станций в непосредственной близости от мест угледобычи, так что уголь из шахт сразу поступал в бункеры ТЭС, до минимума сокращая транспортные расходы. ЮАР долгое время вообще не знала серьезных проблем с энергообеспечением и даже начала поставлять избыток энергии в соседние Мозамбик и Намибию»¹.

Развивалась не только угольная энергетика, шел бурный индустриальный подъем, кадровый голод до поры до времени утолялся притоком сотен тысяч специалистов из разоренной послевоенной Европы. Для поддержания высоких темпов экономического развития требовалась диверсификация электроснабжения, и она осуществлялась. В 1969–1979 гг. международным консорциумом

компаний во главе с южноафриканской ЭСКОМ был осуществлен крупнейший гидроэнергетический проект, сравнимый с Асуанским в Египте (мощность Асуанской ГЭС — 2100 МВт), — строительство ГЭС Кабора-Басса (Кахора-Басса) на реке Замбези в Мозамбике. Вода, идущая через плотину, питает гидроэлектростанцию с установленной мощностью 2075 МВт, большая часть электроэнергии с которой подается в соседнюю Южно-Африканскую Республику по высоковольтной линии электропередач (1420 км по пересеченной местности — отдельное достижение), обеспечивая при этом до 90% электроснабжения Мозамбика². После перебоев, вызванных терактами в ходе гражданской войны в Мозамбике в 1981–1992 гг., электроснабжение экономик ЮАР и Мозамбика через ГЭС Кабора-Басса возобновилось. В 1979–1984 гг. построена первая на африканском континенте АЭС в Коберге мощностью в 1800 МВт (строительство вели французские компании «Фраматом» и «Альстом» при участии порядка 100 южноафриканских субподрядчиков)³. АЭС подверглась нападению боевиков Африканского национального конгресса (АНК) в 1982-м, устроенные революционерами взрывы прикрепленных к реакторам магнитных мин едва не привели к африканскому Чернобылю и задержали ввод станции на полтора года. Что касается ядерной энергетики, то кроме создания АЭС в ЮАР успешно осуществлялась разработка технологий обогащения урана. Необходимость обогащать уран до 45% для того, чтобы производить топливные элементы для реактора, обусловила строительство специализированного завода. В начале 1970-х гг. в Валинбаде, в 35 км от Претории, необходимые мощности были созданы. Y-Plant (завод «Y») и стал пилотной установкой по обогащению урана. На этом заводе южноафриканские ученые и инженеры разработали и применили уникальный метод аэродинамического разделения изотопов урана. Достижения ядерной науки в мирной области все больше способствовали росту аппетитов в военной для защиты «осажденной крепости апартеида». Начался период усиления международных санкций и совершенствования методов их преодоления: импортозамещения, тайных операций, кражи технологических, в т.ч. ядерных, секретов, контрабанды запрещенных материалов, подкупа

зарубежных чиновников и специалистов и т.п. Готовились и осуществлялись производством ядерных взрывных устройств и подготовка ядерных испытаний. Уже в 1974 году премьер-министр ЮАР Форстер распорядился о засекречивании всех ядерных работ, проводившихся впредь под прикрытием различных «мирных» программ вроде строительства урановых рудников. «Немирный атом» успешно развивали до конца 1980-х, произведя шесть бомб, демонтированных в 1991 г. накануне демонтажа всей системы апартеида. Технология обогащения урана была впоследствии утрачена (вместе с ракетостроением, авиастроением, судостроением и многим другим), осталось лишь производство радиоактивных изотопов для медицины и пищевой промышленности.

Расово-дискриминационные законы апартеида постепенно становились тормозом для дальнейшего развития южноафриканской энергетики (нехватка квалифицированных кадров, низкий уровень электроснабжения африканского населения), и уже с 1990 г. руководство ЭСКОМ стало проводить политику массовой электрификации африканских тауншипов: «электричество для всех».

В 1990-е вместе с апартеидом ЮАР покинул и примерно миллион носителей человеческого капитала (эмигрировало свыше миллиона белых из пяти), которым не нашлось полноценной замены.

В постапартеидную четверть века (после 1994 г.) среднегодовой прирост ВВП ЮАР был примерно на уровне 3%, причем в последнем десятилетии в условиях нарастающей управленческой деградации и коррупционного «захвата государства» (“State capture”) он упал до уровня статистической погрешности — чуть более 1% годовых, и те за счет финансов и услуг при практически полном ступоре реальной экономики из-за сбоя ее энергетической составляющей (все постапартеидные планы развития страны предусматривали среднегодовой прирост ВВП в 6–7% , но ни один из них не был даже близок к исполнению). И все же в середине «тучных нулевых» сырьевой бум на мировых рынках позволил ЮАР на несколько лет поднять темпы прироста ВВП до 4–5% годовых, чего уже оказалось достаточно, чтобы обрушить энергосистему страны. Когда в 2008 году грянул мировой экономический, а главное, внутренний энергетический кризис в ЮАР (с декабря 2007-го),

вскрылось то, о чем долго и тщетно предупреждали специалисты: после ликвидации режима апартеида новая власть «забыла» о необходимости строительства новых электростанций — избыточных мощностей, введенных в 1980-е годы, хватило, как и прогнозировали эксперты, до 2007 г.

К зиме 2007/2008 года мощности электроэнергетики ЮАР составляли около 40 ГВт — столько же, сколько и в 1994 году. В начале 2008 года, когда экономический рост впервые и всего единоразово достиг плановых показателей, по всей стране начались серьезные отключения электричества и энергоемкие отрасли производства просто встали. Реагируя на кризис руководство страны разработало грандиозные планы будущих прорывов. В последующие полтора десятилетия планировалось увеличить мощности энергосистемы страны на 56%. Реальный результат к настоящему времени — практически нулевой: новые мощности частично ввели, но остановили из-за поломок, ветшающие объекты вывели из эксплуатации и списали, от развития ядерной энергетики (согласно планам, не менее четверти энергомощностей к 2025 г.) вообще отказались⁴. Было проведено несколько попыток приватизации единой энергосистемы страны путем ее расчленения, как сказали бы в России методом Чубайса, к счастью для ЮАР, неудачных. Но и развитие единой энергосистемы не удалось, прежде всего из-за человеческого фактора: кадровая чехарда, спешка, непрофессионализм, безудержное воровство.

Ключом к намеченному расширению энергосистемы ЮАР стали два мегапроекта: мощные угольные электростанции — флагманы, Медупи и Кусиле. По начальным оценкам, эти станции должны были стоить в общей сложности R163,2 млрд рандов и добавить в систему 9600 мегаватт (МВт) мощностей. К настоящему времени стоимость строительства этих двух флагманов взлетела до ошеломляющих R451 млрд, введены пока две первых очереди мощностью 4000 КВт, функционирование которых «обременено» постоянными перебоями и остановками. Проведенная в 2018 г. экспертиза выявила на обеих перманентно строящихся станциях бесчисленные проектные, технические и эксплуатационные нарушения⁵. Во время пиковых отключений декабря 2019 г. энергосистема потеряла

14000 МВт из-за неожиданных сбоев и поломок. При вероятной стоимости достройки этих двух электростанций в 36 млрд рандов, специальное расследование показало, что при их строительстве было уже украдено 139 млрд рандов (около миллиарда долларов), что стало одной из причин десятков поломок, остановок и сбоев, а также бесконечного затягивания строительства, которое, с учетом установки необходимых очистных конструкций (для ограничения вредных выхлопов), вероятно, затянется до 2030 г., если вообще когда-либо завершится⁶. Другие источники называют еще более высокие потери от коррупции — 179 млрд рандов (примерно полтора миллиарда долларов) только за последние десять лет в результате проведения фиктивных тендеров⁷.

Попутно отметим, что, хотя новые мощности строят с 2008 г. вот уже почти полтора десятилетия и даже начали вводить первые очереди двух крупных ТЭС, Медупи и Кусиле, энергетический кризис и всерные отключения в 2019–2020 гг. возобновились с удвоенной силой, даже несмотря на «полный штиль» в экономике. Охваченную «управленческим хаосом» и разграбленную коррупционерами государственную электроэнергетическую корпорацию ЭСКОМ теперь снова хотят разделить на несколько частей, но «методы Чубайса», как показал опыт нашей страны, едва ли помогут повысить качество и эффективность энергоснабжения.

Проекты создания Медупи и Кусиле, с намеченным завершением работ и вводом в строй к середине 2010-х гг. предполагали строительство двух электростанций мощностью 4 800 МВт каждой, угольных, прямых, сухого охлаждения. Объект Медупи находится недалеко от электростанции корпорации ЭСКОМ Matimba в провинции Лимпопо. Участок Кусиле находится недалеко от существующей электростанции Кендал в районе Нкангала провинции Мпумаланга. Как уже отмечалось, их полноценный ввод в эксплуатацию не осуществлен до сих пор, а кризис лишь набирает обороты. Ряд технических неисправностей, выявленных ЭСКОМ на Медупи и Кусиле, привел к серьезному снижению производительности на электростанциях. Установки генерации, переданные для коммерческого обслуживания, не могли работать с полной нагрузкой и сталкивались с частыми поломками и незапланиро-

ванными перебоями. Стало ясно, что еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем угольные электростанции Медупи и Кусиле смогут полноценно работать. Становится очевидным, что их плановая производительность, скорее всего, никогда не будет достигнута. Переход кризиса в катастрофу начался, когда в сеть стали пофазно вводить эти две новые станции — Медупи с 2015 года, а Кусиле с 2017-го. Они оказались построены так безобразно, что только в 2019 финансовом году на них было около 80 внеплановых отключений. Корпорация ЭСКОМ фактически обанкротилась и полностью перешла на господдержку, накопив к началу 2019 \$30 млрд долгов — половина этой суммы висит на госбюджете и составляет 15% от всего долга страны⁸. Весной 2019 года отключения начали длиться по 6 часов в сутки, а во время очередного кризиса в декабре достигли 9 часов. Завершающим «аккордом» стала остановка энергоблока АЭС (5% энергопотребления страны). Отключения прекратились только в марте 2020 г. в связи с карантинном и снизившейся из-за этого нагрузкой. Но в июле, после снятия части ограничений, кризис возобновился, и конца ему не видно.

Экономическая стагнация, перманентный энергетический кризис, безудержная коррупция и управленческая дисфункция нового «политического класса», как и другие проблемы развития страны, упираются в трудности общего, системного характера, с которыми столкнулись многие африканские страны после деколонизации и которые подчас оцениваются аналитиками достаточно жестко и неполиткорректно, но доля правды здесь есть.

«Народ и любая общность — это как отдельный человек, который за время своей жизни проходит через несколько стадий развития: ребенок, подросток, зрелый человек, старик. Европейская цивилизация пережила общинно-родовой строй, феодализм и лишь после долгих пертурбаций пришла к современному постиндустриальному обществу. У африканцев же ничего подобного не было. Из родоплеменного строя многие из них сразу перенеслись в индустриальное общество, которое принесли с собой колонизаторы.

Однако нельзя из ребенка сразу превратиться во взрослого зрелого мужчину. Африканцы проскочили мимо промежуточных этапов развития. Поэтому, когда “белые” ушли, большинство афри-

канских стран быстро скатились обратно к родоплеменным отношениям. Типичный пример — ЮАР, где власть всецело отдали “угнетенным” туземцам. Власть быстро поделили между собой представители кланов и племен. В итоге одна из самых развитых стран Африки стремительно деградирует»⁹.

Проводимая в ЮАР с начала нулевых политика ВЕЕ или ВВЕЕ (Broad-based Black Economic Empowerment — усиление или широкомасштабное усиление экономической власти черных), сводящаяся к расовому фаворитизму в пользу ранее угнетенных и «позитивной дискриминации», все более очевидно тормозила и тормозит развитие страны в целом, а применительно к энергетике в частности.

Что касается black empowerment, то еще в 2001 году компания перешла на систему, так сказать, воук-закупок. Контракты можно было сначала заключать с поставщиками — черными женщинами, потом — с малыми черными поставщиками, потом с крупными черными поставщиками, потом с black empowering поставщиками, и только когда все расово верные варианты исчерпаны, допускалось обращаться к иным производителям... В итоге уголь на электростанции стал поступать нерегулярно, а то, что все-таки доезжало, оказывалось слишком некачественным или мелким (а мелкий уголь, в отличие от крупного, приходится сушить после дождя). Износ оборудования из-за камней в угле + недостаточные запасы + сезон дождей = получили то, что получили. Электростанции начали выходить из строя, а те, которые работали, выдавали слишком малые объемы электричества¹⁰.

Таких примеров можно приводить множество, и неизменный результат политики «черного эмпауэрмента» — плачевное состояние экономики страны. Согласно опросам менеджмента предприятий, включая те, которые получают преимущества и льготы от «позитивной дискриминации», реализация этого курса в подавляющем большинстве случаев привела к снижению производительности труда, качества товаров и услуг, инновационности экономики, даже занятости черного населения в связи с кумулятивным эффектом эмиграции после 1994 г. примерно 1,3 млн квалифицированных, в основном белых, работников (потеря каждого такого работника «уносит» десяток рабочих мест)¹¹.

Самое печальное здесь то, что едва ли найдется в обозримом будущем политическая сила в ЮАР, которая сможет пойти наперекор этой губительной для страны политике расового фаворитизма (льстящего самолюбию черного избирателя), а провальная деколонизация может со временем спровоцировать некую реколонизацию, например китайскую. КНР уже сегодня — главный внешнеэкономический партнер ЮАР, питающий свою промышленность южноафриканскими минерально-сырьевыми ресурсами. Можно предположить, что на определенном этапе китайские партнеры просто не станут терпеть дальнейшего упадка южноафриканской инфраструктуры и возьмут ее под свой контроль для обеспечения бесперебойных поставок сырья на свой и мировой рынок. Это не беспочвенные фантазии: с финансовой составляющей экономики это уже происходит. При том, что реальный сектор экономики ЮАР стагнирует, финансовый высокоразвит и продолжает развиваться — ЮАР является своего рода финансовым хабом континента, воротами в Африку. Несколько лет назад китайские партнеры (Народный банк КНР) выкупили блокирующий пакет акций ведущего банка ЮАР, Стандарт банка, имеющего отделения в десятках стран субсахарской Африки и ставшего теперь инструментом китайской экономической экспансии на континенте. На очереди другие системы жизнеобеспечения, прежде всего энергетика. Партнеры инвестируют необходимые финансовые средства, привлекают технологии и нужное количество дисциплинированных китайских рабочих (в Китае избыток рабочих рук), которые наладят работу энергосистемы страны. Можно не сомневаться, что китайский порядок будет эффективнее южноафриканского, но только напоминающий электронный концлагерь мониторинг и «социальный рейтинг», наподобие уже внедренного в Синьцзян-Уйгурской автономии КНР, едва ли кого-нибудь порадует в стране, победившей апартеид.

¹ polpred.com/?ns=1&ns_id=402475.

² deru.qaz.wiki/wiki/Cahora-Bassa-Talsperre.

³ world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/south-africa.aspx.

⁴ en.wikipedia.org/wiki/South_African_energy_crisis.

⁵ www.engineeringnews.co.za/article/technical-defects-at-medupi-and-kusile-resulting-

serious-underperformance-2019-02-01-1/rep_id:4136.

⁶ mg.co.za/article/2019-04-04-eskoms-medupi-and-kusile-to-cost-r36bn-to-complete-will-not-be-halted-mabuza/.

⁷ www.capetalk.co.za/articles/415355/eskom-corruption-tenders-worth-r178-billion-red-flagged-in-a-decade-siu.

⁸ www.news24.com/fin24/Budget/how-medupi-and-kusile-are-sinking-south-africa-20191009.

⁹ pikabu.ru/story/pochemu_afrikantsyi_ne_sozdali_razvitoy_tsivilizatsii_neuzheli_vo_vsyom_vinovat_tsvet_kozhi_7595304.

¹⁰ pikabu.ru/story/kak_yuzhnaya_afrika_s_yelektrichestvom_borolas_7624753.

¹¹ russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/positive-discrimination-in-the-south-african-economy/.

ГЛАВА 13

Региональные и внерегиональные направления энергетического сотрудничества стран — членов ШОС в XXI веке*

1. Энергетическая политика Индии в рамках ШОС в XXI веке (Л.А. Печищева)

Шанхайская организация сотрудничества, созданная в 2001 г., представляет собой новую модель безопасности, межгосударственного и межрегионального взаимодействия.

Долгое время находившаяся в статусе страны — наблюдателя ШОС, Индия стала играть заметную роль в Организации, став полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на саммите в Астане 8–9 июня 2017 г. Декларация Китая и России от 31 мая 2017 г. стала последней вехой в стремлении Индии покинуть ряды стран — наблюдателей Организации¹. В качестве полноправного члена ШОС индийская делегация во главе с индийским министром иностранных дел *Сушма Сварадж (Sushma Swaraj)* приняла участие в XVI заседании Совета глав правительств ШОС в Сочи 30 ноября и 1 декабря 2017 г. В своем выступлении госпожа Сушма Сварадж сделала акцент на консолидированной работе по борьбе с международным терроризмом, развитию многостороннего сотрудничества и продвижению проектов в области энергетики в рамках ШОС.

Индия и страны — члены ШОС разделяют схожие идеи по развитию интермодальных транспортных и транзитных маршрутов,

* Работа осуществляется в рамках гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2021 г. (шифр гранта 2021–1-2). Название проекта: «Трансформация энергетических рынков стран — членов ШОС на современном этапе: возможности для России».

эффективно связывающих рынки Центральной Азии с Южной Азией, Юго-Восточной Азией и Европой, для стимулирования внутри- и межрегиональной торговли и инвестиций. Так, сотрудничество между странами Южной Азии и ШОС по укреплению связей и строительству энергетических трубопроводов будет иметь большое значение в преодолении расстояний и снижении логистических затрат. На первой встрече глав железных дорог государств — членов ШОС, состоявшейся в сентябре 2018 г., подчеркивалась особая важность создания инфраструктуры и всех необходимых условий для решения логистических проблем в регионе².

Индии достаточно сложно конкурировать с Китаем в реализации не только большинства экономических и энергетических проектов в рамках ШОС, но и китайской инициативы «Новый Шелковый путь». Поэтому индийское правительство заинтересовано в развитии сотрудничества со странами ЦАР, а также странами — наблюдателями ШОС, такими как Иран или Афганистан. Так, в 2016 г. было подписано соглашение между Индией, Ираном и Афганистаном о транзите товаров через иранский юго-восточный порт Чабахар³, что способствовало возрождению политики Индии в Центральной Азии как продолжению индийской политики «Взгляд на Восток», открыв новые торговые пути стране в обход Пакистана. К тому же из-за крупномасштабных проектов в рамках китайской инициативы «Новый Шелковый путь» Индия благодаря этому соглашению стремится уменьшить гегемонию Китая в Центральной Азии, особенно касательно успехов КНР в энергетической дипломатии. Крупнейшим из таких энергетических проектов является строительство газопровода протяженностью 1800 км, соединяющего Туркменистан и Китай через все страны Центральной Азии⁴. Введенный в эксплуатацию в декабре 2009 г., этот трубопровод, как и трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан, также нарушил монополию России в области энергетики в регионе.

Интересно, что проводимая сегодня индийским правительством Н. Модии экономическая дипломатия в рамках ШОС сосредоточена не столько на России, Китае и Пакистане, сколько на странах Центральной Азии. Так, товарооборот Индии с центральноазиатскими государствами в рамках ШОС вырос с 1,4 млрд долл. США в 2017–

2018 гг. до 2,7 млрд долл. США в 2019–2020 гг.⁵, даже несмотря на разразившуюся и внесшую свои коррективы пандемию COVID-19.

Обсуждение в ШОС вопроса сотрудничества в рамках «Энергетического клуба» с целью объединения региональных производителей и потребителей имеет стратегическое значение для Индии, испытывающей дефицит энергии. Индия, как и Китай, испытывает острый дефицит в энергоресурсах. Членство Индии в ШОС может оказать влияние на расширение энергетического сотрудничества между производителями и потребителями энергии, связав Центральную Азию и Южную Азию. В рамках ШОС созданный в 2013 г. «Энергетический клуб ШОС» нацелен на углубление энергетического сотрудничества между государствами — членами Организации. Однако работа стран — членов ШОС в этом клубе не всегда представляется эффективной, поскольку у стран — членов Организации нет единой линии сотрудничества по ряду энергетических проектов, а Китай не столь заинтересован в создании и развитии регионального энергетического центра. Так, основное внимание правительства КНР было сосредоточено на добыче энергетических ресурсов для удовлетворения собственного спроса на энергию за счет приобретения нефтегазовых активов, а также углубления двустороннего энергетического сотрудничества с центральноазиатскими странами в рамках ШОС. Государства Центральной Азии, а именно Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан, богаты энергетическими ресурсами. Согласно статистическому обзору *BP World Energy* от 2016 г., Туркменистан, лидирующий в ЦАР с самыми высокими запасами газа, занимает четвертое место в мире. Узбекистан и Казахстан имеют вторые и третьи по величине запасы газа в этом регионе. На долю Казахстана приходится двенадцатое по величине в мире месторождение нефти. Таджикистан и Кыргызстан обладают богатым гидроэнергетическим потенциалом, из которого используется менее 10%⁶. Следовательно, членство Индии в ШОС теперь может сыграть большую роль в обеспечении более широкого энергетического сотрудничества между производителями и потребителями энергии, связав Центральную Азию и Южную Азию, в то время как Иран может сыграть важную роль в содействии «Энергетическому клубу ШОС», став крупным центром

торговли энергоресурсами через открытие порта Чабатар. Кроме того, «Энергетический клуб ШОС» позволит быстро реализовать ряд ключевых энергетических и инфраструктурных проектов в Центральной Азии и Иране, включая газопровод ТАПИ и Международный транспортный коридор Север-Юг.

Необходимо отметить и другое направление действий Индии в области энергетики. Это продвижение индийским правительством зеленых технологий по реализации проектов устойчивого развития в рамках ШОС. Экологические проблемы представляют крайне серьезную проблему и вызывают беспокойство не только Индии, но и большинства стран Южной Азии. Индия, являясь одним из основателей Международного солнечного альянса (the International Solar Alliance), инвестирует значительные средства в зеленые технологии, особенно в солнечную, био- и ветроэнергетику⁷. Индия стремится внести значительный вклад в развитие ВИЭ, а также делиться своим опытом со странами южноазиатского региона в области внедрения зеленых технологий.

Таким образом, реализация энергетических проектов Индии в кооперации с ее основными партнерами в рамках ШОС будет способствовать не только улучшению социально-экономических показателей развития страны, но и укреплению международных отношений на пространстве Евразии, что важно для Индии как потенциально одной из крупнейших мировых экономик будущего. К тому же активизация стратегических и экономических связей со странами Центральной Азии, расширение двусторонних отношений с Ираном и членство в ШОС повысят энергетическую безопасность Индии за счет диверсификации поставок энергоресурсов из-за рубежа. В этой связи активное участие Индии в «Энергетическом клубе ШОС», Евразийском экономическом союзе и предложенной Казахстаном «Азиатской энергетической стратегии» может изменить правила игры среди ключевых акторов региона.

2. Российско-китайское энергетическое сотрудничество в XXI веке (С.И. Мехтиева)

Российско-китайское сотрудничество в энергетической сфере — важная составляющая всеобъемлющего стратегического партнерства РФ и КНР. Двусторонние энергетические отношения вызывают большой интерес и являются одним из главных и перспективных направлений. Опыт двух стран позволяет выстраивать взаимовыгодные отношения, что, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию сотрудничества в этом направлении.

Сотрудничество России и Китая основывается на обоюдном уважении и доверии, однако это не мешает странам придерживаться своих национальных интересов в вопросах энергетики.

Достижение энергетической безопасности является стратегической целью многих стран, и эта же цель прослеживается во взаимодействии РФ и КНР на современном этапе⁸. Китай, как крупнейший потребитель энергии, хочет обеспечить себя необходимым количеством ресурсов. Также для Китая немаловажным фактором сотрудничества является то, что страна продолжает испытывать серьезные трудности в экологической сфере. На протяжении десятилетий угольные, кустарные производства отравляли воздух, воду и землю в угоду экономическому развитию. Несмотря на попытки взять ситуацию под контроль, неблагоприятная экологическая обстановка является серьезной проблемой современного Китая. В целях сокращения угольного производства власти КНР заинтересованы в большем развитии энергетической сферы. В связи с этим Россия привлекает Китай как страна с крупнейшими запасами энергетических ресурсов. Для России энергетическое сотрудничество несет не только возможность диверсификации энергетического экспорта, столь важного для ее экономики, но и серьезный инфраструктурный шанс⁹. Россия может глобально развивать восточную часть страны. Благодаря энергетической политике достигается задача поднятия экономики Востока, строительства новой инфраструктуры, создания рабочих мест. Еще одним важным моментом является фактор расширения стран — импортеров российских

энергоресурсов, что в свою очередь позволит России в дальнейшем укреплять свой статус в АТР.

Самым перспективным направлением в энергетическом сотрудничестве считается нефтегазовая отрасль. На протяжении многих лет Китай и РФ реализуют совместные энергетические проекты. В 2007 г. приказом Министерства промышленности и энергетики РФ была утверждена Государственная «Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР»¹⁰. Реализация программы была возложена на ПАО «Газпром». 21 мая 2014 года «Газпром» и Китайская Национальная Нефтегазовая Корпорация (CNPC) подписали контракт о 30-летних поставках 38 млрд кубометров газа в год. Контракт подразумевает транспортировку газа через транснациональный магистральный газопровод «Сила Сибири», общая сумма контракта составила рекордные 400 млрд долл. США¹¹. Согласно документу, Россия транспортирует газ с Чаяндинского месторождения — базового для Якутского центра газодобычи — российским потребителям на Дальнем Востоке и в Китай. Газ с месторождений добывается, переправляется на Амурский газоперерабатывающий завод, а оттуда уже экспортируется дальше в КНР. В 2022 г. планируется ввод в эксплуатацию Ковыктинского месторождения. В перспективе есть намерение продолжить строительство газопровода от Благовещенска через Биробиджан до Хабаровска.

С точки зрения России данный проект благоприятен для развития экономики региона. Поставки газа в Китай — это крупнейший инвестиционный проект мирового масштаба. Объем инвестиций в создание объектов добычи и транспортировки газа составит 55 млрд долл. США¹². Кроме того, проект способствует развитию не только газовой инфраструктуры, но и других отраслей экономики России — машиностроения, строительства, металлургии, трубной промышленности и т.д.

В рамках нефтегазового сотрудничества отдельно необходимо отметить взаимодействие России и Китая в Арктике и Проект «Ямал СПГ». Это совместный проект России и Китая, направлен-

ный на интеграцию стран для поиска, добычи, сжижения и транспортировки природного газа. В ходе визита В.В. Путина в мае 2014 г. в Шанхай был подписан большой пакет документов и соглашений между Китаем и Россией на ближайшие десятилетия. Китайская государственная нефтяная компания (CNPC) взяла на себя ключевую роль в реализации арктического газового проекта, обязуясь покупать ежегодно 3 млн тонн ямальского сжиженного природного газа (СПГ)¹³. Более этому был открыт новый судоходный путь по северо-восточной части Арктики. Благодаря чему, с 2015 г. более 60% модулей проекта «Ямал СПГ» перевозились по морскому пути в северо-восточной Арктике через Берингов пролив, сократив 1/3 пути по сравнению с традиционным маршрутом через Суэцкий канал, значительно снизив логистические затраты¹⁴.

Однако наиболее динамичная сфера энергетического диалога РФ и КНР —нефтяная. В связи с быстрым экономическим развитием Китая требуется больше ресурсов. Однако в течение нескольких лет прослеживается тенденция к снижению темпов добычи нефти, а потребление набирает обороты. Если рассматривать 2020 г., то добыча нефти в Китае выросла до 195 млн т, что на 1,6% больше, чем годом ранее¹⁵. Однако несмотря на рост добычи нефти, зависимость от импорта все равно увеличилась. В период пандемии импорт нефти сократился на небольшой промежуток времени, а когда последовал обвал цен на энергоносители, то китайские компании закупили сырье в количестве, превышающем потребности страны.

Среди классических, традиционных факторов взаимодействия двух стран в нефтяной отрасли можно выделить географическую близость, исторические факторы. Современные факторы определяются такими моментами, как возрастание роли Китая в Азии, запреты и наложение санкций со стороны западного общества в отношении и России, и Китая. Также стоит отметить стремительное ухудшение отношений Китая и США, развязанную торговую войну и последовавший за этим рост пошлин. Вместе с этим Россия и Китай неоднократно заявляли, что имеют общее видение развития двусторонних отношений и в целом общий взгляд на современную мировую обстановку.

В нефтяной сфере сотрудничество России и Китая носит долгосрочный характер. Доказательством служат объемы российского нефтяного экспорта, а также то, что РФ неуклонно занимает первые места среди всех экспортеров нефти в Китай по объемам. В начале 2017 г. Россия впервые обрела статус крупнейшего поставщика нефти в Китай, опередив Саудовскую Аравию¹⁶. Показателем этого является начало использования нефтепровода «Сковородино — Мохэ — Дацин», который является отдельной веткой нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий Океан». По соглашению между странами Китай предоставляет России кредит в размере 25 млрд долл. США, а Россия должна ежегодно осуществлять поставки нефти в Китай в размере 15 млн тонн в период с 2011 г. по 2030 г.¹⁷

Электроэнергетическое сотрудничество также относится к важной сфере в диалоге двух стран. Потребность в электричестве для дальнейшего индустриального развития Китая будет становиться только острее, поэтому взаимодействие в поставках электричества остается перспективным направлением¹⁸.

Ядерная энергетика также представляет большой интерес для китайской стороны. Российские специалисты участвовали в строительстве Тяньваньской АЭС, которая, по свидетельству специалистов, является одной из наиболее безопасных в мире благодаря использованию отечественной технологии «ловушки» расплава, которая существенно снижает риск радиоэкологических последствий тяжелой аварии за счет снижения содержания оксида железа в расплаве активной зоны¹⁹. Тяньваньская АЭС, расположенная в Китае, интересна тем, что строительство реализуется с помощью российских компаний вместе с Китайской национальной ядерной корпорацией (CNNC).

Первые два блока были запущены в 2007 г. В июне 2018 г. в Пекине обе стороны подписали стратегический пакет документов, который определял развитие ядерного сотрудничества России и Китая. «Росатом» и CNNC подписали 7 марта 2019 г. 2 контракта: на строительство энергоблоков 7 и 8 на Тяньване и на строительство двух энергоблоков на Сюйдабао²⁰. Ввод в эксплуатацию 7 и 8 энергоблоков на Тяньване запланирован на 2026 и 2027 гг. А запуск двух энергоблоков на Сюйдабао запланирован на 2028 г.

Таким образом, за последние десятилетия Россия и Китай активно развивали сотрудничество в энергетической сфере. Большое количество контрактов было заключено после 2014 г., когда Россия оказалась под давлением западных санкций. А Китай с каждым годом все больше стал подвергаться обвинениям со стороны США в гегемонии и распространении своей идеологии. В результате произошло сближение России и Китая. На сегодняшний день взаимоотношения между странами, по словам министра иностранных дел России С.В. Лаврова, находятся на самом высоком уровне. И энергетические контракты только сильнее укрепляют это двустороннее сотрудничество, о чем свидетельствуют и долгосрочные соглашения в энергетике. Даже несмотря на пандемию COVID-19, Россия и Китай не утратили взаимного доверия и продолжают развивать двусторонне сотрудничество. Однако оба государства имеют и проблемные точки. Так, неразвитость дорожной инфраструктуры негативно влияет на увеличение издержек при осуществлении поставок. Кроме того, существуют ценовые разногласия. Россия ориентируется на мировые цены, а Китай — на цены внутреннего рынка. И в связи с тем, что разница между ними довольно велика, китайским компаниям сложнее соглашаться на российские условия. В связи с этим России и Китаю предстоит дальнейшая работа по достижению полного взаимовыгодного партнерства, особенно в энергетике.

3. Энергетическая политика Японии в отношении стран — членов ШОС в XXI веке (Корнеев К.А.)

Япония не проводит последовательную политику в отношении ШОС как монолитной структуры, но отдельные государства-члены ШОС представляют для нее значительный интерес. Прежде всего, это Россия и Китай, причем Россия рассматривается как один из главных поставщиков энергоресурсов, Китай же представляет собой крупнейшего покупателя японской промышленной продукции, материалов и оборудования. Страны центральноазиат-

ского региона, обладающие богатыми энергоресурсами, но не имеющие достаточных финансовых и технологических возможностей для их освоения, также привлекают все большее внимание правительства Японии. Индия и Пакистан, в 2017 г. присоединившиеся к ШОС, во-первых, рассматриваются Японией как противовес китайской экспансии в Южной Азии, а во-вторых, как перспективные рынки сбыта японских энергетических технологий.

Япония и Китай

Китай, как и Япония, относится к числу стран с дефицитом собственных первичных энергоресурсов, необходимых для обеспечения растущих потребностей экономики и энергетики. Поэтому основные векторы энергетического сотрудничества между странами направлены на поставки оборудования и материалов (например, генераторов для электростанций на основе ВИЭ) и обмен технологиями в различных энергетических отраслях, в число которых входит добыча полезных ископаемых, электроэнергетика, машиностроение и т.д. Китай занимает 6 место в списке поставщиков угля в Японию, всего в 2019 г. у КНР было закуплено порядка 10 млн тонн на сумму 306 млн долл. США, что очень скромно по отношению к базовой потребности Японии²¹.

С начала 2000-х гг. Китай активно импортировал технологии для развития возобновляемой энергетики и Япония последовательно участвовала в этом процессе. Речь идет о продаже патентов на производство отдельных узлов и агрегатов для ВЭС (ветроэнергетические станции) и СЭС (солнечные энергетические станции), технологических образцов для строительства атомных станций малой мощности и производства электроэнергии на основе биотоплива, эксплуатации транспорта на основе водородных топливных элементов.

Всего до 2018 г. Япония инвестировала в развитие китайской возобновляемой энергетики более 200 млн долл., причем большую часть этой суммы составили кредиты на закупки соответствующих материалов у японских компаний. Также среди крупных инвесторов оказались Германия, Дания, США, Канада. По оценкам ряда китайских центров, занимающихся проблемами возобновля-

емой энергетики, именно благодаря приобретенным технологиям Китай смог на 30% увеличить рост ввода мощностей в 2007–2016 гг. и выйти на первое место в мире как по их количеству, так и по выработке электроэнергии на основе возобновляемых источников²².

Энергетическая политика Японии в отношении Китая находится в фарватере общей экономической и геостратегической системы отношений между двумя государствами. Китай активно продвигает инициативу «Один пояс — один путь», которая включает в себя широкий спектр предложений в области развития экономики и энергетики для стран Центральной, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии. Япония, с другой стороны, делает акцент на развитии проекта Транстихоокеанского партнерства даже без участия США²³.

Конечно, на уровне риторики стороны предлагают друг другу участвовать в своих масштабных инициативах, но фактически разногласия между ними только увеличиваются, в основе чего лежат не столько экономические, сколько мировоззренческие факторы. За период 2013–2018 гг. инвестиции японских компаний в экономику Китая упали на 60% по сравнению с предшествующей пятилеткой. Неудивительно, что и в вопросах энергетического сотрудничества наблюдается снижение взаимного интереса.

Япония и страны Центральной Азии

После распада СССР, в 1990-е гг., Япония стала выстраивать новую линию поведения в отношении Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана (первые четыре страны сейчас являются членами ШОС). Ключевой темой для Японии была, конечно же, энергетика, а именно — участие в разработке новых нефтяных и газовых месторождений. Однако, несмотря на усилия чиновников, японский бизнес сдержанно отнесся к инвестициям в добывающие сектора перечисленных стран; более того, чрезмерная активность могла в этом регионе вызвать неодобрение со стороны Китая, с которым на тот момент Японию связывали тесные экономические отношения.

В 2010-е гг. Япония вновь повернулась к центрально-азиатским республикам, причиной чему стала растущая конкуренция между

японскими, китайскими и корейскими компаниями за доступ к месторождениям полезных ископаемых. Обсуждались планы по инвестированию 8 млрд долл. в течение нескольких лет в модернизацию экономики Узбекистана в таких сферах, как геологоразведка и добыча полезных ископаемых (в основном природного газа), химическая и автомобильная промышленность, а в Казахстане анонсировалось строительство АЭС по японским технологиям²⁴.

В определенной степени Япония пыталась предложить альтернативу китайской инициативе «Один пояс — один путь», однако масштаб и характер японской политики в Центральной Азии не позволяли избавиться от восприятия данного направления внешней политики как второстепенного. Во многом это обуславливается бедностью центральноазиатских государств, малой емкостью их внутренних рынков для японской промышленной и цифровой продукции, а также исторически сложившимися сильными хозяйственными связями с Россией и Китаем.

Тем не менее Япония по-прежнему придерживается курса на усиление контактов с крупнейшими экономиками Центральной Азии — Казахстаном и Узбекистаном. Особенно это касается Казахстана, взаимный торговый оборот с которым в 2019 г. достиг отметки в 1,5 млрд долл. Определяющей частью японской политики в отношении стран Центральной Азии является так называемая «ресурсная дипломатия» — или структура торговли, когда Япония продает продукцию с высокой добавленной стоимостью (предположим, автомобили), а покупает у страны первичные энергоресурсы, руды черных, цветных и редкоземельных металлов, иное минеральное сырье²⁵.

Говоря о российско-китайском доминировании в Центральной Азии, все же не стоит сбрасывать со счетов национальные интересы Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Участие этих стран в проектах под эгидой Шанхайской организации сотрудничества не станет препятствием для японских компаний в будущем, если появятся перспективы взаимовыгодного сотрудничества и заработают соответствующие институциональные механизмы. С большой долей вероятности, Япония продолжит политику укрепления своего присутствия в этом регионе.

Индийско-японское сотрудничество в энергетике, будучи отражением общего состояния двусторонних отношений, до середины 2000-х гг. носило формальный и декларативный характер, оставаясь уделом меморандумов о намерениях и рамочных соглашений. Однако в 2010-е гг. Индия вышла в число стран-лидеров по темпам экономического роста, который не опускался ниже 5% в год. К 2030 г. Индия, скорее всего, станет третьей экономикой мира и обгонит Китай по показателям ежегодного прироста ВВП, благодаря чему будет создано более 100 млн рабочих мест²⁶.

Учитывая изменившуюся ситуацию, японские компании стали развивать свое присутствие в Индии. В настоящий момент они являются крупными инвесторами и проектировщиками промышленного коридора Дели — Мумбаи, цель которого — комплексное развитие транспортного сообщения, промышленных и сельскохозяйственных кластеров, строительство жилья и различных объектов сферы услуг. Общая стоимость проекта составляет порядка 100 млрд долл., и около 26 млрд. долл. приходится на японские инвестиции. Создано уже более полутора тысяч совместных индийско-японских предприятий. В рамках того же коридора Дели — Мумбаи предполагается строительство электростанций и электросетевой инфраструктуры, причем вероятен акцент на возобновляемую энергетику, поскольку Индия также является ресурснодефицитной страной и вынуждена импортировать первичные энергоресурсы²⁷.

В 2016 г. стороны заключили «Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования мирной ядерной энергии», на основе которого планируется привлечение японских технологий в области мирного атома для строительства АЭС на территории Индии. Интерес Токио к этим потенциальным проектам настолько высок, что Индия стала первой страной из списка тех, что не подписали Договор о нераспространении ядерного оружия (но фактически им обладают), с которой Япония заключила такого рода соглашение.

В настоящее время ключевым механизмом индийско-японского комплексного энергетического сотрудничества является двусторонний Энергетический диалог, с 2009 г. осуществляемый ежегодно на министерском уровне. В области сохранения энергии общи-

ми усилиями был разработан План по энергосбережению для индийских энергоемких промышленных производств. В одном из пунктов говорится о необходимости развития водородной энергетики в Индии на основе японского опыта (транспорт и генерация электроэнергии). Интересным выглядит и проект сооружения ГАЭС в штате Западная Бенгалия (срок ввода в эксплуатацию — 2027 г.), а также иные предложения по развитию возобновляемой энергетики²⁸.

Япония и Россия

Территориальная близость российского Дальнего Востока к Японии и его богатство полезными ископаемыми, а также стремление Японии диверсифицировать поставки энергоресурсов привели к тому, что с середины 2000-х гг. стали всерьез обсуждаться проекты экспорта российских нефти и газа в Японию через терминалы на Сахалине. Так появились и впоследствии были реализованы проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Основой «Сахалина-1» стал консорциум следующих компаний — американской Еххон (30%), японской Sodeco (30%), индийской ONGC (20%) и Роснефти (20%). В 2019 г. на месторождениях северо-восточного шельфа Сахалина добыли порядка 9,2 млн тонн нефти, основная часть которой (7 млн тонн) отправилась танкерами в Японию.

В состав акционеров «Сахалина-2» вошли Газпром (50%), Shell (27,5%), Mitsui и Mitsubishi (12,5 и 10% соответственно). Ежегодно на мощностях проекта производится примерно 10 млн тонн СПГ, львиная доля которого отправляется в Японию (обеспечивая 9% потребности в природном газе) и Республику Корея (4% потребности)²⁹. Если посмотреть на товарооборот между Японией и Россией, то получаются показательные цифры. По итогам 2019 г. он составил 20 млрд долл., и 8,5 млрд приходится на торговлю энергоресурсами³⁰. Япония поставила в Россию различных товаров на сумму 9 млрд долл, и это транспортные средства, энергетическое оборудование, цифровая техника и т.д.³¹.

Очевидно, что базовым элементом энергетической политики Японии в отношении России остаются вложения в добычу при-

родных ресурсов. Помимо системы соглашений по разработке газовых и нефтяных месторождений на Сахалине, между сторонами заключен еще ряд соглашений, имеющих параграфы о сотрудничестве в энергетике. Однако, несмотря на официальную заинтересованность в увеличении объемов экспорта первичных энергоресурсов из России, Япония не форсирует свое присутствие в российском добывающем секторе. Это понятно — чрезмерная зависимость от какого-либо одного экспортера поставит Японию в уязвимое положение.

Тем не менее в настоящее время японские компании инвестируют в разработку проекта «Арктик СПГ-2» (оператор — российская компания «Новатэк»). Предположительно, запуск завода по сжижению природного газа состоится в 2022–2023 гг., и около 2 млн тонн ежегодно будут поставляться морем в Японию³². Кроме того, обсуждаются варианты привлечения японских инвестиций для строительства завода по сжижению природного газа мощностью 6,2 млн тонн в год (в дополнение к экспортному нефтяному терминалу) в рамках проекта «Сахалин-1». Стоимость сооружения такого завода оценивается в 9 млрд долл., и первый газ будет отгружен в Японию не ранее 2027 г. По предварительным оценкам, СПГ, поставляемый с нового терминала, обеспечит до 10% потребностей Японии, что позволит российскому газу суммарно занять 17% японского рынка. Закрепление японского присутствия в российских газовых проектах также вероятно через их участие в строительстве к 2023 г. Мурманского терминала СПГ мощностью 21 млн тонн в год и Камчатского терминала мощностью также 21 млн. тонн в год³³.

Рассуждая о японской энергетической политике в отношении России, необходимо учитывать важный момент — проблему «северных территорий». Многие экономические и энергетические инициативы японской стороны в России следует рассматривать именно через призму территориальной принадлежности Курильской гряды. Однако есть и другие ограничения сугубо экономического (периферийное положение Дальнего Востока в российской модели развития страны, малонаселенность этого региона, что определяет низкую деловую активность и невысокие уровни потребления товаров и услуг), стратегического и геополитического характера.

Государства — члены ШОС по-разному воспринимаются Японией в контексте ее региональной энергетической политики, что обусловливается значительными различиями между этими государствами. В то время как России и странам Центральной Азии отводится роль поставщиков первичных энергоресурсов в Японию, с Индией и Китаем выстраивается более сложная система контактов, поскольку японские компании заинтересованы в присутствии на рынках энергетических технологий и услуг этих стран, обладающих большой емкостью и потенциалом развития.

Японская внешняя энергетическая политика прагматична и преследует, в первую очередь, цели по максимально эффективному и бесперебойному энергоснабжению страны. В целом Япония придерживается «мягкой тактики», когда, помимо получения экономических выгод, ставка делается еще и на укрепление положительного имиджа страны за рубежом. Это позиция партнера, который готов помогать технологиями и квалифицированными кадрами при реализации крупных энергетических проектов, не ставя при этом жестких финансовых условий и не требуя взамен внешнеполитических уступок.

¹ *Suyash Desai*. India's SCO Challenge // The Diplomat.com [05.12.2017] // the-diplomat.com/2017/12/indias-sco-challenge/ (20.03.2021)

² *Meena Singh Roy, Rajorshi Roy*. India and the SCO: A Vision for Expanding New Delhi's Engagement // RIAC. 04.12.2019 // russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/india-and-the-sco-a-vision-for-expanding-new-delhi-s-engagement/ (20.03.2021).

³ Agreement on The Establishment of an International Transport and Transit Corridor among the Governments of the Republic of India, the Islamic Republic of Afghanistan and the Islamic Republic of Iran (Chabahar Agreement). 23.05. 2016 // mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/016P2941.pdf P. 11. (20.03.2021).

⁴ *Manish Vaid*. India's energy diplomacy in Central Asia could challenge China's monopoly // Observer Research Foundation. 22.09. 2016 // www.orfonline.org/research/india-energy-diplomacy-central-asia-challenge-china-monopoly/ (16.03.2021).

⁵ *Rajiv Bhatia*. How India can benefit from SCO // The Hindustan Times. 25.11.2020 // www.hindustantimes.com/analysis/how-india-can-benefit-from-sco/story-lvHNVzB99Asw6EPcgfE6NK.html (20.03.2021).

⁶ *Manish Vaid*. India's energy diplomacy in Central Asia could challenge China's monopoly // Observer Research Foundation. 22.09.2016 // www.orfonline.org/research/india-energy-diplomacy-central-asia-challenge-china-monopoly/ (16.03.2021).

⁷ *Meena Singh Roy, Rajorshi Roy*. India and the SCO: A Vision for Expanding New Delhi's Engagement // RIAC. 04.12.2019 // russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/india-and-the-sco-a-vision-for-expanding-new-delhi-s-engagement/ (20.03.2021).

⁸ Чу Лин. Энергетическое сотрудничество между КНР и РФ в политическом аспекте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. С. 202.

⁹ Уянаев С.В. Российско-китайское энергетическое сотрудничество: признаки нового «уровня» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 279.

¹⁰ Восточная газовая программа // Газпром // www.gazprom.ru/projects/east-program/ (27.04.2021).

¹¹ Сила Сибири // Газпром // www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/ (27.04.2021).

¹² Алексей Миллер: Россия и Китай подписали самый крупный контракт за всю историю «Газпрома» // Газпром // www.gazprom.ru/press/news/2014/may/article191417/ (27.04.2021).

¹³ Ван Цзюньтао. Российско-китайские отношения в Арктике: проблемы и перспективы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2016. С. 93.

¹⁴ Годовой отчет 2017 // Китайская Национальная Нефтегазовая Корпорация // www.cnpc.com.cn/ru/cbw2017/201507/62c545a8392e4b47a255a5c9515e9877/files/47f0edb1cd00422a9129bbf474f25d50.pdf (26.04.2021).

¹⁵ Китай может стать победителем в «нефтяной войне» // lprime.ru/energy/20210119/832838402.html (27.04.2021).

¹⁶ Восточный экспресс // Газпром нефть // www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-april/1533013/ (27.04.2021).

¹⁷ Уянаев С.В. Российско-китайское энергетическое сотрудничество: признаки нового «уровня» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 282.

¹⁸ Гадаева Т.А. Основные направления энергетического сотрудничества России и Китая // Acta Orientalia Voronensia. Воронежский государственный университет. 2017. № 2. С. 185.

¹⁹ Чеботарева О.К. Перспективы сотрудничества России и Китая в сфере энергетики // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 14–19 мая 2014 года / Ответственные редакторы: Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск-Хэйхэ-Харбин: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 245–249.

²⁰ Россия и Китай подписали генконтракт на строительство двух блоков Тяньваньской АЭС // tass.ru/ekonomika/6205796 (27.04.2021).

²¹ Coal Imports by Country. World's Top Exports // www.worldstopexports.com/coal-imports-by-country/ (12.04.2021).

²² Xuping Cao, Aroskar Rajarshi, Juxi Tong. Technology Evolution of China's Export of Renewable Energy Products // International Journal of Environmental Researches and Public Health. 2018. Vol. 15 (1782). P. 1–14.

²³ China, Japan and the Art of Economic Statecraft // www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/02/FP_202002_china_japan_solis.pdf (15.04.2021)

²⁴ Japan and China's Different Functions in Asia. The Central Asia // www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13319-japans-and-chinas-different-functions-in-asia.html (18.04.2021).

²⁵ Nikolay Murashkin. Japan and Central Asia: Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand? Paris: IFRI Center for Asian Studies, 2019. P. 49.

²⁶ India GDP Annual Growth Rate // tradingeconomics.com/india/gdp-growth-annual (20.04.2021).

²⁷ *Celine Pajon, Isabelle Saint-Mezard*. The Japan-India Economic Partnership. A Politically Driven Process. Paris: IFRI Centre for Asian Studies. 2018. P. 35.

²⁸ Joint Statement of 10th Japan-India Energy Dialogue. (METI Official Website Information) // www.meti.go.jp/press/2019/12/20191210003/20191210003-1.pdf (21.04.2021).

²⁹ Sakhalin 1 and 2 Oil and Gas Development Projects // ejatlas.org/conflict/sakhalin-1-and-2-oil-and-gas-development-projects (23.04.2021).

³⁰ Japan Imports from Russia // tradingeconomics.com/japan/imports/russia (26.04.2021).

³¹ Japan Exports to Russia // tradingeconomics.com/japan/exports/russia (26.04.2021).

³² Japan to Invest in the Latest Russian LNG projects. CSIS Energy Fact and Opinion // www.csis.org/analysis/japan-invest-latest-russian-lng-project (26.04.2021).

³³ Japan and Russia Set to Launch \$9bn LNG Project in Far East. Nikkei Asian Review // asia.nikkei.com/Business/Energy/Japan-and-Russia-set-to-launch-9bn-LNG-project-in-Far-East (27.04.2021).

ГЛАВА 14

Пакистан: борьба политической оппозиции против правящей Пакистанской партии справедливости (2020–2021)

В 2020 — первой половине 2021 гг. не утихала борьба политических партий против правящей Пакистанской партии справедливости (ППС). Август 2021 г. начал отсчет второй половины срока полномочий федерального правительства во главе с премьер-министром Имран Ханом.

Официальные итоги всеобщей избирательной кампании в августе 2018 г., победа ППС были отвергнуты бывшими правящими политическими элитами в Пакистане.

Партии ПМЛ (Н) и ДУИ (Ф) призывали к формированию единого политического фронта с целью свержения правительства И. Хана и выработки стратегии проведения уличных протестов. Под предлогом защиты Конституции 1973 г. и демократии оппозиция выдвинула свои кандидатуры на пост премьер-министра и спикера Национальной ассамблеи (НА). В первые дни после избирательной кампании 25 июля 2018 г. они сформировали новый блок из 11 партий под названием «Пакистанский альянс за свободные и справедливые выборы», в который вошли, помимо названных, общенациональные ПНП, ММА и др. Однако блок функционировал всего несколько дней. ПНП отказалась голосовать за кандидатуру Ш. Шарифа на пост премьера, предложенную президентом ПМЛ (Н) Наваз Шарифом.

Оппозиция 2018–2019 гг. имела ряд отличительных черт. В первые ряды антиправительственной критики вышли общенациональные Пакистанская мусульманская лига (Наваз, ПМЛ (Н) и Пакистанская народная партия (ПНП). Оппозиционный фланг также включал праворелигиозные партии, в первую очередь ДУИ (Ф). Первый раунд антиправительственных выступлений в 2018–2019 гг. политическая оппозиция проиграла в силу разных причин. Но провал не повлек отказа от требований.

Постоянные перестановки в государственном аппарате указывали на неуверенность главы кабинета министров по многим вопросам, отсутствие у него опыта государственного правления. Пакистанское общество требовало реформ, в первую очередь реформы избирательной системы, чтобы сделать ее более открытой.

Политическая оппозиция в 2018–2021 гг.:

- обвиняла правящую партию в некомпетентном управлении государственными делами, что, по ее мнению, привело к росту инфляции и безработице, повышению цен на электроэнергию, газ, товары первой необходимости — муку, сахар, топленое масло; а также неисполнению в полном объеме Национального плана действий (НПД), провалу политики в Кашмирском досье, росту числа трансграничных переходов с территории Афганистана;

- призвала власти к прекращению преследований журналистов, отказу от планов пересмотра 18-й поправки к Конституции 1973 г., к восстановлению местных органов власти, повышению бюджета высшего образования, восстановлению правления местной власти в провинции Хайбер-Пахунхва (административными делами управлял Пограничный корпус) и т.д.¹.

Правительство И. Хана уже осенью столкнулось с рядом вызовов. Настойчивость международных финансовых организаций в вопросе погашения кредитов, взятых еще прежним правительством Наваз Шарифа (2013–2018 гг.), незапланированный возврат Саудовской Аравии 1 млрд долларов, выданных еще осенью 2018 г. в рамках программы инвестирования в экономику Пакистана; наконец, пандемия COVID-19 спровоцировала перебои поставок и, как следствие, повышение цен на потребительском рынке; остро ощущалась нехватка больших объемов природного газа для домовладений.

Половинчатость действий местных и федеральных властей при реализации ряда реформ (реформа полиции в Панджабе и т.д.) вызывала критику в адрес федерального правительства². Одновременно соратники по правящей коалиции, например партия Движение Муттахида Кауми³ и Пакистанская мусульманская лига (Каид)⁴, выдвигали частные ультиматумы И. Хану.

В Панджабе, вотчине Шарифов, ПМЛ (Н) строила планы развалить правящий в провинции альянс — ППС и ПМЛ (К); партия

И. Хана имела незначительное большинство в провинциальном собрании. Одновременно Шарифы вели борьбу в своей провинции против законодателей из южных районов, которые выступали за формирование отдельной провинции Южный Панджаб. Этот проект был поддержан на федеральном уровне.

Ухудшение ситуации с пандемией снизило активность оппозиции во второй половине 2019 — начале 2020 гг. Власти критиковали альянс за несоблюдение карантинных мер, угрозу общественной жизни при проведении массовых мероприятий.

Государственные институты и политические партии находились в состоянии постоянной конфронтации. Обострение кризиса общественного здравоохранения и переживаемый страной экономический спад требовали политической стабильности и достижения национального консенсуса.

Но оппозиция, несмотря на карантинную ситуацию, собирала митинги с целью оказать давление на премьера, требуя снятия судебных обвинений в коррупции с членов семьи Шарифов в обмен на лояльность. В новейшей истории Пакистан уже сталкивался с подобным прецедентом. В 2007 г. генерал-президент П. Мушараф подписал Указ о национальном примирении (УНП), когда ему потребовалась поддержка экс-премьер-министра Беназир Бхутто. После завершения требуемых международных процедур по снятию обвинений Б. Бхутто, проживавшая в те годы в Великобритании, осенью того же года вернулась в Пакистан.

Членам клана Шарифов грозило тюремное заключение, поэтому они активизировали антиправительственные выступления, как писали местные СМИ, «им нечего было терять»⁵. Политическое выживание других, более мелких оппозиционных партий зависело от их связи с ДДП.

Спасая в отчаянии «коррупционные деньги», оппозиционные партии еще в августе 2020 г. блокировали работу парламента, настаивая на подписании премьер-министром УНП в обмен на поддержку ряда законопроектов.

Оппозиция блокировала подписание Законопроекта о борьбе с отмыванием денег (вторая поправка) в Сенате. Документ был подготовлен для Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием

ванием денег (ГРФМ) с целью вывести Пакистан из «серого списка». ГРФМ включает в серый список страны, которые не принимают достаточных мер по борьбе с финансированием терроризма и отмытием денег. Включение в подобный список является предупреждением для страны в том, что она может быть занесена в черный список в случае отказа принятия эффективных мер против отмытия денег и финансирования терроризма⁶. Премьер-министр И. Хан отказался подписывать какие-либо документы, связанные с коррупцией и отмытием денег, обвиняя политических оппонентов в попытке саботировать усилия правительства по выходу Пакистана из серого списка⁷. В конце сентября 2020 г. Сенат, в противоречии с рядом оппозиционеров, все же одобрил законопроект.

Но оппозиция активизировала деятельность, объявив о формировании Демократического Движения Пакистана (ДДП) с целью начать новую антиправительственную кампанию. Его отделения были учреждены на национальном, провинциальном и районном уровнях.

Резолюция ДДП из 26 пунктов призвала сместить избранного премьер-министра и «некомпетентное правительство», организовать массовое движение, положить конец вмешательству истеблишмента в политику, объявить новые парламентские выборы. Массовые митинги планировалось провести в три этапа: в октябре, ноябре 2020 г. — в провинциальных столицах Карачи, Кветте, Пешаваре, Лахоре и в январе 2021 г. — длинный марш на Исламабад.

Единая антиправительственная программа свела воедино оппозиционные, но ранее соперничающие партии. И уже в сентябре 2020 г. в Исламабаде они продемонстрировали редкое единство. В рядах оппозиции признавали, что будет нелегко свергнуть федеральное правительство. Протестное массовое движение могло парализовать на время работу правительства, но не вытеснить его из власти.

Формирование ДДП рассматривалось властями как серьезный вызов администрации И. Хана. Массовые демонстрации оппозиции в Мултане (Панджаб) в ноябре 2020 г. вызвали смятение в администрации ППС, так как позиции его партии в Панджабе остались шаткими.

Постоянное напряжение между Синдом и федеральным правительством, влияние которого в провинции было слабым, грозило

столкновением государственных институтов. Власти не могли этого допустить. Противостояние грозило завести страну в тупик. Бросая вызов правительству ППС, альянс также нацелился на военный истеблишмент, рассматривая его как силу, стоявшую за правительством И. Хана.

За несколько дней до Всепартийной конференции начальник штаба сухопутных войск генерал Камар Баджва и глава межвидовой разведки генерал-лейтенант Фаиз Хамид встретились с ключевыми фигурами оппозиции — ПМЛ (Н), ДИ, ПНП, ДУИ (Ф), Национальной народной партии, призывая воздержаться от включения генералитета в политический дискурс. Командующий армией подтвердил, что военные отвечают на призывы о помощи избранному правительству, независимо от того, какая из партий находится у власти.

Оппозиционное движение 2020–2021 гг. настораживало власти своим «единством». Пакистанские СМИ писали, что изначально ДДП внутренне было разделено, поскольку все фракции защищали свои корыстные интересы.

Но сентябрь 2020 г. стал переломным и для членов оппозиционного движения. 20 сентября 2020 г. на двух митингах в Гуджранвале и Карачи по видеосвязи выступил бывший премьер-министр Миан Мухаммад Наваз Шариф, который находился в Великобритании на лечении. Он обвинял армию во вмешательстве во внутренние дела страны, создании «государства над государством», навязывании правительством ППС, которое, по его мнению, пришло к власти по итогам «сфальсифицированных выборов» в июле 2018 г. Он призвал «отказаться от участия вооруженных сил и спецслужб» в выборах 2023 г.⁸

Большинство участников оппозиционного митинга также были застигнуты врасплох, когда Н. Шариф начал атаку на армейское руководство. Нападки экс-премьера вызвали также раздражение и федерального правительства, и вооруженных сил. Резкость слов Н. Шарифа убедила премьер-министра сделать заявление о том, что он «добьется его депортации из Великобритании, даже если это будет означать разговор с премьер-министром Великобритании Борисом Джонсоном»⁹.

Неформальное, но «возвращение» Н. Шарифа в политику после годичного перерыва ознаменовало не только новый этап борьбы политической оппозиции, но и смену лидера, доминирование в нем клана Шарифов. Маулана Фазлул Рехман оставался формальным лидером антиправительственной кампании. Его основная заслуга заключалась в поддержании оппозиционного движения с 2018 г.

На новом этапе антиправительственный блок негласно возглавило молодое поколение ПМЛ (Н) и ПНП, продолжая семейные традиции кланов Шарифов и Бхутто-Зардари. В пакистанских СМИ писали об «отсутствии надежды ослабить удушающую хватку династической политики, которая является самым большим препятствием на пути развития институциональной и инклюзивной демократии в стране»¹⁰. Мариам Наваз позиционировала себя наследницей политической династии Шарифов, осознавала свое возвышение на посту заместителя своего отца (почетный председатель ПМЛ (Н), учитывая, что ее дядя, Шахбаз Шариф, занимал пост председателя этой партии).

Пакистанские СМИ писали, что «влияние семей в пакистанской политике не исчезнет без реформирования политической системы, серьезной внутренней демократизации. И если этого не произойдет, власть истеблишмента не ослабнет. Многие придерживались мнения, что Пакистан не изменится в ближайшем будущем, и утверждали, что правительство ППС опирается на поддержку истеблишмента, и это лучший вариант, чем следовать Конституции или полагаться на поддержку народа...»¹¹.

Тон Н. Шарифа на последующих публичных митингах становился жестче. ПМЛ (Н) отказывалась от соглашения с властями. Мариам Наваз заявила о готовности партии начать диалог с силовыми структурами при условии, что правительство И. Хана будет свергнуто¹².

Критикуя военный истеблишмент, часть оппозиции требовала от истеблишмента действовать против гражданского правительства.

Военное командование дало понять, что армия «не участвует прямо или косвенно ни в одном политическом процессе в стране». В то же время «если потребуется, армия поддержит гражданское правительство»¹³. Один из первых шагов властей к началу дости-

жения национального консенсуса — диалог с оппозицией. Однако ДДП бойкотировало встречи депутатов в Национальной ассамблее и Сенате 11 ноября 2020 г., на которых парламентарии должны были быть проинформированы «военными по текущим вопросам национальной безопасности»¹⁴.

Разногласия в НА стали причиной того, что вопросы о продлении сроков действия военных судов и назначении членов избирательной комиссии были отложены. Общая атмосфера в парламенте оставалась напряженной. Следующим актом наступления оппозиции на правительство премьер-министра И. Хана был срыв кампании по подготовке к выборам в Сенат, которые, согласно Конституции 1973 г., были запланированы на март 2021 г. Состояние постоянной конфронтации дестабилизировало государственную систему.

Именно на это время приходился пик протестной кампании, и 84 члена ПМЛ (Н) угрожали сложить депутатские полномочия в Национальной ассамблее.

Они критиковали «правительство за неспособность “обуздать” инфляцию. Провалы правительства в вопросах экономики стали реальной угрозой для национальной безопасности».

Оппозиция усиливала критику в адрес правительства ППС и военного командования. Демократическое движение Пакистана неоднократно обвиняло военный истеблишмент в поддержке «непопулярного правительства» премьер-министра И. Хана¹⁵.

Эффект домино мог начаться в Панджабе, где правительство ППС имело слабые позиции. Более серьезные усилия ПМЛ (Н) и партнеров по альянсу могут легко свергнуть правительство У. Буздара. Жесткая критика правительства, антиконституционные призывы к свержению главы кабинета министров вновь дали повод мелким провинциальным партиям заявить о выходе из состава Пакистана. О. Нурани, лидер Джамиат Улема-и-Пакистана, в октябре 2020 г. на митинге в Кветте выступил под лозунгом «Мы хотим, чтобы Белуджистан был независимым государством»¹⁶.

Власти не могли допустить социальных беспорядков. Стабилизация обстановки требовала национального консенсуса между правящей партией и оппозицией. Но первоначально премьер-

министр И. Хан отказывался от прямого диалога с лидерами оппозиции. Отчасти это объяснялось тем, что оппозиция хотела говорить только о УНП, что противоречило позиции федеральных властей.

Широкий спектр политических партий отражал особенность альянса. Например, митинг в Кветте в октябре 2020 г. демонстрировал единение сил, которое «нельзя было назвать антигосударственными, так как вместе оппозиционные партии составляли большинство»¹⁷. Оппозиционная коалиция не только доминировала в публичном пространстве, но и имела влияние в законодательных собраниях провинций и на федеральном уровне.

Публичный отказ И. Хана от диалога с оппозицией ослабил его позиции. Пакистанские СМИ писали, что «премьер начал терять контроль над административным, политическим и институциональными институтами»¹⁸. В то же время он усилил антикоррупционную политику. Национальное бюро отчетности выдавало ордера на арест членов бывшей правящей ПМЛ (Н). Конфронтационная политика правительства и преследование членов оппозиции усиливали антиправительственные настроения.

Однако критика Н. Шарифом военного командования изменила позицию его партнеров по альянсу ДДП, а также членов его партии. Большинство продолжали словесные атаки на премьер-министра, но избегали публичных высказываний в адрес генералитета. В обществе наметился определенный перелом. Это дало повод премьер-министру пересмотреть свои позиции и заявить о готовности «встретиться лицом к лицу с 11-партийным альянсом...»¹⁹

Массовые митинги ДДП, хотя и собирали значительные толпы людей, но уже не оказывали значимого влияния ни на партии ДДП, ни на власти. Ралли в Лахор, которое лидеры ПМЛ (Н) анонсировали как изменение «хода игры», не имело должного эффекта. Это убедило ДДП пересмотреть стратегию антиправительственной кампании.

Оппозиция вела себя агрессивно, но одновременно столкнулась с проблемой сохранения единства рядов. Интересы членов альянса были различны, и они не могли поддерживать единство действий в течение длительного периода времени.

Первые признаки раскола в ДДП появились сразу же после выступления Н. Шарифа, которое Б. Бхутто-Зардари назвал «шоком»²⁰. ПНП постепенно дистанцировалась от Наваза Шарифа и его ПМЛ (Н). Другие участники ДДП смягчили тональность в адрес силовых структур.

Пакистанской народной партией в рассматриваемый период фактически руководил Билавал Бхутто-Зардари. Он вместе с отцом Асифом Али Зардари, экс-президентом Пакистана (2008–2013 гг.), занимал пост сопредседателя партии.

События последующих четырех забастовочных месяцев продемонстрировали непоследовательность действий ПНП. Будучи одним из основателей оппозиционного альянса, партия одновременно была заинтересована в стабильности действовавшей власти.

На парламентских выборах в 2018 г. ПНП получила значительное количество голосов в Национальной ассамблее (НА). В родном Синде партия завоевала абсолютное большинство, что позволило клану Бхутто-Зардари контролировать провинцию третий срок подряд (2008–2013, 2013–2018, 2018 — н/вр.). В других провинциях партия имела незначительное влияние. В то же время власти Синда зависели от силовых структур центра для поддержания правопорядка в мегаполисе Карачи, где доминировали в основном две партии — ППС и Движение Муттахид Кауми. Одновременно администрация Карачи сотрудничала с федеральным правительством по программе развития города-порта. Координация между тремя сторонами — провинциальным правительством, центром и органами безопасности — продолжалась, несмотря на «бушевавшую» в стране кампанию ДДП. Это объясняло отказ ПНП от выхода ее членов из состава парламента (предложение ДДП) и присоединения к маршу оппозиции на Исламабад.

Руководство ПНП понимало, что в случае отставки федерального правительства и проведения новых парламентских выборов оно «теряло» возглавляемое ею правительство в Синде. Из всех членов ДДП только ПНП могла рассчитывать на соглашение с военным истеблишментом. Наваз Шариф, Марьям Наваз, Фазлур и Махмуд Ачакзай не были членами парламента, в то время как

Асиф Зардари и его сын Билавал Бхутто-Зардари входили в состав Национальной ассамблеи.

Руководство ПНП приняло решение действовать в одиночку как оппозиционная партия. Ее позиция не совпадала с ПМЛ (Н). Членство в ДДП лишь укрепляло позиции ПМЛ (Н) в Панджабе, что, в свою очередь, усиливало шансы ее давнего политического оппонента ПМЛ (Н) на победу на следующих (2023 г.) всеобщих выборах. ПНП замедлила активность в ПДД, для ее руководства важно было удержаться на плаву и не «обрушать» парламентскую систему.

ПМЛ (Н), Джамиат Улема Ислам (Ф), Народная национальная партия Авами, Партия Пахтунхва Милли Авами ничего не теряли, так как даже в своих провинциальных собраниях они не имели большинства.

Лидеры ПНП придерживались стратегии последовательного конституционного проведения реформ, исключая использование нелегитимных средств и методов, что, по мнению лидеров партии, нарушало демократический процесс в стране. После резкого выступления Н. Шарифа ПНП заметно снизила активность в ДДП.

Но были и субъективные причины ослабления активности ПНП. Партия теряла поддержку в национальном масштабе, за исключением сельских районов Синда. Обновление требовалось во всем: и в кадровом составе, и в стратегии партии, которая в свое время имела отделения практически в каждом административном центре страны. В рядах партии еще оставались несколько опытных и способных членов, например бывший сенатор Раббани.

Еще до премьерства И. Хан часто критиковал бывшего президента Асифа Али Зардари и его сына Билавала Бхутто-Зардари. Именно младший Зардари первым ввел термин «отобранный» премьер-министр сразу после победы И. Хана на выборах в 2018 г.²¹. Таким образом, политическое соперничество глубоко укоренилось. Обе стороны недолго сотрудничали, составляя пакет мер по развитию города-порта Карачи. Но взаимное недоверие лишь порождало обвинения в некомпетентности. ПНП, оставаясь частью ДДП, отказалась от требования отставки правительства И. Хана, взяв курс на корректировку его действий. Аналогичные примеры уже были в новейшей истории Пакистана.

Таким образом, на парламентских выборах 2023 г. ПНП уже в 2021 г. получала реальный шанс возглавить или провинциальное правительство в Синде, или войти в состав федерального правительства в случае союза с ППС и/или победы над ПМЛ (Н) в Панджабе.

ПМЛ (Н), несмотря на внешнее и внутреннее давление, оставалась «монолитом», оберегая свои кадры. Это придало партии внутреннюю силу. Активность ее членов, в первую очередь М. Наваз, не только сохранила, но и увеличила число ее последователей. ПМЛ (Н) также была жертвой династической политики. Но партия выстояла, несмотря на усиление давления на ее руководство.

Три месяца с начала антиправительственной кампании ПДД шли массовые митинги в разных частях страны. Марши в Мултан в ноябре 2020 г. и далее в Лахор, политический оплот ПМЛ (Н), означали проверку политической силы оппозиции в крупнейшей провинции страны. ДДП установило крайний срок для «штурма» столицы — январь 2021 г. Противостояние принимало опасный оборот²².

В стремлении оказать еще большее давление на федеральное правительство, ДДП единогласно решило, что ее законодатели сложат свои депутатские полномочия до 31 декабря 2020 г.²³. К концу 2020 г. оппозиция была полна решимости отправить правительство «паковать вещи», рассматривая новые выборы как единственный способ вывести страну из кризиса. Руководители ПНП называли отставку оппозиции «атомной бомбой», заявив, что будет разработана стратегия ее применения.

В декабре 2020 г. в стране сложилась тревожная ситуация. ДДП, вопреки запрету на проведение митингов, игнорировало статистику смертей от коронавируса и продолжило организацию массовых митингов и агитацию против правительства. Политическая поляризация и атмосфера конфронтации между правительством и оппозиционными партиями наносили ущерб усилиям по борьбе с вирусом COVID-19.

Обстановка в обществе осложнялась экономическим кризисом: падение рупии со 124 в июле 2018 г. до 158,67 в 2020 г., уровень инфляции с 5,8% в июле 2018 г. до 13% в 2020 г. Повышение цен на товары первой необходимости ударило по социально незащи-

ценным слоям населения. Снижение экспорта стало дополнительным фактором замедления роста экономики. Продолжающееся снижение сумм денежных переводов от пакистанцев, работающих за рубежом, вновь, как и в 2018 г., негативно сказалось на платежном балансе страны. Рост цен усиливается из-за высокой инфляции. Пакистанские сталелитейные заводы закрыты по разным причинам, тысячи рабочих или уволены, или отправлены в неоплачиваемый отпуск. Власти опасались социальных беспорядков²⁴.

Власти первоначально не были готовы к массовым акциям в Панджабе. Запретительная реакция подтверждала усиливавшуюся нервность в администрации ППС. Однако, спустя несколько часов после очередного заявления оппозиционеров о досрочном сложении депутатских полномочий к 31 декабря 2020 г., премьер-министр И. Хан подтвердил, что пойдет на довыборы в стране.

В разгар обострения политической напряженности в декабре 2020 г. один из лидеров оппозиции, президент ПМЛ (Н) Ш. Шариф, находившийся в те месяцы в заключении в тюрьме Кот-Лахпат, призвал членов альянса ДДП к национальному диалогу с целью вывести страну из политического кризиса. «Если мы хотим улучшить условия жизни в стране, то все политические силы должны включиться в национальный диалог»²⁵. Это заявление внесло смятение в ряды ПМЛ (Н); часть членов партии выступила против конфронтации с военным командованием. Но арест и заключение Ш. Шарифа рассматриваются как блокировка попытки сближения.

Ш. Шариф «посоветовал» председателю ПНП Б. Бхутто-Зардари не занимать жесткой позиции в вопросе отставки депутатского корпуса, а согласиться на диалог с правительством. Лидеры обеих партий согласились выполнять решения, принятые ПДД, и постепенно усиливать давление на правительство.

Разногласия коснулись и Джамиат Улема-е Ислам (Ф) (ДУИ (Ф)) 24 декабря 2020 г. Дисциплинарный комитет партии исключил четырех членов и аннулировал их членство за «отклонение» от политики партии. Например, Шерани критиковал партийное руководство партии, заявив, что ДДП — «неестественный альянс», который вскоре распадется из-за отсутствия единой цели, так как каждый из участников альянса стремился прийти к власти²⁶.

Разногласия начались и в рядах ДДП. Маулана Фазлур Рехман пригрозил уйти с поста главы ДДП, обвинив председателя Пакистанской народной партии Б. Бхутто-Зардари и вице-президента Пакистанской мусульманской лиги (Наваз) М. Наваз в том, что они принимают все решения самостоятельно, не ставя его, как председателя альянса, в известность. Оппозиция столкнулась с собственной проблемой сохранения единства по поводу ценности и сроков отставок.

После серии публичных митингов ДДП обнародовало новую стратегию на 2021 г. Главное требование — отставка премьер-министра до 31 января 2021 г. или марш на столицу. Оппозиция вновь угрожала массовым выходом из нижней палаты парламента, но не указала крайний срок.

Раскол внутри ДДП проявился уже в январе 2021 г. Столкновение между ПНП и ПМЛ (Н) усилилось после того, как ДДП не смогло «заставить» правительство принять их условия²⁷. Альянс назначил новую дату марша на Исламабад — 26 марта 2021 г.²⁸, стремясь поддерживать «высокую политическую температуру» для своего политического выживания. Власти заявляли, что «новые выборы состоятся вовремя в 2023 г.», т.е. правительство премьер-министра И. Хана отработает полный пятилетний конституционный срок.

* * *

Демократическое движение Пакистана не имело и не могло иметь значимого влияния на подъем политических сил с целью «заставить» правительство премьер-министра Имран Хана уйти в отставку под давлением нескольких массовых митингов. ДДП состояло из партий, которые имели разные манифесты, разные лозунги, придерживались разных методов достижения целей. Под предлогом борьбы против центрального правительства каждая партия альянса защищала личные интересы.

Искушенные в «закулисных интригах» в стенах парламента, ПМЛ (Н), ДУИ (Ф) и ПНП сумели на время парализовать работу государственных учреждений и сорвали несколько заседаний обеих палат парламента. Каждая из оппозиционных партий альянса ДДП, ставя в 2020–2021 гг. единую цель — отставку центрального

правительства, одновременно продвигала свои узко-партийные интересы.

Пакистанские СМИ писали, что оппозиция подрывала усилия правительства, но не предложила ни альтернативный курс действий, ни улучшение законодательства. Министр иностранных дел Пакистана Шах Махмуд Куреши в интервью одной из местных газет заявил, что «крики уличной толпы, дирижируемые политическими партиями, лишь подтверждали упадок политической культуры оппозиции»²⁹.

¹ Corps Opposition demands PM's resignation, announces protests // nation.com.pk/21-Sep-2020/opposition-demands-pm-s-resignation-announces-protests (21.09.2020).

² NA enveloped in swirl of 'turncoat' allegations // tribune.com.pk/story/2136656/1-na-enveloped-swirl-turncoat-allegations/ (14.01.2020).

³ MQM-P puts conditions to govt over cabinet rejoining offer // thefrontierpost.com/mqm-p-puts-conditions-to-govt-over-cabinet-rejoining-offer/ (18.12.2020).

⁴ What made PML-Q give a one-week ultimatum to govt // www.dawn.com/news/1529416/what-made-pml-q-give-a-one-week-ultimatum-to-govt (20.01.2020).

⁵ The PDM's predicament // [www.dawn.com/news/1603835/the-pdms-predicament?](http://www.dawn.com/news/1603835/the-pdms-predicament?preview) (27.01.2021).

⁶ "To remain on grey list": FATF urges Pakistan to complete action plan by Feb 2021 // www.dawn.com/news/1586624/to-remain-on-grey-list-fatf-urges-pakistan-to-complete-action-plan-by-feb-2021 (23.10.2020).

⁷ Trouble for govt coalition as PML-Q skips lunch with PM // www.dawn.com/news/1588881/trouble-for-govt-coalition-as-pml-q-skips-lunch-with-pm (06.11.2020).

⁸ Anti-military narrative has divided PML-N: Imran // tribune.com.pk/story/2270789/anti-military-narrative-has-divided-pml-n-imran (02.11.2020); Opposition leaders told not to drag military into politics // www.dawn.com/news/1580984/opposition-leaders-told-not-to-drag-military-into-politics (22.09.2020).

⁹ A national dialogue // dawn.com/news/1587427/a-national-dialogue (28.10.2020).

¹⁰ Govt, opposition trade charges for making army controversial // www.dawn.com/news/1585996/govt-opposition-trade-charges-for-making-army-controversial (20.10.2020).

¹¹ From political waywardness to new pathways // tribune.com.pk/story/2302889/from-political-waywardness-to-new-pathways (02.06.2021).

¹² Shehbaz advises Bilawal to hold talks with govt // tribune.com.pk/story/2276122/shehbaz-advises-bilawal-to-hold-talks-with-govt (16.12.2020).

¹³ Army 'should not be dragged into politics' // tribune.com.pk/story/2265107/army-should-not-be-dragged-into-politics (22.09.2020).

¹⁴ NA postpones briefing of parliamentary leaders by military officials amid opposition boycott // www.dawn.com/news/1589650/na-postpones-briefing-of-parliamentary-leaders-by-military-officials-amid-opposition-boycott (10.11.2020).

¹⁵ A national dialogue // dawn.com/news/1587427/a-national-dialogue (28.10.2020).

¹⁶ PDM — a divided movement // nation.com.pk/08-Apr-2021/pdm-a-divided-movement (08.04.2021).

- ¹⁷ A national dialogue // dawn.com/news/1587427/a-national-dialogue (28.10.2020).
- ¹⁸ A national dialogue // dawn.com/news/1587427/a-national-dialogue (28.10.2020).
- ¹⁹ Opposition's criticism on Gen Bajwa infuriates Army: PM // nation.com.pk/19-Dec-2020/opposition-s-criticism-on-gen-bajwa-infuriates-army-pm (19.12.2020).
- ²⁰ The PDM's predicament // www.dawn.com/news/1603835/the-pdms-predicament?preview (27.01.2021).
- ²¹ Centre-Sindh tension. www.dawn.com/news/1629622/centre-sindh-tension (дата обращения: 15.06.2021).
- ²² Dangerous stand-off // dawn.com/news/1593560/dangerous-stand-off (01.12.2020).
- ²³ Shehbaz advises Bilawal to hold talks with govt // tribune.com.pk/story/2276122/shehbaz-advises-bilawal-to-hold-talks-with-govt (16.12.2020).
- ²⁴ The government's crashing ship and clashes with the opposition // nation.com.pk/01-Dec-2020/the-government-s-crashing-ship-and-clashes-with-the-opposition (01.12.2020).
- ²⁵ Dangerous stand-off // dawn.com/news/1593560/dangerous-stand-off (01.12.2020).
- ²⁶ Maulana Sherani, three others expelled from JUI-F // tribune.com.pk/story/2277397/maulana-sherani-three-others-expelled-from-jui-f (25.12.2020).
- ²⁷ Opposition's criticism on Gen Bajwa infuriates Army: PM // nation.com.pk/19-Dec-2020/opposition-s-criticism-on-gen-bajwa-infuriates-army-pm (19.12.2020); The PDM's predicament // www.dawn.com/news/1603835/the-pdms-predicament?preview (27.01.2021).
- ²⁸ PDM announces long march towards Islamabad on March 26 // tribune.com.pk/story/2282663/pdm-announces-long-march-towards-islamabad-on-march-26 (05.02.2021).
- ²⁹ Qureshi says Afghan National Security Advisor playing 'a role of spoiler' // nation.com.pk/06-Jun-2021/qureshi-says-afghan-national-security-advisor-playing-a-role-of-spoiler (06.06.2021).

ГЛАВА 15

Пакистанская рабочая сила в странах Персидского залива (2018–2021)

Денежные переводы пакистанцев, работающих за рубежом, являются одним из основных источников пополнения валютных резервов страны, жизненно важных для экономической стабильности.

Власти Исламабада, начиная с 1960-х годов, первой массовой волны выезда местного населения на заработки, рассматривают пакистанскую общину за рубежом как ценный актив, который, например, только за первые шесть месяцев 2020 г. в государственную казну принес 4,5 млрд долл.¹.

Пакистан является второй после Индии страной — экспортером рабочей силы в Южной Азии. Бюро эмиграции и занятости за рубежом зарегистрировало более 11,11 млн эмигрантов, выехавших для трудоустройства за пределы страны в 2020 г. Одно из основных направлений — страны Ближнего Востока².

Сложный период эпидемии коронавируса в 2019–2020 г. и осложнение дипломатических отношений с Саудовской Аравией привели к падению денежных переводов из-за рубежа, что, соответственно, повлияло на платежный баланс Пакистана. 2018–2019 год закончился для страны дефицитом бюджета³.

С большим трудом Исламабаду удалось восстановить объемы отправки рабочей силы за рубеж. И денежные переводы пакистанцев составили 2,27 млрд долларов в январе 2021 г., что на 19% больше, чем в январе 2020 г. В текущем финансовом году (июнь 2020 — июнь 2021 гг.) они выросли на 24% по сравнению с прошлым финансовым годом (2019–2020 г.). Премьер-министр Имран Хан в интервью одной из пакистанских газет заявил о рекорде для нашей страны, и я благодарю наших соотечественников, проживающих за рубежом... за вклад в экономику⁴.

Правительство Пакистанской партии Справедливости (ППС) предприняло в 2019–2020 гг. ряд мер, направленных на перевод

денежных средств на родину по официальным банковским каналам. Это способствовало тому, что за период с июля 2020 г. по февраль 2021 г., за семь месяцев текущего финансового года, пакистанцы, работающие за рубежом, перевели домой по банковским каналам больше сумм денег, чем в прежние годы. За этот период денежные переводы выросли на 24%.

Увеличение объема денежных переводов в значительной степени объясняется комплексом мер, принятых центральным правительством.

– Государственный банк Пакистана (ГБП) упростил процедуру отправки денег на родину по банковским каналам. Традиционно большинство пакистанцев, работающих за рубежом, на протяжении многих лет переводили деньги через друзей или неформальные каналы, такие как хунди и хавала. Причин несколько, однако самой распространенной оставалась низкий уровень финансовой грамотности населения.

– Запуск цифровых счетов Roshan ГБП для пакистанской диаспоры привлек более надежные долгосрочные депозиты почти на полмиллиарда долларов за последние несколько месяцев. В период с августа 2020 по январь 2021 г. пакистанцы, проживающие в 97 странах, открыли более 80 000 цифровых счетов *Roshan* и отправили в страну 500 млн долларов.

Ряд пакистанских банков, например Meezan Bank, HBL, Bank Alfalah, оперативно предоставили невысокую процентную ставку для цифровых счетов Roshan и разработали удобный для пользователя процесс перевода денег.

Государственный банк ввел дополнительные меры по пресечению незаконных каналов и стимулированию коммерческих банков к тому, чтобы сделать свои услуги доступными для людей, живущих в отсталых и финансово не связанных районах страны.

Приветствуя банковскую программу *Roshan Digital*, глава кабинета министров Имран Хан обратился к банковскому сектору с предложением сосредоточить внимание на двух общенациональных проектах, в частности *Жилищном проекте Новый Пакистан/ Naya Pakistan* — строительство недорогих резиденций и *Малых и средних предприятиях* — поддержка малообеспеченного сегмента

общества. Одновременно он обратился к пакистанцам, работающим за рубежом, инвестировать сбережения в социальные объекты. Проекты важны для повышения качества жизни простых людей. В ответ на призыв главы кабинета министров банки по договоренности с властями снизили комиссию за перевод финансов из-за рубежа по указанным сделкам⁵.

Инициатива правительства была направлена на поддержание экономики, считалось, что в период локдауна погибнет больше людей от голода, чем от эпидемии коронавируса. Одна из крупных инициатив правительства в месяцы эпидемии — предоставление статуса отрасли строительному и жилищному секторам, а также предоставление пакета льгот для инвесторов.

Строительная отрасль связана по меньшей мере с 40 другими отраслями, и инвестиции в этот сектор экономики дали необходимый импульс экономике помимо создания рабочих мест⁶. Объявление правительством льготных кредитов на жилье эконом-класса также оказало омолаживающий эффект на экономику. Эти меры стимулировали рост цементной и сталелитейной промышленности.

Премьер-министр высоко оценил роль банковского сектора в стимулировании открытия счетов пакистанской диаспорой. Стратегия привлечения финансовых средств от пакистанской диаспоры, включающая банковский сектор, дала успешные результаты в увеличении иностранных денежных переводов. Правительство И. Хана вновь обратилось к руководству Государственного банка Пакистана поддерживать постоянную связь с пакистанской общиной за рубежом и сформировать круглосуточную группу содействия, чтобы консультировать их по вопросам открытия счетов и связанным с ними вопросам.

Со своей стороны власти, осознавая трудовую миграцию как высокий актив, в целях оперативного предоставления услуг желающим выехать на заработки в 2019 г. запустили проект «Регистрация предполагаемых эмигрантов с помощью системы биометрической проверки, подключенной к Национальной базе данных и регистрации...». Проект работает в режиме «одного окна»⁷.

Власти одновременно инициировали кампанию по ликвидации незарегистрированных рекрутинговых агентств в тесной коорди-

нации с общенациональными газетами, Pakistan Telecommunication Authority и другими ведомствами. Государственные пограничные органы усилили таможенный контроль в портах с целью противодействия контрабанде валюты.

Премьер-министр И. Хан подтвердил в феврале 2021 г., что правительство намерено и далее оказывать содействие пакистанцам, работающим за рубежом, использовать их огромный потенциал на экономическое развитие⁸.

Пакистанские СМИ писали в начале 2021 г., что «экономика уже начала проявлять признаки оживления еще до того, как началась пандемия COVID-19»⁹. Однако главной проблемой остается экономический кризис, который не удалось преодолеть правительству премьер-министра И. Хана со дня прихода к власти в июле 2018 г. Уровень инфляции с 5,8% в июле 2018 г. вырос до 13% в 2020 г., что повлекло падение темпов роста за тот же период с 5,8 до 0,4%.

2018–2019 г. и следующий 2019–2020 финансовые годы закончились дефицитом бюджета¹⁰. Высокий темп роста инфляции способствовал росту цен на продовольствие и товары первой необходимости. Это повлекло за собой и рост безработицы, и социальное недовольство.

Однако ограничительные меры в ряде стран Персидского залива повлияли на снижение денежных переводов пакистанцев и, как результат, на платежный баланс Пакистана. Нелегальные каналы перевода финансов и, наконец, пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. вновь усугубили ситуацию¹¹. Страны Персидского залива традиционно приглашают пакистанскую рабочую силу для работы в различных секторах экономики и социальной сфере.

Кризис платежного баланса Пакистана осенью 2018 г. косвенно стал одной из причин большего внимания Исламабада странам Персидского залива. Инвестиции трех стран Персидского залива — КСА, ОАЭ и Катар в первой половине 2019 г. открыли новую страницу отношений с Пакистаном. Одними из первых инвестиционную поддержку Исламабаду оказали Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.

Исламабад обратился к инвесторам стран Персидского залива с единственной целью — временно защитить сокращавшиеся ре-

зервы. КСА предоставила денежный депозит в размере 3 млрд долларов и 3,2 млрд долларов в виде средств на отсроченные платежи. Кредиты Саудовской Аравии и ОАЭ были получены с процентной ставкой более 3,2%. Премьер-министр И. Хан дважды посещал Саудовскую Аравию, чтобы спасти истощающиеся валютные резервы страны¹².

Таким образом, Саудовская Аравия предоставила Пакистану финансовый пакет на сумму 6,2 млрд долларов в 2019 г. Эта сумма включала 3 млрд долларов финансовой помощи и 3,2 млрд долл. ежегодных поставок нефти и газа с отсрочкой платежей. Пакистан платил 3,2% процентов по кредиту. Однако, уже в начале 2020 г. королевство досрочно потребовало вернуть свои деньги. На выручку пришел Пекин, который и предоставил 1,5 млрд долл. для погашения долга в 2 млрд долл. Трансакция прошла в два этапа, в декабре 2020 г. Государственный банк Пакистана выплатил 1 млрд долл. и в январе 2021 г. Пакистан еще в мае 2020 г. выплатил Саудовской Аравии 1 млрд долларов из 3 млрд долларов заемных¹³.

ОАЭ также выделили денежный депозит в размере 2 млрд долл. Пакистану. Однако ОАЭ отказали в переводе последнего транша в размере 1 млрд долларов после того, как премьер-министр И. Хан посетил Катар в январе 2019 г. Разрыв дипломатических отношений с Катаром длился с 2017 г., после этого Саудовская Аравия и ее ключевые союзники — Объединенные Арабские Эмираты, Египет и Бахрейн — в 2017 г. объявили блокаду Дохе. Учитывая сложные отношения Эр-Рияда и Дохи, Исламабад запросил позицию саудитов, видя потепление их отношений. Глава кабинета министров И. Хан прилетел в Доху с единственной целью — поиск пакета экономической помощи. Помимо вопросов о снижении цен на поставляемый в Пакистан сжиженный газ, прямых инвестициях, увеличении объемов импортной продукции из Пакистана, И. Хан ставил вопрос о повышении квоты для пакистанской квалифицированной рабочей силы, выезжающей на заработки в Катар¹⁴.

Несмотря на эти огромные притоки, официальные валютные резервы Государственного банка Пакистана (СБП) по состоянию на 14 июня 2019 г. составляли всего 7,6 млрд долл.¹⁵.

Вызов пришел неожиданно и оттуда, откуда его не ждали, — из Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), которые 18 ноября 2020 г. приостановили выдачу рабочих и трудовых виз¹⁶. ОАЭ приостановили выдачу рабочих или трудовых виз гражданам 13 мусульманских стран, включая Пакистан, Сирию, Турцию, Иран, Йемен и др.¹⁷. Пакистан не получал официального уведомления о приостановке работы консульского департамента. В заявлении Министерства иностранных дел в середине ноября 2020 г. говорилось, что запрет касается только виз для посещения и, как полагают, связан со второй волной COVID-19.

В ОАЭ проживает 1,2 млн пакистанцев, составляющих значительную часть населения Эмиратов. Приостановление выдачи рабочих или трудовых виз вызвало беспокойство Исламабада. Власти Эмиратов подтвердили, что отказ в выдаче виз «до дальнейшего уведомления» распространяется на трудоустройство и визиты пакистанцев в возрасте до 65 лет¹⁸. Пакистанские СМИ писали, что пакистанская рабочая сила в ОАЭ, наряду с рабочей силой из других, в основном мусульманских стран, стала жертвой меняющейся геополитики на Ближнем Востоке. Действия властей ОАЭ по времени совпали с установлением дипломатических отношений между Эмиратами и Израилем. Позднее Израиль признали Бахрейн и Судан. Мусульманские страны, не имеющие дипломатических отношений с Иерусалимом, расценили подобные действия как давление с целью установления дипломатических отношений. Как известно, Пакистан не имеет дипотношений с Израилем.

Однако уже в конце ноября 2020 г. на 47-й сессии министров иностранных дел ОИК глава внешнеполитического ведомства Пакистана Ш. Куреши подтвердил государственному министру ОАЭ Риму аль-Хашими приверженность делу налаживания более тесного сотрудничества с Объединенными Арабскими Эмиратами в различных областях. Он проинформировал Риму аль-Хашими о трудностях, с которыми сталкивались пакистанские граждане из-за визовых ограничений¹⁹.

Пакистанские СМИ писали, что «в постковидной экономике это означало ситуацию, близкую к катастрофе». В ежегодном докладе Государственный банк Пакистана предупредил, что прину-

длительная репатриация пакистанцев, работающих за рубежом, может создать серьезные проблемы для экономики, поскольку в стране отсутствуют свободные рабочие места²⁰.

Еще в 2019 г. по указанию премьер-министра И. Хана была создана Целевая группа для расширения экспорта рабочей силы и содействия пакистанцам. В целях увеличения экспорта рабочей силы Министерство по работе с пакистанцами, работающими за рубежом, подписало Соглашения/Меморандумы о взаимопонимании с ОАЭ, Оманом и Японией.

Пакистан активно продвигал проект «трудовых мигрантов»; выделяя площади для иностранных рекрутинговых агентств на своей территории, Исламабад предоставил возможность Катару запустить проект «Разрешение на проживание». Находясь в Карачи или Исламабаде, пакистанцы получили право официально оформлять документы на работу, а также предоставлять требуемые Дохой биометрические данные, проходили медицинское обследование и подписывали трудовые контракты еще до выезда из Пакистана. Это позволяло незамедлительно приступить к работе сразу после прибытия в Катар.

* * *

Саудовская Аравия является одной из основных стран для пакистанских трудовых мигрантов (53%), затем следуют ОАЭ (33,78%), Оман (4,54%), Катар (3,09%), Малайзия (1,81%) и Бахрейн (1,31%). Увеличение экспорта рабочей силы в 2019 г. власти Пакистана приветствовали, учитывая важность поступления в страну денежных переводов, что способствовало стабилизации экономики и сдерживанию дефицита текущего счета в стране в 2018–2020 гг.

Тенденция к росту в 2019 г. была обусловлена стабилизацией экономик стран Персидского залива, в первую очередь в Саудовской Аравии, после восстановления цен на сырую нефть и принятых дипломатических усилий правительства И. Хана по увеличению экспорта рабочей силы и обеспечения мер безопасности для эмигрантов²¹.

Правительство Саудовской Аравии объявило о реформе политики в области труда в 2020 г. с заявленной целью «повысить эффектив-

ность рабочей среды... создать привлекательный рынок труда и улучшить условия жизни рабочих мигрантов»²².

Реформа осуществляется в рамках реализации программы «Видение 2030», комплексного плана страны по диверсификации зависимой от сырой нефти экономики. Реформы являются частью более широкого плана, известного как Vision 2030, инициированного наследным принцем Мохаммедом бен Салманом.

Министерство человеческих ресурсов и социального развития КСА в ноябре 2020 г. объявило об «Инициативе в области реформы труда в рамках Национальной программы преобразований с целью совершенствования договорных отношений между работниками и работодателями. Инициатива направлена на имплементацию видения Министерства по созданию привлекательного рынка труда, расширению прав и возможностей и развитию трудовых компетенций и рабочей среды в Королевстве»²³. Инициатива вступила в силу в марте 2021 г.

Страны Персидского залива в последние годы настаивали на отмене этой системы. В Саудовской Аравии действовала одна из самых строгих систем «кафала» (спонсорство) в регионе.

Новые правила относятся исключительно к иностранной рабочей силе и не будут применяться к 3,7 млн местных работников Саудовской Аравии.

После экономических потрясений, вызванных пандемией COVID-19, сотни тысяч нелегальных рабочих остаются в затруднительном положении в Саудовской Аравии.

В соответствии с ограничительной системой «кафала» в Саудовской Аравии у рабочих было мало возможностей избежать злоупотреблений; работодатели контролировали выезд трудовых мигрантов из страны и их возможность сменить место работы; отбирали у рабочих паспорта, создавали условия для сверхурочной работы, отказывая им в дополнительной зарплате. Это часто приводило к тому, что тысячи рабочих «убегали» от работодателей, лишаясь своих документов.

Система «кафала», действующая в нескольких странах Персидского залива, связывает правовой статус иностранных рабочих с их работодателем. Зачастую она ставила рабочих в зависимое положение, содержала элементы эксплуатации.

В рамках реформы политики в области труда КСА одобрила ряд инициатив, например ослабление основных ограничений, контрактные ограничения для иностранных рабочих, включая свободу смены места работы. Мобильность сотрудников позволит иностранным работникам переходить от одного работодателя к другому по истечении обязательного трудового договора без согласия работодателя.

Саудовская Аравия ослабляет ограничения системы «кафала» для рабочих-мигрантов, (отдельные пункты договорных ограничений), что давало работодателям возможность контролировать жизни около 10 млн рабочих-мигрантов.

Министерство трудовых ресурсов Саудовской Аравии заявило, что «Инициатива в области реформы труда» будет применяться ко всем иностранцам, работающим в частном секторе страны. Новая так называемая «Инициатива в области трудовых отношений» затронет примерно 10 млн иностранных рабочих в королевстве, что составляет около трети всего населения Саудовской Аравии. Этим работникам не потребуется в дальнейшем получать согласие работодателя на увольнение или смену работы; им разрешается выезжать за пределы королевства без согласия работодателя. «Реформы выездных и повторных виз позволяют иностранным работникам ездить по стране... без согласия работодателя после подачи запроса, (и) работодатель будет уведомлен в электронном виде об их отъезде»²⁴.

«Инициатива в области реформы труда» (ИРТ) разрешает смену места работы трудовых мигрантов, регулирует им выдачу виз для выезда и повторного въезда. ИРТ применяется ко всем иностранным работникам, занятым в частном секторе. Одновременно она включает меры контроля, принятые для соблюдения прав обеих сторон в договорных отношениях

«Инициатива» вступила в силу 14 марта 2021 г.

С этого дня так называемая система «кафала» перестала официально функционировать. В соответствии с ней правовой статус около 10 млн трудовых мигрантов, включая пакистанцев, был «привязан» к определенному работодателю. Пакистанские СМИ писали, что это, в свою очередь, способствовало злоупотреблениям, таким как принудительный труд, торговля людьми и условия, подобные рабству²⁵.

Министерство людских ресурсов и социального развития заявило, что с этого времени экспатриантам в будущем не потребуется разрешение работодателя сменить работу, а также разрешение на поездки или выезд из Саудовской Аравии. В королевстве в настоящее время проживает около 10 млн иностранцев.

«Инициатива» дополнит ранее объявленные инициативы, например систему защиты заработной платы, цифровую документацию трудовых договоров, Инициативу по трудовому образованию и повышению осведомленности и др.

Иностранные рабочие также получили право напрямую обращаться в местные государственные органы за услугами; их контракты с работодателями будут оформляться в цифровом виде. Власти полагают, что это будет способствовать сокращению искусственно созданного неравенства между саудовскими рабочими и иностранной рабочей силой.

Инициатива в области реформы труда направлена на повышение конкурентоспособности местного рынка труда, повышение уровня трудового законодательства до уровня международной практики, привлечет высокопоставленных специалистов со всего мира. Ожидается, что ИРТ также сократит количество судебных споров между работодателями и иностранными рабочими.

ИРТ направлена на развитие местного рынка, повышение производительности в частном секторе, привлечение высококвалифицированных специалистов и, в конечном итоге, содействие достижению целей *Vision 2030* через Национальную программу преобразований.

ИРТ также включает описание условий труда в течение срока действия контракта, но при условии соблюдения таких пунктов, как сроки уведомления и соблюдение сторонами согласованных ранее мер.

Реформа отменит отчеты о «беглых» иностранных рабочих. В случае неявки трудового мигранта на работу он автоматически лишается документов, мог быть арестован, заключен в тюрьму и депортирован.

Однако часть системы «кафала» осталась в силе. Работодатель необходим наемному иностранному работнику в первую очередь для подачи официального приглашения и спонсорской поддержки для приезда в страну. Работодатели сохраняют за собой право продлевать или отменять разрешения на проживание рабочих в указанное время.

Пакистанские СМИ писали, что система «кафала» будет существовать до тех пор, пока и рабочая виза, и виза на жительство будут привязаны к человеку, известному как «кафель», или спонсор²⁶. В Саудовской Аравии в настоящее время проживают без документов сотни тысяч пакистанских рабочих. Власти Эр-Рияда до настоящего времени замалчивают свою позицию, позволят ли они таким работникам/ нелегальным эмигрантам, многие из которых лишились документов не по своей вине, возможность легализовать свой статус, в том числе вести поиск новых работодателей.

¹ PM promises privileges to overseas Pakistanis // www.dawn.com/news/111011/pm-promises-privileges-to-overseas-pakistanis (12.07.2020).

² Pakistan Economic Survey 2019–20. Chapter 12. Overseas Employment // www.finance.gov.pk/survey/chapter_20/12_Population_Labour_Force_and_Employment.pdf P. 238–244.

³ The government's crashing ship and clashes with the opposition // nation.com.pk/01-Dec-2020/the-government-s-crashing-ship-and-clashes-with-the-opposition (01.12.2020).

⁴ Encouraging portents. nation.com.pk/19-Feb-2021/encouraging-portents (21.02.2021).

⁵ Return of peace in Afghanistan will have lasting benefits: PM // nation.com.pk/19-Feb-2021/return-of-peace-in-afghanistan-will-have-lasting-benefits-pm (19.02.2021).

⁶ Encouraging portents. nation.com.pk/19-Feb-2021/encouraging-portents (21.02.2021).

⁷ Pakistan Economic Survey 2019–20. Chapter 12. Overseas Employment // www.finance.gov.pk/survey/chapter_20/12_Population_Labour_Force_and_Employment.pdf P. 238–244.

⁸ Return of peace in Afghanistan will have lasting benefits: PM // nation.com.pk/19-Feb-2021/return-of-peace-in-afghanistan-will-have-lasting-benefits-pm (19.02.2021).

⁹ Encouraging portents // nation.com.pk/19-Feb-2021/encouraging-portents (21.02.2021).

¹⁰ The government's crashing ship and clashes with the opposition // nation.com.pk/01-Dec-2020/the-government-s-crashing-ship-and-clashes-with-the-opposition (01.12.2020).

¹¹ The government's crashing ship and clashes with the opposition // nation.com.pk/01-Dec-2020/the-government-s-crashing-ship-and-clashes-with-the-opposition (01.12.2020).

¹² Strategic shift in Pakistan's foreign policy // tribune.com.pk/story/2290689/strategic-shift-in-pakistan-s-foreign-policy (22.03.2021).

¹³ China again bails out Pakistan to pay Saudi debt // tribune.com.pk/story/2275770/china-again-bails-out-pakistan-to-pay-saudi-debt (13.12.2020).

¹⁴ PM seeks economic assistance package from Doha // www.dawn.com/news/1459236/pm-seeks-economic-assistance-package-from-doha (23.01.2019).

¹⁵ Qatar announces \$3 billion investment in Pakistan // tribune.com.pk/story/1999167/2-qatar-announces-3-billion-investment-pakistan/ (25.06.2019).

¹⁶ Halting UAE visas // www.dawn.com/news/1592657/halting-uae-visas (27.11.2020).

¹⁷ Fears of Pakistan losing job market to India grow after UAE visa ban // tribune.com.pk/story/2273538/fears-of-pakistan-losing-job-market-to-india-grow-after-uae-visa-ban (26.11.2020).

¹⁸ Israel sends first delegation to Sudan since normalization // www.dawn.com/news/1592095/israel-sends-first-delegation-to-sudan-since-normalisation (24.11.2020).

¹⁹ Meeting between Foreign Minister Shah Mahmood Qureshi and UAE Minister of State // mofa.gov.pk/meeting-between-foreign-minister-shah-mahmood-qureshi-and-uae-minister-of-state/ (28.11.2020).

²⁰ SBP warns of forced repatriation of overseas Pakistani workers // dawn.com/news/1591542/sbp-warns-of-forced-repatriation-of-overseas-pakistani-workers (24.11.2020).

²¹ Pakistan Economic Survey 2019–2020. Chapter 12. Overseas Employment // www.finance.gov.pk/survey/chapter_20/12_Population_Labour_Force_and_Employment.pdf P. 238–244.

²² Ministry of Human Resources and Social Development Launches Labor Reforms for Private Sector Workers // hrsd.gov.sa/en/news/ministry-human-resources-and-social-development-launches-labor-reforms-private-sector-workers (04.11.2020).

²³ Ministry of Human Resources and Social Development Launches Labor Reforms for Private Sector Workers // hrsd.gov.sa/en/news/ministry-human-resources-and-social-development-launches-labor-reforms-private-sector-workers (04.11.2020).

²⁴ Saudi Arabia to ease restrictions on foreign workers // tribune.com.pk/story/2271032/saudi-arabia-to-ease-restrictions-on-foreign-workers (04.11.2020).

²⁵ What Will it Take for Saudi Arabia to Abolish Abusive Sponsorship System? // www.hrw.org/news/2020/10/30/what-will-it-take-saudi-arabia-abolish-abusive-sponsorship-system (30.10.2020).

²⁶ Saudi Arabia to ease restrictions on foreign workers // tribune.com.pk/story/2271032/saudi-arabia-to-ease-restrictions-on-foreign-workers (04.11.2020).

ГЛАВА 16

Опыт Китая по преодолению технологической отсталости

Программы развития и реалии их выполнения

Крестовый поход сорок пятого американского президента против технологических корпораций Китая высветил много интересных вещей. Во-первых, подтвердилась высокая взаимозависимость и переплетение инноваций в сфере высоких технологий: в основе любого продукта лежит множество зарубежных изобретений. Во-вторых, оказалось, что практически в каждом заложен американский патент.

В результате атака американского государства на китайских IT-гигантов оказалась очень чувствительной как для самих корпораций, так и для их поставщиков со всего мира. Особо болезненный удар пришелся на Huawei Technologies. Однако компании удалось удержаться на ногах. Накопленные знания и значительные финансовые ресурсы этому способствовали. Сказалась и поддержка правительства КНР. Оно, в частности, выкупило через подконтрольные фирмы подразделение Huawei, выпускающее мобильные телефоны под брендом Honor. Это позволило обойти американские санкции и вернуть в производимые смартфоны сервисы Google. Однако проявившаяся очевидная зависимость от западных технологий подстегнула правительство и крупнейшие китайские корпорации увеличить затраты на разработку альтернативных американским продуктов и ускорить преодоление зависимости от зарубежного оборудования и комплектующих.

Промежуточные итоги американо-китайского противостояния также показали, что китайские технологии, несмотря на остающуюся зависимость от западных разработок, уже обрели самостоятельную ценность. Политика, заложенная еще несколько десяти-

летий назад и направленная на преодоление технологической отсталости, сегодня приносит великолепные плоды.

Почва для взращивания инноваций на китайской территории правительством подготавливалась долго и планомерно, при этом зарубежным технологиям отводилась огромная роль, что было оправдано. Для ускоренного развития проще опереться на уже существующий базис, чем создавать его с нуля.

Старт Китая в технологическое будущее состоялся еще в 1980-е годы, когда сюда были перенесены зарубежные производства, и стали создаваться государственные программы развития. С тех пор было реализовано несколько государственных планов и проведено несколько реформ, нацеленных на преодоление промышленной отсталости. С середины 1990-х годов правительство Китая выделяло все больше ресурсов на НИОКР, чтобы достичь уровня технологической интенсивности промышленно развитых стран. Приоритетное внимание стало уделяться сектору высшего образования, с концентрацией финансовой поддержки на ключевых наукоёмких университетах. Отличительной чертой китайской системы инноваций является создание университетских предприятий, которые непосредственно способствуют инновационному развитию и накоплению квалифицированной рабочей силы¹. В 2016 г. номинальные расходы Китая на НИОКР превысили расходы Японии, Германии и Южной Кореи, вместе взятых². Расходы КНР на НИОКР в 2018 г. составляли 2,1% от общего объема ВВП, занимая по этому показателю 15-е место в мире³.

Всего в сфере НИОКР правительством Китая было создано 9 крупных программ и планов развития. Одна из последних — крайне амбициозная, но имеющая все предпосылки для своей реализации — программа Си Цзиньпина «Сделано в Китае 2025». Именно она вызывает наибольшую тревогу американского истеблишмента. Ее целью ставится превращение Китая в инновационного промышленного гиганта к 2049 г. Причем приоритет отдается интенсификации развития сразу в десяти ключевых отраслях. Для оценки масштабов имеет смысл перечислить их все: IT-индустрия нового поколения, станки с цифровым управлением и роботы высшего класса, аэрокосмическое оборудование, морское инженер-

ное оборудование и высокотехнологичные суда, передовое оборудование для железнодорожного транспорта, энергосбережение и автомобили, работающие на новых источниках энергии, электро-энергетическое оборудование, сельскохозяйственное машиностроение, новые материалы, биофармацевтика и медицинская техника с высокими характеристиками⁴.

Число китайских патентов, как и их качество, из года в год неуклонно растет. Повышение объема заявок стало одной из задач, поставленных китайским правительством, которую необходимо решить для технологического прорыва на всех этапах реформ. Рост патентования происходил не только в китайском патентном ведомстве (Национальная администрация интеллектуальной собственности Китая), но и в других юрисдикциях. За последнее десятилетие китайские компании добились десятикратного увеличения своей доли патентов даже в США, где требования к заявкам существенно выше того, к чему привыкли новаторы из КНР. Китай впервые вошел в пятерку крупнейших получателей патентов США в 2017 г., уступив лишь американским, японским, корейским и немецким представителям.

В связи с этим неудивительно также то, что, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), число китайских заявок на патенты РСТ (Договоры о патентной кооперации) увеличилось с 782 в 2000 г. до 48 899 в 2017 г., впервые обогнав Японию. По объему заявок здесь Китай опережает Германию и Южную Корею и отстает только от США (56 680 заявок)⁵.

В некоторых отраслях Китай достиг уже настолько несомненных успехов, что обогнал даже конкурентов, имевших за плечами огромный опыт технологического развития. Два китайских телекоммуникационных гиганта Huawei и ZTE оказались лучшими корпоративными заявителями РСТ с 2015 г. За ними следуют американская Intel, японская Mitsubishi и американская же Qualcomm⁶. Это выдающийся результат. До 2000-х гг. ни одна китайская компания не входила в топ-100 по мировым корпоративным патентным заявкам.

Передовые позиции китайским корпорациям удалось занять в совершенно новых индустриях, где стартовые условия для всех

были практически одинаковыми. Так, очевидное лидерство оказалось за китайскими производителями в технологиях 5G.

Однако ахиллесовой пятой для них стало то, что комплектующие, которые они закупали в других странах, содержали американские разработки. Американское правительство воспользовалось этим и ввело санкции на поставку соответствующих элементов, затормозив победное шествие конкурентов в европейских странах. Чтобы преодолеть эти преграды, китайским корпорациям, очевидно, придется потратить некоторое время, чтобы обеспечить себя комплектующими собственного производства или обойти американские запреты.

Помимо микроэлектроники и технологий 5G есть еще несколько сфер, где тяжелая поступь коммунистического Китая и его корпораций заставляет трепетать западный мир и азиатских соседей. Одна из них — зарождающаяся отрасль водородной энергетики. Гонка за лидерство здесь только началась, но соревнование обещает быть не менее напряженным, чем то, что мы наблюдаем в сфере производства смартфонов и технологий нового поколения связи.

Борьба за лидерство в сфере водородной энергетики

Одним из направлений развития водородной отрасли Китая была разработка топливных элементов, которые преобразуют водород обратно в электричество для питания автомобилей, автобусов, дронов, а также для отопления. Здесь Китай считается пионером. Он поставил себе цель (и успешно ее достиг) к 2020 году произвести 5000 автомобилей на топливных элементах. К 2030 г. цель определена как 1 миллион водородомобилей.

Согласно базе Google Patent⁷, по количеству полученных патентов в сфере, касающейся топливных элементов, с 2017 г. лидирует целый сонм китайских научных учреждений с вкраплением японской Toyota и корейской Hyundai. Это может свидетельствовать о том, что в водородной энергетике Китай делает ставку на собственные технологии. Однако традиционный путь получения но-

ваторских идей тоже не забыт. Китайские промышленные гиганты активно инвестируют в соответствующие технологические компании других стран, что вновь вызывает раздражение американских и европейских производителей, опасющихся потерять свои конкурентные преимущества в области водорода и топливных элементов, как это уже случилось, например, с отраслью ВИЭ, когда европейские производители солнечных панелей, несмотря на лидерство своих технологий, просто не выдержали конкуренции с китайскими поставщиками и разорились.

В этой связи интересен доклад «Перспективы водорода и топливных элементов в Китае», который был представлен в 2018 г. на заседании комитета по водороду (The Hydrogen and Fuel Cell Technical Advisory Committee) при департаменте энергетики США⁸. В нем впервые были озвучены упомянутые опасения. Следующий доклад на эту тему вышел уже в августе 2019 г. Здесь потенциальное лидерство Китая обозначалось уже как «трагедия» и давалась объективная оценка китайских возможностей: «для Соединенных Штатов было бы трагедией сделать первые инвестиции в эту отрасль только для того, чтобы увидеть, как большая часть из 30 млн рабочих мест и 2,5 трлн долларов в год доходов, прогнозируемых Советом по водороду, переместится в офшоры в такие страны, как Китай. Китай — это пресловутый “слон в комнате”, поскольку это единственная страна, имеющая как средства, так и мотивацию для производства топливных элементов и электролиза на высшем национальном уровне. Эта страна использует имеющиеся возможности для быстрого поглощения лучших технологий в водородной и топливной промышленности. Китай начинал с относительно рудиментарной технической базы. Однако в то время как остальному миру потребовались десятилетия, чтобы развить нынешнюю технологическую базу в топливных элементах и водородной инфраструктуре, Китай, благодаря своим согласованным усилиям, может приобрести или контролировать основную часть этого ноу-хау в течение нескольких лет. Кроме того, используя свои внутренние рынки, он может наращивать объемы, чтобы снизить производственные издержки по сравнению с любой другой страной»⁹ В качестве примера китайской стратегии

поглощения интересующих его технологий были названы крупные вложения китайских Weichai и Broad-Ocean Motors в канадскую Ballard Power Systems. Как отмечают авторы доклада, Ballard Power Systems является пионером отрасли и имеет передовые технологии топливных элементов. Проведенная в 2018 г. сделка «делает возможной оптовую передачу возможностей канадской Ballard в Китай и возможный контроль над ней». При этом также указывается, что Ballard — не единственная компания в соответствующем сегменте, которая воспользовалась китайскими инвестициями.

С производством электролизеров, в отличие от топливных элементов, ситуация не такая однозначная, но не менее тревожная для европейцев. Пока лидером этой отрасли является Германия. Ее доля на мировом рынке электролизеров в 2020 г. составляла 19%. Однако Китай, занимаясь насыщением собственного рынка, уже догоняет лидеров этого направления — Германию, Японию (17%) и Таиланд (16%). При этом с долей мирового рынка в более чем 15% он уже значительно обошел по этому показателю США (5,6%)¹⁰. Китайские производители опережают Европу в производстве недорогого оборудования для производства водорода, но уступают им в качестве, эффективности, масштабируемости и гибкости. Но это тот случай, когда цена имеет значение. И это уже ахиллесова пята европейцев. История с солнечными батареями подтверждает эти опасения.

Опыт заимствований в авиационной сфере

Важно отметить, что интерес к зарубежному опыту у КНР не ослабевает. Он настолько велик, что активно применяются даже заимствованные методы, о чем неоднократно говорил Дональд Трамп, обвиняя китайские компании и граждан в краже технологий. Так, 30 октября 2018 г. Министерство юстиции США предъявило обвинения в промышленном шпионаже нескольким сотрудникам разведывательных служб Китая, а также работающим на них лицам, которые занимались кибервзломами, в том числе американских авиастроительных компаний. Им вменяется в вину кража

технологий для производства турбореактивных двухконтурных авиадвигателей, которые используются в пассажирских авиалайнерах американского и европейского производства¹¹.

Авиационные двигатели — одна из тех сфер, где Китай еще слаб и готов прибегать к зарубежному опыту на законных и не очень законных основаниях. Приведем один кейс, связанный с попыткой приобретения китайскими инвесторами крупнейшего еще со времен СССР предприятия по производству авиационных двигателей, базирующемся на Украине, «Мотор Сич».

Летом 2019 г. стало известно, что китайские компании Skyrizon Aircraft и Xinwei Group подали на согласование в Антимонопольный комитет Украины (АМКУ) сделку по покупке более 50% акций единственного на Украине производителя авиационных двигателей «Мотор Сич»¹². Тогда же было озвучено, что помощник американского президента по национальной безопасности Джон Болтон выразил свое несогласие с этой сделкой, стремясь ее не допустить. В Белом доме считают, что она даст Пекину важные оборонные технологии и позволит Китаю расширить свой военный потенциал. Пекин прежде всего заинтересован в модернизации парка воздушной техники большой грузоподъемности и в этом плане рассчитывает на помощь специалистов «Мотор Сич», выстраивая отношения с украинской компанией уже не первый год.

С 2015 г. шли разговоры о том, что «Мотор Сич» совместно с китайской компанией Skyrizon Aviation построят завод в городе Чунцин¹³ (юго-запад Китая), мощностью 1000 двигателей в год. Все расходы по инвестициям обязалась нести китайская сторона, украинская должна была выступать как проектировщик. Стоимость проекта — \$3 млрд. В начале 2017 г. украинские власти официально поддерживали совместный украинско-китайский проект, а министр экономического развития Степан Кубив с гордостью говорил о привлечении \$250 млн китайских инвестиций, которые должны были пойти на модернизацию производственных и проектных мощностей «Мотор Сич» в Запорожье. Завод планировали ввести в эксплуатацию в 2020 году.

Позднее появилась информация, что с 2016 г. владельцами акций «Мотор Сич» стали несколько компаний из Панамо-Виргинс-

ких островов, бенефициары которых — граждане Китая. Однако эту сделку в украинском машиностроении заблокировала Служба безопасности Украины. Следствие заподозрило, что иностранные акционеры компании намерены противоправно сконцентрировать приобретенный пакет акций и получить полный контроль над деятельностью компании в сфере военных оборонных заказов. Весной 2018 года 56% акций «Мотор Сич» были арестованы по решению суда в рамках расследования дела об «умышленном разрушении стратегического предприятия». По версии следствия, речь шла о незаконной продаже этих акций китайской компании Beijing Skyrizon Aviation Industry с целью ликвидации завода и вывода его технологий за границу¹⁴.

В начале июля 2019 г. АМКУ сообщил о попытке государственного концерна «Укроборонпром» вернуть себе контроль над «Мотор Сич». Государственный концерн совместно с зарегистрированной на Британских Виргинских островах компанией Skyrizon Aircraft подал заявку в АМКУ на получение контрольного пакета акций единственного на Украине производителя авиационных двигателей. Одновременно Skyrizon Aircraft обратилась в комитет за разрешением на покупку акций ряда компаний, которые в настоящее время выступают акционерами «Мотор Сич», что было расценено Анти-монопольным комитетом как часть «многоступенчатой транзакции, направленной на обретение контроля над “Мотор Сич”»¹⁵. Чтобы получить разрешение на покупку, корпорация Beijing Skyrizon Aviation Industry предложила уступить госконцерну Укроборонпром 25% акций запорожского гиганта. В случае одобрения сделки китайские инвесторы обещали внести в госбюджет Украины \$100 млн на развитие авиастроительной отрасли.

Китай может интересоваться локализация производства самого востребованного украинского вертолетного двигателя ТВ3–117, моторов АИ-322Ф для учебно-тренировочных самолетов типа L-15 Hongdu, а также Д-436–148ФМ и МС-500В-С для транспортных самолетов Ан-158, Ан-178 и L-410.

В будущем Китай также хочет освоить выпуск двигателя на базе украинского Д-136 (сейчас проходит испытания) для перспективного российско-китайского тяжелого вертолета нового поколе-

ния ANL¹⁶. Межправительственное соглашение о создании тяжелого вертолета нового поколения было подписано в Пекине. Главной разработчик ANL (Advanced Heavy Lift) — китайская компания Aviation Industry Corporation of China (AVIC). Холдинг «Вертолеты России» отвечает за разработку технического предложения на вертолет, а также за разработку трансмиссии, рулевого винта и элементов противообледенительной системы. Сейчас на двигателе Д-136 производства «Мотор Сич» летает Ми-26 — самый грузоподъемный вертолет в мире, главным эксплуатантом и производителем которого является Россия. Пока альтернативы этому двигателю нет ни на Западе, ни в Китае, ни в России. Китайский вертолет будет быстрее, но с меньшим объемом грузовой кабины, дальностью и грузоподъемностью. Предполагается, что ANL будет конкурировать с американским Sikorsky CH-53E Super Stallion с похожими характеристиками.

Другими словами, там, где китайские специалисты еще не обладают необходимым набором знаний, в бой вступают неограниченные финансовые ресурсы для скупки не только технологий, но и производств, с привлечением иностранных специалистов.

Формирование нормативно-правовой базы для ПИИ

Важным элементом для реализации всех стратегий по усвоению зарубежного опыта стало формирование необходимой нормативно-правовой базы, затрагивающей в том числе вопросы привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), способствующих приобретению и присвоению иностранных технологий.

На первом этапе ПИИ были ограничены совместными предприятиями (СП) между иностранными компаниями и местными, преимущественно государственными, предприятиями. Совместные предприятия должны обеспечивать технологическую и организационную подготовку и проводить некоторые виды экономической деятельности, способствующие технологической модернизации¹⁷. Закон, регулирующий деятельность полностью иностранных

предприятий, был введен в действие в апреле 1986 г. Компании с иностранными инвестициями должны были применять передовые технологии для разработки новых продуктов, экономии энергии и природных ресурсов, улучшения существующих продуктов и / или замены импортируемых продуктов или экспорта 50% продукции¹⁸.

В 1995 г. в законодательство о прямых иностранных инвестициях были внесены очередные изменения. Инвестиции были распределены по трем категориям: поощряемые, ограниченные и запрещенные. Критериями для соответствующего распределения стали используемые инвесторами технологии, возможности экспорта, географические районы, в которых планировалось развитие производства, степень конкуренции с отечественной промышленностью и экологические возможности. В Каталоге руководящих указаний для сферы иностранных инвестиций указывается, что поощряемые проекты получают выгоду от снижения подоходного налога и налога на добавленную стоимость; инвесторы могут импортировать средства производства без соблюдения стандартной таможенной процедуры. Они также могут иметь доступ к средствам заимствования. К поощряемым инвестициям относятся те, которые инициируют использование новых сельскохозяйственных технологий, эффективных технологий; поставляют / используют энергию в рамках устойчивого подхода; способствуют снижению загрязнения атмосферы, земли и воды и уменьшению негативных внешних последствий промышленной деятельности¹⁹. Кроме того, ПИИ должны обеспечивать передачу технологий и новых средств производства.

Обязательная передача технологий — один из самых критикуемых зарубежными инвесторами пунктов китайского законодательства, но при этом крайне важный для реализации Китаем стратегии преодоления технологической отсталости. Обвинения в адрес Китая, касающиеся несправедливого подхода в отношении иностранных инвестиций, имеют под собой основания, но сам подход оказывается вполне логичным с позиций страны-реципиента. Его положительные для республики результаты неоспоримы. И только теперь, добившись значительных успехов, КНР может себе позволить снять ряд жестких ограничений для

иностранных инвестиций. Первым и пока единственным, кому удалось достигнуть соглашения с Китаем о либерализации инвестиционного законодательства, был Европейский союз. 30 декабря 2020 г., после семи лет переговоров, ЕС и Китай смогли заключить предварительную версию «Всеобъемлющего соглашения об инвестициях». На его окончательную доработку и ратификацию отводится еще два года. Согласно появившейся информации, Китай обязуется расширить доступ инвесторов из Европы к рынкам, предоставив европейским компаниям равные условия в конкурентных отношениях с китайскими компаниями. При этом будут сняты требования об обязательной передаче технологий. Инвесторам из ЕС будет разрешено создавать новые компании в ключевых секторах. Китай согласился открыть производства для инвесторов из ЕС за исключением тех отраслей, где уже есть значительный избыток производственных мощностей. Кроме того, речь также шла об отмене количественных ограничений, лимитов капитала и/или требований к совместным предприятиям в различных секторах²⁰.

Поддержка стартапов и привлечение зарубежных специалистов

Помимо возрастающего финансирования на НИОКР, поддержки прямых иностранных инвестиций, обеспечивающих передачу технологий, проводились также реформы налогообложения с целью оказать поддержку зарождающимся местным технологическим компаниям. В 2014 г., в целях реализации пятилетнего плана в области инновационного развития, премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян выдвинул концепцию «массового предпринимательства и инноваций» для поддержки технологических стартапов, которая подразумевала налоговые преференции и способствовала привлечению талантов и финансирования. В 2017 г. Государственная налоговая администрация сократила корпоративный подоходный налог микропредприятий вдвое. А Министерство общественной безопасности в июле 2019 г. ввело новую иммиграционную политику и политику упрощения въезда-выезда, чтобы

привлечь больше ведущих иностранных специалистов для открытия бизнеса и инвестиций в Китае. Вообще привлечению умов из-за рубежа уделяется не меньше внимания, чем усилению поддержки университетов.

Как выяснил подкомитет по расследованиям Сената США, немалая роль в реализации поставленных задач по преодолению технологической отсталости отводится найму зарубежных специалистов. Им предлагаются высокие зарплаты, финансирование исследований и лабораторные помещения в обмен на доступ к ноу-хау, экспертным знаниям и иностранным технологиям. Согласно расследованию²¹, программ по рекрутингу ученых из других стран у Китая более 200. Но особое внимание американских сенаторов привлек план «Тысяча талантов». К 2017 г. Китай резко превысил свою цель по набору персонала, наняв более 7000 «высококлас-ных специалистов», включая нескольких нобелевских лауреатов, говорится в докладе²². Интересно, что в нем также представлены документы, свидетельствующие об обязательствах нанятых специалистов скрывать истинную и предоставлять государственным органам своих стран ложную информацию о своей деятельности. Приезжающие ученые подписывают юридически обязывающие контракты с китайскими институтами, такими как университеты и исследовательские институты. Эти контракты «могут стимулировать участников лгать в заявках на гранты американским гранто-дающим агентствам, создавать “теневые лаборатории” в Китае, работающие над исследованиями, идентичными их американским исследованиям, и, в некоторых случаях, передавать с трудом заработанный интеллектуальный капитал американских ученых. Некоторые из контрактов также содержат положения о неразглашении и требуют разрешения китайского правительства на расторжение соглашения, предоставив китайскому правительству значительные рычаги влияния на членов плана набора талантов», — указывается в расследовании подкомитета Сената. Например, участники китайского плана по набору специалистов удалили 30 000 электронных файлов перед отъездом в Китай; некоторые представляли ложную информацию при подаче заявки на получение американского гранта; другие подавали патентные заявки в китайское па-

тентное ведомство на основе исследований, финансируемых правительством США. Один из членов китайского плана по набору талантов украл проприетарную оборонную информацию, связанную с американскими военными реактивными двигателями, а другие по контракту согласились предоставить китайским учреждениям права интеллектуальной собственности, которые пересекались с исследованиями, проводимыми в американских институтах²³.

Еще одним стимулом для развития технологической отрасли стала запущенная в 2019 г. китайская фондовая биржа Star Market — аналог американской Nasdaq. Эта площадка создана для местных технологических компаний. Она ориентирована на поддержку высокотехнологичных и новых отраслей, включая информационные технологии следующего поколения, высококачественное оборудование, новые материалы, новую энергию, энергосбережение и защиту окружающей среды, а также биомедицину. Согласно задумке, имеющийся рынок капитала должен расширять свою вовлеченность в отношении технологических и инновационных стартапов и активизировать игроков рынка; с другой стороны, он должен также повысить информационную прозрачность предприятий, улучшить механизмы проверки, предотвратить «ложные инновации» и перегрев капитала.

Восьмидесятые годы XX века стали для Китая началом новой эпохи. Именно тогда были заложены нормативные основы для успешного заимствования промышленного опыта развитых стран и рывка в технологическое будущее. Этому также способствовал перенос европейских производств в азиатские страны с дешевой рабочей силой. Последующие программы инновационного развития, повышенное внимание к университетскому образованию, приглашение зарубежных специалистов, промышленный шпионаж и появившиеся со временем в результате успешной реализации стратегий развития огромные финансовые ресурсы, направленные на скупку технологий, позволили Китайской Народной Республике выйти во многих секторах на передовые позиции. И сейчас совершенно очевидно, что потенциал этой страны не исчерпан. Он лишь нарабатывается.

¹ Hu M.C., Mathews J.A. China's National Innovative Capacity // Research Policy. 2008. № 37. P. 1465–1479.

² Are patents indicative of Chinese innovation? // chinapower.csis.org/patents/ (20.08.2020).

³ Rising Innovation in China. China Innovation Ecosystem Development Report 2019. September 2019. Deloitte China. P.10

⁴ Стратегические документы зарубежных стран по инновационно-технологическому развитию // www.imemo.ru/index.php?page_id=1150# (20.08.2020).

⁵ Взято по Are patents indicative of Chinese innovation? // chinapower.csis.org/patents/ (20.09.2020).

⁶ WIPO statistics. 2018

⁷ patents.google.com/?q=((Fuel+cell+hydrogen))&after=priority:20170101&oq=((Fuel+cell+hydrogen))+after=priority:20170101 (20.08.2020).

⁸ hydrogen.energy.gov/pdfs/htac_competitiveness_subcommittee_report_2019.pdf?fbclid=IwAR2uaQuy9mkvlzdOI_c_mtYEChpipKxUdCwLRsh9G8KqLeeO4dfUo_itshg (20.09.2020).

⁹ hydrogen.energy.gov/pdfs/htac_competitiveness_subcommittee_report_2019.pdf?fbclid=IwAR2uaQuy9mkvlzdOI_c_mtYEChpipKxUdCwLRsh9G8KqLeeO4dfUo_itshg (20.09.2020).

¹⁰ Кто станет водородной сверхдержавой? ЕС или Китай. 04.09.2020 // www.ruscable.ru/article/kto_stanet_vodorodnoj_sverhderzhavoj_es_/ (09.04.2021).

¹¹ США вновь обвинили Китай в краже технологий и интеллектуальной собственности // ТАСС. 21.11.2018.

¹² Две китайские компании купили более 50% акций «Мотор Сич» // ТАСС. 25.08.2019.

¹³ Skyrizon и «Мотор Сич» построят завод в Китае. 21.05.2017 // avi-
anews.info/skyrizon-i-motor-sich-postroyat-zavod-v-kitae/ (09.04.2021).

¹⁴ Две китайские компании купили более 50% акций «Мотор Сич» // ТАСС. 25.08.2019.

¹⁵ WSJ: Болтон хочет сорвать переход украинской «Мотор Сич» под контроль Китая // ТАСС. 24.08.2019.

¹⁶ Китай совместно с Россией планирует произвести около 200 тяжелых вертолетов AHL // ТАСС. 11.03.2019.

¹⁷ Zhao W., Arvanitis R. L'inégal développement industriel de la Chine: capacités technologiques, systèmes d'innovation et coexistence de différents modes de développement industriels, Région et Développement. 2008. 28, 61–85.

¹⁸ Examen de l'OCDE des politiques de l'investissement — Chine- Progrès et enjeux de la réforme. Paris, OECD Publishing. 2004.

¹⁹ Pauline Lacour, Catherine Figuière. Environmentally-friendly technology transfers from Japan to China: an empirical analysis using patent data // Journal of Innovation Economics & Management. 2014/3. № 15. P. 145–169 // www.cairn.info/revue-journal-of-innovation-economics-2014-3-page-145.htm#.

²⁰ ЕС и Китай достигают принципиального соглашения об инвестициях // Китай сегодня. 09.02.2021 // prc.today/es-i-kitaj-dostigayut-princzipialnogo-soglasheniya-ob-investicziyah/ (09.04.2021).

²¹ Threats to the U.S. Research Enterprise: China's Talent Recruitment Plans. Staff report. Permanent subcommittee on investigations. United States Senate, 2019.

²² Threats to the U.S. Research Enterprise: China's Talent Recruitment Plans. Staff report. Permanent subcommittee on investigations. United States Senate, 2019. P. 2.

²³ Threats to the U.S. Research Enterprise: China's Talent Recruitment Plans. Staff report. Permanent subcommittee on investigations. United States Senate, 2019. P. 2.

ГЛАВА 17

Особенности внешней политики Японии в 50-х гг. XX в.

Япония, расположенная в отдалении от европейского континента, оказалась достаточно поздно вовлечена в мировую политику, функционирующую по правилам Запада. В середине XIX века страна стояла на грани утраты суверенитета из-за притязаний иностранных держав, которые стали активно действовать после насильственного «открытия» коммодором Пэрри, представлявшего дипломатию США, Страны восходящего солнца. Японская правящая элита, вынужденная заключить неравноправные договоры с западными державами в период «Ансэй», смогла верно оценить обстановку, осознать масштаб угрозы для будущего японского государства и выработать комплекс мер, направленный на преодоление сложившегося положения. Здоровые силы правящего слоя смогли консолидировать необходимый потенциал для начала «революции Мэйдзи» и в дальнейшем сохранять генеральный вектор курса всеобъемлющих реформ жизни Японии. Не обладая, по очевидным причинам, опытом и глубокими знаниями современных международных отношений периода империалистической экспансии Запада, японские правители определили суть преобразований, которые должна была осуществить Япония в самые сжатые сроки. Свою программу правительство популяризировало в японском обществе через лозунг «богатая страна, сильная армия». Необходимо признать, что японский народ деятельно поддержал реформы, продемонстрировал готовность нести бремя издержек ради достижения величия страны. С этого момента начался путь, который приведет Японию через череду войн к статусу великой державы. Одерживая победы, Япония заставила считаться с собой европейские державы, к началу Первой мировой войны страны «Антанты» уже были заинтересованы в возможности привлечь на свою сторону военный и экономический потенциал Страны вос-

ходящего солнца. В итоге японское правительство конвертировало поддержку «Антанты» в войне в удачное расширение зоны влияния на континенте и прежде всего в Китае, закрепив за собой статус великой державы по результатам работы Версальской мирной конференции. Итоги Вашингтонской конференции, которая завершила процесс формирования новой системы международных отношений, оказались для Токио гораздо более тревожными. Теперь Япония оказалась вынуждена отстаивать национальные интересы перед лицом недавних союзников, которые были не против отодвинуть азиатского конкурента на второй план на мировой арене. В межвоенный период Япония постепенно встала на путь военной экспансии, намериваясь за счет силы расширять зону влияния. Для достижения этой цели страна взяла курс на милитаризацию экономики, разгоняла националистические настроения в обществе, укрепляла армию и флот. На дипломатической арене Япония после долгих раздумий вступила в союз с Германией и Италией. Япония начала агрессию против Китая, в дальнейшем напала на США и европейские колониальные владения в Азии. Токио планировал создать «Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания», закрепив лидирующую роль Японии в Азии.

Однако Япония потерпела сокрушительное поражение во Второй мировой войне. Подобного поражения еще никогда не было за всю историю японского государства. На территории японских островов высадилась оккупационная американская армия. Шок от поражения был сильным. Население Японии на протяжении длительного периода жило в условиях жесточайшей цензуры и под влиянием мощного прессинга аппарата государственной пропаганды, вбивавшего на протяжении десятилетий идеи национального превосходства японцев над всеми остальными. Они оказались перед лицом краха прежней агрессивной имперской политики. Экономика находилась в состоянии коллапса, промышленное производство составляло 14% от довоенного уровня, были потеряны освоенные в экономическом отношении колонии, разорваны производственные цепочки, в значительной мере уничтожена инфраструктура. Поражение японских милитаристов во Второй мировой войне создало благоприятные предпосылки для

проведения демократических реформ в политической жизни Японии. Первым документом, в котором было сформулировано требование демократизации государственного строя милитаристской Японии, явилась Потсдамская декларация, опубликованная в июле 1945 г. правительствами США, Великобритании и Китая. Население Японии стало активно участвовать в политической жизни страны, выходя на демонстрации и митинги. Полноправным правителем оккупированной Японии был Макартур, возглавлявший Штаб оккупационных войск, который контролировал деятельность японского правительства. Под надзором юристов штаба был подготовлен проект японской конституции. В конституции был закреплён на законодательном уровне отказ Японии от права на ведение войны и обладание армией и флотом, что поставило Японию в уникальное положение. Первоначально американцы в своих действиях исходили из того, что Японию надо превратить в аграрную страну, которая больше не будет угрозой интересам США ни в военном, ни в экономическом плане. Этим объясняется неожиданный пацифизм генерала Макарура. В тот период США делали ставку на гоминдановский Китай как главного союзника Америки в азиатском регионе. Но довольно быстро администрации США пришлось убедиться в собственной недалёковидности. В Китае победили коммунисты. Политика американских властей в Японии резко изменилась. Исходя из стратегии «сдерживания» коммунизма, сформулированной в марте 1947 г. в «доктрине Трумэна», было решено превратить Японию в главного союзника США на Дальнем Востоке. В ноябре 1948 г. Совет национальной безопасности США принял решение об укреплении и перевооружении японских полицейских сил, что являлось первым шагом к восстановлению военного потенциала страны, кроме того было рекомендовано начать реабилитацию бывших политиков и бизнесменов, тем самым способствовать развитию политической и экономической независимости Японии¹. Ориентируясь на эту доктрину, функционировал штаб американских оккупационных войск. Действия американских властей, которые часто носили характер антидемократических, получили название «обратного курса». Штаб Макарура стал принимать так называемые надконституционные

акты, которые зачастую противоречили положениям новой японской конституции. Возможность подобных действий объяснялась тем, что, как отметил влиятельный американский дипломат Джордж Кеннан, политика США в Японии «носила характер диктатуры»². Дипломатические отношения Японии находились под контролем оккупационных властей. МИД Японии значительной роли не играл, оказывал техническую поддержку штабу Макартура и готовился к подписанию мирного договора.

В осуществлении американской политики по отношению к Японии Макартур опирался на сложившийся контакт с премьер-министром Есида, который выдвинулся на первый план на вершине японской власти. Карьерный успех Есида состоялся благодаря чисткам в японском государственном аппарате от представителей, тесно связанных с прежним воинствующим курсом страны, устроенным американцами в рамках демилитаризации Японии. Претендент на пост премьер-министра Хатояма вынужден был удалиться от политической жизни, поскольку попал в американские списки виновников войны. Есида удалось надолго закрепить на японском политическом Олимпе, занимая пост премьер-министра семь раз. Управленческий тандем Макартур — Есида обеспечил проведение в жизнь чрезвычайно болезненных шоковых экономических реформ, которые тем не менее принесли эффект и позволили Японии пройти через этап восстановления, продолжить тренд на развитие. Целесообразность продолжения оккупации становилась все менее очевидной, стороны начали процесс подготовки подписания мирного договора. 29 января 1951 года для официальных переговоров о заключении мирного договора в Японию прибыл советник госсекретаря США Джон Фостер Даллес. В ходе переговоров Даллес, известный как сторонник жесткого курса в отношении СССР, настаивал на получении со стороны Японии поддержки Соединенных Штатов в их борьбе, в том числе за воссоздание японского военного потенциала. Японская сторона уклонялась от обязательств по ремилитаризации на данном этапе. В этом проявлялась настороженная оценка складывающейся внешнеполитической ситуации в регионе Восточной Азии. Соединенные Штаты возглавили коалицию, воюющую на

Корейском полуострове, кроме того Вашингтон обеспечивал существование гоминдановского режима, эвакуировавшегося на Тайвань. Перспектива отправки японских сил в топку противостояния во исполнение союзнических обязательств перед США в случае обретения Японией военных сил была очевидна. Японское правительство предпочитало стимулировать развитие промышленности, зарабатывая на исполнении специальных заказов для нужд корейского фронта, а не платить союзнический налог кровью. Есида в мемуарах рассматривал вопрос перевооружения страны как бесполезный, поскольку даже при больших затратах достичь уровня США не удастся, ставя в зависимость от восстановления национальной экономики естественным образом способность усилить оборонительную мощь Японии³.

В этот период в Японии общественность выступала за скорейшее прекращение оккупации путем заключения мирного договора, правительство было обеспокоено возможным ростом протестных настроений в связи с подготовкой соглашения о безопасности с США, которое создавало условия для дальнейшего присутствия американских войск на японских островах. 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско состоялась конференция, на которой был подписан мирный договор при участии 48 стран. В работе конференции не принимали участия представители Индии, Бирмы, Вьетнама, Монголии и Китая. СССР вместе с Чехословакией и Польшей не подписал договор в знак протеста. Обратим внимание на некоторые положения договора. Договор завершал состояние войны с последующим признанием полного суверенитета японского народа. В соответствии со второй статьей договора Япония отказывалась от ряда территорий. Поскольку в дальнейшем территориальные претензии Японии будут постоянным мотивом японской дипломатии, целесообразно содержание этой статьи привести полностью: «а) Япония, признавая независимость Кореи, отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Корею, включая острова Квельпарт, порт Гамильтон и Дагелет. б) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова. в) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть

острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому Договору от 5 сентября 1905 года. d) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий, связанных с мандатной системой Лиги Наций, и принимает решение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 2 апреля 1947 года, по которому система опеки распространяется на Тихоокеанские острова, находившиеся ранее по мандату у Японии. e) Япония отказывается от всех претензий на какие-либо права, основания или интересы в отношении любой части Антарктического района, независимо от того, вытекали ли они из деятельности японских граждан или были получены иным образом. f) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские»⁴. В третьей статье Япония брала на себя обязательство: «согласиться с любым предложением Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций о передаче под систему опеки ООН, с Соединенными Штатами в качестве единственной управляющей власти, островов Нансей Сето, расположенных к югу от 29 градуса северной широты (включая острова Рюкю и Дайто), Нампо Сето к югу от Софу Ган (включая острова Бонин, остров Розарио и острова Волкано) и островов Парес Вела и Маркус»⁵. Таким образом, в руках Вашингтона сохранялся действенный рычаг стратегического контроля над Японией. Острова Рюкю вернутся под японский суверенитет только в 1972 г. В договоре было закреплено, что Япония принимает на себя обязательства, изложенные в Статье 2 Устава Организации Объединенных Наций, разрешать свои международные споры мирными средствами. А Союзные Державы со своей стороны признают, что Япония, как суверенное государство, обладает неотъемлемым правом на индивидуальную или коллективную самооборону. Это положение с точки зрения японских политиков будет важно во внутривнутриполитической дискуссии для обоснования возможности ремилитаризации Японии в последующие годы. В шестой статье оговаривались сроки вывода оккупационных войск Союзных Держав не позднее, чем через 90 дней после вступления договора в силу. Далее следовало важное уточнение: «ничто в этом положении не должно, од-

нако, воспрепятствовать размещению или сохранению иностранных вооруженных сил на японской территории в соответствии или вследствие каких-либо двусторонних или многосторонних соглашений, которые заключены или могут быть заключены между одной или несколькими Союзными Державами — с одной стороны, и Японией — с другой»⁶. Эта оговорка открывала возможность для подписания договора безопасности с США. В тот же день Япония заключила соглашение с США в сфере безопасности, которое определило характер отношений между Токио и Вашингтоном вплоть до нашего времени. Документ был составлен достаточно лаконично. В первой статье стороны соглашались: «Япония предоставляет и Соединенные Штаты Америки принимают, по вступлении в силу Мирного Договора и настоящего Договора, право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее. Такие силы могут быть использованы в целях способствования делу поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии от вооруженного нападения извне, включая помощь, предоставляемую по специальной просьбе Японского Правительства, для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии, вызванных путем подстрекательства или вмешательства со стороны Державы или Держав, не являющихся участниками настоящего Договора»⁷. Положения этой статьи демонстрируют неравноправие союзников, полную зависимость Японии от США не только в вопросах международной безопасности, но и во внутривнутриполитических. Американские войска в соответствии с текстом статьи могут выполнять фактически полицейские функции на японских островах. Включение подобного положения в договор наглядно демонстрировало опасения относительно сохранения стабильной и управляемой обстановки в общественно-политической жизни Японии. Вашингтон был не готов пускать на самотек ситуацию в Японии, стремился купировать возможность усиления антиамериканских политических сил на японских островах. Вторая статья договора ограничивала возможности правительства Японии по внешнеполитическому маневру, однозначно ориентировала на союз с Америкой. Токио принимал на себя обязательство: «Япония

не будет предоставлять без предварительного согласия Соединенных Штатов Америки никаких баз или прав, полномочий или правооснований на базы или в отношении баз или права на размещение или на проведение маневров или на транзит наземных, воздушных или морских сил какой-либо третьей Державе»⁸. В следующей статье определялось, что условия размещения вооруженных сил Соединенных Штатов Америки в Японии и вблизи нее будут определены административными соглашениями между двумя Правительствами. Последняя статья оговаривала условия прекращения действия договора: «Настоящий Договор прекратит действие, когда, по мнению Правительств Соединенных Штатов Америки и Японии, в силу вступят такие мероприятия в рамках Объединенных Наций или заменяющие их приготовления к индивидуальной или коллективной безопасности, которые достаточным образом обеспечат поддержание иным путем международного мира и безопасности в районе Японии»⁹. Это положение соглашения также носило признаки неравноправности в отношениях союзников, поскольку бесспорно привязывало более слабую Японию к могучим США. Надо отметить, что заключение договора безопасности в такой форме вызвало достаточно значимое неприятие в японском обществе, которое видело в соглашении ущемление демократических свобод. Симптоматично, что при ратификации договора в японском парламенте против него было отдано больше голосов, чем при голосовании по мирному договору. В феврале 1952 г. в соответствии с третьей статьей договора безопасности было подписано Административное соглашение, которое регулировало правовой статус американских войск на японской территории. Содержание соглашения вызвало протесты японского населения, которое ощутило тень договоров периода «Ансэй», испытывало унижение национальной гордости, поскольку американской стороне предоставлялось освобождение от налогообложения, льготы в использовании средств коммуникации и, наконец, американские военнослужащие пользовались правом экстерриториальности и были подсудны лишь американским судам¹⁰. Важным нюансом соглашения было согласие японской стороны на то, что военнослужащие и члены их семей изымались из-под действия японских законов и постанов-

лений о регистрации и контроле над иностранцами, что позволяло США без консультаций с Японией вводить в страну любое количество войск¹¹. В 1953 г., столкнувшись с волной протестов японского населения против дискриминационных положений соглашения, Соединенные Штаты провели коррекцию некоторых формулировок, позволивших в итоге японской стороне получить ограниченную юрисдикцию над американскими военнослужащими. В июле 1952 г. было подписано японо-американское Соглашение об объектах и базах, по которому Япония предоставляла правительству США более 600 объектов на территории японских островов. Объекты передавались на период действия Договора безопасности. Таким образом, большие территории оказались изъяты из оборота, а права японских собственников были ущемлены. Завершающим штрихом в выстраиваемой архитектуре японо-американских отношений было подписание в марте 1954 г. Соглашения о помощи в обеспечении взаимной безопасности. Совокупность соглашений и договоров, заключенных Японией с Соединенными Штатами, образовала новую политическую структуру, определяемую как Сан-Францисская система.

Формирование этой системы, как показала история, предопределило вектор развития Страны восходящего солнца до первых десятилетий XXI в.; что особенно важно, влияние системы не исчерпывалось внешнеполитической и военной сферами, она оказала глубокое влияние на экономическую, внутривнутриполитическую, социально-культурную стороны жизни японского государства и общества. В опоре на Сан-Францисскую систему Есида выстраивал на практике свою внешнеполитическую линию, получившую название «доктрина Есида»; хотя она и не была зафиксирована на бумаге, но проявлялась в действиях премьер-министра. Принципы, положенные в основу доктрины, достаточно просты: Япония делегирует вопросы обеспечения безопасности в рамках японо-американского союза Вашингтону, Токио готов на определенное ущемление суверенитета ради сохранения поддержки США, внешняя политика подчинена общей линии, вырабатываемой американской администрацией, но при этом японское правительство сосредоточивает основные усилия и ресурсы страны на развитии

экономики. Успешное развитие, долговременный рост экономических показателей — вот та сфера, где должны были воплощаться амбициозные планы японских политиков. Особенно остро зависимость японской политики от США была заметна в 1950-х годах, когда страна еще не разогналась в экономическом развитии и находилась в стесненных социальных условиях. Определенным вызовом для японского правительства стал китайский вопрос. С победой КПК в гражданской войне и образованием КНР гоминдановские силы были заперты на Тайване. Сложившаяся ситуация на континенте демонстрировала бесперспективность ставки на китайское националистическое правительство. С точки зрения перспективы экономического проникновения, Япония была заинтересована в нормализации отношений с КНР. Однако США находились в прямом противостоянии с КНР. Китайские добровольцы воевали на Корейском полуострове против сил ООН во главе с Соединенными Штатами. Вашингтон направил американские ВМС на защиту националистического правительства, закрепившегося на Тайване. Позиция администрации президента была однозначна: Япония должна заключать договор о нормализации отношений с националистическим правительством Китая. Желание Японии отложить заключение китайско-японского мирного договора до тех пор, пока вопрос о представительстве Китая не будет урегулирован на международном уровне, высказанное премьер-министром Есида, было отклонено. Американская сторона настаивала на заключении соглашения Японии с националистическим правительством, признавая его единственной законной властью на территории Китая, вводя в текст документа формулировку «сейчас и в будущем», относящуюся к контролю китайской стороной территорий, на которые распространяется договор, тем самым жестко отрезающей японцам путь для установления отношений с КНР. В 1952 г. Япония заключила договор с чанкайшистским правительством как единственной законной властью в Китае.

После обретения Японией суверенитета ее дипломатия активизировалась. Помимо восстановления двусторонних отношений с ведущими государствами мира, японская сторона была заинтересована в получении позиций в международных организациях, и

прежде всего вступлении в ООН. Для достижения этой цели Японии необходимо было нормализовать отношения с Советским Союзом, который блокировал вступление Японии в ООН. В заключении мирного договора с СССР был заинтересован новый премьер-министр Хатояма, сменивший своего соперника Есида на вершине власти. В ходе переговоров Япония выдвинула территориальные претензии к СССР, японские представители ставили вопрос о принадлежности островов Южнокурильской гряды. Соединенные Штаты с тревогой наблюдали за подготовкой и ходом советско-японских переговоров. Поэтому, оценив японские территориальные претензии как возможный инструмент срыва достижения договоренностей, использовали его для усугубления ситуации. В ходе переговоров Даллеса с министром иностранных дел Сигэмицу прозвучала непосредственная увязка признания советского суверенитета над Южным Сахалином и Курилами с сохранением суверенитета США над архипелагом Рюкю. Японская сторона сама предъявляла чрезмерные требования к Советскому Союзу — передать ей четыре острова. Так, по мнению А.И. Кравцевича, «Вашингтон же можно обвинять только в том, что, в принципе не желая установления дипломатических отношений Японии с коммунистическими странами в условиях “холодной войны” и не имея возможности прямого препятствования японо-советской нормализации, он “только” подталкивал Токио к занятию более жестких переговорных позиций»¹². Переговоры оказались в тупике, выход из которого был найден в виде подписания Совместной декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии. Первая статья декларации гласила: «Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения»¹³. Вторая статья была посвящена восстановлению дипломатических и консульских отношений, обмену дипломатическими представителями в ранге посла. В четвертой статье СССР поддержал просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций. Эта была очевидная уступка со стороны советского правительства. В соответствии с

пятой статьей Советский Союз освобождал и репатриировал в Японию всех осужденных японских граждан. Таким образом, была решена проблема японских военнопленных — еще одна чувствительная, с точки зрения внутренней политики, тема для японского правительства. В следующей статье СССР отказался от всех репарационных претензий к Японии. В восьмой статье речь шла о вступлении в силу Конвенции о рыболовстве в открытом море, также выгодной для Японии. Девятая статья была апофеозом уступчивости советской стороны: «Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора. При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией»¹⁴. Эта статья станет точкой преткновения в развитии отношений СССР, а впоследствии и РФ с Японией. Заключение декларации можно отнести к победе дипломатии Хатояма, который реализовал и личные амбиции, связав в истории внешней политики Японии проблему нормализации отношений с СССР со своим именем. При анализе текста декларации можно отметить удивительную уступчивость советской дипломатии в отношении Японии. Все статьи документа являются или односторонне выгодными Японии (№ 4, 5, 6, 8, 9), или нейтральными, взаимовыгодными для обеих сторон (№ 1, 2, 3, 7), такие уступки должна делать сторона, проигравшая войну. Объяснить позицию советского руководства можно только, списав все на своеволие лидера советского государства Н.С. Хрущева и недостаточное противодействие ближайшего окружения. Пустые расчеты на возможность добиться нейтрального статуса Японии, отвлечь ее от союза с США за счет гибкости, проявленной советской стороной при подписании декларации, должны быть отвергнуты на стадии обсуждения.

После нормализации отношений с ведущими мировыми силами Япония сосредоточила усилия своей дипломатии на обеспечении интересов японской внешней торговли с государствами Азии. Вначале необходимо было восстановить отношения, разрушенные оккупационной политикой Японии в годы Второй мировой войны. В течение десятилетия японская дипломатия смогла урегулировать вопросы о репарациях в двусторонних переговорах с пострадавшими странами. Бирме Япония в течение 10 лет выплачивала 200 млн долл. С Филиппинами была достигнута договоренность о выплате 550 млн долл. в течение 20 лет. В 1958 г. Япония подписала соглашение с Индонезией о выплате 223 млн долл. репараций в течение 20 лет. Главным достижением японского МИД было то, что репарационные платежи странам Азии погашались не валютой, а продукцией японской промышленности, благодаря этому Япония решала несколько задач: нормализовывала отношения со странами Юго-Восточной Азии, обеспечивала оборот средств на японском рынке, поддерживала отечественного производителя, создавала рыночную нишу для японских товаров, наработывала коммерческие связи с регионом ЮВА. В 1957 г. премьер-министр Киси Нобускэ совершил турне по ЮВА, а затем в Южную Азию, в ходе которых принес извинения за военное прошлое империи и предложил начать эру сотрудничества. Япония предлагала себя странам Азии в качестве доброжелательного проводника Запада, при этом являясь азиатской страной. Экономика Страны восходящего солнца бурно росла, могла удовлетворить многие потребности, возникающие в регионе.

На европейском направлении японская дипломатия продвинулась недалеко. В августе 1959 года премьер-министр Н. Киси посетил с внешнеполитическим туром государства Западной Европы, однако в ходе переговоров с западными лидерами не добился заметных прорывов, Япония в этот момент еще не вызывала острого интереса. В заключение можно отметить, что в тех сложных условиях, в которых находилась Япония, ее внешнеполитическая деятельность может быть оценена как весьма успешная. Японское государство вернуло суверенитет, восстановило двусторонние отношения с более чем 70-ю государствами, в обеспечении

собственной безопасности опиралось на союз с США, при этом смогло избежать вовлечения в вооруженные конфликты, ведущиеся Соединенными Штатами, несло умеренные затраты на сферу безопасности, сосредоточило усилия на внешней арене на продвижении и защите внешней торговли, которая являлась основой экономического развития страны.

¹ Recommendations with Respect to U.S. Policy toward Japan (NSC13/2). 07.10.1948 // www.ndl.go.jp/modern/e/img_r/M008/M008-001r.html (05.07.2021).

² *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 264

³ *Yoshida S.* The Yoshida Memoirs: The Story of Japan in Crisis. Trans. by Kenichi Yoshida. Boston: Houghton Mifflin, 1962. P. 263–264.

⁴ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 339–340.

⁵ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 340.

⁶ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 342.

⁷ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 370.

⁸ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: издательство Иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 371.

⁹ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 371.

¹⁰ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 389–391.

¹¹ История войны на Тихом океане: В 5 т. М.: Издательство Иностранной литературы, 1958. Т. 5: Мирный договор / Под ред. Усами С. [и др.]. Перевод с японского Б.В. Раскина. С. 378.

¹² *Кравцевич А.И.* Угроза Даллеса: миф или реальность? // Ежегодник Японии. 2014. № 43. С. 331.

¹³ Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств 1954–1957 гг. М.: Госполитиздат, 1957. С. 313–316.

¹⁴ Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств 1954–1957 гг. М.: Госполитиздат, 1957. С. 313–316.

ГЛАВА 18

Новые аспекты японо-китайских отношений на современном этапе

Япония и Китай являются ближайшими соседями и традиционно общаются друг с другом как официально, так и неофициально. В начале 1950-х гг. в Японии начинаются серьезные экономические реформы, известные как «доктрина Есида». Реформы были направлены на послевоенное развитие экономики Японии и превращение страны в серьезный экономический центр силы на международной арене. С. Есида, премьер-министр Японии в 50-е гг., неоднократно заявлял, что для расширения влияния страны на международной арене Японии необходимо стремиться охватить как можно большее количество стран. В том числе он подчеркивал важность Китая как огромного рынка. Поэтому в 1950-е годы между двумя странами начинает активно развиваться экономическое сотрудничество. Именно в это время между Японией и Китаем сложилась особая форма взаимоотношений: если в политическом плане между ними сохраняется определенная напряженность, то экономические связи интенсивно развивались¹.

В 1960-е годы стало очевидно, что невозможно продолжать тесное двустороннее сотрудничество без установления официальных дипломатических отношений. Министерства иностранных дел Японии и Китая начали работу над этим вопросом, и в сентябре 1972 г. в Пекине было принято Совместное заявление правительств КНР и Японии, декларирувавшее установление дипломатических отношений между двумя странами. В это же время Япония официально признала правительство КНР в качестве «единственно законного правительства Китая» и разорвало дипломатические отношения с Тайванем. С этого времени японо-китайские отношения развивались быстрыми темпами. В течение 1973–1978 гг. был заключен ряд договоров и соглашений, которые подвели международно-правовую базу под японо-китайские от-

ношения. Среди них: торговое соглашение, предусматривавшее взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования, соглашение о прямом воздушном сообщении и мореплавании, об обмене представителями СМИ, об учреждении консульств, соглашение о рыболовстве².

В августе 1978 г. в Пекине был подписан Договор о мире и дружбе между Японией и Китаем, и с этого времени отношения двух стран получили новое развитие. Это время характеризуется значительными инвестициями Японии в китайскую экономику, использованием Китаем новейших японских технологий, подписанием большого количества экономических соглашений. В октябре 2015 г. обе страны совместно с Россией подписали соглашение о межрегиональных экономических обменах. В рамках этого соглашения стороны договорились проводить ежегодные совещания по очереди в каждой из стран-участниц, поддерживать проведение различных торгово-экономических мероприятий, создать посвященную этому онлайн-информационную платформу³.

Сближение Японии и Китая особенно важно в эпоху глобализации, и обе страны это хорошо понимают. Поэтому в ближайшие годы, несмотря на ряд препятствующих факторов, можно прогнозировать дальнейшее развитие двусторонних отношений, особенно в экономической области. Ключевым является заявление премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, которое он сделал 12 апреля 2017 г. на встрече с бизнес-делегацией из Японии. В частности, он заявил, что Китай готов вывести отношения с Японией на новый путь развития, особенно если обе стороны будут придерживаться принципов, изложенных в ключевых политических документах, заключенных между двумя странами, и их взаимодействие будет направлено на поддержание мира, дружбы и сотрудничества⁴.

Между тем в отношениях между двумя странами существуют и проблемы. Самая серьезная из них — проблема принадлежности островов Сэнкаку (по-китайски Дяоюйдао). В моменты, когда обстановка обостряется, в Китае происходят массовые антияпонские демонстрации, вплоть до причинения материального ущерба офисам и автомобилям расположенных в стране японских фирм. Поэтому политические отношения двух государств являются проти-

воречивыми, несмотря на попытки заключать соглашения по предотвращению конфликтных ситуаций⁵.

Сами острова Сэнкаку — это небольшой архипелаг, расположенный в Восточно-Китайском море, общая площадь 6,3 кв. км. Де-факто острова находятся под управлением Японии, но претендуют на них и Китай, и Тайвань. Архипелаг оспаривается не случайно: вокруг расположена очень благоприятная зона для добычи рыбы и моллюсков, а также сами острова могут быть источниками ценных природных ископаемых, которыми обделена территория Японии. Острова также представляют собой стратегический интерес из-за своего географического положения: их владелец получает значительные преимущества как для гражданского, так и для военного судоходства.

В сентябре 2012 г. правительство Японии национализировало 3 острова этого архипелага, выкупив их за значительную сумму у частного владельца. Это вызвало резко отрицательную реакцию в Китае. МИД Китая настаивал на пересмотре решения, а министерство обороны Китая выступило с заявлением, что готово к ответным действиям. Более чем в ста городах Китая прошли антияпонские демонстрации, в которых приняли участие более 500 тыс. человек. Были разгромлены многие японские магазины и предприятия, подожжены и сгорели более ста автомобилей японского производства. Резко снизились показатели японского экспорта в Китай, поскольку китайцы отказывались от японских товаров.

Ситуацию удалось нормализовать только к концу 2014 г., когда премьер-министр Японии С. Абэ и председатель КНР Си Дзиньпин достигли соглашения из четырех пунктов, в котором говорилось о том, что ситуация вокруг спорных островов не должна ухудшаться. Было подчеркнуто, что стороны придерживаются разных точек зрения на проблему, но эскалация конфликта была остановлена.

Конфликт вокруг этих островов внимательно отслеживался основным политическим и военным партнером Японии — США. Так как Америка претендует на лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, она должна поддерживать устраивающий ее статус-кво, одновременно не допуская излишнего сближения других стран. Причина этого в том, что японо-американский во-

енно-политический союз остается краеугольным во внешней политике Японии.

Созданный в 50-е годы военно-политический союз Японии и Соединенных Штатов является основополагающим в двусторонних отношениях этих стран несмотря на то, что эти отношения нельзя назвать идеальными. Рост и укрепление Японии как индустриальной державы вызвал и противоречия в японо-американских торгово-экономических связях. Японские товары (особенно электроника, автомобили и мотоциклы) составляли значительный процент на американском внутреннем рынке, а зачастую оказывались более конкурентноспособными, чем те же товары, произведенные в США. В результате между двумя странами возникали и возникают локальные «торговые войны» — США пытались ограничить количество ввозимых из Японии товаров и ставили другие барьеры на пути японского экспорта на свой рынок. Однако военно-политические отношения оставались крепкими и незыблемыми. В 70–90 гг. союз Японии и США претерпевал изменения: постепенно укреплялась роль Японии в этом альянсе, расширялось сотрудничество в области безопасности, Япония выступала гарантом проведения американских интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и стала активным участником практически всех глобальных геополитических процессов.

В настоящее время японо-американское сотрудничество в рамках союза безопасности может быть охарактеризовано оценкой, данной представителями экспертного сообщества США и Японии. Так, Я. Окуси полагает, что «Япония, извлекая безусловную выгоду из реорганизации американского военного присутствия на своей территории, должна при этом пересмотреть собственную политику в области безопасности, чтобы лучше соответствовать различным конфигурациям новых вызовов и угроз. Исходя из того, что Япония и США имеют общие национальные интересы, связанные со стабильностью в АТР, обе страны должны повышать практическую эффективность сотрудничества в области безопасности для защиты мира и спокойствия в регионе. Выработав скоординированную политику реорганизации американского контингента в Японии и японских Сил самообороны, стороны продемонстриро-

вали общее видение ситуации и приступили к выработке двусторонней стратегии. В ходе реализации Совместной инициативы по пересмотру оборонной политики (DPR) должны быть выявлены слабые места общей оборонной стратегии, в первую очередь с учетом их ответственности угрозам со стороны Китая и Северной Кореи»⁶.

Для США очень важно не потерять контроль над отношениями Японии и Китая, чтобы не допустить усиления позиций России и Китая как серьезных акторов в регионе. Строительство системы безопасности в регионе без контроля Соединенными Штатами нарушает концепцию их влияния на международные отношения в мире и может негативно сказаться на японо-американских союзнических отношениях. Поэтому США будут делать все от них зависящее, чтобы не потерять лидерские позиции в регионе, укреплять и развивать военно-политический союз с Японией и оказывать экономическое давление на Китай и Россию. В частности, в апреле 2021 г. США выступили с инициативой исключить Китай из международной цепочки поставок полупроводников, электронного оборудования и ряда других товаров из-за доминирования Китая на международной арене в этой области⁷. Эта тема была в центре внимания встречи на высшем уровне 16 апреля 2021 г. между премьер-министром Японии Е. Суга и президентом США Д. Байденом. На встрече обсуждался вопрос о том, как США и Япония могут избавиться от зависимости от Китая в сферах безопасности и экономики. Также во время встречи впервые за много лет была упомянута проблема Тайваня и высказано требование в адрес руководства КНР решить эту проблему исключительно мирным путем. Для Японии, которая стремится любым путем избежать конфликтной ситуации в отношениях с Китаем, это будет серьезным камнем преткновения.

Была затронута проблема островов Сэнкаку, при этом США подчеркивают, что в рамках союзнических отношений они будут защищать интересы Японии, в том числе и в районе спорных островов архипелага⁸. Если ранее были отмечены случаи высадки на эти острова групп китайской молодежи, которая устанавливала на них государственные флаги КНР, то в последние два года японская береговая охрана ужесточила контроль над водами в районе ост-

ровов. Также обе стороны разрешили своим патрульным кораблям при необходимости открывать не только предупредительный, но и прицельный огонь. Это означает, что конфликт может снова войти в горячую фазу, чем могут воспользоваться Соединенные Штаты в своих интересах в этом регионе.

Давлением на Китай можно считать и активные действия по созданию в регионе четырехстороннего Альянса США-Япония-Австралия-Индия. Этот альянс уже называют «Азиатско-Тихоокеанское НАТО»⁹.

Тем не менее Япония активно продолжает развивать с Китаем отношения, особенно торгово-экономические и культурные.

В 2017 г. Япония, как и представители еще почти 80 государств, приняла участие в экономическом форуме «Летний Давос 2017», прошедший в Даляне 29 июня¹⁰.

В мае 2018 г. министр коммерции КНР Чжун Шань и министр экономики и промышленности Японии Х. Сико в присутствии премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна и премьер-министра Японии Синдзо Абэ подписали меморандум «Об усилении сотрудничества в сфере торговли услугами». А в октябре 2018 г. состоялся официальный визит премьер-министра Японии С. Абэ в КНР, во время которого руководители обоих государств подчеркивали необходимость нового этапа развития двусторонних отношений. С. Абэ заявил, что Япония и Китай должны продвинуть свои отношения в новую эру, от конкуренции к сотрудничеству¹¹.

Также в 2018 г. был подписан меморандум «О сотрудничестве Китая и Японии на третьих рынках». Его подписали государственный комитет по делам развития и реформ КНР и министерство коммерции КНР совместно с министерством иностранных дел Японии и министерством экономики и промышленности Японии. Была достигнута договоренность о создании «двустороннего механизма сотрудничества в сфере торговли услугами» и об активном стимулировании взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере, а также об укреплении сотрудничества на третьих рынках, о создании в рамках механизма китайско-японского экономического диалога на высоком уровне и о проведении «Форума по сотрудничеству Китая и Японии на третьих рынках»¹². В общей сложно-

сти было подписано и заключено более 50 сделок и соглашений. Среди них соглашение о валютном свопе на сумму до 3,4 трлн иен (30,29 млрд долл.), действующее до 2021 года, а также сделка по созданию клирингового банка в юанях. Кроме того, подписаны частные контракты на общую сумму 18 млрд долл.¹³

2019 г. был объявлен годом содействия молодежным обменам между Японией и Китаем. Было проведено 240 заранее запланированных мероприятий, количество участников из обеих стран составило 310 тыс. человек¹⁴. Мероприятия проводились в области культуры и спорта и вызвали значительный интерес как у японской, так и китайской молодежи. Большой интерес вызвал визит в Пекин бывшего главного тренера Японии по футболу Н. Акиро, во время которого он делился своими знаниями и опытом с китайскими тренерами и молодыми футболистами. Визит продолжался 3 дня, и за это время значительное количество молодежи, в том числе и студентов местных университетов, приняли в нем участие.

В ноябре 2019 состоялся второй обмен студентами между Японией и Китаем; мероприятие было организовано Центром японо-китайской дружбы. В мероприятии приняли участие 300 студентов из Китая и 200 студентов из Японии. Также гостями праздника были известные среди молодежи обеих стран руководители музыкальных групп и певцы.

В декабре 2019 г. состоялись переговоры о продлении сроков молодежных обменов. Перед этим в июне 2019 г., во время проведения саммита G20 в Токио, лидеры Японии и Китая договорились о регулярных встречах на высшем уровне (с участием министров иностранных дел обеих стран) и расширении общения между Японией и Китаем в области культуры, спорта, туризма и медиапроектов.

2020 год стал серьезным испытанием для всего человечества в связи с эпидемией COVID-19. В прошедшем финансовом году мировая экономика пережила сокращение потребления и инвестиций вследствие длительного воздействия пандемии COVID-19. Несмотря на экономические меры, предпринимаемые в разных странах, и восстановление котировок, общая экономическая обстановка оставалась сложной. Япония в полной мере ощутила на себе последствия этих обстоятельств.

До пандемии Япония стремилась к максимальному продвижению системы RCEP — Регионального всеобъемлющего экономического партнерства. RCEP объединяет Японию, Китай, Индию, Австралию, Южную Корею и еще ряд стран АСЕАН. Планировалось, что новое объединение станет лидирующим экономическим центром в АТР, но пандемия внесла коррективы в эти планы.

Китай в начале эпидемии был в очень сложном положении, поскольку именно там началась пандемия. Япония сразу предложила свою помощь. Частный сектор Японии пожертвовал более 3 миллионов масок и 6,3 миллиона долларов в виде денежных пожертвований. Министр иностранных дел Китая Гэн Шуан похвалил Японию за ее поддержку, противопоставив это быстрому решению США закрыть свое консульство в Ухане и ввести запрет на въезд китайцев в страну в феврале 2020 г.

В целом пандемия нанесла серьезный ущерб мировым экономическим связям, были разрушены и важные производственные цепочки. Коснулось это и Японии с Китаем, оказав влияние и на инвестиционные отношения между странами. Основная взаимозависимость между Японией и Китаем — это торговля автозапчастями и электронными составляющими. В 2019 г. около 37% импорта автозапчастей шло из Китая¹⁵. После начала пандемии произошло резкое сокращение торговли электронными и автомобильными компонентами и поддержание производственных связей резко ослабло. В связи с этим был принят комплекс мер по восстановлению производства: в апреле 2020 г. правительство и парламент Японии выделили дополнительные средства для возвращения производственных мощностей в Японию и перемещения зарубежных производственных баз в другие регионы.

В частности, известная компания Panasonic в сентябре 2020 года завершила передачу своего полупроводникового бизнеса тайваньской компании Nuvoton Technology Corporation¹⁶. В июне 2020 года также было прекращено производство фотоэлектрических элементов и модулей на заводе в Буффало (Нью-Йорк, США), выход был завершен в сентябре 2020 года. Кроме того, в феврале 2021 года компания объявила о предстоящем прекращении собственного производства фотоэлектрических элементов для быто-

вого, общественного и промышленного использования в течение 2022 финансового года. Тем не менее корпорация продолжит продажу фотоэлектрических модулей под брендом Panasonic в Японии, передав производство на субподряд своим партнерам-производителям.

Под ударом оказалась и сфера туристических услуг. До пандемии число туристов из Китая в Японии постоянно росло, но после начала пандемии, когда стали закрываться границы и стремительно сокращаться число международных рейсов, количество туристов вообще, и из Китая в частности, резко снизилось. В этих условиях значительно увеличился товарообмен между двумя странами медицинскими и профилактическими товарами: масками, перчатками, респираторами. Когда вирус распространился по всему миру и достиг Японии, Китай отреагировал предоставлением помощи. Китай предоставил 12500 наборов для тестирования на коронавирус в помощь Японии после сообщений о том, что в стране не хватает таких наборов.

Однако, несмотря на негативное влияние пандемии, у Японии в Китае остается наибольшее количество ее компаний за рубежом как в торгово-экономической сфере, так и сфере услуг. Японские инвестиции в китайскую экономику снизились, но растут инвестиции Китая в Японию. На японский рынок вышли такие известные компании, как Huawei и Alibaba. Японии удалось сохранить статус второго торгового партнера Китая, и торгово-экономические отношения сохраняют устойчивую тенденцию к незначительному, но росту¹⁷. Принятые Японией и Китаем меры позволили сохранить стабильность экономического развития и уменьшить экономический ущерб от пандемии для обеих стран.

Можно утверждать, что японо-китайское сотрудничество будет развиваться далее, несмотря на наличие таких факторов, как противодействие чрезмерному сближению двух стран со стороны Соединенных Штатов и сохраняющееся, хотя и значительно снизившееся, недоверие друг к другу народов Японии и Китая. Торгово-экономические связи между двумя странами вновь активизируются, как только пандемия пойдет на спад. Руководство Японии понимает необходимость нормальных, экономически выгодных обе-

им странам отношений с крупным и мощным соседом и будет проводить политику «осторожного сдерживания»: высказывая официальную поддержку позиции США, одновременно следовать интересам своей национальной безопасности и экономической целесообразности.

¹ *Арешидзе Л.Г.* Международные отношения в Восточной Азии: угрозы и надежды. М.: Международные отношения, 2007. С. 153.

² Научная литература // sci-book.com/mejdunarodnyie-otnosheniya/yaponokitayskie-otnosheniya-proshlom-35037.html (02.05.2021).

³ Агентство Синьхуа. 10.11.2015 // russian.cri.cn/841/2015/10/30/1s564260.htm (28.04.2018).

⁴ Агентство Регнум. 12.04.2017 // regnum.ru/news/economy/2261939.html.

⁵ Japan rules the Senkaku // The Japan Times // www.japantimes.co.jp/opinion/2011/09/09/editorials/japan-rules-the-senkakus/#.WvdEOC5uZ9M (09.09.2018).

⁶ Okhushi Y. Realignment of the U.S. Forces and Impacts on Defense of Japan // DRC Annual Report. Tokyo, 2005. P. 52.

⁷ www.nippon.com/ru/news/yjj2021041500950/ [19.04.2021] (02.05.2021).

⁸ ТАСС. 19.04.2021 // tass.ru/opinions/11187723?from=teaser (03.05.2021).

⁹ tass.ru/opinions/11187723?from=teaser.

¹⁰ Dalian News // english.runsky.com/2017-06/29/content_5718121.htm (13.04.2021).

¹¹ *Тебин Н.* Япония и Китай ищут пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству // Независимая газета. 12.11.2018 // yandex.ru/turbo/ng.ru/s/ideas/2018-11-12/100_japanchina.html (30.04.2021).

¹² Trend News Agency. 10.05.2018 // trend.az/world/china/2900980.html (12.05.2018).

¹³ *Тебин Н.* Япония и Китай ищут пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству // Независимая газета. 12.11.2018 // yandex.ru/turbo/ng.ru/s/ideas/2018-11-12/100_japanchina.html (02.05.2021).

¹⁴ «Голубая книга» МИД Японии // www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2020/html/chapter2/c020103.html#cl01 (05.05.2021).

¹⁵ Japan Economic Revitalization General Affairs // www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/miraitoshikaigi/dai36/siryou1.pdf (07.05.2021).

¹⁶ Panasonic. 10.05.2021 // panasonic.ru/press_center/news/detail/474746 (13.05.2021).

¹⁷ *Янься Е.* Экономические отношения КНР и Японии в условиях пандемии коронавируса Азия и Африка сегодня // asaf-today.ru/s032150750014646-2-1/ (04.05.2021).

ГЛАВА 19

Из истории японо-турецких отношений: Сетаро Нода и Торадзиро Ямада

В истории японо-турецких отношений было несколько личностей, которые проявили себя активными участниками событий, повлиявших на развитие связей между двумя странами, и внесли большой вклад в межкультурные контакты, эти имена вот уже в течение столетия привлекают внимание историков.

Двумя такими фигурантами явились Сетаро Нода (1868–1904), молодой штатный журналист газеты “*Jiji Shinpo*”, и Торадзиро Ямада (1882–1957), «студент-купец» (по выражению известного романиста Рохана Коды)¹, споры о деятельности которых не утихают до сих пор. Так, например, в публикациях японского историка Misawa Nobuo с 2001 г. отражаются проводившиеся им академические исследования совместно с турецким историком Goknur Akcadag. Ими были найдены источники, свидетельствующие об искажении реальных событий в более ранних общепринятых оценках в публикациях².

Впервые имена Нода и Ямада появились в исторических работах после трагического инцидента с фрегатом «Эртугрул», посланным султаном Османской империи Абдулхамидом II в 1890 г. в Японию. На чрезвычайного посланника адмирала Али Осман-пашу, находившегося на борту фрегата, была возложена почетная миссия передать приветственное письмо императору Мэйдзи и вручить ему от имени султана Абдулхамида II высшую награду Османской империи Орден Почета. После всех формальных церемоний на обратном пути 18 сентября 1890 г. фрегат потерпел крушение на рифах Касинодзаки в районе Кусимото, и большинство членов команды, включая посланника Осман-пашу, погибли. Из 650 человек спасти удалось только 69 членов экипажа. В Японии начался сбор пожертвований для семей погибших моряков, а также на строительство памятника у скал Касинодзаки недалеко от маяка на острове Осима, в память об утонувших моряках «Эртугрула».

В октябре 1891 г. выжившие члены команды фрегата были отправлены на родину на японских корветах «Конго» и «Хизэй». Журналист Сетаро Нода³ сопровождал потерпевших моряков фрегата «Эртугрул» в их обратном плавании в Турцию. Он был послан авторитетной ежедневной газетой “*JiJi Shinpo*”⁴ для подготовки репортажей об этом путешествии.

В этой связи необходимо отметить, что в то время японские газеты в борьбе за большие тиражи делали «быстрые репортажи» и печатали «передовицы, агитирующие общественность». В условиях жесткой конкуренции в выпуске новостных репортажей газеты стали смещать приоритет с традиционной миссии «свободы слова» на вновь возникающую практику «оперативного сообщения». В связи с инцидентом с фрегатом «Эртугрул», сразу же три японские газеты “*Tokyo Nichinichi Shinbun*” , “*Kobe Yushin Nippo*” и “*Osaka Asahi Shinbun*” послали своих репортеров в Кобэ и Танабэ и напечатали дополнительные выпуски. При этом каждая газета отреагировала на этот инцидент своими собственными репортажами и передовыми статьями.

Кампании по сбору пожертвований, как одно из направлений деятельности японских газет, вошли в обиход еще до этой трагедии. В данном же случае “*Tokyo Nichinichi Shinbun*” и “*JiJi Shinpo*” первыми начали эту деятельность, объявив 20 сентября о сборе пожертвований в каждой газете. “*Mainichi Shinbun*” и “*Osaka Asahi Shinbun*” подтвердили, что начали сбор пожертвований 21 и 26 сентября соответственно.

Примечательна деятельность газеты “*JiJi Shinpo*”, которая начала освещать события позже других газет, однако одновременно с этим начала сбор пожертвований. Продуманные действия этой газеты отразились не только на самой кампании по сбору пожертвований, но и на способе перевода собранных денег, что, в свою очередь, сыграло решающую роль в жизни Ноды. Пожертвования, собранные газетой, составили 4 248 976 иен⁵ (в эту сумму входил и значительный вклад военно-морских кругов в размере 1500 иен). Это резко контрастировало с пожертвованиями, собранными другими газетами. Так, например, суммы, собранные токийскими “*Nichinichi Shinbun*”, “*Mainichi Shinbun*” и “*Osaka*

Asahi Shinbun”, составила 608 346 иен, 128 534 иен и около 154 иен соответственно*.

“*JiJi Shinpo*” удалось также привлечь значительное внимание общественности к своим передовицам. 24 сентября 1890 г. была напечатана передовая статья под заголовком «Вновь об отправке жертв кораблекрушения в Турцию». В этой редакционной статье критиковались запоздалые действия японского флота в спасении турецких моряков, выживших в кораблекрушении, в отличие от действий германского флота, оказавшего им реальную помощь. Так, при содействии консула Германии в Кобе 62 пострадавших моряка были доставлены в Кобе на борту немецкого корабля «Вольф» и размещены в гостинице «Тиутей» в Итикаве. Кроме того, газета опубликовала сообщение, что министерство иностранных дел Японии получило предложение из России отправить выживших турецких моряков на российских судах обратно в Османскую империю. Это вызвало шквал критики в адрес властей, и газета выступила с требованием отправить выживших моряков на японских судах, чтобы «сохранить честь Японии». Другие газеты на следующий день сразу же присоединились к “*JiJi Shinpo*”. Они напечатали критические статьи в адрес японского министерства иностранных дел и выразили поддержку военноморскому ведомству Японии. Общественное мнение в стране также выступало с требованием, чтобы выжившие были отправлены обратно на японских судах. Как подчеркивает Мисава, «это, скорее, была вспышка “национализма”, а не “симпатии” к неевропейской стране или “гуманизма” по поводу трагедии»⁶. Необходимо отметить, что в тот период времени в Японии существовала определенная враждебность по отношению к Европе в связи с проблемой неравноправных договоров, заключенных с Японией, — выгодных зарубежным странам в одностороннем порядке. Кульминацией публичных требований стало решение императора отправить в Османскую империю два корвета — «Хизэй» и «Конго» с жертвами крушения фрегата «Эртугрул». Правительство одобрило расходование на эти цели значительной суммы в размере 126 487,60 иен несмотря на финансовые трудности в стране.

Решение об отправке японских корветов «Хизэй» и «Конго» в Стамбул кардинальным образом изменило судьбу Сетаро Ноды. Как уже упоминалось ранее, “*JiJi Shinpo*” удалось собрать значительную сумму пожертвований, что явилось первым случаем сбора денег в Японии для жертв иностранных государств. Ни одна из газет, участвовавшая в этой кампании, не смогла принять решение о способе перечисления собранных средств. Самый простой способ представлялся как передача наличных денег непосредственно выжившим морякам, возвращавшимся на родину. Именно так поступила газета “*Kobe Yusin Nippo*” (местная газета в Кобе — городе, где о выживших заботились до тех пор, пока они не покинули Японию), передав турецким морякам сумму в размере 53,75 иен при посредничестве управления префектуры Хего⁷.

Газета “*JiJi Shinpo*” же приняла спонтанное решение отправить штатного журналиста на борту корвета «Хизэй» в Турцию и доставить денежный перевод непосредственно в соответствующий орган Османской империи, обменяв всю собранную сумму пожертвований на иностранную валюту в пересчете на французские франки в банке *Yokohama Shokin Bank*. Эта важная миссия была возложена на Ноду, который также должен был отправлять в Японию репортажи с борта корвета. Получив разрешение на поездку от командования корвета и военно-морского министерства, Нода сделал следующее объявление на странице газеты в форме частного уведомления: «К сожалению, я не успел попрощаться со всеми. Мне неожиданно поручили отправиться в Стамбул на корвете “Хизэй”. Надеюсь, все простят меня за то, что я выражаю благодарность всем на страницах газеты»⁸.

Нода попал на борт корвета «Хизэй» 6 октября 1890 г. в порту Йокосука, однако он не успел получить необходимого денежного перевода, что свидетельствует о внезапности самого плана “*JiJi Shinpo*”. В связи с этим один из коллег Ноды, а именно Сютаро Имаидзуми, успел привезти финансовые документы перед отплытием линкора, отправившись на поезде линии Токайдо в Кобэ 10 октября. 11 октября 1890 г. корветы «Хизэй» и «Конго» покинули Кобэ, о чем был опубликован подробный рассказ Ноды в 2804-м выпуске “*JiJi Shinpo*” от 11 октября 1890 г.⁹ Во время плавания

Нода отправлял в газету подробные отчеты по почте всякий раз, когда «Хиэй» и «Конго» останавливались в разных иностранных портах. Эти сообщения были опубликованы в “*JiJi Shinpo*” под названием «Отчеты о рейсе в Турцию на борту японских корветов».

«Хиэй» и «Конго» прибыли в Стамбул 2 января 1891 года. После высадки на берег Нода продолжал посылать свои отчеты о действиях экипажей японских кораблей в Стамбуле под названием «Мемуары из Константинополя». Эти отчеты свидетельствуют о том, насколько серьезно Нода относился к миссии передачи пожертвований. После прибытия в Стамбул он попытался передать денежный перевод министру иностранных дел Османской империи Зеки Саид-паше, как получателю пожертвований. Однако Ноде было предложено передать его комитету по оказанию помощи семьям погибших, созданному в военно-морском министерстве Османской империи, а не министру иностранных дел, поскольку комитет контролировал пожертвования, собранные в империи. Поэтому 6 января Нода посетил военно-морское министерство Османской империи и встретился с военно-морским министром Хасан-пашой, рассказав ему всю историю, связанную с кампанией по сбору пожертвований. На встрече с Ризой Хасан-пашой, председателем комитета по оказанию помощи семьям погибших, Нода вручил ему денежный перевод и письмо, подписанное Кинсукэ Ито, владельцем корпорации “*JiJi Shinpo*”. Это письмо до сих пор хранится в Османском архиве премьер-министра (Basbakanlık Osmanlı Arşivi) в Стамбуле. Японская версия письма включала список первичных доноров, который подготовила газета. Рукописный английский перевод, насчитывающий 6 страниц, прилагался к оригинальной японской версии. Настоящие письма сохранились в Османских архивах в Стамбуле. Все финансовые квитанции с подписями Риза Хасан-паши были вручены Ноде в обмен на пожертвования. Переводы на японский язык квитанции и письма, написанного министром иностранных дел Саид-пашой, были опубликованы “*Jiji Shinpo*”. В отчете Ноды, переданном в Японию, говорилось, что пожертвования были с благодарностью приняты в Османской империи. Турецкие газеты “*Terciiiman-I Hakikat*”, “*Sabah*” и “*İkdam*”, а также газеты, публиковавшиеся на

английском и французском языках, “*The Lebant Herald*”, “*The Oriental Advertiser*”, “*La Turqui*”, сообщили об этом событии и широко освещали пребывание в Стамбуле команды японских корветов.

Находясь на борту японского корвета «Хизэй» во время путешествия в Стамбул, Нода очень интересовался османским турецким языком. Еще в Японии он обратился к Али эфенди, одному из оставшихся в живых офицеров фрегата «Эртугрул», с просьбой записать имя «Нода» арабским шрифтом. Позже в Нагасаки он напечатал свои именные карточки этим шрифтом. Во время плавания на корвете «Хизэй» он подружился с тремя оставшимися в живых османскими офицерами и при их помощи учил османский турецкий, что пригодилось ему в Стамбуле для своих отчетов для “*JiJi Shinpo*”.

Все члены команды японских корветов были тепло приняты руководством страны, в их числе был и Нода, однако его имя в официальных отчетах японского командования отсутствует, т.к. он действовал как независимый журналист. Члены команды японских корветов были награждены орденом Меджидие 2-й степени (в честь султана Абдулмеджида — отца султана Абдулхамида II).

Преподавание японского языка в военной академии Турции

Переломным моментом жизни Нода, по мнению японских историков, явилась просьба султана Абдулхамида II, обращенная к японским офицерам, остаться в Стамбуле на некоторое время для изучения турецкого языка и обычаев и одновременно для обучения японскому языку османских офицеров.

На первом этапе обсуждения подходящей кандидатуры руководство Османской империи обратилось с просьбой к командованию японских корветов «Хизэй» и «Конго» предложить их офицерам должность преподавателя японского языка с резиденцией в Стамбуле. Речь шла именно о военных, а не о японских частных гражданах, каким являлся Нода. В качестве доказательства Мисава приводит официальный отчет командира «Конго» капитана Тана-

ка¹⁰. Офицеры японских корветов отказались от этого предложения в связи с необходимостью возвращения на родину. Позже секретарь османского двора вновь обратился с этой же просьбой, предложив прислать военно-морского офицера на эту должность после возвращения корветов в Японию. Как отмечает Мисава, командиры были в замешательстве, т.к. на поездку в Турцию с оставшимися 69 турецкими моряками была выделена огромная сумма денег, кроме того, на командование корветов в этой поездке была возложена обязанность обучения молодых членов команды, т.к. военно-морской флот Японии требовал хорошо обученных кадров¹¹. Помимо этого японское командование не имело полномочий решать этот вопрос из-за отсутствия официальных отношений между двумя странами. Согласно мемуарам Хадзимэ Сакамото (будущий вице-адмирал Японии), на прощальном приеме в честь корветов «Хизй» и «Конго» после очередной просьбы Абдулхамида II о преподавании японского языка, японское командование порекомендовало для этого именно штатского Ноду, который вначале отказался от этой должности, но после настоятельной просьбы капитана Танака принял это предложение, о чем свидетельствовала статья в газете *“JiJi Shinpo”* под названием «О том, почему репортер *“JiJi Shinpo”* остался в Османской империи». Османское правительство одобрило его кандидатуру, и Нода остался в Стамбуле, что подтверждалось его статьями, опубликованными в *“JiJi Shinpo”* 11 и 24 мая 1891 г.¹² Османский султан Абдулхамид II был так обрадован известием о решении Ноды, что приказал вручить ему 30 фунтов в качестве премиальных. И газета *“JiJi Shinpo”* также объявила о желании своего репортера преподавать японский язык в Стамбуле, и с этого времени в газете начала печататься серия статей Ноды об Османской империи¹³. Также Ноду удалось опубликовать многочисленные интервью с зарубежными журналистами. Таким образом, Нода стал первым корреспондентом японской газеты в исламской стране. Следует отметить, что Османский султан Абдулхамид II выразил готовность заботиться о японском журналисте как о собственном сыне.

Вечером 8 февраля 1891 г. Нода впервые имел возможность получить аудиенцию у Османского султана Абдулхамида II на про-

щальном приеме в честь офицеров японских корветов. Среди японских гостей Нода был единственным человеком, который пытался овладеть османским турецким языком. Хотя его знания были фрагментарными, о его интересе к изучению османского языка стало известно османскому султану Абдулхамиду II. Нода описал встречу с султаном в своей статье, опубликованной в “*JiJi Shinpo*”, следующим образом: «Ко мне подошел Османский султан Абдулхамид II. Его величество пожал мою руку и сказал мне следующее: “Я очень рад, что вы овладели нашим турецким языком. Этот факт доказывает, что Вы *akilli* (умный)”». На самом же деле я понял только эти фразы. Его величество говорил со мной еще пять минут. Но секретарь султана не стал ничего переводить на английский, потому что решил, что я понимаю по-турецки. Мне было жаль, что я больше не понимал речи его Величества. Я был удивлен, что в речи его Величества были слова благодарности за наши жертвования... У меня не было возможности сказать, что я недостаточно понимаю по-турецки, поэтому, пожалуйста, переведите мне речь его Величества. В конце встречи султан Абдулхамид II подарил мне золотой футляр для сигар, украшенный примерно сотней бриллиантов в память об аудиенции у его Величества. Это было беспрецедентное событие, что Османский султан пожал руку молодого журналиста, такого как я. Газеты Стамбула сообщили об этой невероятной новости»¹⁴.

Вскоре Ноде была предоставлена резиденция в Османской военной академии. Вот как он описывает это событие: «...на следующее утро, после того, как два корвета покинули Стамбул, я переехал в Османскую военную академию со своими дорожными чемоданами в специальное помещение, принадлежавшее Османскому султану, подготовку которого он оплатил»¹⁵. Вскоре после этого, 13 февраля, Нода был награжден османским орденом Меджидие 3-й степени.

Мисава подчеркивает, что сам Нода принял предложение султана, в первую очередь, как возможность изучения османского турецкого языка, а только потом уже приступил к преподаванию японского языка османским офицерам. После того как два японских корвета покинули Стамбул по истечении 49 дней пребывания

в Стамбуле, Ноду попросили начать преподавание японского языка османским офицерам, к чему он и сам стремился. Описание этой ситуации опубликовано в его статье в *“JiJi Shinpo”* «Османский Турецкий язык. После того, как я решил жить в Стамбуле»¹⁶.

Вице-адмирал и глава Османской военной академии Зеки-паша навещал Ноду каждый день. Ноде было также предписано приходить в дворец Йылдыз каждую пятницу для встречи с султаном. Вначале к Ноде были прикомандированы два османских офицера. Это были Реджеб эфенди (лейтенант Османской армии) и Сабри эфенди (второй лейтенант Османского флота). Нода писал об этом: «Я решил каждый день учиться у них османскому турецкому языку. В свою очередь, я учу их японскому языку. Когда я выходил из Османской военной академии, кто-нибудь из них сопровождал меня и докладывал об этом во дворец султана. Я был поражен таким обращением. Через месяц Зеки-паша сообщил мне, что он направляет еще двух офицеров для изучения японского языка»¹⁷. В своей статье от 22 августа 1891 г., опубликованной в *“JiJi Shinpo”*, он писал, что «был поражен превосходной сообразительностью Васи́фа эфенди, одного из 7 его учеников, служивших в Османской армии»¹⁸. Согласно описанию Ноды, вначале было два студента, в марте их было четверо, в августе было 7 студентов. К сожалению, в конечном итоге было невозможно определить, сколько студентов изучали японский язык на уроках Ноды. Существует единственная фотография Ноды и его учеников, которая была представлена на выставке в Токио, посвященной «году дружбы» между Японией и Турцией в 2003 г.¹⁹

Конечно, в те дни в Стамбуле было невозможно получить учебные материалы по японскому языку. Нода был настолько полон энтузиазма в преподавании японского языка, что обратился с просьбой к своему коллеге из *“JiJi Shinpo”* Сютаро Имаидзуми (племяннику Юкити Фукудзава²⁰) отправить в Турцию учебники (для начальной школы в Японии) и японские письменные принадлежности (индийские чернила, чернильные камни, бамбуковые кисти и т.д.)²¹. В очень короткие сроки Имаидзуми выслал учебные материалы в Стамбул в качестве подарка. В ответ на это Нода попросил четырех своих учеников послать Имаидзуми благодар-

ственные письма на японском языке. Это были Реджеп эфенди (лейтенант Османской армии), Али эфенди (второй лейтенант Османской армии), Асым эфенди (второй лейтенант Османской армии) и Сабри эфенди (младший лейтенант Османского флота). Два письма из них были опубликованы в “*JiJi Shinpo*” 31 января 1892 г.²² Сютаро Имаидзуми также опубликовал все четыре письма в своих мемуарах, в частности письмо, написанное Реджепом эфенди: «*Уважаемый господин Имаидзуми! Мы братья по происхождению. Нет другого Творца, кроме нашего Создателя. Мы также братья по природе, потому что мы сделаны из одних и тех же элементов. Удивительно, что наши чувства так похожи друг на друга. Это может быть благословением нашего Создателя. Этот факт может свидетельствовать о том, что обе страны принадлежат к одной и той же расе. Обе страны находятся в хороших отношениях, как если бы одна из них принадлежала другой. Это также относится и к нам. Вот почему наш преподаватель изучает османский турецкий язык, а мы изучаем японский. Для овладения иностранным языком нужно усердно учиться у хорошего учителя. Далее нам нужно в совершенстве выучить чтение и композицию. Постепенно наш новый мудрый учитель ведет нас от элементарного уровня к высшему. Благодаря его урокам мы очень хорошо продвинулись в разговорном языке. Но что касается чтения и композиции, то здесь возникают трудности. Я не могу выразить Вам наши чувства благодарности, кроме как сказать “спасибо”... Вы помогли нам в этой сложной ситуации. Чтобы продвигать наше изучение шаг за шагом, Вы прислали много книг. Они имеют огромную ценность для нас, хотя их продажная цена может быть не высокой. Большое спасибо. В дальнейшем я надеюсь продолжать нашу дружбу*»²³.

Мисава в этой связи отмечает, что был крайне удивлен, что османские офицеры могли написать такие письма на японском языке. Несмотря на то что в письмах было несколько мелких ошибок, в них присутствовали чувства и логика ислама. Таким образом, автор делает вывод о подлинности писем, написанных османскими офицерами. Это также свидетельствовало об ответственном отношении Ноды к своим ученикам. Почти все предложения в

этих письмах были написаны иероглифами хирагана, оригинальными японскими иероглифами. В своих отчетах для *“JiJi Shinpo”* Нода писал, что он учит своих учеников овладеть способностью японской композиции с иероглифами хираганы и иероглифами кандзи. Более того, Нода посылал письма своих студентов в японские представительства в Европе, чтобы ввести японское языковое образование в Османской империи. В качестве ответа Нода получил письмо от Дзурутато Тиги, преподававшего японский язык в Берлинской школе восточных языков. Позже Нода напишет статью для *“JiJi Shinpo”* о положении японского языкового образования в европейских странах, приложив письмо Тиги²⁴.

Со временем Нода и сам привык к своей работе в двух лицах. Он изучал османский турецкий язык, а также преподавал японский язык для османских офицеров. 5 февраля 1892 года, после примерно годичного пребывания в Стамбуле, он написал письмо османскому султану Абдулхамиду II, чтобы сообщить о своем уровне османского турецкого языка, с подписью: «студент, изучающий турецкий язык, и преподаватель японского языка». В нем он выразил особую признательность за изучение турецкого языка и попросил разрешения учить арабский язык для чтения Священного Корана по совету Реджеба эфенди. Об этом писала газета *“Mainichi Shinbun”* 4 августа 1892 г.²⁵

По мнению Мисавы, именно в этот период произошло обращение Ноды в ислам. Он изучал не только турецкий язык, но и историю Османской империи, историю ислама, исламскую религию и т.д., что и привело к тому, что он принял ислам и получил имя Абдулхалим, что подтверждалось документами²⁶. Официальный документ, указывающий на его обращение в ислам, до сих пор хранится в Османских архивах премьер-министра (Baskanlik Osmanli Arsivi) в Стамбуле. Согласно этому важному документу, он стал мусульманином 21 мая 1891 года. Документ состоит из двух докладов, адресованных султану на трех листах. В первом докладе, написанном Зеки-пашой, приводится факт обращения Ноды в ислам. Во втором докладе подробно описывался этот процесс²⁷. Мисава в этой связи отмечает, что неизвестна причина принятия Нодой ислама: «мы не можем знать, был ли он просто

очарован исламом или имел какой-то личный интерес»²⁸. Хотя сам Нода не упоминал об этом факте в своих отчетах, новость о «японском мусульманине» вскоре распространилась благодаря публикациям в турецких газетах и журналах. Например, одна из главных османских газет тех дней *“Tercuman-t Hakikat”* сообщила, что он получил обрезание, чтобы стать мусульманином. *“ResimliGazete”*, известная иллюстрированная газета, опубликовала его фотографию. А журнал *“Mttsavver Cihan”*, на первой полосе привел жизнеописание Ноды с его фотографиями. Он продолжал сотрудничать с газетой *“JiJi Shinpo”*, однако не прислал туда отчета о принятии ислама. На данный момент Нода признан первым японским мусульманином, чье обращение в ислам было подтверждено документально. Однако, судя по его дальнейшей жизни в Японии, он отказался от своей веры. Это дало повод исследователям его жизни сделать вывод о его поверхностном отношении к исламу или временном увлечении им.

Имеются сведения, что в конце 1891 г. Нода сопровождал члена парламента Японии Кэйго Киюра (будущего премьер-министра страны) и бывшего главу службы безопасности Сетаро Кадзи (по просьбе двора Османской империи) во время их визита на известный оружейный завод в Топхане. Но это выходило за рамки его обычных обязанностей, которые, в первую очередь, состояли в обучении турецких студентов японскому языку и изучении турецкого языка самим Нодой.

Торадзиро Ямада

О Торадзиро Ямаде существует значительное количество публикаций, на которые ссылались авторы, исследовавшие историю Японии и Турции в конце XIX — начале XX вв. Многие из них брали за основу уже опубликованные данные, не вдаваясь в детали в вопросы их достоверности. Этому способствовали и опубликованная автобиография Ямады, и его биография, написанные в конце его жизни, где, по мнению японских и турецких исследователей, было достаточно много искажений реальных событий.

В нашу задачу не входит развенчание незаслуженной славы, выпавшей на долю этого человека, это будет попытка на основе достоверных фактов определить его место в истории японо-турецких отношений.

В соответствии с известными до последнего времени сведениями Торадзиро Ямада родился в Эдо в августе 1866 г. в высокопоставленной самурайской семье Юдзаэмона Накамуры, главного вассала семьи Токи, феодала, правившего кланом Дзосю Нумата. В возрасте пятнадцати лет он был усыновлен чайным мастером по имени Ямада, чью фамилию он себе взял. К 1890 г. он был хорошо образованным человеком с определенным знанием китайского, английского, немецкого и французского языков.

Отправной точкой контактов Ямады с Османской империей стала кампания по сбору пожертвований для моряков фрегата «Эртугрул». Имя Торадзиро Ямады впервые упоминалось вместе с другими в связи с организацией ряда лекций под названием «Лекции для выражения соболезнований турецкому фрегату», а также в организации благотворительных мероприятий и концертов для сбора пожертвований, в частности благотворительного «концерта для сбора пожертвований» с участием более 15 известных артистов в здании Юракукан. Несмотря на такую активную деятельность, он не был ключевой фигурой в кампании по сбору этих денег через объявления в газетах. Из документальных источников следовало, что почти все пожертвования были собраны японскими газетами и не имели никакого отношения к Ямаде. По мнению японских и турецких историков, «имелись ложные свидетельства, что пожертвования собирал Ямада, что не соответствовало действительности и нанесло урон доброй воле жертвователей, в том числе японских школьников»²⁹. Пожертвования, которые Ямада передал Османской империи, составили около 97 иен (всего около 2% от общего количества японских пожертвований), согласно официальной квитанции, хранящейся в Морском музее Стамбула³⁰.

Независимо от размера собранных средств японские газеты и частные лица столкнулись с проблемой перевода денег в Османскую империю по двум причинам. Во-первых, они не успели завершить процедуру оформления заявлений на пожертвования и

начать процедуру перевода денег до отъезда корветов. Как уже сообщалось, даже “*Jiji Shinpo*” сумела оформить перевод денег в последнюю минуту. Во-вторых, министерство иностранных дел Японии отказалось взять на себя обязательство по переводу денег от своего имени, утверждая, что подобная процедура невозможна из-за отсутствия официальных дипломатических отношений между Японией и Османской империей, а перевод денег в Османскую империю через коммерческие банки был невозможен.

Газеты “*Tokyo Nichinichi Shinbun*” и “*Mainichi Shinbun*” сумели осуществить перевод пожертвований самостоятельно, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в Османских архивах в Стамбуле, а именно имеются два письма, подготовленные на японском и французском языках и адресованные министру иностранных дел Саид-паше и подписанные Naohiko Seki (президент издательства Nippo Corporation в Токио, которое издавало “*Tokyo Nichinichi Shinbun*”) и Ryu Koizuka (президент корпорации “*Mainichi Shinbun*”). К этим письмам прилагался денежный перевод банка *Yokohama Shokin Bank*, который подтверждал собранные пожертвования на сумму 2 984,36 французских франков в обмен на 726,88 иены (608,346 иен от корпорации “*Nippo*” и 128,534 иены от корпорации “*Mainichi Shinbun*”). Дата, указанная в письмах, доказывает, что обе газеты предпринимали усилия для урегулирования вопроса о переводе денег до отъезда «Хизя» и «Конго». В письме, в частности, сообщалось, что, «к сожалению, из-за нехватки времени газеты не смогли завершить процедуру перевода денег в срок до отплытия двух японских корветов “Хизй” и “Конго”...» Следует отметить, что не было полной информации о способе отправки этих денежных средств. Известно, что газета “*Asahi Shinbun*” с самым большим тиражом по всей Японии после консультаций в министерстве иностранных дел Японии отказалась от перевода пожертвований и направила все собранные средства на строительство кенотафа (надгробного памятника) в Вакаяме, близ острова Осима, где затонул «Эртугрул».

Вышеназванные обстоятельства, несомненно, повлияли на Ямаду, как на частное лицо, участвовавшее в сборе пожертвований. Ямада хотел отправить собранные деньги в Османскую им-

перию в ноябре 1890 г., однако, столкнувшись с трудностями перевода собранных средств, получил рекомендацию министерства иностранных дел Японии лично передать в Турцию эти пожертвования. В архивах Османской империи в Стамбуле имеется письмо на английском языке адресованное Саид-паше, подписанное Ямадой и Кавакуми (соорганизатор благотворительных мероприятий) и еще двумя участниками благотворительной кампании, в котором вместе со словами соболезнования по поводу трагедии «Эртугрула» выражалась надежда, что пожертвования будут приняты, хотя сумма и была небольшой.

В этом же письме Ямада также выразил свои взгляды в отношении необходимости содействовать обмену между Японией, Китаем и Османской империей, поскольку эти страны являются крупнейшими независимыми странами Азии. По мнению исследователей, Ямаде была близка идея паназиатизма, которая была популярна в Японии в то время. Согласно данным его биографии (хотя это не было подтверждено документами), он обратился к Минору (Кацунан) Куга и Нитинан Фукумото, которые были лидерами этой идеологии, за советом по поводу кампании по сбору пожертвований. Как отмечает Мисава, «эти взгляды Ямады были характерны для японского народа и скорее были не проявлением “паназиатизма”, как утверждал Ямада, а просто “антиевропейскими настроениями”³¹.

Благодаря рекомендательному письму, написанному Цунацунэ Танакой, капитаном корвета «Хиэй», вернувшемуся в Японию из Стамбула в мае 1891 г., Ямада смог попасть на борт британского судна «Пасан», зафрахтованного японским военно-морским министерством, чтобы принять новый линкор «Мацудзима», построенный в Тулоне (Франция) для императорского флота Японии. Таким образом, Ямада отправился в Стамбул 30 января 1892 г. из порта Иокогамы. В Порт-Саиде Ямада покинул это судно и сумел самостоятельно добраться до Стамбула через Каир и Александрию.

Что касается цели поездки Ямады в Стамбул, то существуют разные версии. Сам Ямада в своей автобиографии писал следующее: «...не напрасно я предпринял усилия, чтобы начать обмен между двумя странами, посетив Турцию и познакомившись с си-

туацией в этой стране. Именно по этой причине я планировал отправиться в Турцию в то время...»³² Таким образом, главной целью поездки Ямады в Османскую империю была попытка установить торговые связи между двумя странами на частном уровне. Это также подтверждалось в отчетах Ноды, опубликованных в “*Jiji Shinpo*”³³. Кроме того, Рохан Кода, один из близких друзей Ямады, написал в те дни короткий роман под названием “*Shosei Shonin*” («Студент-купец») о Ямаде, который из бедного студента превратился в богатого купца. Кода, по мнению японских историков, привел подробные и убедительные доказательства того, почему Ямада отправился в Османскую империю, а именно чтобы основать торговое дело³⁴.

Встреча Сетаро Ноды и Торадзиро Ямады

4 апреля 1892 г. Ямада прибыл в Стамбул. Он собирался встретиться с министром иностранных дел Османской империи Мехмедом Саид-Пашой и передать рекомендательное письмо капитана Хидака и пожертвованные деньги. Т. Ямада привез султану Абдулхамиду II личные подарки: древнюю кольчугу, шлем и традиционный японский меч (катана) XVI века, которые принадлежали его семье. В своих мемуарах позже он отмечал, что эти подарки были выставлены во дворце Топкапы в Серали.

Интересен эпизод встречи Ноды и Ямады 4 апреля 1892 г. Нода был срочно приглашен в резиденцию Саид-паши для помощи в ведении переговоров с «молодым японцем, имевшим рекомендательные письма для ведения торговли в стране. Его внезапный визит в особняк Саид-паши, османского министра иностранных дел, вызвал неловкую ситуацию, т.к. Саид-паша хорошо говорил по-французски (французский был первым иностранным языком в Османской империи), а не по-английски, в то время как Ямада не мог свободно говорить на французском языке. Поэтому они в течение двух часов не могли наладить контакт»³⁵.

Нода сразу же откликнулся на эту просьбу и помог Ямаде в переговорах. Мисава свидетельствует, что именно Нода принял

Ямаду в военной академии, помог ему в устройстве в гостинице и оказал помощь в получении разрешения от османского правительства для ведения торговли. В Османском архиве премьер-министра в Стамбуле хранится прошение Ноды об оказании помощи Ямаде в его торговых делах³⁶. Принято было считать, что Султан попросил Ямаду обучать военно-морских курсантов японскому языку. Однако, опираясь на документы, Мисава опровергает эти сведения и приводит подлинные данные о пребывании Торадзиро Ямады в Стамбуле, которые указывают на основную цель приезда Ямады в Стамбул, а именно сбор информации для налаживания торговли между Японией и Османской империей, а вручение пожертвований явилось просто эпизодом.

В одной из статей, направленных в *“Jiji Shinpo”*, Нода писал: «...был посетитель Торадзиро Ямада, владелец небольшой издательской компании Sansan Bunbo в Токио. По-видимому, он приехал сюда с целью начать торговлю между Японией и Турцией, привезя с собой различные товары, а также пожертвования, собранные им для моряков “Эртугрула”»³⁷. В других статьях говорится о прибытии Ямады в Стамбул и посреднических усилиях Ноды в отношении Ямады. Нода живо описал, как он горячо приветствовал Ямаду как соотечественника, несмотря на то что тот был для него совершенно чужим, помогал ему как в официальных, так и в частных делах. В статье Ноды для *“Ji Ji Shinpo”* от 13 июля 1892 г. описывалось, как они вместе наслаждались приготовлением сируко, традиционного японского сладкого блюда³⁸.

Хотя Ямада в своей автобиографии и писал, что стал преподавателем японского языка в Османской военной академии, Мисава утверждает, что не было подлинных доказательств этому факту, «это скорее была не совсем ложь, но, вероятно, преувеличение»³⁹.

В Турции не было найдено никаких официальных документов в архивах Османской империи о трудоустройстве Ямады. Напротив, существуют официальные документы Османской империи, подтверждающие занятость Ноды в качестве вышеупомянутого преподавателя японского языка в Османской военной академии. Мисава в своих исследованиях допустил возможность того, что Ямада мог помогать классу в качестве частного помощника Ноды,

когда был свободен от своих исследований торгового дела в Стамбуле. Кроме того, в июле-августе 1892 г. Ямада вернулся в Японию, прожив в Стамбуле всего 4–5 месяцев. Осенью 1893 г., после более чем годичного перерыва, он снова приехал в Стамбул. Во время его отсутствия в Стамбуле обучение японскому языку уже закончилось в 1892 г.

Ямада ненадолго вернулся в Японию в 1893 г. на борту «*Мацудзимы*». Он выступал с публичными лекциями, называя себя «агентом Османской империи», так, например, 16 апреля по предложению министра иностранных дел Эномото Такэаки Ямада прочитал лекцию в японской колониальной Ассоциации (Shokumin kyōkai) об Османской империи и Египте, отражая новый интерес Японии к расширению торговых отношений в этом регионе.

В это же время Нода принял решение вернуться на родину после двухгодичного пребывания в Турции. Некоторые исследователи считали, что Нода оставил свою работу в Турции из-за болезни. Мисава допускает возможность того, что Нода сослался на болезнь как причину отказа от работы. Хотя сам Нода хранил молчание об истинной причине своего возвращения домой, тем не менее он выразил самое благоприятное впечатление от своего пребывания в Стамбуле в течение двух лет в своем отчете в “*Jiji Shinpō*” от 26 декабря 1892 г., в котором Нода делился воспоминаниями о жизни в Стамбуле.

Султан наградил его орденом «Меджидие» 2-й степени за вклад в обучение японскому языку. Османская империя не предлагала Ноду найти своего преемника в Японии, и Нода также не рекомендовал никого на эту должность. Его отставка в декабре 1892 г. означала окончание обучения японскому языку в Османской военной академии. Следует отметить, что Нода сделал все возможное для своих уроков по японскому языку для османских офицеров, и его студенты также проявили большой интерес к изучению японского языка. Не было и определенного объяснения, почему Османская империя, так стремившаяся организовать японское языковое образование с японским преподавателем, более не видела необходимости в курсах японского языка в Османской военной академии.

В связи с тем что Нода получал официальное жалование за преподавание в академии, потребовалось время для его отставки. Его прошение о возвращении в Японию было удовлетворено. Согласно публикациям в газете *“Jiji Shinpo”* в середине декабря 1892 г., было известно, что Нода на поезде отбыл из Стамбула в Вену и в начале января 1893 г. прибыл в Париж. Затем он посетил европейские страны, после чего пересек Атлантический океан и побывал на международной выставке в Чикаго. По некоторым сведениям, в Японию он вернулся в марте 1893 г. и начал работать в газете *“Jiji Shinpo”*. С конца мая по начало июня 1893 г. в *“Jiji Shinpo”* публиковалась серия его редакционных статей под названием «Торговля с Турцией». Однако до 4 августа 1893 г. он писал очерки о Турции лишь с перерывами и постепенно перестал писать об Османской империи.

Некоторые из его учеников, в частности Реджеп эфенди и Сабри эфенди, испытывали к нему симпатию, присылали ему письма на японском языке в Японию⁴⁰ и сохраняли знание японского языка в течение какого-то времени. Турецкие исследователи признают, что первые курсы японского языка, которые вел Нода, оказали влияние на османское общество и культуру, так как он был очень популярен в Турции в то время.

По свидетельству Мисавы, по неизвестным причинам имя Ноды не упоминается в автобиографии Ямады, несмотря на то что Нода реально явился покровителем Ямады в Стамбуле и, благодаря своему значительному влиянию в Турции, помог ему в установлении японо-турецких торговых связей.

Как отмечает Мисава, Нода не опубликовал книгу о Турции, имелись только его многочисленные статьи в газетах. Мисаве удалось взять интервью у внука Ноды — Ясуо Ноды в Хатинохэ в 2002 г., который свидетельствовал, что после себя Нода оставил только несколько личных вещей: дневник, мемуары и т.п.

Как подчеркивает Мисава, впоследствии имя Ноды было забыто⁴¹ и все лавры «пионера» установления дружбы между Японией и Турцией достались Ямаде. Именно это привело к тому, что многие заслуги Ноды приписывались Ямаде. В том числе произошла и ошибка в признании Ямады первым японским «мусульмани-

ном». Японские и турецкие историки не исключают возможности обращения Ямады в ислам, но сам он никогда не заявлял об этом. Ошибкой явился и факт обучения молодого Мустафы Кемалю на курсах японского языка в Османской военной академии, о чем также упоминал Ямада в автобиографии.

Следует отметить, что несмотря на то, что и Ямада и Нода были в Японии в первые месяцы 1893 г., они больше никогда не встречались.

Что касается Торадзиро Ямады, то, несмотря на некоторые неточности в его автобиографии, касающиеся его пребывания в Турции, его жизнь сложилась достаточно удачно, он был востребован и в Японии, и в Турции. Его деятельность действительно оказала большое влияние на японо-турецкие отношения.

Летом 1893 г. Ямада покинул Кобе, чтобы вернуться в Стамбул, где он основал магазин *Nakamura Shoten* совместно с Кендзиро Накамура. Оба были заинтересованы в открытии торговли и налаживании хороших отношений с Османской империей. В то время они были единственными постоянными жителями японской этнической группы в Стамбуле. Несмотря на то что японские подданные не имели юридического статуса в городе из-за отсутствия официальных дипломатических отношений между Османской империей и Японией, они получили разрешение от османского правительства на ведение торговли во многом благодаря прошению Ноды, адресованному Османскому императорскому двору о содействии торговому делу Ямады.

Нода, который был хорошо известен в высших слоях Османской империи, ввел Ямаду в круг важных лиц, таких как Спиракис Александритис, генеральный секретарь Торговой палаты и издатель бюллетеня Восточного справочника, с которым Ямада установил хорошие отношения. Стамбульская Торговая палата (*Istanbul Ticaret Odası*) выдала ему разрешение вести свою предпринимательскую деятельность в качестве «коммерческого музея» в соответствии с законом Османской империи, принятым в 1890 году. Как генеральный секретарь торгово-промышленной палаты Стамбула, Спиракис разрешил Ямаде выставлять японские товары, такие как шелк, фарфор, чай и деревянные предметы, в одном

из помещений торговой палаты как торговые образцы и предоставил комнату в своем особняке в качестве его резиденции. Таким образом, Ямада мог начать свое первое торговое дело с небольшими средствами. Тем не менее Ямада не упоминал о Спиракисе и его полной поддержке торгового бизнеса в своей автобиографии, хотя они продолжали общаться даже после возвращения Ямады в Японию спустя десятилетия.

Позже магазин переехал в район Бейоглу и с годами стал важным местом для японцев, посещавших Стамбул. Султан и члены османской династии особенно ценили товары японского производства, а также японские бытовые и декоративные предметы, став важными клиентами магазина. Но через очень короткое время, вероятно из-за нехватки инвестиций, Ямада был вынужден освободить свой магазин для магазина семьи Кэндзио Накамура, который открылся в январе 1896 г. и в котором он стал управляющим.

Имя Ямады вновь упоминалось среди сторонников установления официальных дипломатических отношений между двумя странами в 1899 г. В своей автобиографии Ямада описал следующий эпизод. Сразу после отказа Японии в Берлине принять контрпредложения Османской империи по поводу двустороннего соглашения Абдулхамид II обратился к Т. Ямаде с просьбой отправиться в Японию под предлогом необходимости привезти из Японии редкие товары, в которых нуждался султан. По мнению турецкого исследователя Умут Арика, это был многоходовый план, который ставил цель косвенно выявить настроение в Японии в отношении Турции. Ямада, будучи «другом Турции», должен был попытаться произвести благоприятное впечатление на японские высшие круги. При этом необходимо отметить, что не было свидетельств того, что благодаря миссии Ямады были восстановлены и продолжены контакты между двумя странами в Вене. С другой стороны, был и положительный результат этой миссии, который заключался в том, что в декабре 1899 г. Т. Ямада действительно привез в Турцию редкие товары из Японии. Вот перечень этих товаров: редкие птицы, которых лично разводил принц Японии Хигасифусими, по некоторым свидетельствам, ранее посещавший Турцию (четких доказательств его посещения найдено не было); два вида редких

птиц от маркиза Иорумити Токугава; японский изогнутый меч с орнаментом (катана) от виконта Сюдзо Аоки (который позже стал министром иностранных дел); альбом с картинами, изображавшими японо-цинскую войну, от графа Масаки Тэраути; антикварная шкатулка для писем с орнаментом от Цунацунэ Танака; резьба по дереву с изображением птицы от барона Кентаро Дэн; фотография места захоронения и памятного мемориала адмирала Осман-паши и команды «Эртугрула» от мэра Вакаямы Хигаси Огуро. (Эта фотография в настоящее время представлена в морском музее в Стамбуле⁴².) Все эти подарки были переданы Абдулхамиду II через Ибрагим-пашу, церемониймейстера императорского двора. Подарки были расценены как ответная любезность японского императора после подаренных ему адъютантом Абдулхамидом II Мехмет Мурат-беем арабских скакунов в 1891 г.⁴³

Интересно высказывание султана в этой связи, переданное его доверенному лицу Али Вехби-бею:

«Микадо был достаточно любезен, послав во дворец Йылдыз в 1898 г. редких птиц из Японии. Глаза русского посла чуть не вылезли из орбит при виде этих подарков. Вероятно, он посчитал, что между Японией и Турцией существует союз. Иначе зачем императору Японии посылать такие подарки, в них определенно существует смысл. В то время как торговое соглашение между Турцией и Японией находится в процессе переговоров, граф Аоки уже намекнул на рискованный характер этого договора, хотя идея “сближения” между Турцией и Японией не нова, немногие люди искренне считают возможной реализацию этой идеи после крушения нашего фрегата, который был послан в Японию с нашим посланником...»⁴⁴

Японские историки тем не менее ставят под сомнение приведенный факт получения Ямадой задания со стороны султана. Согласно документам османского двора Ямаде были выплачена наличная сумма за привезенные товары⁴⁵.

Ямада был свидетелем младотурецкой революции 1908 г., а также оккупации Османского Банка в 1896 г. армянскими боевиками, что привело к резне 6000 армян в Стамбуле, о чем он написал в журнале “Taiyō”.

В ряде работ была представлена информация, основанная на автобиографии Ямады, что он внес вклад в победу Японии в русско-японской войне 1904–1905 гг., наблюдая за русскими кораблями, проходящими через Босфор у Галатской башни. Однако это не совсем соответствовало действительности. По мнению японских историков⁴⁶, преувеличением явились приведенные в автобиографии Ямады сведения, что во время русско-японской войны 1904–1905 гг. японское правительство попросило Ямаду тайно следить за Босфором на предмет возможных морских передвижений русского флота. Сотрудники магазина *Nakamura*, в том числе и Ямада, действительно занимались разведывательной деятельностью, однако это было связано с тем, что магазин в Стамбуле под управлением владельца Кэндзио Накамуры, как бывшего военнослужащего японского военно-морского флота, находился под контролем как Министерства иностранных дел, так и японского военно-морского флота. Один из ведущих исследователей русско-японской войны Тихару Инаба в результате своего исследования японских официальных документов, хранящихся в дипломатических архивах Министерства иностранных дел (Токио, Япония), проанализировал японскую разведывательную операцию в Стамбуле в 1904 г. По официальному приказу Дзютаро Комуры, министра иностранных дел Японии, и Нобуаки Макино, посланника Японии в Вене, Каметаро Иидзима, бывший японский консул в Одессе, и его помощник Микиносукэ Мацумото прибыли в Стамбул в феврале 1904 г. Они попросили содействия со стороны Кэндзио Накамуры в наблюдении за русскими судами в Босфоре, однако это не оказало никакого влияния на победу Японии⁴⁷.

В 1902 г. магазин Накамуры в Стамбуле начал посылать торговые деловые отчеты под названием «Отчет частного коммерческого музея в Стамбуле» в Министерство сельского хозяйства и предпринимательства Японии. Эти сообщения продолжались до тех пор, пока в 1908 г. не был отправлен последний, девятый, доклад. Таким образом Ямада и Кэндзио Накамура стремились пробудить и стимулировать интересы японских предпринимателей к Турции.

Следует также остановиться на еще одном виде деятельности Ямады в Стамбуле. С самого начала своего пребывания в Стамбу-

ле Ямада писал статьи о Турции в самый популярный журнал “Taïyō” (Солнце): «Женщины Турции» в 1895 г., «Новости Турции» в 1896 г. и «Условия жизни в Турции» в 1899 г. В японском детском журнале “Shonensekai” были опубликованы переведенные Ямадой несколько турецких народных сказок. В свое время Ямада принадлежал к студенческому литературному кружку, в который входили упомянутый ранее Рохан Кода, Тайга Такахаси и др. В результате он познакомился с Дзэнсиро Цубоя, редактором «Хабубун-кан», где в 1911 г. он опубликовал свою книгу «Живописный взгляд на Турцию», в которой было представлено много похвал и благодарностей автору, Ямаде, а также традиционная каллиграфия, китайские стихи и др. Кроме того, книга содержала много интересных описаний Турции. Многие сочли ее саморекламой Ямады для его предпринимательской деятельности.

В 1905 г. Ямада основал в Японии компанию по производству бумаги “Тоуо”, а вскоре после этого в 1909 г. вернулся в Стамбул, где проживал до 1914 г., согласно его биографии, опубликованной в 1952 г.

По свидетельству сына Накамуры, семья Накамура, включая Ямаду, экспортировала сигаретную бумагу, изготовленную в Японии, в Турцию и импортировала турецкий табак из своего магазина в Стамбуле, тем самым укрепив предпринимательскую деятельность семьи Накамуры.

В период экономической депрессии в 1924 г. компания “Тоуо” волилась в компанию “Oji”, из которой Ямада ушел и основал частную торговую компанию “Kokusai”. В это же время он прославился, став мастером чайной школы, известной как Yamada Soyu. Он опубликовал книгу “Toruko Gakan” (Иллюстрированный обзор Турции), в которой он попытался рассказать своим соотечественникам о Стамбуле, а также об исламе. После установления японо-турецких дипломатических отношений в 1922 г. и открытия в 1925 г. посольств двух стран в Токио и Стамбуле Ямада попытался расширить предпринимательскую деятельность в Турции в более широком масштабе, используя свой предыдущий опыт пребывания в Стамбуле. В 1925 г. благодаря своей известности в деловых кругах Осаки в качестве бывшего управляющего бумажной фабрики “Тоуо” и президента “Kokusai”, в сотрудничестве с Кацутаро Инаба-

та, президентом Осакой торгово-промышленной палаты, он учредил Ассоциацию торговых отношений между Японией и Турцией при торгово-промышленной палате в Осаке, став ее председателем.

В это же время политики и чиновники в Токио также постепенно склонялись к созданию организации для содействия развитию отношений между Японией и Турцией, включая поддержку торговли. В 1926 г. было основано японо-турецкое общество в Токио под председательством Садацуги Утиды, бывшего посла Японии в Турции. Одновременно с этим событием было создано японо-турецкое общество в Осаке. Таким образом, между двумя организациями началась острая конкуренция за лидерство в торговле с Турцией. В этих условиях, по предложению японского посла в Турции Юкити Обата, министр торговли и промышленности принял решение создать коммерческий музей в Стамбуле, финансируемый из национального бюджета и с управлением частной организации. Это решение привело к тому, что конкуренция между двумя обществами стала более серьезной.

В этих условиях Ямада выступил с предложением от своей Ассоциации использовать память о трагедии фрегата «Эртугрул». В августе 1928 г. Ассоциация и Осакая торгово-промышленная палата провели крупномасштабную церемонию поминовения жертв «Эртугрула» и объявили о своем плане создания нового памятного мемориала совместно с некоторыми министерствами центрального правительства и военным министерством. Результатом этого события стал более впечатляющий успех Ассоциации, чем предполагал Ямада. В итоге до тех пор забытая трагедия была вынесена на передний план общественной памяти, и действия Ассоциации получили высокую оценку. Более того, примерно через год, в сентябре 1929 г., император Хирохито посетил остров Осима, чтобы отдать дань уважения жертвам Османской империи. Наконец, 12 сентября 1928 г. министерство торговли и промышленности решило поручить управление будущим японским коммерческим музеем в Стамбуле японо-турецкой торговой Ассоциации.

В сентябре 1929 г. в Стамбуле была организована торжественная церемония открытия японского коммерческого музея недалеко от Галатского моста в районе Каракой — месте, удобном для де-

ловых поездок в Стамбуле. Это было здание с четырьмя этажами и десятью выставочными залами. Музей с несколькими постоянными японскими сотрудниками издавал официальные ежемесячные отчеты, получившие название «Отчеты японского коммерческого музея в Стамбуле» (с 1930 до 1937 г.). В том же 1929 г. было заключено временное торговое соглашение между Японией и Турцией, которое официально вступило в силу в 1930 г.

Добившись огромных успехов в создании прочного плацдарма для возвращения к торговле с Турцией, Ямада также рискнул вернуться к производству бумаги. В марте 1927 г. Ямада и его шурин Тамэсабуро Накамура основали бумажную мануфактуру “Suita” в Осаке. В сентябре 1928 г. она была преобразована в компанию по производству бумаги “Suita”. Хотя эта компания была поглощена “Mishima Manufacture Company” в апреле 1936 г., Ямада не ушел из нее и остался в новой расширенной компании, став одним из ее директоров⁴⁸. Кроме того, он также основал компанию по производству фольги “Toyo Tin Foil Company Oil” в 1929 г. Эта компания также была поглощена компанией “Nippon Foil Company” в 1937 г. Таким образом, Ямада искал выход из сложной ситуации, возникшей после послевоенной депрессии 1920 года, и стал успешным бизнесменом не только в торговле, но и в бумажном производстве.

Однако мировой экономический кризис, начавшийся в США в 1929 г., имел негативные последствия и для торговли между Японией и Турцией.

В этой связи в 1930 г. Ассоциация решила направить Ямаду, председателя Ассоциации и уполномоченного по торговле с Турцией, для проверки условий и состояния дел в Греции и Турции и поиска эффективных средств для устранения трудностей, которые испытывала торговля.

1 сентября 1930 г. Ямада выехал из Осаки в Симоносеки. Провожать его пришли многие люди, связанные с Ассоциацией и школой чайной церемонии Sohen. Маршрут Ямады пролегал через Пусан, Харбин, Варшаву, Вену, Салоники, Стамбул, Анкару, Триест, Венецию, Париж, Гамбург, Берлин, Москву и опять в Харбин и Пусан. В ноябре 1931 г. Турция установила строгий импортный барьер в отношении всех иностранных государств и начала защищать

свою отечественную продукцию с намерением стабилизировать свою национальную экономику. Результатом инспекционной поездки Ямады явилось решение в июне 1932 г. реформировать структуру Ассоциации и отказаться от Турции в качестве направления работы «ближневосточной Ассоциации». Ямада собственными руками убрал слово «Турция» с вывески названия Ассоциации. После такого реформирования торговли на Ближнем Востоке Ямада решил искать новые торговые возможности в любой точке Ближнего Востока. Несмотря на изменение названия Ассоциации, она по-прежнему продолжала управлять японским коммерческим музеем в Стамбуле.

Во время пребывания в Салониках, в Греции, на международной торговой ярмарке Ямада пришел к выводу о будущих больших перспективах и потенциале для торговли Японии с Грецией. Кроме того, Министерство иностранных дел Японии поддержало экономическое продвижение Японии в Средиземноморском районе Ближнего Востока посредством развития частной торговли. В марте 1933 г. Ямада получил пост «почетного консула Греции» в Осаке. Он переделал одну из комнат своего особняка в Осаке под греческое консульство, повесил национальный бело-голубой флаг Греции на здании и нанял грека, жившего в Кобе. Он стал сторонником Греции, и многие греки посещали его особняк в Осаке. Однако торговля с Грецией не была популярной среди предпринимателей Японии, хотя Греция и поддерживала отношения с Японией до 26 июня 1941 г., когда она объявила войну Японии.

Ассоциация тем не менее пыталась преодолеть экономические трудности, связанные с торговой ситуацией в Турции, однако в 1937 г. было принято решение о закрытии японского коммерческого музея в Стамбуле, а также об отказе от турецкого направления в торговле. Ассоциация была распущена в 1937 г. В это же время закрылся японский коммерческий музей в Каире. Экономический кризис 1920-х гг. и последовавшая за ним Великая депрессия привели к тому, что большинство стран ввели торговые тарифы, в результате чего японские торговые отношения со странами Ближнего Востока почти полностью прекратились.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что хотя Ямада преодолел трудности экономического кризиса 1920-х

гг. и стал успешным бизнесменом в Осаке, его успех в торговле и производстве бумаги был подорван после 1929 г. последствиями Великой депрессии. Он ушел в отставку с поста «почетного консула Греции», т.к. греческое правительство отказалось от «почетного консульства» в Осаке. В марте 1945 г. особняк Ямады был сожжен во время налета американских бомбардировщиков. В последующие годы до конца жизни Ямада посвятил себя тому, чтобы стать мастером чайной церемонии Sohen. Его автобиографические работы, опубликованные в конце его жизни в 1951–1952 гг., расценивались как правдивые истории и возродили его славу как «лучшего друга Турции в Японии», хотя и содержали ряд ложных данных. Он умер в 1957 году. Считается, что его семья и потомки оставались преданными друзьями Турции, последовательно и усердно содействовали развитию отношений между двумя странами, что высоко ценилось в обеих странах.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что, имея в виду, что развитие двусторонних отношений между Японией и Турцией — не только геополитика, но и судьбы людей, Нода и Ямада внесли значительный вклад в налаживание отношений между двумя странами, при этом каждому из них была присуща собственная индивидуальность. Несмотря на то что их деятельность в качестве первопроходцев в истории двусторонних отношений не привела непосредственно к установлению японо-турецких дипломатических и экономических отношений, она способствовала углублению знаний о двух странах. После Второй мировой войны и в Японии и в Турции стали доступны сведения о фрегате «Эртугрул», а также статьи, написанные Нодой и Ямадой. По мнению исследователей, деятельность Ямады превратилась в легенду на основе противоречивых данных его автобиографии без какого-либо объективного и научного обоснования приведенных сведений. Преждевременная же смерть Ноды привела к тому, что его важный вклад в развитие отношений между двумя странами остался почти незамеченным.

¹ «Студент-купец» — так назывался рассказ Рохан Коды о Ямаде, который был одним из самых близких друзей Коды со студенческих лет, прежде чем они оба стали знаменитыми. Ямада способствовал изданию первого романа Коды.

² *Misawa Nobuo, Goknur Akcadag. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda*

(1868–1904). AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1; *Misawa Nobuo*. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. XLI. P. 253–278; *Misawa Nobuo*. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012.

³ Сетаро Нода родился в январе 1868 г. в семье самураев феодального клана Нанбу Мориока в городе Хатинохе префектуры Аомори. С детства отличался большими способностями. В сентябре 1868 г. приехал в Токио и поступил в Кэйо Гидзюку — старейший университет в Японии. Талант Ноды был высоко оценен Юкити Фукудзавой, основателем университета Кэйо. Позже Нода стал штатным журналистом газеты “*JiJi Shinpo*”, престижной газеты, пользовавшейся влиянием в академических кругах.

⁴ Газета “*Jiji Shinpo*” (буквально: «газета новостей») была основана в 1882 г. японским писателем, философом, интеллектуалом Фукудзава Юкити (1835–1901). Фукудзав Юкити явился основателем университета Кэйо, первым президентом Токийской академии (ныне Японская академия наук).

⁵ Таким образом, общая сумма японских пожертвований достигла примерно 5000 иен. По цене риса, как принято в японской историографии, она соответствовала 70 000 000 иен в 2011 году. “*JiJi Shinpo*” удалось собрать 85% от общей суммы.

⁶ Согласно исследованию, проведенному Мисавой, публикациям в японских газетах в 1890–1891 годах, японский народ сразу потерял интерес к трагедии, связанной с фрегатом и Османской империи.

⁷ *Misawa Nobuo*. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 54.

⁸ *Misawa Nobuo*. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 55.

⁹ *Misawa Nobuo*. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 55.

¹⁰ The official report of the Captain // Tanaka, preserved in Kôbunbikô of the Japanese Naval Ministry.

Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 259.

¹¹ Позже стало известно, что офицеры, отправившиеся в Стамбул, получили большой опыт, который им пригодился во время русско-японской войны (1904–1905). Среди них называют имя Масаяюки Акияма (будущий вице-адмирал японского военно-морского флота).

¹² *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 94.

¹³ Во время своего пребывания в Стамбуле в течение примерно двух лет он послал около 50 статей, которые были опубликованы “*Jiji Shinpô*” и положили начало знакомству японского народа с жизнью в Турции.

¹⁴ “*Jiji Shinpô*”. 24.05.1891. № 3029; *Misawa Nobuo*. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 257.

¹⁵ “*Jiji Shinpô*”. 24.05.1891. № 3029; *Misawa Nobuo*. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 258.

¹⁶ “Jiji Shinpō”. 25.05.1891. № 3030; Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 258–259.

¹⁷ Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 259.

¹⁸ Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 261.

¹⁹ Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 262.

²⁰ Фукудзава Юкити — японский писатель, переводчик и философ. Основатель университета Кэйо, первый президент Токийской академии. Сютаро Имаидзуми, также известный как Итибио Имаидзуми, — первый японский художник-юморист, был племянником Юкити Фукудзавы, основателя “JiJi Shinpo”.

²¹ Сетаро Имаидзуми, также известный как Итибио Имаидзуми, как первый японский художник-юморист, был племянником Юкити Фукудзавы, основателя “JiJi Shinpo”. Способствовал налаживанию дружеских отношений между Японией и Османской империей.

²² “Jiji Shinpō”. 31.01.1892. № 3253; Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 262.

²³ Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 266.

İmaizumi, Ichibyō(=Shfitarō): Ichibyō Zatsuwa (in Japanese). Tokyo: Seishi-dôm, 1901.

²⁴ “Jiji Shinpō”. 15–16.04. 1892. № 3317–3318; Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları1 // The Journal of Ottoman Studies*. 2013. № XLI. P. 266.

²⁵ Misawa Nobuo, Goknur Akcadag. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 95–96.

²⁶ Başbakanlık Oamani Orsivi (BOA) (Османский архив премьер-министра). 72/z1. Подробнее об этом см.: Misawa Nobuo, Akçadağ Gökür. The First Japanese Muslim. Shōtarō NODA (1868–1904) // *Annals of Japan Association for Middle East Studies*. Tokyo, 2007. № 23–1. P. 85–109.

²⁷ Misawa Nobuo. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 95.

²⁸ Misawa Nobuo. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 95.

²⁹ Misawa Nobuo. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 54.

³⁰ Misawa Nobuo. The Origin of the Commercial Relationship between Japan and the Ottoman Empire: the Tactics of Young Torajiro Yamada, as a “Student Merchant”, The Bulletin of the Faculty of Sociology. Toyo University, 2007. № 45–1. P. 69, 86.

³¹ Misawa Nobuo. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 54.

³² Misawa Nobuo. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 62.

³³ Misawa Nobuo. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 72.

³⁴ *Deguchi Tomoyuki*. Rohan Koda & Torajiro Yamada // *Modern Japanese Literature*. 2006. № 74. P. 77–91.

³⁵ *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // *AJAMES* (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 96.

³⁶ Basbakanlik Osmani Arsivi. Y.PRK.AZJ. 21/116. (Османский архив премьер-министра). *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // *AJAMES* (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 96.

³⁷ *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // *AJAMES* (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 96.

³⁸ *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // *AJAMES* (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 97.

³⁹ *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // *AJAMES* (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–1. P. 97.

⁴⁰ В настоящее время эти письма представлены в турецком музее в г. Осима.

⁴¹ После возвращения в Японию Нода продолжил работу в газете “*JiJi Shinpo*”. Под его именем выходила серия статей «Торговля с Турцией», печатались его эссе о Турции. Но постепенно он отошел от работы в газете и, по свидетельству очевидцев, вел далеко не праведную жизнь мусульманина, увлекшись роскошной жизнью. Его слава сошла на нет, когда его имя дважды было связано с уголовными делами. Он умер в молодом возрасте в 1904 г.

⁴² *Torajiro Yamada*. *Toruko Gikan Suioku Roru*, Tokyo, 1912. P. 10–11. Цит. по: *Umut Arik*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. Revised 2-nd Edition, 1991. P. 48.

⁴³ *Torajiro Yamada*. *Toruko Gikan Suioku Roru*, Tokyo, 1912. P. 10–11. Цит. по: *Umut Arik*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. Revised 2-nd Edition, 1991. P. 49.

⁴⁴ *Ali Bey*. *Penses et Souvenirs de l'Ex-Sultan Abdulhamid*. Paris et Neuchatel, 1905. P. 108–109. Цит. по: *Umut Arik*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. Revised 2-nd Edition, 1991. P. 49.

⁴⁵ *Misawa Nobuo*. *Verification for the Achievements of a Japanese Merchant in Istanbul: Personal History of Torajiro Yamada* / Institute of Asian, African, and Middle Eastern Studies. Sophia University, 2017. P.28.

⁴⁶ *Inaba Chiharu*. The question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War // *The Rising Sun and the Turkish Crescent* / Selcuk Esenbel & Inaba Chiharu (eds.). Istanbul: Bogazici University Press, 2003. p. 122–144.

⁴⁷ *Inaba Chiharu*. The question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War // *The Rising Sun and the Turkish Crescent* / Selcuk Esenbel & Inaba Chiharu (eds.). Istanbul: Bogazici University Press, 2003. P. 122–140.

⁴⁸ В 1941 г. Ямада стал генеральным директором, а в 1948 г. — председателем правления компании.

ГЛАВА 20

О некоторых проблемах объединения Кореи в контексте трансформации региональной системы международных отношений

За прошедшие два десятилетия нового тысячелетия международная обстановка в Восточной Азии в значительной степени определяется не столько кризисом, вызванным стремительным развитием северо-корейской ракетно-ядерной программы, сколько нерешенностью Корейского вопроса в целом, как большого комплекса проблем, связанных с расчленением единой страны на два противоборствующих государства, а также неустранимостью противоречий в геостратегических интересах держав, стоящих за каждым из них.

На текущий момент раскол на полуострове не преодолен, как и фундаментальные разногласия в подходах и интересах ключевых игроков региона: США, Китая, Японии, России и собственно двух корейских государств. В течение длительного разделенного сосуществования Северной и Южной Кореи после окончания Корейской войны 1950–1953 гг. сформировался, образно говоря, двухуровневый подход к возможному решению Корейского вопроса: внутри- и внешнеполитический.

На первом уровне необходимо преодолеть именно внутренний раскол собственно единого некогда корейского народа, с его довольно сложной и противоречивой историей, полной различного рода фракционных или региональных тенденций к размежеванию. Сегодня эта линия раздела проходит уже глубоко в сознании, способах мышления, социальных поведенческих моделях и жизненных приоритетах корейцев по обе стороны 38 параллели. КНДР и РК — государства не только с разными социально-экономическими и политико-идеологическими моделями развития, с различными базами и надстройками, сегодня это в каком-то смысле разные культуры, по-своему эволюционирующие традиционные культурные особенности и даже углубляющиеся языковые отличия.

Однако, несмотря на трагичную историю раскола единой нации, на все противоречия и сложности в отношениях, Север и Юг самостоятельно сумели начать диалог, найти точки соприкосновения для дальнейшего его углубления и развития и в итоге продемонстрировали, что вполне способны разрешить их мирно, в духе национального консенсуса и без внешнего вмешательства. На рубеже XX и XXI веков, в период президентства Ким Дэ Чжуна (1998–2003) и Но Му Хена (2003–2008), а также и в настоящее время, после победы на президентских выборах Мун Чжэ Ина (2017 — н.в.), Южная Корея демонстрирует готовность сотрудничать с Севером, даже несмотря на сложнейшую геополитическую ситуацию, а также санкционное давление, оказываемое мировым сообществом на КНДР.

Но практика показала, что для всеобъемлющего решения Корейского вопроса этого недостаточно и процесс мирного урегулирования требует и внешнеполитических усилий, взаимодействия близлежащих стран, а также всего мирового сообщества. Это и есть второй уровень, на котором также нужно провести большую работу для того, чтобы воссоединение Кореи стало не далекой перспективой, а объективно реальной, осуществимой задачей. Собственно говоря, Корейская проблема возникла как международный конфликт, а значит и разрешение необходимо искать и на этом уровне.

Несмотря на то что по завершении холодной войны во второй половине XX века архитектура безопасности и расстановка сил вокруг Корейского полуострова претерпели известные изменения: ушли в прошлое идеологическое противостояние и, например, договор КНДР и СССР, предполагавший военную помощь в случае агрессии третьей стороны, не был продлен — на сегодняшний момент в этом субрегионе вновь отмечается обострение противоречий. В 2001 году Российская Федерация и КНДР заключили новый договор, в котором отсутствовала статья, предполагающая военную помощь. Как и во времена блокового противостояния, основными полюсами здесь являются Китай, КНДР и Россия с одной стороны, и США, Южная Корея и Япония — с другой.

Факторами, так или иначе дестабилизирующими ситуацию в регионе, являются растущее американо-китайское политико-

экономическое противостояние ввиду усиления позиций и экономической мощи Пекина, успешное развитие северокорейской ракетно-ядерной программы и фактическое превращение КНДР в ядерную державу, ослабление внешнеполитической роли Японии на фоне стагнации ее экономики и внутривнутриполитическая тенденция к милитаризации под предлогом защиты от северокорейской угрозы, расширение американского военного присутствия в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове под тем же предлогом, регулярные крупномасштабные американо-южнокорейские военные учения вблизи границ КНДР и Китая и проч.

Стратегический военно-политический альянс США — Япония — Южная Корея, по мнению ряда специалистов, направлен не столько против Северной Кореи, сколько против растущего в регионе влияния Китая. Причем если американо-японский альянс достаточно стабилен, то в случае с Южной Кореей ситуация немного сложнее. Многим южнокорейцам очевидно то, что их страну втягивают в противостояние двух ведущих держав — США и КНР, чего сами корейцы отчаянно не желают, стремясь сохранить хорошие отношения как с Вашингтоном, так и с Пекином. Несмотря на военно-политический альянс с США, у Сеула немало точек соприкосновения с Китаем не только в торговле, но и во внешней политике¹.

Отдельного упоминания заслуживает северокорейская ядерная проблема, вызвавшая неоднократные обострения международных отношений в начале 1990-х гг. и в середине 2000-х гг., после первого ядерного испытания в КНДР. Но, пожалуй, своего пика напряженности вокруг этого вопроса достигла в 2016–2017 гг. В конце 2017 года Пхеньян заявил о завершении создания собственного ядерного оружия и средств доставки, а также осуществил ряд его испытаний и пусков баллистических ракет. По мнению специалистов, это свидетельствовало о существенном прогрессе северокорейской ракетной программы, а успешные испытания термоядерной, а потом и водородной бомбы, говорили о наличии серьезного ядерного арсенала у Пхеньяна. 29 ноября 2017 года КНДР произвела пуск межконтинентальной баллистической ракеты «Хвасон-15», способной нести сверхбольшую тяжелую ядерную боеголов-

ку, и которая, по мнению экспертов, способна поразить цели на всей территории материковой части США².

Эти события спровоцировали серьезнейший кризис на Корейском полуострове, который чуть было не привел к полномасштабной войне. США и их союзники обсуждали возможность нанесения превентивных ударов по ядерным объектам КНДР, Совет Безопасности ООН принял наиболее жесткий пакет мер против Пхеньяна, лидеры президент США Дональд Трамп и глава Северной Кореи Ким Чен Ын обменивались нелицеприятными эпитетами в адрес друг друга и озвучивали угрозы в адрес противника.

Несмотря на то что ситуация расценивалась многими экспертами как критическая, в течение 2018 года удалось сохранить хрупкий мир на полуострове и избежать конфликта. Прежде всего, это связано с изменением курса КНДР, намеченного в начале 2018 года в выступлении Ким Чен Ына, в котором он провозгласил курс на нормализацию отношений с Южной Кореей, а также отказ от дальнейших испытаний ракет и оружия массового уничтожения³. Важно отметить и то, что такой поворот соответствовал выдвинутому в июле 2017 года российско-китайским инициативам по деэскалации напряженности и поэтапному решению проблемы северо-корейской ракетно-ядерной программы. В Совместном заявлении министерств иностранных дел России и Китая от 4 июля 2017 года излагалось основное содержание «дорожной карты» корейского урегулирования, которая подразумевала на первом этапе добровольный мораторий КНДР на испытания ядерных устройств и межконтинентальных баллистических ракет, а также сокращение масштабов или приостановку американо-южнокорейских учений, на втором — заключение двусторонних соглашений между КНДР и США, КНДР и РК об общих принципах взаимоотношений и на третьем — старт многосторонних переговоров с целью формирования системы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии⁴.

Вторым важнейшим обстоятельством, способствовавшим разрядке ситуации на полуострове, явилась победа Мун Чжэ Ина на внеочередных президентских выборах весной 2017 года. После десятилетия правления консерваторов, фактически разваливших межкорейский диалог начала нулевых и откровенно проводивших

политику военно-политического давления на северокорейское руководство, либерал и центрист Мун Чжэ Ин, изначально выступавший за нормализацию отношений с КНДР, добился смены курса в отношении северного соседа. Это, безусловно, способствовало новой «оттепели» и создало благоприятные условия для возобновления сотрудничества между Сеулом и Пхеньяном, прерванного в период 2008–2017 гг.

Наконец и в руководстве США возобладала точка зрения о необходимости выработки новых политико-дипломатических подходов к северокорейской проблеме, что в целом соответствовало предвыборным обещаниям президента Трампа, не раз критиковавшего политику своего предшественника в отношении северокорейской ядерной проблемы.

По традиционной уже логике нарастания и спада напряженности, этот кризис 2017 года также сменился резким потеплением в межкорейских отношениях, а также неожиданными дипломатическими шагами непримиримых, казалось бы, врагов — США и КНДР навстречу друг другу. Вне всякого сомнения, встреча лидеров США и КНДР в Сингапуре в июне 2018 года явилась серьезным шагом в направлении разрядки и нормализации отношений двух стран. Однако до сих пор, несмотря на самые серьезные шаги, предпринятые и США, КНДР, и Южной Кореей, — фундаментальные противоречия остаются неразрешенными, стороны в целом остаются при своем, а значит решение кризиса не достигнуто, а лишь отсрочено. Переговоры на высшем уровне между президентом Трампом и лидером КНДР Ким Чен Ыном в Ханое в начале 2019 года не привели ни к каким результатам, как и последующие встречи рабочих групп, проводившиеся при посредничестве Швеции⁵.

В течение 2019–2020 года американо-северокорейский диалог окончательно зашел в тупик в отношении выработки дальнейших практических шагов по реализации достигнутых в 2018 году договоренностей, а ввиду ограниченных возможностей южнокорейского руководства двигаться дальше по пути нормализации отношений с Севером и осуществлять самостоятельную политику без соответствующего одобрения Вашингтона, межкорейские отношения снова фактически были заморожены.

Тем не менее вопрос о необходимости выработки новых механизмов и архитектуры безопасности вокруг Корейского полуострова в условиях изменяющегося баланса сил периодически поднимается в течение уже довольно длительного времени при том, что, в первую очередь, отвечает интересам самих корейцев и их ближайших соседей, в том числе Китая, России и Японии.

Но каковы же эти новые механизмы и новая архитектура безопасности? Каким образом может быть реализована ее имплементация и какие стороны могли бы быть заинтересованы в ее скорейшем появлении и эффективности? Рост политико-экономической и военной мощи Китая, де-факто ядерная Северная Корея, активизация России на Дальнем Востоке и программы развития российского Приморского края со странами АТР — ведут к постепенному изменению сложившегося после распада СССР баланса сил в субрегионе.

Как уже отмечалось выше, после раскола на Корейском полуострове в середине прошлого века, а также после распада мировой социалистической системы в регионе сформировались два противоборствующих лагеря: США и их военно-политические союзники (РК, Япония), а также Китай и Россия. Несмотря на то что длительное время КНДР довольно успешно играла на противоречиях между последними, все же в целом, по сумме интересов, Пхеньян можно также отнести к этому, второму, лагерю.

Если первые в целом проводят политику непризнания внутривнутриполитического устройства КНДР, выступают за немедленные демократические рыночные реформы и безоговорочный отказ от обладания ядерным оружием через санкционное и военно-дипломатическое давление, то вторые гораздо более терпимы к режиму в Пхеньяне и его социально-экономическому укладу, а также являются сторонниками политико-дипломатического урегулирования проблемы северокорейской ракетно-ядерной программы.

Эти два лагеря характеризуют не только два разных подхода к решению проблем Корейского полуострова, но демонстрируют заинтересованность в мирном диалоге и достижении стабильности у одной из сторон, то есть в тенденциях, способствующих формированию внешне благоприятных условий для возможного объединения Кореи.

Важной оговоркой при данном предположении является характер, форма и содержание такого объединения. Если ключевыми условиями для развития ситуации принять мирность, стабильность и непротивление сторон, то речь не может идти ни об одной из возможных форм поглощения (например, так называемый «германский сценарий») или воссоединения в результате коллапса одного из режимов. Речь, конечно же, идет о северокорейском режиме, несмотря на то что в последние 30 лет он раз за разом демонстрировал чрезвычайную устойчивость и жизнеспособность в тяжелейших внутренних и внешних условиях. Долгое время руководство Южной Кореи строило свою внешнюю политику, основываясь именно на такой модели развития событий, несмотря на то что история межкорейских отношений убедительно демонстрирует контрпродуктивность такого подхода.

Безусловно, история появления единого немецкого государства в ходе начавшегося разложения социалистического лагеря на пороге 90-х гг. прошлого столетия произвела огромное впечатление и вдохновила не только широкую общественность, но и ряд ведущих политиков Южной Кореи. Распад СССР, переход большинства социалистических государств к рыночным отношениям, неожиданная смерть Ким Ир Сена в 1994 году, экономические трудности в КНДР и, на этом фоне, успех южнокорейского экономического чуда, казалось бы, вели к повторению германского сценария. Однако этого не произошло. Более того, многочисленные исследования и сопоставления немецкого и корейского опыта убедительно показывали, что схожесть ситуаций не столько содержательная, сколько поверхностная⁶.

Несмотря на тяжелейшее внутреннее положение в Северной Корее в течение 1990-х гг., ни партийная верхушка, ни широкие общественные массы не были готовы, да и не собирались идти по этому пути, внутри северокорейского общества не было диссидентства или какого бы то ни было внутреннего разложения, напротив, преобладали настроения национальной консолидации и преодоления трудностей, вину за которые возлагали на внешних врагов. К.В. Асмолов в своей статье, посвященной проблеме объединения и рассмотрению различных его вариантов, пишет: «В КНДР, не-

смотря на тяжелое положение и изменившееся отношение к власти, население не воспринимает ее главным виновником своих бед. В основном винят природные катастрофы или изменившуюся международную обстановку»⁷.

Не было консенсуса по вопросу объединения и среди внешних ключевых игроков, прежде всего речь, конечно, о Китае, который в отличие от СССР был категорически против объединения Кореи под эгидой Юга, что означало бы приближение американских военных баз к его границам. Разница масштабов экономик Севера и Юга была значительно большей, нежели у ФРГ и ГДР, что неминуемо привело бы к колоссальным и просто неподъемным экономическим вложениям для Сеула, не говоря уже о неминуемых демографических проблемах, неконтролируемой миграции, росте социального неравенства и напряженности и т.д. Тем не менее идея объединения на основе поглощения Севера Югом оставалась фактически государственной внешнеполитической линией на протяжении почти десяти лет нахождения у власти в Сеуле консерваторов в 2008–2017 гг.

Несмотря на общемировой кризис, были подготовлены экономические расчеты необходимых средств для восстановления и интеграции экономики Севера, власти на Юге безуспешно пытались компенсировать потенциальные затраты путем введения специального сбора на нужды объединения, активно прорабатывались возможности зарубежного инвестирования и совместного освоения северокорейских мощностей, изыскивались возможности политико-дипломатического давления на Север⁸.

В итоге данная политика не только не принесла искомого результата, но и самым серьезным образом обострила и без того сложные межкорейские отношения, поставила ситуацию на грань открытого вооруженного конфликта. Северная Корея тем временем небезуспешно завершила разработку и испытания новейших видов ОМУ и средств доставки. Как отмечалось выше, де-факто это означало, что КНДР превратилась в полноценную ядерную державу. В силу обретения последней нового статуса, а следовательно и усиления ее субъектности во внешнеполитических вопросах, германский сценарий все более терял свою актуальность.

Также этому способствовал и отмечаемый многими экспертами рост северокорейской экономики и общего благосостояния граждан, по сравнению с концом прошлого века и первым десятилетием нынешнего. Так, по оценкам Центрального банка Южной Кореи, экономика КНДР продемонстрировала в 2016 году самые высокие темпы роста с 1999 года, ВВП вырос на 3,9% по сравнению с 2015 годом. Драйверами роста стали основные секторы северокорейской экономики: горнодобывающая промышленность (+8,4%), электроэнергетика (+22,3%), тяжелая промышленность (+6,7%)⁹.

Более того, в новой международной ситуации и с учетом состояния и перспектив южнокорейской экономики реализация германского сценария объединения с его огромными затратами вызывает еще больше вопросов. Так, перед началом пандемии газета Financial Times сообщала о существенном замедлении роста южнокорейской экономики впервые за последние 50 лет¹⁰.

Тем не менее южнокорейские политики регулярно в своих выступлениях ссылаются на опыт воссоединения Германии в контексте урегулирования корейского вопроса. Этому придается определенный смысл, поскольку вот уже несколько президентов Республики Корея говорили об этом, выступая именно в Берлине, видимо подчеркивая преемственность немецкого опыта. Однако если консерваторы в действительности рассматривают такое объединение как приоритетное и единственно возможное, то для их оппонентов ссылка на германский сценарий в значительной степени сводится к необходимости политической риторики для широкой мировой общественности, считающей КНДР «неправильной» государственной системой, требующей приведения к общепринятым нормам демократии цивилизованных стран.

Однако эта «цивилизаторская» идея превращения Северной Кореи в аналог Южной путем поглощения или постепенных реформ, или осуществления совместного поэтапного хозяйствования, развитие экономического сотрудничества с целью поднять уровень экономики КНДР до приемлемого и т.д. — все чаще сталкивается с довольно пессимистичными прогнозами. В начале 2021 года авторитетная южнокорейская газета The Korea Times разместила на своих страницах обширную статью известного американ-

ского востоковеда, директора Института Азии в Сеуле Эммануила Пастрайка, в которой он размышляет об объединении Кореи¹¹.

Проблему Пастрайк видит в гораздо более глубинных социально-экономических явлениях, берущих свои истоки в расколе некогда единой страны и в многолетнем движении обществ по обе стороны разграничительной линии 38 параллели в совершенно разных направлениях. Но самое главное заключается в том, что за почти 30 лет с момента крушения социалистической системы и всеобщего торжества рыночных отношений, система капиталистическая в отсутствие какой-либо конкуренции стремительно воспроизвела и обострила весь спектр собственных внутренних противоречий в практически полном соответствии с классическими произведениями классиков марксизма. К концу первого десятилетия XXI века общемировой кризис капиталистической системы поставил развитые страны перед серьезной дилеммой дальнейшего общественного поступательного развития в условиях экономической стагнации, сверхконцентрации капитала и его перетекания во власть, чудовищного неравенства и дисбаланса в распределении общественных благ, сверхэксплуатации новых рынков вполне в духе неоимпериализма, внутренних социальных противоречий и т.д. Для понимания положения дел вполне достаточно взглянуть на любой из докладов Программы развития Организации Объединенных Наций за последние годы и пробежаться по их содержанию¹².

Все это в той или иной степени коснулось и Южной Кореи. Несмотря на впечатляющие по современным меркам экономические показатели (доход на душу населения превысил 30 тыс. долл., экспорт превысил 600 млрд долл., экономика РК по целому ряду параметров — седьмая в мире, и т.д.), они все менее отражают реальную картину и динамику изменений внутри южнокорейского общества. Так, например, еще до пандемии ОЭСР пересмотрела в сторону снижения прогнозы роста экономики Южной Кореи в докладе, опубликованном в марте 2019 г., по сравнению с ноябрьскими оценками того же года¹³.

В случае поглощения Севера сегодняшняя Южная Корея, кажется, просто не в состоянии предложить модель экономического

развития для единой страны, со всей ее спецификой, с ее огромным разрывом в экономике, уровне жизни, идеологии и концепции общественного развития. И дело даже не в том, что, по самым скромным подсчетам, приведение северокаорейской экономики и инфраструктуры в соответствие с современными требованиями обойдется в колоссальную сумму. Так, по оценкам бюджетной комиссии Национального собрания на 2015 г., общие предполагаемые затраты на объединение за 45 лет с 2016 по 2060 год составили бы 10 428 триллионов вон в текущих ценах (около 9,2 триллиона долларов США) при том, что в 2015 году ВВП страны, по данным МВФ и ОЭСР, составил 1,4 трлн долл. США¹⁴. Даже автор статьи с довольно оптимистичным прогнозом поглощения Северной Кореи Югом, Рудигер Франк, размышляющий о возможности применения германского пути воссоединения, говорит о том, что сложность будет представлять проблема общественного обустройства и безопасности.

Если затрагивать тему социальных особенностей корейцев Севера и Юга, то ситуация оказывается гораздо более сложной и в какой-то степени почти необратимой, в отличие от тех же немцев. Это можно проиллюстрировать на примере адаптации перебежчиков. Кореевед Федор Тертицкий в своей работе, посвященной северокаорейским беженцам, говорит о серьезных различиях в психологии, культуре, мировоззрении и отношении к действительности у северян. «...Беженцы совершенно не привычны к жизни в капиталистическом мире, им сложно грамотно воспользоваться всеми этими благами, найти хорошую работу и вписаться в южнокорейское общество...», — пишет он. И далее: «Беженцам бывает сложно общаться с южанами. Это приводит к их изоляции в обществе и замыканию контактов внутри диаспоры...»¹⁵ И это лишь «вершина айсберга».

В прессу время от времени попадают сообщения о попытках перебежчиков из КНДР вернуться обратно¹⁶. Конечно же, таковых абсолютное меньшинство, а государственные органы Южной Кореи всячески способствуют адаптации северян к новой реальности, где им предлагается прослушать курс лекций, который включает в себя знакомство с демократическим устройством общества, рыночной экономикой, южнокорейской культурой, с особенностями суще-

ствующих на Юге отношений в семье, с работой местного госаппарата и сферы услуг, обучают основам компьютерной грамотности, рассказывают, как получить образование, искать работу и проходить собеседование¹⁷. Государство бесплатно предоставляет беженцам жилье и первое время их обеспечивает. В середине 1990-х беженец получал деньги на покупку квартиры в Сеуле площадью от 22 до 33 м², а также единовременную выплату от 30 до 100 южнокорейских МРОТ. Помимо прочего, если он предоставлял ценную информацию о КНДР, ему полагались дополнительные выплаты¹⁸.

Тем не менее многие из перебежчиков с Севера со временем выражают сожаление в созданном и желание вернуться, так как оказываются неспособными воспринять новую и совершенно чуждую реальность конкуренции, индивидуализма, отчуждения, недостатка соучастия со стороны других членов общества. Причем речь идет о тех, кто в свое время осмелился на очень простой для северокорейских реалий поступок, коим является побег. Так, например, только в период с 2012 по 2019 год включительно было зафиксировано 29 случаев обратных побегов¹⁹. Модель поведения основной массы менее активных законопослушных граждан Северной Кореи скорее всего также не позволит в полной мере воспринять новую реальность и адаптироваться к ней. Следует также отметить, что по взаимной договоренности между Севером и Югом с начала 2010-х гг. власти начали возвращать перебежчиков.

Долгие годы Южная Корея фактически шла по пути вестернизации и построения общества потребления западного типа с акцентом на личностных индивидуалистических мотивационных стимулах в противовес традиционному преобладанию централизованного и коллективного самосознания. Этика ведения частного бизнеса, предпринимательские навыки, совершенно новое восприятие социальных функций и обязательств государства по отношению к индивидууму, даже несмотря на традиционную восточную специфику, — все это постепенно входило в норму и повседневность для корейцев на юге. Примеры северокорейских перебежчиков наглядно демонстрируют данное обстоятельство.

В отношении формирования и воспитания общества в целом, индивидуальной внутренней культуры отдельных членов, обще-

принятой традиции и поведенческих моделей Северная Корея шла совершенно по иному пути. Это и естественное следствие авторитарной традиции восточных обществ с их глубоко иерархической структурой, основанной на конфуцианских канонах, это и существующая весьма тоталитарная в своей основе система организации северокорейского общества, но это также и сознательное построение внутренних механизмов социального взаимодействия в условиях ограниченных экономических возможностей.

Уже только лишь при таком довольно общем срезе положения дел очевидны существенные сложности и потенциальные препятствия в осуществлении как германского сценария воссоединения, так и проектов постепенного превращения КНДР в РК в ее нынешнем виде. Собственно говоря, понимание этого обстоятельства отражено и в наиболее, на наш взгляд, реалистичных проектах мирного воссоединения, предложенных обеими сторонами еще в прошлом.

Представленные в разные годы Севером и Югом программы в той или иной форме предполагали определенный и, скорее, довольно длительный период сосуществования разных форм социально-экономических укладов в рамках единого государства. Учитывая принципиальные различия в экономическом базисе Севера и Юга, а также историю раскола некогда единой экономики, реализация в том или ином ключе принципа «сначала экономика, потом политика» представляется наиболее уместной для возобновления совместного хозяйствования для постепенного «выравнивания» и интеграции экономик. И со временем, при достижении определенного паритета в экономическом развитии и уровне жизни, проблемы, связанные с выработкой общих принципов хозяйствования, общественных и производственных отношений, политического и социального устройства единого государства, — будут решены. Насколько такой подход сможет нивелировать различия в менталитете южан и северян — вопрос сложный, но, тем не менее, постепенное взаимодействие двух культур в перспективе должно дать более плавный эффект и не привести к социальной радикализации части населения.

Важным отличием реализации подобных планов от концепции «поглощения» или «реформирования» Севера Югом является сов-

местные выработка, осуществление и координирование совместного хозяйствования, различных, в том числе и многосторонних, экономических проектов на равных условиях. Однако еще более важным моментом является идея совместного осуществления внешней политики. Выше уже отмечалось, что, несмотря на готовность и возможность корейцев договариваться на внутреннем, межкорейском, уровне, на уровне международном этого достичь не удавалось ввиду серьезных геополитических противоречий близлежащих государств, а также США.

К началу третьего десятилетия XXI века Корейский полуостров остается в центре американо-китайского противостояния в Восточной Азии, а также пересечением геостратегических интересов треугольников США — Южная Корея — Япония, с одной стороны, и Китай — Россия — КНДР — с другой. Несмотря на то что многолетние (2003–2007) шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР с участием РК, КНДР, Японии, Китая, США и России де-факто оказались безрезультатными, в то же время, они продемонстрировали значительный потенциал мирной дипломатии. Во многом противоречия сторон проистекают из наличия на полуострове двух исторически антагонистичных государственных образований — КНДР и РК, относящихся к разным военно-политическим блокам. Но если гипотетически предположить, что в международном поле появится единое корейское государство со своими интересами?

Как изменится политика ключевых держав региона, и в особенности США, чей многотысячный военный контингент, а также элементы системы ПРО по-прежнему находятся на территории Южной Кореи, если корейцы сумеют договориться о создании формата государства с двумя разными политико-экономическими системами, но общим правительством? Что если это государство провозгласит безъядерный статус и объявит о полном нейтралитете?

Это гипотетическое предположение вызывает огромное количество вопросов, связанных как с многочисленными проблемами практической реализации такого воссоединения, так и с внешнеполитической реакцией мирового сообщества и ключевых стран региона на такое новое образование. В то же время подобный сце-

нарий позволил бы снять большую часть наиболее сложных и принципиально нерешаемых проблем, связанных с корейским вопросом: не станет душащих Север санкций, проблемы ядерного тупика и присутствия иностранных войск на полуострове смогут, наконец, быть решены, градус напряженности в регионе в целом сойдет на минимум, целый ряд перспективных международных проектов, связанных с транспортировкой энергоресурсов и товаров через Корейский полуостров, наконец будут осуществлены в полной мере и т.д.

Что касается оценки реалистичности такого сценария, то подобное развитие событий кажется сегодня довольно маловероятным. Однако эта концепция представляется наиболее полно отвечающей и принципам воссоединения, которые утверждены самими корейцами в Совместном заявлении 1972 года, и интересам собственно самих корейцев по обе стороны 38 параллели²⁰. К тому же фактически, лишь с некоторыми различиями, именно такие сценарии объединения предлагаются Севером и Югом сегодня. И потому в двух наиболее всеобъемлющих и в полной мере проработанных проектах воссоединения, которые в разные годы были представлены самими корейцами (речь о программах президента РК Ким Дэ Чжуна и глава КНДР Ким Ир Сена), говорится именно о таком варианте поэтапного сближения. Важно отметить, что упор в этих программах сделан на достижение национального консенсуса прежде всего, не на осуществлении каких-либо реформ и преобразований внутри друг друга, а на выработку единой внешней стратегии построения независимого нейтрального государства. «Обеспечивать прежде всего интересы всей нации, стоя выше региональных и классовых интересов»²¹.

Практические шаги по реализации долгосрочной стратегии подобного типа представляют собой вполне адекватные нынешней ситуации меры, которые уже и без того частично осуществляются. Ядерные пуски и дальнейшая разработка ОМУ фактически приостановлены, контакты между двумя корейскими государствами на многих уровнях расширяются, речь уже идет о возобновлении совместных экономических проектов без предварительных условий, немаловажно и то, что положено начало американо-северо-

корейскому диалогу, что еще буквально несколько лет назад не представлялось возможным.

К сожалению, даже этот сценарий не решит более глобальных противоречий между большими игроками, где Корейский полуостров не более чем выгодная геостратегическая локация, вокруг которой так или иначе будет витать опасность. Безусловно, в рамках такой стратегии необходимо будет разработать программу нормализации многосторонних связей и что, пожалуй, наиболее сложно — заручиться поддержкой Китая и США, России и Японии. Вряд ли такое нейтральное объединенное государство будет отвечать интересам всех стран, но это лучше, чем китайское или американское доминирование или противостояние на полуострове.

Одной из самых сложных задач в рамках данной концепции станет действительное обеспечение нейтрального статуса единого государства и практическое осуществление такой внешней политики. И во многом именно поэтому изначально при выработке принципов национального объединения корейцы акцентировали самостоятельность и независимость на основе широкой национальной консолидации. Это среди прочего означало и то, что по обе стороны 38 параллели есть понимание того факта, что далеко не всем понравится идея единого и нейтрального корейского государства, что таковое нарушает определенные стратегические планы и что его появлению может быть оказано внешнее противодействие. А с учетом шаткости любой стабильности на полуострове, именно корейцам в первую очередь придется с особым вниманием и осторожностью сохранять хрупкий мир и поступательное движение в соответствии с долгосрочным планом воссоединения. Безусловно, осуществление такой линии требует политической воли и внешней поддержки.

Изменившийся баланс сил на полуострове, возрастающая угроза военного конфликта ввиду усиления американо-китайского противостояния, а также общие структурные трансформации в международных отношениях вынуждают искать новые формы обеспечения безопасности в регионе. Поиск решения затянулся, и сегодня требуются уже сознательные и решительные действия. Можно довольно долго раскручивать по спирали ситуацию вокруг

Корейского полуострова, искусственно создавая витки напряженности с тем, чтобы потом запустить процесс разрядки и выторговать какие-либо политические или экономические дивиденды, причем это касается всех участников. Однако фактическое обладание КНДР ядерным оружием и средствами доставки кардинально меняет систему региональной безопасности, делает Пхеньян более субъектным участником международных отношений и в какой-то степени позволяет ему восстановить свой «вес» в межкорейском урегулировании. Можно сколь угодно замораживать или откладывать решение корейского вопроса, но это не приблизит его решения и не позволит корейским государствам существовать и развиваться поступательно в будущем. В конце концов корейцы по обе стороны 38 параллели заинтересованы в стабильности и нормализации ситуации. В сегодняшнем мире интеграционные процессы должны сменить процессы разложения и размежевания, а для Кореи это может стать жизненно необходимым.

В этом отношении уместна цитата автора одной из программ мирного объединения Кореи — Ким ир Сена, вполне отражающая реальную картину сегодняшнего дня: «Дело объединения разных систем на Севере и Юге можно передать и нашим потомкам, чтобы они в будущем решили эту проблему неспешно, без помех. А вопрос формирования одного объединенного государства в рамках одной нации независимо от различий в идеологии и системах уже не терпит дальнейшего отлагательства»²².

Возобновление интеграционных процессов в межкорейских политико-экономических отношениях, инициированных самими корейцами по обе стороны 38 параллели, формирование собственно корейских интересов в непростой геополитической обстановке в регионе в полной мере соответствуют концепции построения единого конфедеративного государства и отражают стремление корейского народа создать новую архитектуру безопасности в регионе, основанную на паритете и нейтральном, внеблоковом статусе единого государства. Активное политико-дипломатическое содействие такому сценарию должно стать важным элементом российской внешнеполитической линии на Корейском полуострове, поскольку в полной мере соответствует общим задачам поли-

тики Российской Федерации на международной арене — поддержание стабильных, добрососедских отношений с близлежащими государствами.

О позитивной роли России в межкорейских отношениях в отечественном корееведении писалось много раз. Еще в 2000 году выдающийся советский и российский кореевед В.П. Ткаченко в своей работе «Корейский полуостров и интересы России», давая оценку политике СССР и РФ, подчеркивал, что «стратегические курсы Советского Союза и нынешней России в отношении Корейского полуострова в целом совпадают», и то, что их характеризует «ориентация на общекорейские интересы, когда речь идет о принципиальных вопросах обеспечения мира и безопасности на полуострове». Первоочередной проблемой В.П. Ткаченко считал то, что «в практической политике пока нет достаточно четкого представления о существовании общекорейских интересов. Их еще предстоит выработать, и прежде всего самим корейцам. В отсутствие межкорейского консенсуса по вопросам безопасности и мерам доверия наши представления об общих интересах нации будут в значительной мере оставаться субъективными»²³.

¹ Сеул втягивают в противостояние США и Китая // Российская газета. 03.04.2021 // rg.ru/2021/04/03/seul-vtiagivaiut-v-protivostoianie-ssha-i-kitaia.html.

² *Евсеев В.В.* Эволюция ракетно-ядерной программы КНДР, Корейский полуостров: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 68.

³ Kim Jong Un's 2018 New Year's Address // The National Committee On North Korea // www.ncnk.org/node/1427.

⁴ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове // МИД РФ // www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove.

⁵ *Казарьян Р.Л.* В поисках продолжения диалога: о развитии американо-северокорейских отношений и общей ситуации на Корейском полуострове в 2019 году // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. Ежегодник 2020 / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. С. 279.

⁶ Korean Unification: Economic Adjustments under German Assumptions // onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/aepr.12264.

⁷ *Асмолов К.В.* Будущее Объединенной Кореи // globalaffairs.ru/articles/budushheebedinennoj-korei.

⁸ См. напр.: *Lee Donggun.* Unification costs for Korea and the Korean peninsula, 2015.

⁹ В Сеуле заявили о рекордном за 17 лет росте экономики КНДР // www.rbc.ru/economics/21/07/2017/5971fd7f9a794715f1a2b845.

¹⁰ South Korea set for one of worst growth periods in half a century // Financial Times // www.ft.com/content/17bc3560-1289-11ea-a225-db2f231cfeae.

¹¹ Emanuel Pastreich, Meditations on the word “unification” // The Korea Times. 07.07.2021 // m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=260811.

¹² См., напр.: Программа развития Организации Объединенных Наций // www.un.org/ru/ga/undp/.

¹³ Республика Корея: успехи и проблемы развития // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2019. Вып. № 43. С. 17.

¹⁴ Rudiger Frank. The Costs of Korean Unification: Realistic Lessons From The German Case // Korea’s Economy / Korea Economic Institute of America. Vol. 30. 2015. P. 7.

¹⁵ Тертицкий Ф.К. Северокорейские беженцы в Южной Корее // Вестник российского корееведения. 2011. № 3. С. 114.

¹⁶ Перебежчик из КНДР задержан при попытке вернуться в Северную Корею // Российская газета. 20.09.2020 // rg.ru/2020/09/20/perebezhchik-iz-kndr-zaderzhan-pri-popytke-vernutsia-v-severnuiu-koreiu.html.

¹⁷ Тертицкий Ф.К. Северокорейские беженцы в Южной Корее // Вестник российского корееведения. 2011. № 3. С. 113.

¹⁸ Тертицкий Ф.К. Северокорейские беженцы в Южной Корее // Вестник российского корееведения. 2011. № 3. С. 113.

¹⁹ Ланьков А.Н. Как КНДР поступает с перебежчиками из Южной Кореи // regnum.ru/news/polit/3076965.html.

²⁰ Совместное заявление Юга и Севера Кореи от 4 июля 1972 г. // KBS WORLD // [world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=history&id=&board_seq=10&page=4&board_code=\(08.03.2018\)](http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=history&id=&board_seq=10&page=4&board_code=(08.03.2018)).

²¹ Ванин Ю.В. Корея на трудном пути к воссоединению // Корея на рубеже веков. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 324.

²² Ванин Ю.В. Корея на трудном пути к воссоединению // Корея на рубеже веков. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 322.

²³ Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Восточная литература, 2000. С. 12, 166.

ГЛАВА 21

Роль традиций в модернизации стран Востока

Традиция и модернизация — это, казалось бы, при поверхностном рассмотрении несовместимые и даже противоположные понятия. Именно так они до недавнего времени рассматривались многими всякого рода новаторами, революционерами и т.д., видевшими в традициях главное препятствие модернизации и революционным обновлениям. Когда-то у нас был очень популярен лозунг: «Чтобы построить новое, нужно разрушить старое», фактически бывший руководством к действию. Но уроки истории нам показали, что механический, тем более насильственный, отказ от всего традиционного, т.е. в чьих-то глазах консервативного (это слово в советское время имело негативный смысл), а значит «косного, дремучего, отсталого», являющегося главным препятствием всему «новому, прогрессивному, передовому», парадоксальным образом не ведет общество вперед, а даже отбрасывает в его развитии назад. Кроме того, отказ от традиционных ценностей чаще всего ведет к компрадорству (например, когда под модернизацией понимают исключительно вестернизацию и атлантизацию); это зачастую фактически разрушает само государство, поскольку сам институт государства строится, как правило, на основе этнокультурных исторических факторов народов, населяющих определенную территорию. Разрушение же традиционной культуры и замена ее другой культурой/псевдокультурой — новой модернистской, когда это происходит революционным путем и поспешными бескомпромиссными большевистскими методами, не только вскоре показывают ее неживучесть, недолговременность, но и чреватые всякого рода потрясениями. Мода на новые красивые идеи, их реализацию, когда они не имеют глубоких корней в традиции народа, общества, тем более внедренные насильно, быстро проходит. С другой стороны, любое общество, разумеется, нуждается в обновлении в соответ-

ствии с требованиями времени, вызовами-ответами по Тойнби, но без сохранения традиций невозможна мобилизация собственных культурно-цивилизационных ценностей для ответа на эти самые вызовы назревших перемен. Искусственное же отделение этих явлений одного от другого, неразрывных и взаимосвязанных, как Инь и Ян, их противопоставление, рассмотрение с крайних непримиримых позиций — путь заведомо ущербный, ведущий в тупик.

Как нам поясняют словари и энциклопедии, существует два типа мировоззренческого обоснования традиции. Первый сводится к тому, что **традиция** — это внешние рамки жизни, ее каркас, фундамент социальных автоматизмов, облегчающий групповые и межличностные контакты. Во втором случае традиция становится особым каналом связи времени и вечности, исторического и сверхисторического, обращение к ней приобретает оттенок магии. Упование на так понимаемую традицию в определенные периоды истории есть не что иное, как попытка утопического мышления найти путь к тому невозможному, запредельному состоянию общества, которое разрешит все проблемы сегодняшнего дня. Это предельное выражение утопии, а любая утопия критикует конкретный, данный общественный строй, а не жизнь вообще. Традиция же утопична по отношению к истории в целом. Современные традиционалисты стремятся к тихой «консервативной» революции: сохраняя социальный порядок, следуя традициям, ничего не меняя по существу, они хотят обрести иное видение общества и человека. В ценностном, содержательном плане традиция аккумулирует в себе некую систему норм, обычаев и мировоззренческих установок, составляющих наиболее значимую часть «классического» наследия данного социума, культурной общности, мыслительного направления. В функциональном плане **традиция выступает посредником между современностью и прошлым**, механизмом хранения и передачи образцов, приемов и навыков деятельности (технологий), которые явочным порядком входят в реальную жизнь людей и не нуждаются в каком-то особом обосновании и признании, кроме ссылки на свою давность и укорененность в культуре. Передача осуществляется посредством многократного повтора и тиражирования традиционных действий и отношений (обычаи),

церемоний и обрядов (ритуал), символических текстов и знаков. Традиция представляет собой такую разновидность исторического сознания, где прошлое претендует на то, чтобы быть прообразом настоящего и даже одним из источников совершенства будущего¹.

До недавнего времени это понятие было особенно актуальным, когда речь заходила о восточных обществах: от Ближнего до Дальнего Востока, а также о странах Магриба и Африки. Страны этого ареала изначально и сейчас принято связывать со словами «традиция», «традиционное», вкладывая в это разный смысл — от положительного до отрицательного. С началом эпохи модерна в это слово начали вкладывать отрицательный смысл, оно ассоциировалось с косностью, отсталостью, бедностью, восточными деспотиями и т.д. Но в начале XX века громко о себе заявила Япония, активно вставшая на путь модернизации по западному образцу. Особенно про эти успехи заговорили в мире после ее победы в войне с Россией в 1905 г. После Второй мировой войны успехи Японии стали еще нагляднее, видимо творческий духовный потенциал переориентировался с военной экспансии на технологическую модернизацию. Позднее, в конце 1970-х годов, успехи в модернизации ярко показали Тайвань (островной Китай) и Южная Корея. Потом все заговорили об успехах и континентального Китая (КНР), который сейчас, пожалуй, становится главным конкурентом Запада (прежде всего в лице США) не только в политико-экономическом влиянии в мире, но и в сфере высоких технологий. Этим Пекин все больше и больше раздражает Вашингтон, можно вспомнить хотя бы скандал с китайской компанией Huawei Technologies Co. Ltd., на которую наложены санкции...

Всякого рода инновации, идущие в русле модернизации, разумеется, часто приходят в противоречие с традициями. С одной стороны, общество нуждается в обновлении, с другой — в сохранении традиций. Без того и другого невозможно нормальное существование общества вообще. Эти два противоречивых процесса взаимосвязаны. Проблема же соотношения традиций и инноваций, как отмечает В.Г. Федотова, рассмотренная в свете модернизационной теории, имеет ряд стандартных решений.

Во-первых, признать в традиционном обществе наличие господства традиций над инновациями, а также необходимости отказа от

возможных инноваций там, где они препятствуют сохранению традиции. Традиционные общества — это общества, основанные на воспроизводстве посредством традиций и воспроизводстве самих традиций. Эпоха этих обществ — весь мир до начала Нового времени.

Во-вторых, заключить, что начавшаяся в Новое время модернизация Запада как его путь к современному обществу была связана с естественноисторическим ростом инноваций и в конечном счете с преобладанием инноваций над традициями и формированием самой традиции к получению постоянных инноваций. По мнению Э. Гидденса, инновационное развитие Запада продолжается в течение 500 лет, это уже стало его прочной традицией, настолько прочной, что Запад сегодня предстает как своего рода новый тип традиционного общества, радикально отличающийся от того, чем он был до начала модернизации в Новое время. Тогда он был традиционный, ориентированный на Бога и судьбический космос, ныне Запад — инновационный, но превративший инновации в традицию.

В-третьих, утверждать, что в XXI в. произошли серьезные изменения. Новой инновацией стало вступление в модернизацию многих незападных стран. Россия, Мексика, Турция, Япония, Китай и прежде находились в этом процессе, но он осуществлялся по модели догоняющей Запад модернизации, в которой собственная культура, сохраняющая черты традиционности, воспринималась как препятствие тому, чтобы догнать Запад и стать современным. Новым в XXI в. стали отказ от модернизации незападных стран в форме догоняющей Запад модели и переход к признанию значимости культуры и традиций этих модернизирующихся стран для их дальнейшего развития, влияния традиций на характер и темпы модернизации и понимание современности (модерна) сегодня².

По мнению Хантингтона, надо пройти какой-то уровень вестернизации, а далее перейти к национальной модели модернизации или, иначе, к тому типу развития, который диктуется национальными нуждами, т.е. нуждами данного общества. Национальный в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству. Получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет

сегодня к национальной модели развития, а значит к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития. Эта мысль Хантингтона, воспринимаемая как самая сомнительная часть его концепции возможного столкновения цивилизаций, вызвавшей серьезное сопротивление, вскоре была подтверждена как новым характером социальных изменений, так и новыми концепциями. Среди них концепция одного из самых крупных специалистов по теории модернизации Ш. Эйзенштадта, который доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне³.

Л.А. Сугрей считает, что на базе противопоставления традиции новациям активно продвигаются созданные Западом концепции ускоренного модернизаторства, которые разрушают сложившееся в веках бытие этноса, делают его сферой экспансии чуждых по духу культур и цивилизаций — объектом вестернизации⁴. Одним из существенных недостатков исследования традиции является недооценка роли этнообразующих факторов, которые выступают не только в виде формы, этнической окраски традиционного, но и являются самой сутью традиции, ее сердцевиной; именно традиция органически связывает в себе социальное и этническое, и потому все этнообразующие признаки, равно как и феномены этничности, тесно переплетены с традиционными алгоритмами жизнедеятельности людей; традиционализм же, порожденный процессом этногенеза, может рассматриваться как концептуальное обоснование выживания этноса в современном мире перемен⁵. Можно привести конкретный пример пользы традиционного фактора для развития экономики, а именно — особенность турецких провинций, в которых растут «анатолийские тигры»: из-за традиционности и религиозности населения социально-сетевое взаимодействие в этих регионах крепкое, уровень доверия между жителями высок, что не только положительно подпитывает экономические связи, но и резко снижает транзакционную стоимость как производства товаров и услуг, так и экономического взаимодействия между бизнес-структурами⁶.

Модернизационное направление исследований является междисциплинарной попыткой освещения проблем развития. Специалисты вынуждены признавать, что понятие **модернизация** не слишком четкое, допускает определенные двусмысленности в толковании его содержания, но, тем не менее, оно более удобно в использовании по сравнению с прочими терминами⁷. Словари и энциклопедии определяют это понятие по-разному, более или менее удачным из которых видится следующее. Это концепция революционного перехода от доиндустриального к индустриальному обществу путем комплексных реформ, занимающих достаточно большой промежуток времени, в результате чего кардинально изменяются социальные институты общества и образ жизни людей; совокупность технологических, экономических, культурных, политических изменений, которые направлены на усовершенствование общественной системы в целом. Модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного, аграрного общества к обществам современным, индустриальным. Это более широкий социальный процесс, чем индустриализация или переход к капитализму. Это взаимообусловленные общественные процессы и изменения на базе индустриализации, которые характеризуются: ростом специализации и дифференциации труда, бюрократией, формированием политических институтов современного типа (избирательная система, политические партии, парламентаризм), открытой стратификационной системой, высокой мобильностью, ослаблением традиционных ценностей (семьи, религии, морали), ростом индивидуализма и т. п.⁸.

П. Штомпка определяет модернизацию как особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала. Важной задачей руководства, поддерживающего проект модернизации, является создание структурного и институционального поля, позволяющего людям в полной мере реализовать свой потенциал. В эпоху глобализации, когда происходит объединение многочисленных видов модернизации, особенно важны их взаимная адаптация и сохранение местных традиций и условий в рамках преобразований. П. Штомпка особо подчеркивает, что оптимальный ход модернизации — это смесь

инноваций с социальной памятью и традициями. Важно понимать, что модернизация несет не только созидание нового, но и разрушение, поэтому необходимо соблюдать амбивалентный баланс⁹.

Модернизация, понимаемая у нас в советское время как прогрессивное развитие человечества к коммунизму и, как обычно считается сейчас, к передовому индустриально-цифровому обществу, часто рассматривалась и рассматривается как безусловное благо. Но у этого, пусть во многом положительного явления есть отрицательные стороны. Вот и П. Штомпка подчеркивает, что модернизация, безусловно, не является синонимом прогресса, не приводит только к благоприятным изменениям, к совершенствованию общества и улучшению положения человека внутри общества. Испытывая прямое или косвенное влияние диалектики и революционной логики изменений, восходящей к воззрениям Гегеля и Маркса, картина модернизации включает противоречия, конфликты и борьбу, что приводит к случайным, изменчивым путям и результатам. Причину этого П. Штомпка видит в том, что человеческое общество никогда не бывает однородным, оно всегда разделено на группы по различным интересам, стремлениям, знаниям и идеологиям. Блага современности никогда не распределяются равномерно, они удовлетворяют интересы и потребности некоторых групп, например элиты, участвующей в процессе модернизации, среднего класса, специалистов, в то время как затраты на изменения, различного рода утраты и травмы и в целом «все плохое» ложатся бременем на другие группы, например неквалифицированных работников, крестьян, жителей бедных сельских районов. Модернизация также может искоренить почитаемые традиционные идеи, религиозные воззрения, обычаи, жизненный уклад и провоцировать столкновения на этом уровне. Следовательно, модернизации часто приходится бороться с традицией, что становится центром конфликта, который может привести к стагнации, кризису, негативной обратной реакции¹⁰.

Э.А. Паин, рассматривая эволюцию модернизационных теорий, отмечает, что стала очевидной ошибочность прямого противопоставления традиций и инноваций, и не только потому, что современные общества включают в себя многие традиционные элемен-

ты; традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые потом считаются современными. Кроме того, выяснилось, что сама модернизация нуждается в опоре на традицию, поскольку традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация¹¹. По мнению выдающегося социолога и антрополога Ш. Эйзенштадта (Eisenshtadt), традиция обозначает различные аспекты социальной структуры, поведения индивидов, верований и культурных представлений, способы легитимации социополитического порядка, характер восприятия социальной и культурной реальности, принципы устройства крупных социальных и политических систем. Иными словами, это те компоненты обширного резервуара социального и культурного опыта, которые стали наиболее влиятельными способами решения возникающих перед обществом проблем и которые сохранялись при всех исторических, структурных и организационных переменах. П. Эйзенштадт отмечает необходимость подчеркивания значимости в традиции не только символического содержания, но и структурных и организационных факторов, обычаев и повседневных привычек, устойчивости и преемственности и одновременно динамики изменений. По мнению другого известного исследователя, Э. Шилза, объяснение причин, почему совершается то или иное действие или же сохраняется то или иное поверие, сводится к тому, что «такова традиция», которая создает мотивацию и стремление действовать определенным образом или верить во что-то... Термин «традиционный» используется для обозначения целых обществ, подверженных относительно медленным переменам, или же обществ, которым присуща тенденция легитимации деятельности через ссылку на то, что она уже имела место в прошлом¹².

На рубеже 1960–1970-х гг. идея модернизации подверглась серьезной критике. Классической в то время ее версии, развиваемой почти полтора века многими мыслителями от Г. Спенсера и Д. Белла до М. Вебера, У. Ростоу и К. Керра, ставилось в вину эмпирическое несоответствие постулатов и реальности, наблюдаемой в странах «третьего мира», подвергшихся модернизации в значительной мере под давлением внешних сил. Форсирование модернизационных процессов со-

проводилось разрушением традиционных институтов и жизненных укладов, что нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос, аномию, рост девиантного поведения и преступности. В ходе такой модернизации не удалось преодолеть и нищету, масштабы которой даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, обычным явлением стали войны и народные волнения, возникли новые формы религиозного фундаментализма, национализма, трайбализма¹³.

Далее были признаны неприемлемыми и многие теоретические постулаты теории модернизации. Прежде всего отмечался архаизм концептуального аппарата первых версий модернизма, базировавшийся на эволюционистских представлениях XIX в. об однолинейности исторического развития и жесткой универсальности для всего человечества целевых моделей организации общества. К середине XX в. эти постулаты стали неприемлемыми. Исследователи указывали, что реальные процессы модернизации менее оптимистичны, чем казалось классикам этой теории. При этом речь шла не только о существовании преград, барьеров, трений в контексте исторического развития, но и о высокой вероятности срывов модернизации, попятных движений, чередовании реформ и контрреформ. Критика концепций классического модернизма в 1970-х гг. также поставила под сомнение гипотезу эволюционистов о строгой последовательности стадий модернизации. Эта гипотеза не подтверждалась историческими исследованиями, что дало основание оппонентам рассматривать ее как перефразирование телеологических представлений о некоей внешней божественной предопределенности единого пути развития. Был отмечен и тот факт, что новые формации не во всем могли быть определены как более прогрессивные по сравнению с предыдущими. Напротив, новые модели отношений поначалу почти всегда сопровождались регрессом в тех или иных сферах жизни. Так, в Европе переход от рабовладельческой стадии к феодальной был сопряжен на ранних этапах последней со значительными потерями в культуре, искусстве, производительности труда и т.п. Подверглась ревизии и сама идея универсальности исторических формаций (рабовладельческой, феодальной, капиталистической), поскольку их реальное во-

площение в разных регионах и обществах было неодинаковым. Подмечая неадекватность теории модернизации историческим фактам, ее критики, и прежде всего представители постмодернистской школы (Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барт и др.), обращали внимание на то, что образ истории, представленный в эволюционных моделях, искусственно сконструирован представителями западной культуры, приписывающими свойства и особенности своей истории и культуры всему остальному миру. Ими была поставлена задача деконструкции истории, ее очищения от вестернизованных моделей и мифов. Идеи постмодернизма поначалу оказались чрезвычайно привлекательными в интеллектуальных кругах в силу не только их новизны и оригинальности, но и присущего им пафоса борьбы с «культурным империализмом». Впоследствии выяснилось, что некоторые локальные модели модернизации оказались успешными и конкурентоспособными за пределами западной цивилизации, что позволило выдвинуть идею множественной, многолинейной модернизации (*multiple modernities*). Произошло это, правда, после того, как кризис модернизма был преодолен¹⁴.

Представления о кончине модернизма оказались преждевременными. К середине 1980-х гг. произошло оживление интереса к теории модернизации, сопровождаемое изменением характера научных дискуссий. Это было связано прежде всего с переменами мировой геополитической обстановки, вызванными распадом лагеря социализма и стремлением посткоммунистических обществ «вернуться» в Европу. Постмодернизм не смог ответить на вопросы, поставленные новым витком процесса догоняющей модернизации. В рамках обозначенной парадигмы с ее отказом от идеи предсказуемости общественного развития и противопоставлением ей идеи деконструкции истории было невозможно выдвинуть концепцию, пригодную как для научного прогнозирования, так и для объяснения существующих проблем. В теоретическом аспекте постмодернизм постепенно вытесняется из сферы социологического знания и находит свою нишу в области литературы, архитектуры и искусства. В политической же практике конца XX в. он и вовсе стал знаменем антиглобалистских, анархических, леворадикальных и даже религиозно-фундаменталистских движений и сил.

Теория модернизации, наоборот, оказалась в это время весьма продуктивной для объяснения новых исторических процессов... Новые версии теории модернизации вобрали в себя некоторые идеи основных оппонентов, например постмодернизма, включив в свои схемы сам термин **постмодерн** в качестве высшего этапа модернизационных процессов и начала некоего нового цикла исторического развития, с иным соотношением материальных и духовных ценностей. В модернизационные модели были инкорпорированы также и некоторые элементы теории миросистем, хотя присущий ей жесткий геополитический детерминизм был опровергнут. Важнейшим стимулом для обновления теории модернизации стало привлечение и осмысление новой эмпирической базы. Поскольку даже в середине XX в. все идеи этой теории (как и конкурирующих концепций) опирались лишь на аргументы истории, точнее, на выдвинутые разными авторами и по разным методикам версии истории человечества. Но с 1980-х гг. теория модернизации первой сумела опереться на социологические, кросскультурные исследования, представившие обширный материал для выводов о специфических и универсальных закономерностях развития обществ. Такая информация собирается по единой методике, пригодной для корректных сопоставлений. У исследователей появился шанс выстроить континуум отличающихся своими локально-цивилизационными и стадияльными особенностями обществ:

- с давними историческими традициями модернизации;
- переживших форсированную социалистическую модернизацию;
- развивающихся, только вступивших на путь индустриальной модернизации;
- немодернизированных, архаичных¹⁵.

Таким образом, в процессах модернизации и эволюции модернизационных теорий мы видим в действии один из главных законов диалектики: отрицания отрицания (тезис — антитезис — синтез). Конкретно-исторические обстоятельства заставляют нас пересматривать любую верную и актуальную когда-то теорию (тезис), вплоть до ее полного (или частичного) опровержения (антитезис). Но эти же обстоятельства часто заставляют нас вернуться к этой

исходной теории, модернизировав ее с учетом времени и изменившихся условий (синтез).

О.В. Чабанюк считает, что методология модернизации предполагает формирование моделей нового общества без превентивно-революционного разрушения старого общества, т.е. выверенное движение в три этапа: разработка детализированной концепции преобразований в соответствующей сфере, реализация концепции преобразований на социальных моделях, массированное внедрение (тиражирование успешных моделей) с постепенной заменой прежних систем. По его мнению, модернизация представляет собой комплексный процесс, объединяющий и политическую волю, и технологические возможности. Каждый из этих факторов, взятых по отдельности, способен выступить только лишь как предпосылка для развертывания модернизации. Процессы современной модернизации как нельзя более точно отражают ускоренные и иницилируемые государством действия по превращению страны в промышленную державу, конечная продукция которой становится конкурентоспособной на мировом рынке. Модернизация требует, с одной стороны, реформирования ранее сложившихся институтов, норм и практик; с другой — быстрого накопления капитала и использования всех имеющихся ресурсов для потребностей ускоренного развития. Кроме того, цель любой модернизации — в перспективе сделать возможным переход страны к нормальному, немобилизационному типу развития. Успешной можно считать ту модернизацию, которая исключает в будущем все новые и новые модернизации¹⁶.

Модернизация — совокупность процессов индустриализации, секуляризации, урбанизации и т.д., повышающих уровень структурной организации социума путем накопления позитивных социальных изменений на основе ассимиляции достижений более развитых стран. Главное условие модернизации заключается в том, что она должна быть основана на социальной, идеологической и культурной мобилизации, побуждающей общество развиваться. Тогда модернизация становится фактором идентификации культуры и, соответственно, фактором всестороннего развития общества. Потребность в модернизации испытывают и пытаются практически реализовать как западные, так и незападные страны, исходя из своих целей и возмож-

ностей, опираясь на базу достигнутого уровня развития. Характер, особенности и темп происходящих модернизационных процессов варьируются в зависимости от жизненного уклада страны, которая вступила на путь модернизации, а также готовности общества к кардинальным изменениям во всех его сферах. Модернизация успешно осуществляется тем обществом, в котором, как показал опыт новейшей истории, модернизационный активизм превращается в органически усвоенную идеологию развития¹⁷. Модернизация имеет интернациональный характер и выступает главной движущей силой процесса общечеловеческой интеграции, т.е. фактором глобализации. Глобализация немыслима и как идея нереализуема без модернизации, изменения общей парадигмы развития и создания новой модели поведения человечества, иначе говоря, без начального преобразования системы ценностей и практик, ни одна из которых не может быть взята за эталон и готовый образец для заимствования и подражания. В условиях глобализации формируется мировая экономика, транснациональное хозяйство, глобальная международная политическая система; происходит информатизация общества¹⁸. Глобализацию часто рассматривают как продолжение модернизации, но есть и противоположное мнение, когда глобальная экономика рассматривается как клуб уже модернизированных государств¹⁹.

Неспособность постмодерна предложить новые методологические принципы предопределила и то, что и глобализация как идейная конструкция не получила должного развития, стала политизироваться и, претендуя на статус новой идеологии единого мирового процесса, все более трансформируется в инструмент внешнеполитического курса развитых государств, по всем принципиальным моментам смыкаясь с теорией модернизации. В таком контексте модернизация признается характеристикой не только трансформирующегося пространства, но и социально-исторического времени и может рассматриваться как образ нового типа развития, проявляющегося пока в отношениях различных регионов мира, не описываемого ни формационным, ни цивилизационным подходами, раскалывавшими мир во времени и пространстве. Его отличительной чертой является отсутствие четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, т.е. свойственной европейской истории

дискретности. Модернизация, таким образом, предстает не просто сменой одного состояния другим, не признанием самого факта изменений, а процессом постоянной смены, рассматривающимся в качестве одной из важнейших ценностей современного общества²⁰.

Модернизация, власть, идеология

Эти три понятия представляют собой неразрывное единство, выражающее сам процесс модернизации в какой-либо стране. От власти и господствующей идеологии во многом зависит само начало модернизации, признание ее необходимости, успех или неуспех реформ. Проведением этих реформ, модернизацией уже по определению кто-то руководит — здесь ключевую роль играет власть. Насколько реформы и модернизация востребованы в конкретно-исторический период, вписываются в общую концепцию развития страны, во многом зависит от государственной идеологии. Соотношение власти и модернизации подразумевает, с одной стороны, управление со стороны руководства государства процессами модернизации, с другой — политическую модернизацию, т.е. саму модернизацию власти, ее структуру, элиты, традиции управления и т.д. Модернизация, как правило, идет по инициативе сверху. Власть по определению, уже по своим функциям и назначению должна улавливать и даже упреждать необходимость насущных перемен в обществе и государстве в соответствии с вызовами-ответами по Тойнби, изменившимися условиями в мире и внутри страны. Игнорирование и недооценка этой функции и прямой обязанности грозит кризисами, потрясениями и нередко как итог — развалом самого государства. Поэтому политическая модернизация предшествует процессу общей модернизации страны или идет параллельно ей. Государственная идеология может как препятствовать модернизации, так и способствовать слишком поспешному ее внедрению. Оба случая нежелательны для успеха модернизации и благоприятных последствий для страны.

Например, В.А. Зимин считает, что успешной модернизации способствуют следующие факторы: внутренняя готовность мо-

дернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные правила игры для главных политических акторов; желание и способность развитых стран планеты оказать этому сообществу эффективную экономическую и политическую помощь, смягчив тяжесть проводимых реформ. Процессу политической модернизации могут препятствовать отставание от изменений в других сферах жизнедеятельности общества. Подобный разрыв может стать причиной революционного кризиса; к быстро развивающейся демократизации может оказаться неподготовленным уровень развития гражданского общества и политической культуры социума. В этом случае также велика вероятность возникновения кризисной ситуации, чреватой хаосом, ведущей к охлократии²¹.

На одной конференции, организованной РУДН, я услышал от Руслана Гринберга (бывшего тогда директором Института экономики РАН), что история России показывает: модернизация у нас была возможной и успешной исключительно при тоталитарных жестких режимах. В качестве примера он приводил правления Ивана Грозного, Петра I, Сталина. При демократических же режимах модернизация у нас оказывалась провальной и невозможной. Он имел в виду прежде всего провал либеральных реформ в 1990-е годы. Эти слова, увы, во многом справедливы, но не менее распространено и противоположное мнение, что демократизация общества — это позитивное направление деятельности власти в сторону модернизации. В свое время известный экономист-организатор перевода послевоенной экономики Германии на мирный путь развития Л. Эрхард выдвинул идею о том, что любые реформы обречены на провал, если население не знает их сути и не участвует в них. Модернизация во многом зависит от состояния демократии и человеческого потенциала²².

Истина здесь, вероятнее всего, посередине — без тотального контроля и принуждения со стороны верховной власти в отношении элиты (часто инертной и живущей своими собственными корпоративными интересами) невозможна ее мобилизация, а без наличия определенных прав и свобод во всех слоях общества невозможно в полной мере использовать творческий потенциал общества, масс. Правителю, руководителю государства важно здесь

уметь найти «золотую середину», не допустить перекоса в ту или иную сторону, чтобы в полной мере рационально использовать как потенциал жесткого тотального управления, так и демократических послаблений, а также по возможности понизить, компенсировать отрицательные стороны того и другого. К примерам, приведенным Р. Гринбергом, можно добавить также реформистские кампании, затеянные Мао Цзэдуном, — «Большой скачок» и «Культурная революция». Они обе признаны в Китае неудачными. Результат всей деятельности Мао на посту Председателя КНР вообще китайцами признается на 30% как отрицательный и на 70% как положительный. Позднее вполне успешными оказались реформы при более мягком правлении Дэн Сяопина, начатые им в 1978 г. Казалось бы, это опровергает мнение Р. Гринберга, но не все так просто! Во-первых, был учтен отрицательный опыт реформ Мао Цзэдуна, во-вторых, во многом сохранилась система управления, им основанная. Мао фактически подготовил почву для реформ Дэн Сяопина также тем, что разгромил партийную бюрократию, которая могла стать для него непреодолимой преградой. Для людей западного мировоззрения кажутся очевидными заслуги в успехах реформ Китая именно Дэн Сяопина, и их удивляет ревностное почитание там Мао Цзэдуна, несмотря на совершенные им грандиозные ошибки. Я слышал рассказ одного профессора, не помню имени, о том, как он задал одному китайскому ученому или политику такой вопрос: «Своими успехами Китай обязан прежде всего Дэн Сяопину, почему же у вас больше почитается именно Мао Цзэдун?» На что тот ответил буквально следующее: «Дэн, конечно, большой человек, но не великий, а Мао — великий!»

Немаловажную роль, а чаще главную здесь играет господствующая государственная идеология. Нам это особенно близко, поскольку совсем недавно, по историческим меркам, мы жили в предельно идеализированном государстве — СССР. Марксистско-ленинская коммунистическая идеология определяла здесь абсолютно все стороны жизни — от духовных, культурных до индустриальных, экономических. Большевики приписывали модернизацию страны себе, хотя на самом деле она началась задолго до 1917 г., а революционные потрясения только замедлили и затруднили ее ход. Страны Европы в это

же время прошли этапы модернизации гораздо быстрее, естественнее, с меньшими жертвами, без кровавых, ужасных потрясений, произошедших в России. И дело здесь далеко не только в братоубийственной гражданской войне, голоде, разрухе и т.д. Гораздо большую роль здесь сыграли разрушение национального культурного кода, разочарование в итогах революции и потеря у значительной части населения идейно-жизненных ориентиров после кратковременного эмоционального подъема и энтузиазма. Для того чтобы хотя бы частично преодолеть технологическое отставание от передовых стран Запада, понадобилась железная воля и рука И.В. Сталина. (Роль личности в истории!) Кстати говоря, отставание это с тех пор Россия так и не преодолела, хотя до 1917 г. для этого у нее были все шансы и многие мировые аналитики предвещали ей тогда перспективы во всех смыслах самой передовой державы мира. Социалистическая модель развития СССР, называемая также иногда псевдосоциалистической, имевшая кратковременные успехи, закончилась провалом и развалом страны. Неудачей, впрочем, также завершились либеральные, точнее сказать — псевдолиберальные, реформы Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса и прочих реформаторов/псевдореформаторов.

Советская мобилизационная модель, опиравшаяся на архаику общественного сознания, неизбежно вела к отторжению западного социального, политического и культурного опыта, который объявлялся буржуазным, демонизировался и отвергался в любых его проявлениях. Опасная зараза чудилась уже не только в частной собственности, конкуренции или многопартийности, но и в генетике и кибернетике, в фокстроте или танго, в беспредметной живописи и современной архитектуре. На деле эта изоляция привела к тому, что даже готовые индустриальные и технические достижения, перенесенные на советскую почву, отказывались здесь размножаться, воспроизводиться. Были отдельные, «анклавные» достижения, обычно связанные с ВПК. Но в целом вся история послевоенной экономики СССР — это история жалоб на техническое отставание от Запада, безуспешных попыток «ускорения» и т.п. Ее финал — реабилитация проклинавшихся семь десятилетий частной собственности, рынка, конкуренции, политического плюрализма, идеологии либерализма. Казалось бы, подошел момент

обрубить хвост традиционалистского консерватизма, признать универсальный характер модернизации и наверстать упущенное, устранив все препятствия, пусть даже и оправданные некогда историческими обстоятельствами. Но здесь-то и оказалось, что тесно сросшаяся с модернизацией консервативная архаика вовсе не воспринимает себя как временную уступку модернизационным планам, а чувствует себя самоценной и сама требует уступок²³.

А.В. Матюхин считает, что после печального опыта радикализма России в качестве методологической основы преобразований необходима консервативная модель, дальнейшее игнорирование которой обрекает нашу страну на путь бесконечных радикальных потрясений. При этом необходимо использовать и позитивный потенциал других российских идеологий, все ключевые, конструктивные элементы которых обязательно должны быть интегрированы в современную российскую модель модернизации. Сегодня успешная модернизация невозможна на основе какой-либо моноидеологии — «правой» или «левой». Идеино-теоретические основания, на которые сможет опираться современное российское общество в своем развитии, должны быть многоуровневыми, ориентированными на решение целого комплекса социальных, политических, экономических, культурных, экологических проблем²⁴. По его мнению, серьезной причиной поражения социалистического проекта в России стали догматизм и «системные» пробелы марксистско-ленинской идеологии. Позиционирование в ее рамках всех иных, альтернативных идеологий как «антинаучных», «буржуазных», «классово враждебных» и т.д. вряд ли принесло пользу самому советскому обществоведению. Но гораздо важнее то, что в конечном итоге догматизм, внутренняя замкнутость, отторжение идейных альтернатив «марксизмом-ленинизмом» стали одним из главных факторов деструктивных процессов в позднесоветском обществе, которые, к сожалению, имеют продолжение и в современной России. Дело в том, что те или иные идеологии не рождаются на пустом месте. Сам факт появления и развития определенной идеологии отражает объективные социальные потребности и запросы. Советской идеологической элитой, обществоведением в целом была упущена возможность творческой интеграции в идеосферу

советского общества всех жизнеспособных и позитивных для успешного развития элементов идеологических альтернатив. Эта работа не была проделана и после крушения Советского Союза²⁵.

Социально-политический анализ традиционализма в контексте его соотношения с консерватизмом, коммунизмом, либерализмом и другими доктринами, с которыми сопрягается традиционализм, дает основание для утверждения, что традиционализм является по отношению к ним не антиподом, а символом и основой национальной идеи, на которой могут прийти к согласию представители различных политических, национальных, религиозных и других взглядов и направлений²⁶. Как отмечает Л.В. Поляков, по своей сути парадигма модернизации — это идеологическая, т.е. либерально-капиталистическая, антитеза парадигме тоталитарно-социалистического коммунизма. Она обосновывает перспективу эволюционного, а не революционного перехода от обществ традиционных — сельских, аграрных, трайбалистских, с неразделенным религиозно-властным авторитетом — к обществам современным, т.е. урбанизированным, индустриальным, национальным, светским, с дифференцированным политическим авторитетом. Теория модернизации как идеология устанавливает в качестве социальной нормы западные капиталистические общества и, соответственно, выявляет социальную патологию — восточные социалистические общества. Нормальные общества свободны и, следовательно, богаты. Ненормальные общества несвободны и, следовательно, бедны. По итогам «конца истории» оказалось не важно, что в реальности модернизация так и осталась «незаконченным проектом» отнюдь не в хабермасовском смысле. Богатые страны стали еще богаче, а бедные — еще беднее. Главный эффект теории — СССР не смог выиграть борьбу за третий мир и даже за второй. Таким образом, теорию модернизации в ее первоисточке можно назвать самым эффективным идеологическим оружием Запада в холодной войне на пространстве третьего мира. И вообще, в духе определенной методологии историю России рассматривают как череду «догоняющих модернизаций» — в конечном счете неудачных (Петр I, Александр II, Столыпин, большевики)²⁷. После распада второго мира (1989–1991 гг.) и самодискредитации коммунизма парадигма модернизации оказалась идеологическим монополистом. И как таковая —

в отсутствие «врага» — сама вынуждена была «модернизироваться». Теперь она существует в виде теории глобализации, которая предполагает безальтернативность либерально-капиталистической социальной нормы. А это означает, что не нужно бороться за следование ей и обещать кому-либо благоденствие вследствие свободы²⁸.

Сейчас все больше и больше говорят о «сырьевом проклятии России», которое мешает элите осознать необходимость реформ. Как-то в нулевые годы по ТВ показывали встречу В.В. Путина с экономистами, где ему прямо указали на необходимость избавляться от сырьевой зависимости, на что он буквально ответил: «Весь мир нам завидует, и поверьте я знаю, что говорю!» Позднее, правда, президент высказывал и противоположное мнение о необходимости экономических реформ, но фактически ничего для этого не делал. Видимо, он слишком связан по рукам и ногам личными обязательствами перед российскими элитами, забывая про свой долг перед всем российским народом! Л.В. Поляков считает, что ресурсно-сырьевая экономика ущербна для России не только зависимостью от конъюнктуры цен на глобальном рынке сырья. Основная проблема в том, что доход, получаемый в буквальном смысле «из земли», а не за счет производства конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, регенерирует архаические, домодерновые психоповеденческие стереотипы. В первую очередь — на элитном уровне. Именно поэтому генезис постсоветской элиты повторяет генезис советской. Модернизация по-большевистски — через революцию как разрушение государства — оказалась уничтожением всей российско-имперской цивилизационной надстройки. Тонкий культурный слой, наращенный за полтора века (от Екатерины II до Николая II), был беспощадно распылен как в институциональном, так и в кадровом смысле за три года Гражданской войны. Поэтому модернизация неизбежно вылилась в мобилизацию архаики²⁹. Постсоветская элита, в массе своей возникающая из общества «номенклатурного потребления», никакой иной, кроме как досовременной, быть не может. Поэтому она воспроизводит архаичные психоповеденческие стереотипы: перманентно делит собственность и власть. Этот психоповеденческий стереотип отъема собственности и власти и есть та ментальная архаика, которая препятствует завершению экономической,

социальной и политической модернизации в России. Пока действуют архаичные стереотипы перманентного передела, вся инновационная активность носит асоциальный, разрушительный характер — выдумываются изощренные коррупционные схемы и технологии мегахищений. Декриминализация инновационной активности — одновременно и условие, и главный результат модернизации³⁰.

Ситуация в России принципиально антиреволюционная: «верхи» (старшие — бюджетно-пенсионерские поколения) ничего не хотят (кроме «больше денег»), а «низы» (младшие — учащиеся и самозанятые поколения) ничего не могут. Они не могут сделать того, чего от них ждет «другая власть», — обеспечить ей электро-ральное преимущество под программу «демократизации». А то, что они действительно могли бы, — творчески и инновативно реализовать себя в экономике и государственной службе — не востребовано сложившейся социальной системой, продуцирующей соответствующий политический режим³¹. Кроме политических рисков, серьезным препятствием в этом варианте является высококоррупцированная среда, в которой государственные инвестиции могут быть попросту разворованы. При этом риски прямо пропорциональны размерам инвестиций: чем они крупнее, тем выше вероятность воровства. За счет большого объема украденных денег открываются большие возможности коррумпирования контрольных органов на самых высоких управленческих уровнях. Может ли тут помочь опыт реализации национальных проектов с принципом по сути «комиссарского» администрирования?³²

Необходимым он считает создание нации не как гомогенной тотальности, а структурированной целостности, в которой драйвером национального единства выступает условный «средний класс» — люди, способные сами творить собственную жизнь. Он средний не в аристотелевском смысле (не очень бедный, не очень богатый) и не в американском (по уровню доходов и потребляемых благ). Он средний по-российски — как особая социальная группа между «бюрократией» и «бюджетниками». И именно ему нужна модернизация не как внешний кем-то придуманный «пятилетний план», а как способ свободной самореализации. Модернизация — как политика, своя политика в «сшибке» конкурирующих проектов будущего. Очевидно,

что так понятая модернизация — это восстание против масс. Это попытка переформатировать самих себя, избавившись от трех главных зол: патернализма, коррупции и сырьевого паразитизма³³.

Но коррупция есть неизбежное следствие патернализма, поскольку чем больше обязательств у «государства», тем больше «слуг народа» и тем многочисленнее их функции. И каждую функцию они легко конвертируют в источник личной прибыли. Но сырьевой паразитизм есть неизбежное следствие господства бюрократии, которая по природе не предназначена создавать, а существует только, чтобы распределять. Если же производство благ перестало быть государственной функцией (коллапс социалистической экономики), то распределять можно лишь то, что достается «само собой» — извлекается из земли (ресурсы) и людей (налоги). И чем больше удастся извлечь таким образом, тем хуже перспектива выхода из порочного круга «патернализм-коррупция-сырьевая экономика». Количество бюджетников будет только расти, доходная база сокращаться, а потребности, как минимум, не снижаться. Значит — нарастание патернализма, следовательно, усиление бюрократической коррупции, следовательно, подавление всего, что есть в обществе творческого, свободного, инновативного, выдавливание модернизационного потенциала за границу. И поэтому неизбежное сужение пространства свободы как политики. Россия без модернизации неизбежно означает ее деградацию, которая в глобальном мире ведет не только к failed state, но и к исчезновению нации. Пример такого быстрого и практически ненасильственного исчезновения дал распавшийся СССР³⁴.

Л.Г. Фишман отмечает порочный патримониалистский круг российской истории. В России у нас дискурса справедливости нет, поскольку не существует общего теоретико-понятийного поля, на котором сталкивались бы различные политико-философские, правовые, этические концепции справедливости, нет общего языка, на котором эти концепции говорили бы друг с другом. При патримониалистском понимании справедливости все готовы чинить произвол и воздерживаются от этого только под давлением авторитарно-деспотической власти, которая вводит произвол в установленные ею рамки. Свобода, равенство, уважение к правам личности в либеральном понима-

нии у нас отсутствуют, поскольку ни для кого не являются самоценными. Время от времени в России тенденции дополнить патримониалистскую справедливость другими ее разновидностями только порождают болезненный раскол в обществе: все социальные группы, ассоциирующиеся с новыми видами справедливости, довольно быстро превращаются в паразитические, получают привилегии, не связанные с обязанностями. Паразитирующих дворян прогоняют большевики, которые затем превращаются в такую же паразитирующую номенклатуру. Последняя преобразуется в социально безответственных бизнесменов и чиновников современной России, и грозит участь предшественников. Матрица оппозиции «общества» и «боярства» веками остается неизменной и периодически требует появления доброго и справедливого властителя, который приструнит «бояр» и заставит их нести тяготы служения государству наряду со всеми прочими членами общества. Меняется одно — патримониализм сосуществует с различными видами справедливости: аристократическим (основанным на понятии равенства благородных людей), утилитаристским («наибольшее счастье для наибольшего числа людей») и либертарным (напоминающим аристократический с тем отличием, что идеал служения заменяет идеал наживы). При таком подходе остается только надеяться, что когда-нибудь горький исторический опыт заставит народ и элиту осознать тупиковость многовекового вращения по патримониалистскому кругу. Тогда они оценят по достоинству либеральное (либерально-коммунитарное) понимание справедливости и кропотливым трудом принудят себя ему следовать в общественной жизни³⁵.

Модернизация стран Востока

Страны Востока уже давно не олицетворяются исключительно с косностью, деспотией и отсталостью. Правда, их развитие идет неравномерно. Рассмотрим процессы модернизации на примере стран, в которых наиболее ярко и показательно они проходят.

Турция. В настоящее время большинство стран, где ислам является господствующей религией, в особенности страны Ближне-

го Востока, остро нуждаются в модернизации. В условиях быстро растущих на мировых рынках цен на зерно и слабой конкурентоспособности промышленной продукции (за исключением некоторых видов легкой промышленности) социальная напряженность в этих странах начинает нарастать, что грозит революционными потрясениями. Вопрос в большинстве ближневосточных стран стоит так: модернизация или революция. Это верно даже для нефтедобывающих стран Персидского залива, где правительства не страдают от недостатка денег. Однако именно в этих странах современная ситуация характеризуется наличием другого дефицита — доступа населения и новых классов к политической власти. Но ислам — это не только религия. Ислам — это социальная система, которая регулирует права социальных групп (в частности, женщин) и обладает собственной системой права (шариат) и справедливости. Может ли модернизация произойти без изменения фундаментальных структур социальных отношений? Кемаль Ататюрк, руководитель первой исламской страны, ставшей на путь радикальной модернизации, ответил на этот вопрос решительным НЕТ, исключив ислам из политической жизни страны. Он положил начало авторитарной модели модернизации на Ближнем Востоке, и его примеру последовали многие элиты соседних с Турцией стран.

В последнее время, однако, режимы, избравшие «турецкую модель» развития, падают один за другим. На их месте возникают режимы с еще неясными контурами, но в которых ислам, несомненно, будет играть значительно большую роль, чем в «турецкой модели». Даже будущее ислама в Турции, равно как и будущее самой турецкой политической системы, заставляют серьезно задуматься. И не только из-за конъюнктурных обстоятельств, связанных с «арабской весной», в результате которой были свергнуты авторитарные правительства ряда арабских стран. Она началась с борьбы значительной части населения этих стран с правящими элитами, узурпировавшими власть и создавшими репрессивные системы государственного управления. В какой-то степени случившееся в Египте, Тунисе и Ливии можно было бы назвать демократическими революциями, если бы не ряд факторов, который мешает это сделать³⁶.

Речь идет о «турецкой модели», представляемой в качестве доказательства возможности построения демократии на Востоке и участия партий исламистского толка в управлении светской страной, со светской конституцией и соответствующим ей законодательством. Моделей политического устройства на Ближнем Востоке было испытано, грубо говоря, три.

1. Радикальное устранение ислама из политики (кемалистская Турция, насеровский Египет, касемовский, а затем баасистский Ирак, баасистская Сирия, постреволюционный Алжир и пр.).

2. Абсолютные монархии стран Персидского залива.

3. Вестернизированные парламентские монархии, опирающиеся на исторический опыт исламской легитимности (Иордания, Марокко).

Всякая типология неизбежно хромает, и этой типологии можно предъявить много претензий. Куда, например, девать послереволюционный Иран, свергнувший авторитарную монархию и установивший режим ультраконсервативной исламской парламентской демократии? Однако большинство стран перепробовало все три варианта³⁷.

В целом прослеживается некая тенденция: светские авторитарные режимы, к которым следует отнести и кемалистскую Турцию, теряют свой престиж в регионе. И эта потеря престижа оборачивается победой ислама. Естественной «прививкой» от радикального ислама и сохранения политических институтов западного типа служит, по-видимому, традиционная легитимность. И в Иордании, и в Марокко правящие династии возводят свой род к Пророку Ислама, что в общем и целом не оспаривается местным населением. Что же делать тем странам, в которых правительства не обладают традиционной легитимностью? Что же ожидает страны Ближнего Востока в будущем? В качестве исходного пункта для ответа на эти вопросы целесообразно рассмотреть становление, исходные предпосылки и эволюцию турецкой модели³⁸. Анализ этой модели развития требует внимательного рассмотрения исторических ее корней. Будучи, в соответствии с конституцией, государством турецкой нации, в действительности Турция является очень сложным конгломератом различных этносов и религиозных групп со всем многообразием этносов и религиозных воззрений которых пришлось иметь дело основателю Турецкой республики Кемалю

Ататюрку. Вдохновляясь западными идеями секуляризма и национализма, Ататюрк энергично боролся как с исламом, в котором он видел причину отсталости страны, ее выпадения из мейнстрима мирового развития, так и с полиэтничностью, стремясь создать «единую турецкую нацию»³⁹. Позднее отношение к исламу со стороны власти смягчилось. «Турецкая модель» тем самым представляется синтезом двух, на первый взгляд, не соотносимых друг с другом явлений — модернизации и секуляризации государства, с одной стороны, и ислама, допущенного благодаря созданной в результате модернизации и либерализации конкурентной политической системе к управлению страной, с другой. Сам по себе синтез этот абсурден, по крайней мере для западной и христианской цивилизации, в которой демократизация политических систем началась намного позже потери религией своей власти над светскими институтами, и поэтому демократия и парламентаризм по определению не могли привести к власти религиозные круги, если, конечно, таковыми не считать консервативные партии христианско-демократического толка, не имеющие к церкви и религии прямого отношения. В Турции же все вышло иначе: через 90 лет после создания Турецкой республики к власти в стране пришли именно те круги, которые, по замыслу Кемаля Ататюрка, к управлению страной не должны были быть допущены по определению. С 2003 г. в Турции правит Партия Справедливости и Развития (АКР). Синтез исламского консерватизма и либеральной демократии сегодня и называется «турецкой моделью», которая должна пустить корни в странах победившей «арабской весны». Этот оптимистический подход опирается на не вполне четкое понимание дел как на арабском Востоке, так и в самой Турции, которая сегодня переживает активный процесс политической трансформации, ввиду чего пока еще никакой «модели» не создала — не только для арабских стран, но и для самой себя⁴⁰.

Турцию в переломное время от окончательного распада и потери независимости удержало национальное движение во главе с Кемалем Ататюрком, который благодаря военным и дипломатическим победам смог не только сохранить независимость страны, но и вернуть часть утраченных территорий. Без всякого преувеличения Мустафу Кемаля Ататюрка можно назвать отцом-основателем

современной Турции, не просто пришедшим к власти в стране, но создавшим эту страну и эту власть и тем самым закрепившим за собой практически безоговорочный ресурс легитимности, который, в условиях политической и экономической разгромленности бывшей османской элиты, не сталкивался с серьезными внутренними вызовами. Именно поэтому Мустафа Кемаль Ататюрк — создатель новой Турции — был абсолютно свободен в принятии тех или иных решений, как личность и лидер нации обладал достаточной легитимностью для того, чтобы повернуть страну в любом удобном ему направлении. В условиях ослабления старой элиты и огромного ресурса доверия со стороны населения и армии Ататюрк мог спокойно принимать решения, которые в иных обстоятельствах привели бы к организованному общественному и групповому протесту, могущему погубить как реформы, так и самого реформатора⁴¹.

Следует отметить, что и в инновационной политике Турция придерживается особой модели, которую можно назвать исламской: концентрация внимания на местной торговле и легкой промышленности, что позволяет избежать (в основном) крупных индустриальных строек и сокращает время оборота капитала. Из экономики знаний развиваются только сферы торгового и промышленного менеджмента и банковского управления. Необходимо отметить также, что турецкая культура обладает одним весьма специфическим инновационным ресурсом. А именно «опытом трансгрессии». Широкое распространение суфийских орденов в Османской империи привнесло в турецкую культуру именно этот опыт. В широком плане он необходим для преодоления некой консервативности, присущей исламу не как религии, а как социальному порядку. Несмотря на запрет Ататюрком суфийских орденов, изъять этот опыт трансгрессии из турецкой культуры невозможно⁴².

Успех АКР нельзя объяснить исключительно текущей политической конъюнктурой в Турции или же харизматическими качествами лидера партии Эрдогана. Успех политического ислама в Турции складывается из целого ряда факторов, ключевыми из которых, на наш взгляд, являются следующие.

1. Демократизация страны, вызванная и аргументированная среди прочего и стремлением Турции вступить в ЕС.

2. Изменение тактики политического ислама в самой Турции, предполагающей отказ от исламской риторики и программы, что лишает судебные власти и прокуратуру повода для закрытия партии.

3. Появление серьезной экономической основы, на которую опирается политический ислам⁴³.

Иран. Изучение проблем модернизации Ирана дает возможность разобраться в самой сути очень сложного клубка проблем, связанных с глубокими преобразованиями в традиционном исламском обществе. Исламская революция в Иране, вне всякого сомнения, — одно из ключевых событий в политической истории мира второй половины XX в. Ее последствия трудно переоценить: она изменила весь политический ландшафт региона и положила начало новому историческому феномену в исламском мире — революционному исламскому фундаментализму. Революция сильно сказалась и на международном балансе сил: США лишились своего главного союзника в регионе Большого Ближнего Востока, революция инициировала ирано-иракскую войну и как следствие — оккупацию Кувейта Ираком, последующую интервенцию США в Ираке. Предшествовавшая Исламской революции «Белая революция» — политика модернизации, проводившаяся Резой Пехлеви, шахом Ирана, и привела к социальной революции в Иране. Как модель модернизации сверху, «Белая революция» представляет особый интерес, так как позволяет оценить другие попытки модернизации, в том числе и российскую, с которой «Белая революция» в Иране парадоксальным образом имела ряд общих черт: таких как огромные прибыли от нефтяного экспорта в качестве финансовой основы модернизации, полуторпартийная система, независимая цивилизационная основа общества, политическая риторика, связанная с великим прошлым. Эта попытка рядом существенных черт отличается от «турецкого пути» модернизации. Во-первых, она возникла не из тотальной катастрофы и распада государства, какими являлось поражение Турции в Первой мировой войне, а из стремления к региональному могуществу. Во-вторых, ей не предшествовало свержение режима, наоборот, коллапс режима явился ее прямым следствием. Неудачу «Белой революции» в общих чертах можно объяснить одним весьма общим фактором:

управление сложной социальной системой требует институциональной структуры, по крайней мере сопоставимой по сложности с управляемой системой. Искключительная сложность иранского общества, состоявшего из фрагментов, находящихся на совершенно различных уровнях социально-политического, культурного и экономического развития (секторов индустриального общества, традиционной мусульманской элиты, «новой» интеллигенции с западным образованием, многочисленных племен), предполагала сложную систему управления модернизационными процессами. Система же управления в Иране в действительности была достаточно примитивной, «ручной», высоко централизованной. Что приводило, особенно после повышения цен на нефть в 1973 г., к исключительно высокой коррупции. Неспособность или нежелание шаха Ирана модернизировать систему управления государством и систему взаимоотношений с обществом оказалась роковой для модернизационного проекта властей. Риторика, популяризовавшая «великие национальные цели», не помогла. Ни амбициозная программа развития ядерных технологий, ни строительство современных университетов, ни высокие темпы роста экономики не смогли смягчить возмущение, вызванное очень высоким уровнем разрыва в жизненных стандартах коррумпированной элиты и средних слоев общества, т.н. «базаром», который к тому же сохранял приверженность к традиционной исламской культуре⁴⁴.

Здесь встает важный вопрос стоимости модернизации. Это та цена, которую за модернизацию платит реальный и традиционный секторы экономики и общества в целом, члены которого на своих карманах ощущают ту ренту, которая прямо или косвенно изымается государством для проведения реформ. Эта цена создает крепкую и очевидную систему «сдержек и противовесов» между властью и обществом: когда возможности власти для проведения модернизации напрямую связаны с тем, насколько общество готово за эту модернизацию платить. И в этих условиях очень трудно избежать переговоров о планах модернизации, разве что только сделать это в условиях явной тирании (именно так осуществлялись реформы Петра I). В условиях же, когда модернизация производится за счет ренты, образующейся от продажи нефти за ру-

беж, связь между властью и обществом почти теряется, так как власть, овладевшая доходами от нефти, ничего напрямую не отнимая у общества ради реализации своих экономических программ (разве что те же самые доходы, которые в принципе являются национальной собственностью), перестает быть обязанной согласовывать с ним политические решения, обеспечивающие и сопровождающие реформы. И чем больше власть консолидируется в руках правящей элиты, тем менее значимым становится общественное мнение, вне зависимости от того, кто является его носителем — торговец, ремесленник, студент, хан или профессор. Нефть, обеспечивающая власти свободу тратить «свои», а не общественные средства на реализацию тех или иных программ, полностью отрывает власть от реальности общественных ожиданий. Ликвидация же институтов представительства, что сводит на нет возможность политических переговоров между властью и группами интересов, приводит к полному отрыву правящей элиты от общества и традиционных групп. Именно это произошло в Иране в результате «Белой революции», и произошло сугубо по причине того, что Иран был государством-рантье (rentier state), в котором власть имела достаточно средств и сил, получаемых «из ниоткуда», для начала коренных преобразований — без достижения по ним консенсуса с основными группами интересов⁴⁵.

Слабая информированность шаха о реальном положении дел в сочетании с крайней централизацией власти в его руках и создавали постоянную неадекватность мер управления положению дел, так как сложность управленческих решений в современном государстве превосходит возможности одного человека. Но дело не только в этом. Сложность управленческих решений превосходит также и все возможности одной группы заинтересованных лиц. Что касается экономических отношений внутри страны, то в условиях осуществления огромных инвестиций, которые государство вкладывало в развитие инфраструктуры, в создание новых предприятий и иные амбициозные проекты, бюрократия получила доступ к огромным средствам. Появившийся благодаря модернизации иранский государственный капитализм породил коррупцию, которая стала основным связующим звеном между национальной экономикой и бюрократией⁴⁶.

Однако, несмотря на то что благодаря модернизации и вниманию шаха к системе образования, система получения знаний в Иране существенно улучшилась, с политической точки зрения это создало для властей серьезные проблемы: студенчество (а также молодые специалисты, уже закончившие вузы), появившееся благодаря модернизации и реформам, сыграло активную роль в свержении шаха-модернизатора. Участие студенчества и образованной части населения в свержении монархии в Иране не менее активное, чем участие базара и исламского духовенства. Причину феномена, когда выигравшие от изменений группы восстают против инициатора и движителя изменений, нужно искать исключительно в характере модернизации. Она была политически реакционной. Улучшение качества жизни и экономические реформы сопровождались ликвидацией существующих институтов политического участия, в результате чего как старые, так и образовавшиеся благодаря реформам новые группы оказались отрезанными от влияния на политический процесс, были лишены возможности донесения своих требований и интересов до власти, которая, в свою очередь, утвердила себя монополистом по определению приоритетов развития страны и общества. Реакционная политическая реформа, отменившая многопартийность и парламентаризм, направила группы, образовавшиеся благодаря экономическим и социальным реформам, в сторону внесистемной борьбы с властью, что сыграло ключевую роль в образовании союза между демократическими силами, базаром, студенчеством и исламом. Исламская революция тем самым стала революцией старых и новых групп, отрезанных от государства и власти. Образовывая народ и формируя новые классы, элита укрепила базис борьбы против себя же — и это не что иное, как доказательство несостоятельности модернизации экономической без модернизации политической. События проведения аналогий между иранской модернизацией и российской велик, поскольку аналогии эти обоснованы. Не выдерживает никакой критики подход, согласно которому иранская модернизация претерпела крах из-за реакционности и консервативности общества (хотя плодами революции и воспользовались крайне консервативные круги). Причины провала иранской монархии и проводимого ею курса модернизации надо искать в реакционности и кризисе легитимно-

сти самой власти, которая взяла на себя монополию на формулирование «общественного блага», отказывая обществу в праве самому формулировать и представлять свои интересы⁴⁷.

Нововведения шахского правительства не подкреплялись соответствующими моральными практиками, политические институты западного типа оказались чисто «фасадными», в стране господствовал полицейский террор, вызывавший недовольство либеральных интеллектуалов, склоняя их к поиску «национального пути». В стране цвела коррупция, т.е. ситуация была очень похожа на недавнее положение дел в Египте или Тунисе. Подобная половинчатость «белых» революций приводит к разрушению легитимности режима — власть в глазах народа, а часто не только народа, но и влиятельных элитных групп, становится «криминальной», и легитимность традиции берет верх над легитимностью государственных интересов. Сила традиции, как правило, и является движущей силой того, что можно назвать «черной» революцией. Основой «черной» революции обычно является реакция на непоследовательность «белой» революции и либо ущербность понимания ее лидерами реального смысла тех преобразований, которые они пытаются проводить, либо утопичность тех социальных конструкций, которые внедряются в процессе «белой» революции. Наиболее, может быть, ясным примером первого типа являлись уже упоминавшиеся преобразования, проводимые шахом Ирана в 1960-х гг. Та элитная группа, которая пыталась осуществить «белую» революцию, в случае провала предстает в глазах общества как группа, осуществлявшая преступный замысел. Не только новые, только что созданные социальные институты, но и, самое главное, поддерживающие их моральные практики объявляются вне закона и полностью искореняются. В результате общество не просто возвращается к «дореволюционному» состоянию. Все те элементы нового, которые развивались эволюционным путем, вся социальная практика, подталкивающая общество к изменениям, оказывается уничтоженной в угоду «моральному фундаментализму» традиции. Общество возвращается не к исходной точке начала преобразований, а к некоей никогда не существовавшей «идеальной традиции», которая является по существу такой же социальной утопией, как и мечты «белых» революционеров, не сумевших реализовать свои планы

просто в силу неадекватности применяемых методов. Революция в Иране начиналась как борьба против светского авторитарного режима шаха, но после короткого периода триумфа иранских иммигрантов из Западной Европы, правительства Банисадра, революция привела к установлению исламской диктатуры Хомейни. Хотя впоследствии режим в Иране существенно смягчился, его фундаменталистская направленность и по сей день остается достаточно очевидной. А ведь начинались события в Иране именно как попытка установления либеральной демократии⁴⁸.

Внимательное рассмотрение ситуации в ближневосточных странах позволяет сформулировать своего рода модель эволюции политической ситуации, общую для этих стран. Революция, начинающаяся под либерально-демократическими лозунгами против авторитарного режима и (в последнее время) использующая для своей победы передовые компьютерные технологии — социальные сети, после формальной победы начинает давать сбои. Как только авторитарный режим оказывается убранным со сцены, на его месте возникает политический вакуум. На политическую ситуацию начинают оказывать влияние настроения наиболее консервативной части населения, которое, просто в силу традиции и уровня образования, не в состоянии воспринять либеральные ценности. Страна в зависимости от ее социальной структуры либо погружается в хаос межплеменных конфликтов, как Ливия, либо, как Египет, склоняется к установлению фундаменталистского режима, отказываясь от светского государства. Интересно анализировать политику иранских коммунистов — партии ТУДЕ, которые избрали путь поддержки борьбы аятоллы Хомейни сначала с либеральными, а затем и с социалистическими партиями. Видимо, по примеру большевиков они надеялись свергнуть власть религиозного руководства, предварительно уничтожив его руками либеральное крыло политического спектра. ТУДЕ сильно просчиталась. За время борьбы с либеральными партиями клерикалы создали весьма мощные независимые от армии вооруженные силы, всецело преданные делу исламской революции, — Корпус стражей исламской революции. И как только покончили с либералами и социалистами, немедленно арестовали ведущих членов ТУДЕ и запретили партию⁴⁹.

В настоящий момент, несмотря на режим «фундаменталистской исламской демократии», Иран, безусловно, представляет собой одну из самых развитых стран региона, имеющую множественные предпосылки для политического роста и экономического развития, что говорит об успехе его модернизационного проекта. Несмотря на многочисленные обвинения в адрес Ирана, Исламская республика является государством, политическая и духовная элита которого сравнительно легитимна. Политический процесс и политические отношения в стране выстроены таким образом, что в них включены практически все более или менее значимые и влиятельные в обществе политические силы: в иранском парламенте можно найти представителей реформаторов, умеренных и правых консерваторов, ярых борцов за исламскую этику и требующих ограничения вмешательства государства в жизнь общества. Понятно, что страной правит влиятельная верхушка духовенства, однако между нею и народом существует практически идеально работающая властная пирамида, состоящая из муниципалитетов, парламента, общественных организаций, Совета по целесообразности принимаемых решений, Ассамблеи экспертов и прочих структур, которые, если воспользоваться терминологией политической науки, вполне эффективно занимаются агрегацией и артикуляцией принимаемых в стране политических и экономических решений⁵⁰.

История модернизации в Иране, предпринятой в 1960-е гг., хотя и обладает многими чертами революционности, была и во многом остается модернизацией европейского типа, затронувшей не только сферу экономики и финансов, но и научную, общественную и образовательную сферы. В Иране национализм также дал импульс бурному росту страны, развитию современного капитализма и индустриализации⁵¹. Однако превращение Ирана в региональный финансовый и экономический центр маловероятно по следующим причинам.

— Иран находится в открытой конфронтации с США и Израилем, что не только отпугивает крупный мировой и региональный капитал, но и передовые региональные социальные сети. Поддерживая «внерегиональный» статус Израиля, Иран лишает себя возможности стать подлинным центром, обеспечивающим эффективные и недорогие как с экономической, так и с политической точек зрения транзакции в рамках всего региона.

– Закрытость страны, конфликтность в отношениях с Западом, антиизраильские заявления и угрозы иранского руководства, отсутствие крупных иностранных инвестиций в реальный сектор экономики затрудняют развитие современного Ирана. Бюджет ИРИ получает 85% своих доходов от экспорта сырой нефти за рубеж, а в структуре экспорта страны 80% — сырая нефть.

– Практически отсутствует внешнее доверие к стабильности и предсказуемости ситуации вокруг Ирана и в самом Иране, руководство которого во всем, в том числе и в природе притекающего в страну иностранного капитала, видит руку Вашингтона.

– Иран — страна мусульманская, но шиитская, что для преимущественно суннитского регионального окружения Ирана является существенным фактором, ограничивающим привлекательность страны с точки зрения притока финансов и активных социальных групп. Один тот факт, что в Тегеране, где проживает 2 млн суннитов, нет ни одной суннитской мечети, говорит сам за себя.

– Иран — страна густонаселенная (у Ирана огромное население, удвоившееся за последние 30 лет), большая, неравномерно развитая, многонациональная, что таит в себе определенные риски, связанные с возможной децентрализацией и разрушением вертикали власти.

– Иран — страна амбициозная, но иранские амбиции явно противоречат интересам основных региональных стран, как это было на протяжении многих столетий.

Еще одной особенностью Ирана, которая помешает стране превратиться в финансовый, экономический, образовательный центр региона, является то, что Иран — неарабская страна, и это ограничивает возможный приток преимущественно арабского капитала, а языковые различия не позволяют Тегерану оказывать массовые услуги в сфере образования и культурного взаимодействия.

Итак, основными проблемами Ирана, ограничивающими его потенциальный рост в качестве подлинных «ворот в глобальный мир» в регионе Ближнего Востока, являются следующие.

– Существующая политическая стабильность и легитимность власти обеспечивают стабильное функционирование всей социально-политической системы, однако никак не гарантирует такую стабильность в будущем, в условиях отсутствия в стране четко дей-

ствующих элементов традиционной легитимности нынешних элит.

– Иран, несмотря на значительные инвестиции в модернизацию экономики и инфраструктуры, остается зависимым от доходов, получаемых от продажи углеводородов. Нефть, обеспечивающая экономический прорыв для страны, является дамкловым мечом, который может нарушить стабильность иранской экономики, если цены на энергетическое сырье резко упадут⁵².

Китай ощутил крайнюю необходимость модернизации еще во времена династии Цин и особенно остро во время «опиумных войн» в XIX в. Он прошел свой особый путь модернизации, отказавшись от советской модели, вовремя разглядев в ней недостатки, а теперь не копирует слепо и западную модель. А.Н. Желоховцев, у которого я учился китайскому языку, как-то сказал мне, что китайцы раньше нас поняли пагубность коммунизма как идеи, социализма как системы и переориентировались с Советского Союза на Соединенные Штаты. Он был во времена «культурной революции» в Китае, учился там и своими глазами видел те потрясения и перегибы, которые в общем-то и отрезвили китайцев. На этой почве, видимо, и возникли идеологические разногласия с СССР, где идеологи всю обвиняли китайских коммунистов во всех смертных грехах: в оппортунизме, ревизионизме, национализме, предательстве идеалов коммунизма и социализма и т.д. Я помню документальные фильмы про Китай, которые показывали по советскому ТВ в 1970-е и 1980-е годы, где не скупилась на обвинения, проклятия, смаковали неудачи Китая на пути модернизации. Тогда фактически Китай руководством нашей страны, да и простыми людьми воспринимался большим врагом, чем США. Потом оказалось, что это Китай шел правильным путем. Теперь наши коммунисты кивают на Китай как на пример удачной реализации марксистских идей. Но это либо незнание, либо лицемерие! «Социализм с китайской спецификой» фактически является капитализмом, правда со значительным государственным участием: там разрешена частная собственность на средства производства, коммунистам разрешено заниматься предпринимательской деятельностью, что вызывало шок и истерику у советских идеологов! Успехи китайских реформ особенно оттеняет полный провал либеральных реформ в России. А ведь когда-то та-

кой же вариант реформ, оказавшихся удачными, пытался осуществить П.А. Столыпин! А.В. Селютин считает его в некотором смысле провозвестником китайского варианта реформ, при котором базис радикально обновляется, а надстройка неприкосновенна⁵³. Понятно, что любое сравнение, аналогия хромает, особенно если учесть, что самодержавие в России тогда ослабло и фактически деградировало, потеряв уважение в глазах значительной части российской интеллигенции. Власть же КПК в Китае была очень сильна! Правда, отношение к модернизации было неоднозначным.

Высказывалось, например, мнение, что теория модернизации не просто неадекватная и вредная интеллектуальная конструкция, а прежде всего антикоммунистическая, используемая для оправдания политической, военной и экономической интервенции в Азии в послевоенную эпоху, отрицающая реальности американского империализма⁵⁴. Теория модернизации КНР прошла через ряд этапов и направлений развития. Первый этап — разработанная Мао Цзэдуном на рубеже 30–40-х годов XX в. теория новой демократии, предусматривавшая осуществление модернизации на основе развития национального капитализма под контролем государства и при активном привлечении иностранного капитала. Второй — разработанная в начале 50-х годов генеральная линия КПК, направленная на проведение социалистической индустриализации по советской модели и при опоре на помощь СССР. Третий — выдвинутый Мао Цзэдуном во второй половине 50-х годов курс на осуществление «большого скачка» при фактической самоизоляции страны. Затем — курс Дэн Сяопина на проведение всесторонней модернизации на основе рыночного трансформирования экономики при активном участии государства в развитии и управлении экономикой, привлечении зарубежных инвестиций, стимулировании научно-технического прогресса, поощрении развития негосударственных форм собственности⁵⁵. Каждый из перечисленных этапов занял свое место в теории и практике модернизации. Не всегда итоги очередного этапа были положительными, как в случае с левацкими экспериментами «большого скачка» и «культурной революции». Но при этом следует отметить тот факт, что китайская нация и ее правящая прослойка на протяжении жизни одного-двух поколений (с конца 40-х и по ко-

нец 90-х годов) приобрели огромный как позитивный, так и негативный опыт борьбы за ускорение развития производительных сил и социальный прогресс. Это сыграло определенную стабилизирующую роль в китайском обществе в ходе проведения сложного и противоречивого процесса рыночных реформ. Поэтому каждый период в истории КНР, связанный с поиском оптимальной модели модернизации крупнейшего в мире государства, требует своей объективной оценки, базирующейся на совокупности реальных социально-экономических и политических, а в определенные периоды и внешнеполитических факторов, предопределивших выбор того или иного пути модернизации⁵⁶.

Первые попытки модернизации Китая были предприняты в начале второй половины XIX в., когда, потерпев поражение в «опиумных войнах», Китай оказался не в состоянии противостоять агрессии со стороны иностранных держав и предотвратить раздел своей территории на чужеземные сферы влияния и постепенное превращение в полуколонию. В 60–70-е годы XIX в. цинские правители начали проводить «политику самоусиления» с помощью применения передовой европейской науки, техники и вооружения. Несмотря на неудачи, интерес к проблеме модернизации возрастал как в связи с формированием новых общественных слоев, связанных с современными формами экономической и общественной жизни, расширением и развитием национально-революционных сил, так и по мере ознакомления китайской интеллигенции с достижениями западной цивилизации. Не мог не оказать воздействия на умы китайских мыслителей и пример Японии, сумевшей в условиях однотипной культуры в исторически сжатые сроки достичь такого уровня развития своей экономической военно-технической базы, который позволил ее правителям приступить к внешней экспансии и нанести унижительные военные поражения Цинской империи и царской России⁵⁷.

Сунь Ятсен отвергал марксистскую теорию классовой борьбы, учение о диктатуре пролетариата, о природе социальных противоречий, о сущности социальной революции и социалистического строя и до конца жизни оставался противником учения марксизма-ленинизма, хотя и проявлял практический интерес к опыту побе-

дившей в Советской России революции и отдельным аспектам учения марксизма-ленинизма, что нашло отражение и в его внешнеполитической ориентации. Как отмечают китайские исследователи, программа Сунь Ятсена была самой глубокой в то время по уровню понимания сути модернизации, поскольку ее осуществление впервые ставилось в зависимость от свержения феодального политического режима и увязывалось с созданием демократической республики как гарантией проведения политики модернизации, осуществлением демократизации политической системы и решением аграрного вопроса, являвшегося ключевым моментом в модернизации Китая⁵⁸. В 30-е годы Чан Кайши пытался внедрить в Китае «тоталитарную модель модернизации» по образцу фашистской Германии, которая привлекала его тем, что в основе ее лежало отношение к государству как наивысшей субстанции, стоящей над всеми гражданами и имеющей над ними абсолютную власть, олицетворяющую интересы нации. По образцу нацистской партии формировались политические институты, призванные стать опорой и защитой правящего авторитарного режима Гоминьдана, активно пропагандировалась фашистская идеология, были установлены тесные военные связи с Третьим рейхом. Как и в Германии, в гоминьдановском Китае происходило усиление роли государства в экономической жизни страны. В конечном счете Чан Кайши пришлось отказаться от идеи «тоталитарного режима» в силу отличия «внутриполитической обстановки в Китае от внутриполитической обстановки в Италии и Германии». Анализируя причины невозможности использования «тоталитарной» модели, китайский политолог Гуань Хайтин выделяет прежде всего слабую экономическую базу Китая, которую нельзя было быстро модернизировать даже с помощью жесткой политики фашистского государства, а также влияние культурных традиций, конфуцианская гуманистическая основа которых была несовместима с нацистской идеологией⁵⁹. Развивая основные положения политики модернизации китайского типа, Дэн Сяопин, как отмечают китайские исследователи, совершил «прорыв» в традиционных взглядах на соотношение «плановой» и «рыночной» экономики, для которых было характерно абсолютное противопоставление одного другому.

Вместо этого противопоставления Дэн предложил, приняв плановую экономику за основу, «соединить» ее с рыночной экономикой. Он считал необходимым расширять права крупных предприятий, воспитывать управленческих работников, способных «научиться управлять экономикой посредством экономических мер»⁶⁰.

Мы видим, таким образом, что руководство страны, система государственного управления сыграли важнейшую роль в проведении китайских реформ, в их обоснованности и продуманности. Как считает А.В. Виноградов, власть, обеспечивающая достижение целей экономической модернизации, стала важнейшим элементом новой формулы идентичности, воплотив этнокультурные традиции и требования мобилизационности. Связано это с тем, что политическая сила, выполнившая взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, превращается в главную ценность модернизации. Ее политический успех обусловлен тремя факторами. Во-первых, способностью мобилизовать традицию для достижения своих целей, не подчиняясь ей, чего не удалось сделать ни Гоминьдану, слишком рано вновь попавшему под власть традиции, серьезно ограничившей преобразовательные импульсы, ни китайским либералам, отвергавшим ее полностью. Во-вторых, дисциплинированной политической организацией и твердой политической волей, от которых, в конечном итоге, зависит успех мобилизационного развития. В-третьих, вниманием к науке, но не к строгому, догматическому следованию выводам теории, а к ее потенциалу для анализа текущей ситуации и определению новых тенденций развития⁶¹. Одновременно успешное экономическое развитие восточноазиатских стран в конце XX в. создало принципиально новую ситуацию, доказывающую превосходство духовной культуры Востока, способной использовать и развивать достижения западного мира в производстве, торговле и рыночных отношениях, не жертвуя своими традициями. Более того, Китай, несмотря на давление Запада, мобилизовав потенциал социализма и традиционной культуры, нашел перспективное продолжение развития⁶². Вместе с тем, подчеркивает А.В. Виноградов, это порождает особое настороженное внимание к КНР, постепенно занимающей ведущее место в дина-

мично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе. Результаты синтеза культур в азиатских странах, заимствовавших идеологию экономического роста и построивших себя передовыми технологиями, вызывают чувство беспокойства на Западе. Восток по-прежнему воспринимается им в качестве принципиального оппонента, необходимость борьбы с которым остается императивом существования⁶³.

Таким образом, модернизация, осознаваемая Западом как вестернизация и фактически являющаяся неким продолжением политики колониализма и неоколониализма, оборачивается для Запада ответом со стороны Востока, становится уже своим «вызовом-ответом» по Тойнби, воспринимается как угроза его доминированию в мире, а наиболее радикальными кругами зачастую даже и самому существованию западной цивилизации.

¹ Национальная философская энциклопедия // terme.ru/termin/tradicija.html#:~:text=В%20функциональном%20плане%20традиция%20выступает,давность%20и%20укорененность%20в%20культуре.

² Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 81.

³ Федотова В.Г. Новые тенденции в понимании модернизации // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 22–23.

⁴ Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа : Автореферат дис. ... доктора философских наук. Ставрополь, 2003. С. 5.

⁵ Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа : Автореферат дис. ... доктора философских наук. Ставрополь, 2003. С. 5.

⁶ Сергеев В.М., Саруханян С.Н. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 20.

⁷ Матвеев Ю.И. Модернизация: теория и современность // Известия Тул.ГУ. Гуманитарные науки. 2012. 1–1. С. 153–154.

⁸ Национальная философская энциклопедия // terme.ru/termin/modernizacija.html.

⁹ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 119.

¹⁰ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 123–124.

¹¹ См.: Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 87.

¹² См.: Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 81–82.

¹³ Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37.

¹⁴ Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 38.

¹⁵ Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 39.

- ¹⁶ Чабанюк О.В. Идеология модернизации // Вестник Московского университета МВД. 2013. № 1. С. 191.
- ¹⁷ Линник Е.В. Модернизация общества как фактор глобализации: Сравнительный анализ и типологизация : диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2005. С. 48.
- ¹⁸ Линник Е.В. Модернизация общества как фактор глобализации: Сравнительный анализ и типологизация : диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2005. С. 10.
- ¹⁹ Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / В.Б. Власова, Ч. Даргын-Оол, Н.Н. Кобелев и др.; Отв. редактор В.Г. Федотова. М.: Институт философии РАН., 2002. С. 10.
- ²⁰ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты : диссертация ... доктора политических наук. М., 2006. С. 9.
- ²¹ Зимин В.А. Политическая модернизация и ее теории // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 18 (3). С.148.
- ²² Антипов А.Г. Препятствие на пути модернизации «архаичного» российского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 3. С. 99.
- ²³ Вишневский А.Г. Ловушки консервативной модернизации // polit.ru/article/2010/05/20/traps/.
- ²⁴ Матюхин А.В. Теории и особенности политической модернизации в России XIX–XXI вв. : диссертация ... доктора политических наук. М., 2006. С. 28.
- ²⁵ Матюхин А.В. Теории и особенности политической модернизации в России XIX–XXI вв. : диссертация ... доктора политических наук. М., 2006. С. 31.
- ²⁶ Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа : Автореферат дис. ... доктора философских наук. Ставрополь, 2003. С. 16.
- ²⁷ Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 180–181.
- ²⁸ Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 182.
- ²⁹ Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 183.
- ³⁰ Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 184.
- ³¹ Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 185.
- ³² Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 186.
- ³³ Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 188.
- ³⁴ Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 189.
- ³⁵ Фишман Л.Г. Справедливость и модернизация // Антиномии. 2005. № 6. С. 105–106.
- ³⁶ Сергеев В.М., Саруханян С.Н. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 6.
- ³⁷ Сергеев В.М., Саруханян С.Н. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 7.
- ³⁸ Сергеев В.М., Саруханян С.Н. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 8.
- ³⁹ Сергеев В.М., Саруханян С.Н. Модернизация и революция (Турция, Иран и

- арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 9.
- ⁴⁰ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 10.
- ⁴¹ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 11.
- ⁴² *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 19.
- ⁴³ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 20.
- ⁴⁴ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 25–26.
- ⁴⁵ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 30.
- ⁴⁶ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 32.
- ⁴⁷ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 37.
- ⁴⁸ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 38–39.
- ⁴⁹ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 39.
- ⁵⁰ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 39.
- ⁵¹ *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 40.
- ⁵² *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (35). С. 41–42.
- ⁵³ *Селютин А.В.* Бремя модернизации // Территория науки. 2013. № 6. С. 246.
- ⁵⁴ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты : диссертация ... доктора политических наук. М., 2006. С. 16.
- ⁵⁵ *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 5.
- ⁵⁶ *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 5–6.
- ⁵⁷ *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 10.
- ⁵⁸ *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 13.
- ⁵⁹ *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 14.
- ⁶⁰ *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 150.
- ⁶¹ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты : диссертация ... доктора политических наук. М., 2006. С. 267.
- ⁶² *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты : диссертация ... доктора политических наук. М., 2006. С. 276.
- ⁶³ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты : диссертация ... доктора политических наук. М., 2006. С. 11.

АВТОРЫ

Ахмедов Владимир Муртузович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, shamyarabist@gmail.com (Главы 3, 4).

Борисова Екатерина Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, bekatmail@mail.ru (Глава 16).

Гасратян Светлана Манвеловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН, gasratyan_svetlana@mail.ru (Главы 7, 8).

Горбунова Наталья Максовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, nigorbunov@mail.ru (Глава 2).

Замараева Наталья Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, olunja@mail.ru (Главы 14, 15).

Зиганьшин Ринат Махматович — кандидат философских наук, научный сотрудник ИВ РАН, rinatzigan@mail.ru (Глава 21).

Иванова Инесса Ильинична — кандидат исторических наук, доцент МГИМО, iniv2016@mail.ru (Глава 9).

Казарьян Рубен Левонович — кандидат политических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, roubenka@gmail.com (Глава 20).

Кириченко Владимир Павлович — младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, black-whit@yandex.ru (Глава 11).

Койбаев Борис Георгиевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, koibaevbg@mail.ru (Глава 1).

Корнеев Константин Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, korinf2@yandex.ru (Глава 13).

Ледовская Ольга Андреевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, oaled@yandex.ru. (Глава 19).

Мехтиева Сабина Ильгаровна — лаборант-исследователь ЦИО-ПСВ Института востоковедения РАН, mextieva-sabinax@mail.ru (Глава 13).

Милеев Дмитрий Александрович — научный сотрудник Института востоковедения РАН, dim.mil@mail.ru (Предисловие, Глава 17).

Миняжетдинов Ильдар Харрясович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, ildarm6@mail.ru (Главы 5, 6).

Панфиленко Эльвира Николаевна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, eivirabo@mail.ru (Глава 10).

Печищева Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ; научный сотрудник ЦИОПСВ Института востоковедения РАН, mauflower-85@inbox.ru (Глава 13).

Скубко Юрий Сергеевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, yuskubko@yandex.ru (Глава 12).

Устинова Таусия Николаевна — научный сотрудник Института востоковедения РАН, info@vostokoved.ru (Глава 18).

Хазанов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВ РАН (Главы 7, 8).